RENÉ GUÉNON

L'ERREUR SPIRITE

PARIS
Marcel RIVIÈRE, Éditeur
1923

Рене Генон

Заблуждение спиритизма

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. L’erreur spirite (год издания: 1923).

На обложке — первое издание оригинала.

Редакция перевода от 06.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1923_ESP.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Предисловие 7

Часть первая. Необходимые разграничения и уточнения 13

Глава I. Определение спиритизма 15
Глава II. Происхождение спиритизма 25
Глава III. Истоки спиритизма во Франции 41
Глава IV. Современный характер спиритизма 51
Глава V. Спиритизм и оккультизм 73
Глава VI. Спиритизм и психизм 87
Глава VII. Объяснение феноменов 107

Часть вторая. Обзор спиритических теорий 141

Глава I. Разнообразие спиритических школ 143
Глава II. Влияние среды 151
Глава III. Бессмертие и загробная жизнь 165
Глава IV. Представления о загробной жизни 175
Глава V. Общение с умершими 199
Глава VI. Реинкарнация 215
Глава VII. Чудачества приверженцев реинкарнации . . . 247
Глава VIII. Границы экспериментирования 267
Глава IX. Эволюционизм спиритов 297
Глава X. Вопрос о сатанизме 325
Глава XI. Ясновидящие и целители 355
Глава XII. Антуанизм 375
Глава XIII. Пропаганда спиритов 391
Глава XIV. Опасности спиритизма 415

Заключение 429

Предисловие

Обращаясь к вопросу спиритизма, мы сразу же хотим сказать, столь ясно, сколь это возможно, в каком духе мы намереваемся этот вопрос рассматривать. Ему уже посвящено огромное количество работ, и в последнее время их стало много как никогда. Однако мы не считаем, что в них об сказано все, что следовало сказать, и что настоящий труд рискует повторить какой-либо другой. Впрочем, мы не собираемся полностью излагать тему во всех её аспектах, что вынудило бы нас воспроизводить слишком много вещей, которые можно легко отыскать в других работах, и что было бы, следовательно, сколь огромной, столь и бесполезной задачей. Мы предпочитаем ограничится моментами, которые до их пор рассматривались самым неудовлетворительным образом: именно поэтому сначала мы займемся устранением путаницы и недоразумений, которую мы часто имели случай констатировать в этом отношении, а затем, прежде всего, покажем заблуждения, образующие основу учения спиритов, если это вообще можно назвать учением.

Мы полагаем, что было бы затруднительно и к тому же малоинтересно рассматривать вопрос во всей его совокупности с исторической точки зрения. На самом деле, можно написать историю чётко определённой секты, явно представляющей собой организацию или обладающей, по крайней мере, определённой целостностью, но спиритизм представляет собой совсем иной случай. Необходимо отметить, что спириты уже вначале были разделены на несколько школ, число которых впоследствии ещё больше возросло, и они всегда состояли из бесчисленных независимых групп, иногда соперничающих друг с другом. Даже если бы было возможно составить полный список всех этих школ и групп,

скучная монотонность такого перечня, конечно, всё равно бы перевесила его потенциальную пользу. И ещё необходимо добавить, что для того, чтобы называться спиритом, совершенно необязательно принадлежать к какой-либо группе. Достаточно воспринять определённые идеи, сопровождающиеся обычно соответствующими практиками. Много людей занимаются спиритизмом в одиночку или в маленьких группах, не присоединяясь к какой-либо организации, и это не может быть засвидетельствовано каким-либо историком. В этом отношении спиритизм совершенно отличается от теософизма и большинства оккультистских школ. Этот момент не является самым важным среди всех тех, которые его от них отличают, но это следствие некоторых других, менее заметных различий, которые нам ещё предстоит разъяснить. Полагаем, что сказанного нами вполне достаточно для ответа на вопрос, почему мы будем приводить здесь сведения исторического характера только в той мере, насколько они покажутся нам способными облегчить наше изложение, не посвящая им отдельную часть работы.

Другой момент, который мы не намереваемся здесь раскрывать в полном объеме, это изучение феноменов, которые спириты превращают в основу своих теорий, и которым также другие люди, равным образом допуская их реальность, дают, впрочем, совершенно отличную интерпретацию. Мы в достаточной мере выскажемся касательно того, что мы думаем в этом отношении, но более или менее подробное описание этих феноменов так часто давалось экспериментаторами, что было бы совершенно излишне к нему возвращаться. К тому же это не предмет нашего интереса, и мы предпочитаем по этому поводу лишь указать на возможности определённых объяснений, о которых рассматриваемые экспериментаторы, будь то спириты или нет, конечно, не предполагают. Без сомнения, следует отметить, что в спиритизме теория никогда не отделена от экспериментирования, и у нас также нет намерения разделять их целиком в нашем изложении. Но мы утверждаем, что феномены представля-

ют только чисто иллюзорную основу для теорий спиритов и что именно без них не было бы никакого спиритизма. Впрочем, это не мешает нам признать, что, если бы спиритизм был исключительно теорией, он бы был намного менее опасен, чем он является, и он не привлек бы много людей, и мы будем настаивать на этой опасности, тем более, что она составила главный мотив к написанию нами этой книги.

В другом месте мы уже говорили, сколь опасным, на наш взгляд, является распространение этих разнообразных теорий, которые возникли за срок менее столетия и которые можно определить общим термином «неоспиритуализм». Конечно, в наше время есть много других «неправд», с которыми также необходимо бороться, но эти теории обладают совершенно особой природой, что делает их, возможно, более вредоносными и, в любом случае, воздействующими другим образом, чем те, которые принимают обычную форму философской или научной концепции. Всё это, в большей или меньшей мере, представляет собой «псевдорелигию». Это определение, которым мы обозначили теософизм, верно также применить и к спиритизму. Хотя его последнего заявляют свою претензию на «научность» на основании наличия экспериментальной стороны, в которой, как они полагают, они отыскали не только основу, но сам источник своей доктрины, в сущности, спиритизм в своей основе — лишь искажение религиозного духа, соответствующее «сциентистской» ментальности, присущей многим нашим современникам. Тем более, среди всех «неоспиритуалистических» учений, спиритизм, несомненно, является самым распространенным и популярным, и это понятно без труда, так как он представляет собой их самую «упрощенную», мы бы даже охотно сказали, самую грубую форму. Он доступен всем умам, сколь посредственны они не были, и феномены, на которых он основывается или, по крайней мере, самые простые среди них, также могут быть получены кем угодно. Итак, именно на счету спиритизма самое большое количе-

ство жертв, и наносимый вред ещё более возрос за эти последние годы в неожиданных пропорциях вследствие смуты, которую недавние события внесли в умы[A]. Когда мы говорим здесь о вреде и о жертвах, это не простые метафоры: все течения этого рода, и спиритизм ещё более, чем другие, имеют своим результатом необратимое приведение в расстройство множества несчастных, которые бы продолжили жить нормальной жизнью, если бы они не оказались на таком пути. Спиритизм несёт опасность, которой нельзя пренебрегать и на которую, особенно в нынешних обстоятельствах, необходимо своевременно и настойчиво указывать. Эти соображения и побудили нас, в самом широком плане, озаботится тем, чтобы охранить права истины против всех форм заблуждения.

Следует добавить, что мы не намерены ограничиться лишь негативной критикой. Необходимо, чтобы критика, оправданная только что упомянутыми нами причинами, предоставила нам случай изложить в то же самое время некоторые истины. И даже несмотря на то, что по многим вопросам мы будем вынуждены ограничиться достаточно краткими указаниями в установленных нами для себя рамках, тем не менее мы полагаем, что нам будет представляться возможность предугадать таким образом многие оставляемые без внимания вопросы, способные открыть новые пути исследования для тех, кто будет способен оценить их значение. К тому же мы хотим предупредить, что наша точка зрения во многих отношениях весьма отличается от позиции большинства авторов, затрагивавших тему спиритизма, будь то его защитники или противники. Мы всегда основываемся на принципах чистой метафизики, с которой мы познакомились благодаря восточным учениям; мы полагаем, что только таким образом можно опровергнуть полностью некоторые заблуждения, не вставая на их собственный уровень. Нам также слишком хорошо известно, что можно бес-

[A] Первая мировая война и вызванные ей потрясения — прим. пер.

конечно участвовать в философских и даже научных дискуссиях и ничуть не продвигаться вперед. Погружаться в такие споры часто означает лить воду на мельницу своего оппонента, достаточно лишь ему проявить некоторое умение, чтобы увести дискуссию в сторону. Поэтому мы более, чем кто-либо другой, убеждены в необходимости теоретического направления, от которого никогда нельзя отклоняться, и которое одно позволяет без серьёзных последствий касаться определённых вещей. С другой стороны, так как мы хотим держать двери открытыми для любой возможности и выступаем лишь против того, ложность чего нам известна, это направление для нас может относится лишь к сфере метафизики, в том смысле, который, как мы говорили в другом месте, следует придавать этому понятию. Само собой разумеется, из-за этого данный труд не следует рассматривать как чисто метафизический во всех его частях, но мы не побоимся утверждать, что на него больше повлияла подлинная метафизика, чем во всем том, чему философы незаконно придают это название. И пусть никого не пугает это заявление: эта подлинная метафизика, на которую мы указываем, не имеет ничего общего ни с отталкивающими измышлениями философии, ни со всей путаницей, которую она порождает и, в своё удовольствие, поддерживает; к тому же, настоящее исследование в целом не будет обладать строгостью исключительно доктринального изложения. Мы хотим сказать, что неизменно руководствуемся принципами, которые для любого, кто их постиг, обладают абсолютной достоверностью и без которых велик риск заблудиться в тёмных лабиринтах «нижнего мира», печальный пример чего показали нам слишком многие неосторожные исследователи, несмотря на все их научные и философские звания.

Всё это никоим образом не означает, что у нас вызывают неприязнь старания тех, кто придерживается точек зрения, отличных от нашей. Совсем наоборот, мы считаем, что все точки зрения, насколько они являются обоснованными и приемлемыми, могут только сочетаться и дополнять друг

друга. Но следует проводить различия и соблюдать иерархию: частная точка зрения обладает ценностью лишь в ограниченной области, и всегда обладает границами, за пределами которых она перестаёт быть применимой. Именно это слишком часто забывают специалисты экспериментальных наук. С другой стороны, те, кто судит с позиции религии, обладают неоспоримым преимуществом, имея такую теоретическую направленность, о которой мы уже говорили, но которая, учитывая принимаемую ею форму, не является универсально приемлемой. К тому же, хотя её достаточно, чтобы помешать им запутаться, эта направленность не предоставляет им возможность адекватно разрешить все вопросы. Как бы там ни было, перед лицом нынешних событий мы убеждены, что никогда не будут лишними усилия, противостоящие определённым видам разрушительной деятельности, и всякое действие, предпринятое ради этого в верном направлении, будет полезным, будучи, возможно, лучше воспринятым, чем какое-либо другое, связанное с той или иной отдельной сферой. И выражаясь языком, который некоторые поймут, скажем ещё, что никогда не будет лишним свет, призванный рассеять все эманации «Тёмного спутника»[Б].

[Б] «Тёмный спутник» (*Satellite sombre*) — термин из учения «Герметического братства Луксора» (*Hermetic Brotherhood of Luxor, H. B. of L.*) — оккультной организации, действовавшей в Англии и Франции с 1880-х гг. и хорошо известной Генону (её официальным представителем во Франции был Ф.-Ш. Барле). В книге секретаря этого ордена Т. Х. Бёргойна «Свет Египта» (*The Light of Egypt*, 1889, переведена на русский в 1910 г.) так назван невидимый «тёмный» спутник Земли, понимаемый как средоточие низших психических (животных) сил и источник извращающих влияний, питающих чёрную магию и всякую подделку духовности; с ним связывались так называемые «чёрные ложи» — прим. М. Маковчика.

Часть первая. Необходимые разграничения и уточнения

Глава I. Определение спиритизма

Поскольку мы намереваемся сперва отделить спиритизм от многого другого, с чем его так часто путают, хотя у них мало общего, необходимо начать с точного определения. На первый взгляд кажется, что можно это определение выразить в следующих словах: сущность спиритизма заключается в допущении признании общения с умершими — именно в этом обязательно сходятся все школы спиритизма, каковыми бы ни были их теоретические расхождения по другим более или менее важным вопросам, по отношению к этому положению эти вопросы выглядят всегда второстепенными. Но этого недостаточно: основополагающий постулат спиритизма состоит в том, что общение с умершими является не только возможностью, но реальностью; те, кто лишь допускает возможность, не являются настоящими спиритами. Правда, то, что в этом последнем случае невозможно полностью опровергнуть учение спиритов, что уже важно. Так как мы покажем это впоследствии, общение с умершими, такое, каким они его понимают, совершенно невозможно, и что лишь так можно отвергнуть все их претензии полным и окончательным образом. Помимо этой позиции, возможны только более или менее неприятные компромиссы, и когда становишься на путь уступок и соглашений, трудно знать, где остановиться. Подтверждением этого мы имеем то, что случилось с некоторыми, а именно с теософистами и оккультистами, которые бы энергично запротестовали и, впрочем, вполне справедливо, если бы их назвали спиритами, но которые по различным причинам допускали, что общение с умершими могло по-настоящему иметь место более или менее в редких и исключительных случаях. Признать это означает в итоге допустить, что гипотеза спиритов

верна, но последние не удовлетворяются этим и утверждают именно, что это общение производится, так сказать, будничным образом на всех их сеансах, а не только в одном случае на сто или тысячу. Стало быть, для спиритов достаточно оказаться в определённых условиях, чтобы вступить в подобное общение, которое они, таким образом, рассматривают не как что-то чрезвычайное, а как обычное и нормальное явление. Именно это уточнение надлежит включить в само определение спиритизма.

Есть и кое-что ещё: до сих пор мы говорили об общении с умершими очень неопределённым образом, но сейчас следует уточнить, что для спиритов это общение осуществляется при помощи материальных средств. Это ещё один момент, который совершенно важен, чтобы отличить спиритизм от некоторых других учений, в которых допускается только мысленное, интуитивное общение, нечто вроде вдохновения. Спириты также, без сомнения, допускают подобное, но это не есть то, чему они придают наибольшую важность. Мы обсудим этот момент позже и можем сразу сказать, что подлинное вдохновение, которое мы вовсе не отрицаем, на деле имеет совершенно другой источник; но такие представления являются, несомненно, менее грубыми, чем собственно, представления спиритов, и возражения, которые они вызывают, немного другого порядка. Как собственно принадлежащую спиритам мы рассматриваем идею, что «духи» воздействуют на материю, что они производят такие физические феномены, как перемещение предметов, постукивания и другие различные звуки и так далее. Мы приводим здесь только самые простые и общие примеры, которые также являются самыми показательными. Впрочем, надо добавить, что это воздействие на материю, как предполагается, осуществляется не прямо, но через посредничество живого человеческого существа, наделенного особыми способностями, которое благодаря этой посреднической роли именуется «медиумом». Трудно точно определить природу «медиумических» или «медианимических» способностей и по

этому поводу существуют разные мнения. Кажется, что чаще всего их относят к сфере физиологии или, если угодно, психофизиологии. Сразу заметим, что введение этого посредника не отменяет трудностей: на первый взгляд, не кажется, что «духу» легче воздействовать непосредственно на организм живого существа, чем на какой-либо неодушевленный предмет, но здесь вмешиваются немного более сложные соображения.

«Духи», вопреки данному им названию, не рассматриваются как чисто нематериальные существа. Напротив, утверждают, что они облачены в что-то наподобие оболочки, которая, будучи слишком тонкой, чтобы естественным образом восприниматься органами чувств, тем не менее представляет собой материальный организм, настоящее тело, обозначаемое скорее варварским названием «перисприт». Если дело обстоит таким образом, то можно спросить, отчего этот организм не позволяет «духам» прямо воздействовать на неважно какую материю и почему им необходимо прибегать к услугам медиума? По правде говоря, у спиритов в этом мало логики, или если «перисприт» сам не способен воздействовать на воспринимаемую органами чувств материю, то также дело должно обстоять с соответствующим элементом, которым обладает медиум или любое другое живое существо, и тогда этот элемент ничем не может помочь в производстве феноменов, об объяснении которых идёт речь. Естественно, мы довольствуемся тем, что мимоходом укажем на эти трудности, которые надлежит разрешить спиритам, если они в состоянии это сделать. Было бы бесполезно продолжать обсуждение этих особых моментов, потому что существует много более лучших возражений против спиритизма, и для нас именно не этим образом должен ставится вопрос. Однако мы полагаем полезным немного остановиться на том, как спириты вообще рассматривают строение человеческого существа и сразу привести, чтобы отбросить всякую двусмысленность, наши возражения против этой концепции.

Современные западные люди имеют привычку представлять строение человека в столь упрощенной и уменьшенной форме, сколь это возможно, потому что они выделяют только два элемента, один из которых тело, а второй, не делая различий, называется душой или духом. Мы говорим, современные западные люди, потому что, по правде говоря, эта дуалистическая теория утвердилась окончательно только со времен Декарта. Мы не можем здесь взяться за изложение, даже краткое, истории этого вопроса, мы скажем только, что в былые времена представления о душе и теле вовсе не допускали их полного антагонизма, делающего их союз понастоящему необъяснимым и также даже и на Западе существовали представления менее «упрощенные» и более близкие к представлениям обычных людей, для которых человеческое существо представляет собой намного более сложное целое. И ещё в большей степени они были далеки тогда от той последней степени упрощения, которую представляют материалистические теории, имеющие более недавнее происхождение, чем все прочие, согласно которым человек вовсе не является чем-то сложным, потому что он сводится к единственному элементу, к телу. Среди старинных представлений, на которые мы только что указали, можно было отыскать немало таких, которые не восходят к античности и берут своё начало только со времени средних веков и согласно которым человек состоит из трёх элементов, с различением души и духа. Впрочем, существует некоторая нечёткость в использовании этих двух терминов, но душа чаще всего оказывается средним элементом, которому отчасти соответствует то, что некоторые современные люди назвали «жизненным принципом», в то время как лишь дух оказывается в таком случае подлинной, постоянной и не подверженной гибели сущности. Именно эту тройственную концепцию оккультисты или, по крайней мере, большинство среди них захотели обновить, введя в неё к тому же особую терминологию. Но они ничуть не поняли её истинный смысл и своим несерьёзным подходом лишили её всякого значения: таким

образом, они превращают средний элемент в тело, «астральное тело», странным образом напоминающее «перисприт» спиритов. Все теории этого рода ошибаются, в сущности являясь лишь нечто вроде перенесения материалистических представлений. Этот «неоспиритуализм» кажется нам скорее расширенным материализмом и ещё это расширение само носящим слегка обманчивый характер. Это больше всего сближает эти теории, и, вероятно, следует искать их истоки в «виталистских» концепциях, сводящим средний элемент строения человека к единственной роли «жизненного принципа», чьё существование допускается лишь для того, чтобы объяснить, как дух может двигать тело, с позиции картезианской гипотезы эта проблема неразрешима. Витализм, поскольку он неверно ставит вопрос и является в сущности лишь физиологической теорией, становится на весьма особую точку зрения, уязвимую для простейшего возражения: если допустить, как Декарт, что природа духа и природа тела не имеют ни малейшей точки соприкосновения, то тогда оказывается невозможным, что между ними существовал бы посредник или средний элемент; или если, напротив, допустить, как древние, что между ними существует определённое родство природы, то тогда посредник становится ненужным, так как этого родства достаточно для объяснения того, что одно может воздействовать на другое. Это возражение ценно против витализма и также против «неоспиритуалистических» представлений, поскольку они происходят из витализма и принимают его точку зрения. Но, конечно, оно не относится к представлениям, приверженцы которых смотрят на вещи совершенно с других углов зрения, эти представления намного предшествуют картезианскому дуализму и, следовательно, совершенно чужды порожденным им проблемам. Согласно этим представлениям, человек является сложным существом, что соответствует настолько точно, насколько это возможно, реальности, а не предлагает гипотетическое решение сложной проблемы. К тому же с разных точек зрения можно выделить в челове-

ческом существе более или менее большое число разделений и подразделений, и при этом подобные представления сохраняют свою совместимость. Принципиально важно не разделять это человеческое существо на две половины, которые, как кажется, не имеют между собой никакой связи, и не стремиться также после разделения объединять эти две половины посредством третьего элемента, чью природу в этих условиях даже невозможно себе представить.

Теперь мы можем вернуться к концепции спиритов, которая является трехкомпонентной, потому что оно различает дух, «перисприт» и тело. Может казаться, в некотором смысле она превосходит представления современных философов в том, что допускает присутствие ещё одного элемента, но это превосходство является только кажущимся, потому что манера, в которой рассматривается этот элемент, не соответствует действительности. Впоследствии мы вернёмся к этому, но есть и другой момент, на который, не имея возможности в данное время целиком его рассмотреть, мы хотим обратить внимание, и этот момент заключается в следующем: если теория спиритов уже весьма неточна в том, что касается строения человека при жизни, она совершенно неверна, когда речь заходит о состоянии этого же самого человека после смерти. В сущности, мы затрагиваем здесь вопрос, чьё рассмотрение намереваемся оставить на потом, но мы можем в двух словах сказать, что заблуждение заключается, прежде всего, в следующем: согласно представлениям спиритов, якобы после смерти ничего не меняется, если только тело исчезает, или скорее оно отделяется от двух других элементов, которые остаются, соединены друг с другом, как и прежде. Другими словами, умерший якобы отличается от живого только тем, что у него на один элемент меньше, то есть у него отсутствует тело. Понятно без труда, что такие представления необходимы, чтобы можно было допустить общение между живыми и мёртвыми, и также устойчивое существование «перисприта», материального элемента, не менее необходимо, чтобы это общение могло иметь место

при помощи равным образом материальных средств. Между этими различными положениями этой теории есть определённая логическая связь, но гораздо менее понятно, почему присутствие медиума в глазах спиритов составляет необходимое условие для производства феноменов. Повторим, мы не видим причины, почему, если допустить правоту гипотезы спиритов, «дух» якобы действует лишь посредством чужого «перисприта», а не своего собственного. Или же, если смерть вызывает изменения в «перисприте» таким образом, что лишает его определённых способностей к действию, то возможность общения вообще ставится под сомнение. Как бы там ни было, спириты так настаивают на роли медиума и придают ей такую важность, что можно без преувеличения сказать, что они превращают её в одно из основных положений своей доктрины.

Мы никоим образом не оспариваем реальность способностей, именуемых «медиумическими», и наша критика относится только к интерпретации, которую им дают спириты. К тому же, не являющиеся спиритами экспериментаторы не видят никакого неудобства в том, чтобы использовать слово «медиумичность», просто для того, чтобы их понимали, следуя установившейся традиции, хоть это слово и не имеет в таком случае первоначального оправдания своего существования, а стало быть, мы продолжим также употреблять этот термин. С другой стороны, когда мы заявляем, что нам совсем непонятна роль, приписываемая медиуму, то хотим сказать, что именно встав на точку зрения спиритов, мы её не понимаем, по крайней мере, помимо некоторых определённых случаев: без сомнения, если «дух» хочет совершить такие или такие-то действия, например, если он хочет говорить, он сможет сделать это, лишь овладев органами живого существа, но это не то же самое, когда медиум только предоставляет «духу» определённую, с трудом поддающуюся определению силу, которой даются разные названия: сила неврическая, одическая, эктеническая и много других. Чтобы избежать возражений, которые мы приводили преж-

де, необходимо допустить, чтобы эта сила лишь является составной частью «перисприта», и что она, существуя лишь в живом организме, имеет скорее физиологическую природу. Мы не спорим с этим, но «перисприт», если «перисприт» существует, должен пользоваться этой силой, чтобы воздействовать на воспринимаемую чувствами материю, и тогда можно задаться вопросом, в чём заключается его собственная польза, не учитывая того, что введение этого нового посредника далеко не упрощает вопрос. Наконец, кажется, что необходимо или принципиально отличать «перисприт» от неврической силы, или просто напрочь отрицать существование первого, чтобы оставить лишь второе, или отказаться от любого вразумительного объяснения. Тем более, если неврической силы достаточно для объяснения всего, что и согласуется лучше, чем любое другое предположение, с медиумической теорией, существование «перисприта» оказывается только совершенно необоснованной гипотезой. Но никакой спирит не согласится с этим выводом, тем более что за неимением каких-либо других соображений, данное заключение уже ставит под сомнение участие мёртвых в феноменах, которые, оказывается, много проще объяснить некоторыми более или менее исключительными качествами живого организма. Впрочем, с точки зрения спиритов в этих качествах нет ничего необычного, они присущи каждому человеческому существу, по крайней мере, в латентном состоянии, но редко бывает, что эти качества достигают степени, достаточной для производства очевидных феноменов, и медиумы в собственном смысле этого слова это индивиды, относящиеся к этому последнему случаю, чьи способности развились спонтанно или благодаря особым упражнениям, к тому же эта редкость является только относительной.

Теперь, есть и ещё один момент, на котором мы считаем полезным остановиться: когда говорят об «общении с умершими», используют выражение, двусмысленность которого не подозревают, конечно, многие люди, начиная с самих спиритов. Если в действительности вступаешь с кем-либо

в общение, то какова в точности его природа? Спириты крайне просто отвечают на этот вопрос: тех, с кем они общаются, они неправильно называют «духами». Мы говорим, неправильно, по причине присутствия предполагаемого «перисприта». Такой «дух» тождественен точно такому же человеческому индивиду, который ранее жил на земле, и если не считать, что ныне он «развоплощён», то есть, лишён своего видимого и осязаемого тела, он остался абсолютно таким же, каким он был все время своей земной жизни, или скорее таким, каким бы он был, если бы продолжил жить до сих пор. Одним словом, это настоящий человек, который «выжил» и который проявляет себя в феноменах спиритизма. Но мы сильно удивим спиритов и, без сомнения, и большинство их противников, сказав, что сама простота этого ответа совершенно неудовлетворительна. Что касается тех, которые поняли сказанное нами относительно строения человека и его сложности, они поймут также и взаимосвязь, существующую между этими двумя вопросами. Претензия на общение с умершими в только что описанном нами духе является чем-то совершенно новым, и она представляет собой один из элементов, придающих спиритизму специфически современный характер. Если в былые времена также говорили об общении с умершими, то имели в виду нечто совершенно иное. Мы хорошо знаем, что это покажется весьма необычным огромному большинству наших современников, но, однако, это так. Впоследствии мы поясним это утверждение, но мы хотели сформулировать его перед тем, как идти дольше, потому что без него определение спиритизма так и осталось бы неопределённым и неполным, хотя многие могут не заметить этого, и также, потому что именно невежество в этом вопросе не позволяет видеть в спиритизме доктрину совершенно недавнего изобретения, каковой он и является в действительности.

Глава II. Происхождение спиритизма

Точной датой возникновения спиритизма является 1848 год. Необходимо отметить эту дату, потому что различные особенности теорий спиритов отражают особую ментальность эпохи их возникновения, и потому что именно в подобные смутные времена, скорее всего, благодаря расстройству умов появляются и получают развитие феномены этого рода. Обстоятельства, сопровождающие возникновение спиритизма, достаточно хорошо известны и о них неоднократно рассказывалось, поэтому будет достаточно вкратце их напомнить, останавливаясь только на моментах, которые являются особенно поучительными и которые, возможно, менее всего отмечались.

Известно, что родиной спиритизма, как и многих других аналогичных движений, является Америка. Появление первых феноменов относится к декабрю 1847 г., а случилось это в Гайдсвилле в штате Нью-Йорк, в доме, в котором поселилась семья Фокс. Фокс происходили из Германии и первоначально звались Восс. Если мы упоминаем немецкое происхождение этой семьи, то дело в том, что если однажды захотят полностью установить реальные причины происхождения движения спиритов, то не лишним будет направить определённые исследования в сторону Германии, и мы скоро объясним, почему. К тому же, кажется, что семья Фокс играла в этом деле, по крайней мере, в начале, сугубо невольную роль, и что даже впоследствии её члены были только пассивными орудиями в руках некоей силы, каковыми являются все медиумы. Как бы там ни было, в феноменах, о которых идёт речь и которые заключались в различных шумах и в перемещении предметов, не было, в общем, ничего нового и необычного. Они напоминали те, которые во все

времена наблюдались в местах, называемых «неспокойными домами». Но новым была извлечённая из этого в дальнейшем польза. По прошествии нескольких месяцев появилась идея задать таинственному стучащему существу несколько вопросов, и оно на них правильно ответило. Вначале у него спрашивали только числа, на которые он указывал чередой постоянных постукиваний. И именно квакеру по имени Исаак Пост пришло в голову называть буквы алфавита, приглашая духа определить стуком те, из которых складывались слова, которые он хотел произнести, и таким образом он изобрел средство общения, названное *spiritual telegraph*. Дух заявил, что он был неким Чарльзом Б. Росна, торговцем при жизни, убитым в этом доме и закопанным в погребе, где действительно были найдены останки. С другой стороны, было замечено, что феномены происходят, прежде всего, в присутствии девиц Фокс, и именно так произошло открытие феномена медиумичности. Среди посетителей, количество которых все более увеличивалось, находились такие, которые стали считать, верно, или ошибочно, что обладают такой же способностью. С того времени берёт своё начало *modern spiritualism*, как его называли вначале. Это первое наименование, в общем, было самым точным, но ради сокращения в англосаксонских странах чаще всего стали употреблять слово *spiritualism* без эпитета. Что касается термина «спиритизм», то он был чуть позже изобретен во Франции.

Вскоре стали образовываться группы или *spiritual circles*, в которых появилось множество новых медиумов. Согласно принимаемым в них «сообщениям» или «посланиям», появление этого спиритического движения, имевшего своей целью установление постоянных отношений между обитателями двух миров, было подготовлено «духами» учёных и философов, которые во время своего земного существования особо занимались исследованиями электричества и различных других невесомых флюидов. Во главе этих «духов» оказался Бенджамин Франклин, который, как утверждают, ча-

сто давал указания касаемо развития и усовершенствования средств общения между живыми и умершими. С самого начала ухитрились отыскать с помощью «духов» самые удобные и самые быстрые средства: отсюда вращающиеся и стучащие столики, затем алфавитные циферблаты, карандаши прикрепленные к корзинкам или движущимся дощечкам, и другие схожие инструменты. Эксплуатация имени Бенджамина Франклина, кроме того, что это было достаточно естественным в американской среде, является весьма показательной в свете некоторых тенденций, которые будут утверждаться в спиритизме. Сам Франклин был, конечно, здесь ни при чём, но приверженцы нового движения не могли, по правде говоря, придумать ничего лучшего, чем избрать покровительство этого «моралиста» самой немыслимой банальности. И на эту тему необходимо сделать ещё одно замечание: спириты унаследовали кое-что из некоторых теорий, имевших хождение в конце XVIII в., эпохи, когда царила мания говорить о «флюидах» по любому поводу. Гипотеза о «флюиде электричества», сегодня давно отвергнутая, служит образцом многих других концепций, и «флюид» спиритов так напоминает «флюид» гипнотизёров, что месмеризм, оставаясь весьма далёким от спиритизма, в некотором смысле может рассматриваться как один из его предшественников, внесший в определённой степени вклад в подготовку его появления.

Семья Фокс, члены которой считали себя отныне облаченными особой миссией распространения знаний о «спиритуалистических» феноменах, была изгнана из Методистской епископальной церкви, к которой она принадлежала. Впоследствии она обосновалась в Рочестере, где феномены продолжились, и сначала она была объектом враждебности для большой части населения. Даже разразился настоящий бунт, в ходе которого членов этой семьи чуть не избили, и их спасло лишь вмешательство квакера Джорджа Виллетса. Как мы видим, это второй случай, когда квакер сыграл роль в этой истории, и это, без сомнения, объясняется неко-

торыми сходными чертами, которые, бесспорно, объединяют эту секту со спиритизмом: мы намекаем не только на «гуманитарные» устремления, но и также на странное «влияние», проявляющееся на собраниях квакеров и дающее о себе знать в тряске, которой они и обязаны своим названием. Здесь есть нечто, что странным образом напоминает некоторые медиумические феномены, хотя истолкование их, конечно, другое. В любом случае, понятно, что существование сект наподобие секты квакеров могло поспособствовать подготовке общественного сознания к принятию первых «спиритуалистических» проявлений[1]. Возможно, в XVIII в. подобная связь была между подвигами бьющихся в судорогах янсенистов и успехом «животного магнетизма»[2].

Вышесказанное в основном взято из рассказа американского автора, рассказа, более или менее точным воспроизведением которого впоследствии довольствовались все прочие. Между тем, любопытно, что этим автором, ставшим историком начального периода *modern spiritualism*[3], является г-жа Эмма Гардинг-Бриттен, которая была членом тайного общества, обозначаемого инициалами ГБЛ (*Hermetic Brotherhood of Luxor*), о котором мы уже говорили в другом месте, когда речь шла о возникновении Теософского общества. Мы полагаем, что этот факт заслуживает внимания, потому что ГБЛ, явно не принимая теорий спиритизма, тем не менее, утверждало, что имеет самое прямое отношение к созданию этого движения. Согласно учению ГБЛ, первые «спиритуалистические» феномены были вызваны вовсе не «духами» умерших, а действующими на расстоянии живыми людьми при помощи средств, известных лишь некоторым посвящённым, и эти посвящённые якобы являются как раз

---

[1] По достаточно любопытному совпадению основателя секты квакеров, жившего в XVII в., звали Джордж Фокс. Утверждают, что он, также как и некоторые из его непосредственных учеников, обладал способностью исцелять больных.

[2] Чтобы объяснить случай «трясунов», Аллан Кардек кроме гипноза приписал его действию «духов низшей природы» (*Le livre des Esprits*, стр. 210-212).

[3] *History of modern american spiritualism*, 1869.

членами «внутреннего круга» ГБЛ. К несчастью, трудно проследить историю этой организации ранее чем 1870 г., то есть именно того года, когда Гардинг Бриттен опубликовала книгу, о которой мы только что говорили (книгу, в которой, конечно, не делается никаких намёков на то, о чём сейчас идёт речь). Вот почему некоторые полагали возможным утверждать, что несмотря на свои претензии на большую древность, ГБЛ возникло только почти в наше время. Но, даже если это было бы правдой, это являлось бы таковой лишь в отношении формы, в которой облеклась деятельность ГБЛ. В конце концов, в любом случае, оно собрало наследие различных других организаций, вне всякого сомнения, существовавших до XIX в., таких как «Братство Июля», которым руководил, по крайней мере, внешне, Паскаль Беверли Рэндольф, весьма загадочная личность, который умер в 1875 г. В сущности, не так уж и важны название и форма деятельности организации, которая возможно, действительно принимала участие в событиях, о которых мы только что напомнили. И нам следует сказать, что утверждение ГБЛ само по себе и независимо от обстоятельств кажется нам, по крайней мере, весьма правдоподобным, и мы попытаемся объяснить причины этого.

Для этого нам не кажется неуместным сформулировать некоторые общие замечания в отношении «неспокойных домов» или того, что некоторые предлагали называть «роковыми местами». Факты этого рода совсем не редки, и они были известны во все времена. Примеры этого обнаруживаются в древности, также как и в средние века и в нашу эпоху, как это подтверждает информация, сообщаемая в письме Плиния Младшего. Между тем, происходящие в подобном случае феномены предлагают совершенно замечательное постоянство. Они могут различаться по своей яркости и сложности, но при этом носят определённые характерные черты, обнаруживающиеся всегда и повсюду. К тому же, случай Гайдсвилля не следует, конечно, рассматривать в числе самых примечательных, так как здесь были засвидетель-

ствованы самые простые из этих феноменов. Надлежит различать, по крайней мере, два главных случая: в первом (а это и есть случай Гайдсвилля, если рассказанное нами является правдой) речь идёт о месте, где кто-либо погиб насильственной смертью и где, к тому же, осталось спрятанным тело жертвы. Если мы указываем на сочетание этих двух условий, то дело в том что, для древних производство феноменов было связано с фактом, что жертва не удостоились постоянного погребения, сопровождаемого определёнными обрядами, и что лишь совершая эти обряды после обнаружения трупа можно заставить феномены прекратиться. Именно это можно прочитать в рассказе Плиния Младшего, и здесь есть нечто, что заслуживало бы внимания. По этому поводу было бы очень важно определить в точности, чем являлись «маны» для древних, и также что они понимали под различными другими терминами, которые никоим образом не являлись синонимами, хотя современные люди почти не умеют проводить между ними различия. Исследования в этой сфере могли бы совершенно неожиданным образом прояснить вопрос об эвокациях, к которому мы позже вернёмся. Во втором случае речь не идёт о явлениях умершего или скорее, чтобы не выяснять требующего специального рассмотрения вопроса, чего-то, что берёт начало от умершего. Здесь, напротив, принимают за факт действия живого человека. В нынешние времена есть типичные примеры этого, которые были тщательно зафиксированы со всеми подробностями, и наиболее часто упоминаемый из них и ставший классическим в некотором роде представлен явлениями, происходившими у кюре Сидевиля в Нормандии с 1849 по 1851 гг., то есть чуть позже после событий в Гайдсвилле, в то время как последние были ещё почти неизвестны во Франции[4]. В данном случае, скажем прямо, имели место явные

[4] О происшествиях в Сидевиле сообщил в 1853 г. являвшийся их очевидцем Эд де Мирвиль в книге: *Des esprits et de leurs manifestations fluiques*, где также указывается на несколько подобных случаев. За этой книгой последовало ещё пять других, посвящённых тем же самым вопросам.

случаи колдовства, которые никоим образом не представляют интереса для спиритов, за исключением того, что кажутся подтверждением теории медиумичности, понимаемой в достаточно широком смысле: необходимо, чтобы колдуну, желающему отомстить жителям дома, случилось дотронуться до одного из них, который отныне станет его бессознательным и невольным орудием и будет служить, так сказать, «поддержкой» для действия, которое с тех пор сможет осуществляться на расстоянии, но только в присутствии этого пассивного «субъекта». Это не медиум в том смысле, в котором его понимают спириты, потому что действия, средством которых он выступает, имеют другое происхождение, но некоторая аналогия прослеживается и, по крайней мере, можно предположить, не делая чрезмерных уточнений, что силы того же самого порядка вовлечены в игру во всех этих случаях. Именно это утверждают современные оккультисты, исследовавшие эти явления и, надо сказать, в большей или меньшей степени находящиеся под влиянием теории спиритов. На самом деле, с тех пор как существует спиритизм, когда где-либо обнаруживается неспокойный дом, в силу предвзятой идеи начинают искать медиума и в конце концов охотно всегда находят одного или даже нескольких. Мы не хотим сказать, что это было всегда неправильно, но есть также многочисленные примеры целиком пустынных мест и покинутых домов, где феномены «беспокойства» происходили в отсутствие какого-либо человеческого существа, и нельзя утверждать, что случайные свидетели, наблюдавшие их зачастую, лишь издали, играли в данных случаях роль медиумов. Мало вероятно, что законы, в соответствии с которыми действуют определённые силы, какими бы они ни были, поменялись. А значит, мы вопреки мнению оккультистов полагаем, что присутствие медиума не всегда является необходимым условием и что здесь, как и в других случаях, следует опасаться предрассудков, могущих исказить результаты наблюдений. Мы добавим, что «беспокойство» без медиума принадлежит к первому из выделенных двух случаев.

У колдуна не было бы никакой причины браться за необитаемое место, и к тому же возможно, что для своей деятельности он имел потребность в условиях, которые совершенно не требовались для самопроизвольно происходящих феноменов, в то время как эти феномены и с одной стороны и с другой с виду мало отличимы друг от друга. В первом случае, когда имеет место настоящее «беспокойство», производство феноменов привязано к самому месту, где случилось преступление или несчастный случай и где определённые силы постоянным образом присутствуют в концентрированной форме. А стало быть, именно на этом месте в таком случае наблюдателям следовало бы преимущественно сосредоточить своё внимание. Нет ничего невозможного в том, что действие сил, о которых идёт речь, становится иногда ещё более мощным в присутствии людей, наделенных определёнными способностями. Возможно, именно таким образом и обстояло дело в Гайдсвилле, если всё же допустить, что факты были сообщены в точности, в чём у нас, впрочем, нет особых оснований сомневаться.

В этом случае, который кажется объяснимым «чем-то», что мы не определили, и что происходит от умершего, но что, конечно, не является его духом, если под духом понимать высшую часть существа, должно ли это объяснение исключить любую возможность вмешательства живых людей? Мы не считаем это обязательным и не видим, отчего ранее существовавшая сила не могла бы быть управляема и используема некоторыми людьми, которым известны её законы. Кажется скорее, что это должно быть относительно более легким, чем действовать там, где ранее не существовало никакой силы этого рода, что, однако и делает простой колдун. Естественно, следует предположить, что «адепты», если использовать ставший достаточно распространенным термин розенкрейцеров, или посвящённые высокой ступени располагают средствами действия, превосходящими средства колдунов и к тому же весьма отличными от них, не говоря о цели, которую они себе ставят. В этом последнем от-

ношении следовало бы заметить также, что могут иметься посвящённые многих видов, но в данный момент мы рассматриваем самый общий случай. В странной речи, которую она произнесла в 1898 г. перед собранием спиритов (длинную цитату, из которой мы привели в нашей истории теософизма[5]), г-жа Анни Безант утверждала, что «адепты», вызвавшие появление «спиритуалистского» движения, воспользовались «душами умерших». Так как она ставила своей целью попытку сближения со спиритами, кажется, что она с большей или меньшей долей искренности использовала это выражение «души умерших» в том смысле, который они в него вкладывают. Но мы, не имея никакого тайного «политического» намерения, вполне можем понимать его совершенно другим образом, как обозначающее просто то «нечто», о котором мы ранее говорили. Нам кажется, что эта интерпретация намного лучше, чем какая-либо другая, соответствует тезису ГБЛ. Конечно, это не самое важное для нас, но эта констатация побуждает нас думать, что члены организации или, по крайней мере, её руководители по-настоящему знали, как им быть по этому вопросу. В любом случае, они знали это, конечно, лучше, чем г-жа Безант, чьё мнение, несмотря на исправление, которое она внесла, не было намного более приемлемо для спиритов. К тому же, мы полагаем, что в данном случае желание «адептов» в строгом смысле этого слова вмешаться преувеличено, но повторим, что возможно, что посвящённые, какими бы они ни были, вызвали феномены в Гайдсвилле, воспользовавшись благоприятными условиями, которые они там обнаружили, или же они, по крайней мере, придали определённую четкую направленность этим феноменам, после того как они начали происходить. Мы ничего не утверждаем в этом отношении, но только говорим, что в этом нет ничего невозможного, хотя некоторые могут так считать. Однако мы до-

[5] Речь, произнесенная на Спиритуалистическом конгрессе, который состоялся в Лондоне 7 апреля 1898 г.: «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 133-137.

бавим, что есть и ещё одна гипотеза, которая может показаться более простой, что не обязательно означает её большей достоверности: возможно, что агенты заинтересованной организации, будь ли то ГБЛ или какая-либо другая, довольствовались тем, что извлекли выгоду из произошедшего, чтобы создать «спиритуалистское» движение, действуя посредством чего-то вроде внушения на жителей и гостей Гайдсвилля. Эта последняя гипотеза представляет для нас минимум вмешательства, и необходимо принять, по крайней мере, этот минимум, так как без этого не было бы никакой правдоподобной причины для того, чтобы случай Гайдсвилля имел последствия, которые никогда не имели другие аналогичные случаи, происходившие ранее. Если бы такой случай сам по себе явился бы условием, необходимым для появления спиритизма, он, бы, конечно, произошел бы в намного более отдалённую эпоху. Впрочем, мы почти не верим в возможность самопроизвольного появления движений, будь ли то в политической сфере или в религиозной или в той достаточно плохо поддающейся чёткому определению области, которой мы сейчас занимаемся. Всегда необходим толчок, хотя люди, становящиеся впоследствии видимыми главами движения, могут в такой же мере ничего не знать о его происхождении, что и все остальные. Но весьма трудно сказать в точности, каким образом все происходит в случае этого рода, так как очевидно, что эта сторона событий не получает отражения на страницах протоколов, и именно поэтому историки, которые хотят во что бы то ни стало опираться лишь на письменные документы, не имеют никакого представления об этом и предпочитают это просто-напросто отрицать, в то время как, возможно, именно это является самым важным. Эти последние размышления имеют в наших представлениях очень общее значение. Мы ограничимся этим, чтобы чересчур сильно не отклонятся от темы и без промедления вернёмся к тому, что особо касается происхождения спиритизма.

Мы упоминали, что случаи, подобные случаю Гайдсвилля, происходили и в более ранние времена. Самый похожий из всех имел место в 1762 г. в Диббельсдорфе в Саксонии, где «стучащий призрак» точно таким же образом отвечал на задаваемые ему вопросы[6]. Если бы не понадобилось ничего другого, спиритизм вполне мог возникнуть при данных обстоятельствах, тем более что событие имело достаточный отклик, чтобы привлечь внимание властей и ученых. С другой стороны, за несколько лет до возникновения спиритизма д-р Кернер опубликовал книгу, посвящённую случаю «ясновидицы из Префорста», г-жи Хауфе, вокруг которой происходили многочисленные феномены такого же рода. Отметим, что этот случай, как и предшествующий, имел место в Германии и, хотя были таковые во Франции и других странах, это одна из причин, по которой мы указали на немецкое происхождение семьи Фокс. По этому поводу интересно указать на другие сходные моменты: во второй половине XVIII в. Некоторые ветви высокой немецкой масонерии в особенности практиковали эвокации. Самой известной историей из этой области является история Шрёпфера, покончившего с собой в 1774 г. Тогда говорили не о спиритизме, но о магии, что совершенно разные вещи, как мы поясним впоследствии. Но тем не менее правда, что практики этого рода, будучи популяризированы, могли бы предопределить появление движения наподобие движения спиритов из-за ложных представлений, которые бы широкая общественность неизбежно себе составила на эту тему. Несомненно, что также в Германии с начала XIX в. существовали другие тайные общества, не имевшие масонского характера и наряду с гипнозом также занимавшиеся магией и эвокациями. Между тем, ГБЛ или то, чему эта организация пришла на смену, как раз поддерживали отношения с некоторыми из этих организаций. На этот последний момент можно обнаружить указания в анонимном труде под названием

[6] Сообщение об этом происшествии, согласно современным документам, было опубликовано в *Revue Spirite* в 1858 г.

Ghostland[7], который был опубликован под эгидой ГБЛ и который некоторые даже сочли возможным приписать г-же Гардинг-Бриттен. Что касается нас, мы не думаем, что она на самом деле являлась его автором, но по крайней мере вероятно, что именно она занималась редактированием этого труда[8]. Мы полагаем, что есть основания направить в это русло исследования, чей результат мог бы быть весьма важен для того, чтобы прояснить определение тёмные места. Если, однако, движение спиритов сначала было запущено не в Германии, а в Америке, то дело в том, что в этой последней стране среда более благоприятная, чем где-либо ещё, как это к тому же подтверждает появление множества сект и «неоспиритуалистических» школ, которое можно наблюдать здесь с того времени и которое сейчас продолжается больше, чем когда-либо.

Нам остается здесь поставить последний вопрос: какую цель поставили себе вдохновители *modern spiritualism* при его зарождении? Кажется, что само название которое было дано тогда этому движению, указывает на это достаточно ясным образом: речь шла о борьбе против распространения материализма, действительно достигшего в эту эпоху своего наибольшего размаха, которому таким образом хотели сделать нечто вроде противовеса. Привлекая внимание к феноменам, которым материализм, по крайней мере, обычный материализм оказался не в состоянии дать удовлетворительное объяснение, с ним боролись некоторым образом на его собственной территории, что имело смысл лишь в современную эпоху, так как материализм в собственном смысле этого слова имеет совершенно недавнее происхождение,

---

[7] Эта работа была переведена на французский, но достаточно некачественно и только частично, и вышла под заглавием *Au Paus des Esprits*, которое весьма двусмысленно и не передает подлинного значения английского названия.

[8] Другие приписывали перу автора *Ghostland* и *Art Magic* такие работы, как *Light of Egypt*, *Celestial Dynamics* и *Language of the Stars* (Sedir P. *Histoire des Rose-Croix*, стр. 122), но мы не можем утверждать, что это ошибка. Автором трёх последних работ, также анонимных, является Т. Х. Бергойн, бывший секретарем ГБЛ, а две первые вышли намного раньше.

также как и состояние умов, которое придает феноменам и их наблюдению почти исключительную важность. Если цель была именно такой, как мы её только что определили, ссылаясь, к тому же, на утверждения ГБЛ, то сейчас как раз самое время напомнить сказанное нами мимоходом выше, что существуют посвящённые весьма разных видов, могущие оказаться часто не в ладах друг с другом. Таким образом, среди упомянутых нами немецких тайных обществ встречаются исповедующие, напротив, совершенно материалистические теории, хотя материализм их странным образом более широкий, чем материализм официальной науки. Конечно, когда мы говорим о посвящённых, как мы это делаем в данный момент, мы не используем это слово в его самом высоком значении, но просто хотим обозначить им людей, обладающих определёнными знаниями, не являющимися всеобщим достоянием. Именно поэтому мы позаботились о том, чтобы уточнить, что в предположении о заинтересованности «адептов», по крайней мере, прямой, в создании спиритического движения, вероятно, скрывается заблуждение. Это замечание позволяет понять, что между различными школами существуют противоречия и разногласия. Мы говорим, естественно, лишь о школах, обладающих реальными и серьёзными знаниями, хотя и относительно низкого уровня, и нисколько не похожих на многочисленные формы «неоспиритуализма», эти последние явились бы скорее подделкой. Теперь возникает ещё один вопрос: порождать спиритизм, чтобы бороться против материализма это, в сущности, опровергать заблуждение при помощи другого заблуждения, стало быть, зачем же так делать? Возможно, по правде говоря, что движение, находясь в процессе распространения и популяризации, быстро сбилось с пути, что оно вышло из-под контроля своих вдохновителей и что спиритизм отныне принял характер, почти не отвечавший их намерениям. Когда хочешь заняться делом популяризации, следует ожидать происшествий подобного рода, которые практически неизбежны, так как есть вещи, которые без

серьёзных последствий нельзя делать доступными первому встречному, и эта популяризация всегда чревата последствиями, которые почти невозможно предвидеть. И в нашем случае, даже если зачинатели в определённой степени предвидели эти последствия, они могли ещё посчитать, верно или ошибочно, что это является меньшим злом по сравнению с тем, которому нужно воспрепятствовать. Что касается нас, то мы не думаем, что спиритизм менее вредоносен, чем материализм, хотя чинимый им вред носит совершенно разный характер. Но кто-то может по-другому смотреть на вещи и даже полагать, что сосуществование этих двух противоположных заблуждений, ограничивающих, так сказать, друг друга, предпочтительнее, чем свободное распространение одного из них. Возможно даже, что многие течения мысли, настолько разные, насколько это возможно, имели аналогичный источник происхождения и были призваны играть свою роль в чём-то наподобие игры равновесия, отличающей весьма специфическую политику, и при таком порядке вещей было бы самой большой ошибкой ограничиваться внешней оболочкой. Наконец, даже если общественная деятельность любого масштаба может осуществляться лишь в ущерб истине, некоторые достаточно легко сделают выбор в её пользу, слишком легко, возможно. Известно изречение: *vulgus vult decipi*[А], которое некоторые дополняют так: *ergo decipiatur*[Б], и это ещё одна черта, более часто встречающаяся, чем можно было бы полагать, этой упомянутой нами политики. Стало быть, возможно сохранять истину для себя и одновременно распространять заблуждения, которые известны в качестве таковых, но которые находишь выгодным. Добавим, что здесь возможна совершенно иная позиция, заключающаяся в том, чтобы говорить истину тем, кто способен её понять, не слишком беспокоясь об остальных. Эти две противоположные позиции, возможно, обе имеют

[А] Желает быть обманутым (лат.) — прим. пер.

[Б] Пусть же его обманывают (лат.) — прим. пер.

их оправдание в соответствии с обстоятельствами. И вероятно, что лишь первая открывает простор для самого широкого действия. Но перед нами результат, в котором не все заинтересованы в равной степени, и вторая отвечает интересам более чисто интеллектуального плана. Как бы там ни было, мы не выносим оценки, мы лишь, насколько это возможно, приводим заключения на основании определённых дедуктивных размышлений, которые мы не можем подумать изложить здесь целиком. Это увлекло бы нас очень далеко в сторону, и спиритизм показался бы на этом фоне совершенно второстепенным случаем. К тому же, мы не претендуем на полное разрешение всех вопросов, которые мы вынуждены поднять. Однако мы можем утверждать, что на тему, затронутую нами в этой главе, мы сказали намного больше, чем было сказано когда-либо до сих пор.

Глава III. Истоки спиритизма во Франции

После 1850 г. *modern spiritualism* распространился повсюду в Соединённых Штатах благодаря пропаганде, в которой, как замечено, особенно отличились социалистические газеты. В 1852 г. «спиритуалисты» провели в Кливленде свой первый всеобщий конгресс. И именно в том же году новая вера появилась в Европе: сначала американские медиумы привезли её в Англию, и оттуда в следующем году она достигла Германии, а затем и Франции. Однако, в ту пору в этих странах не было ничего сравнимого с ажиотажем, вызванным спиритизмом в Америке, где на протяжении около десятилетия феномены и теории были предметом самых пылких и яростных споров.

Именно во Франции, как мы уже упоминали, впервые стали использовать термин «спиритизм», и это новое слово служило для обозначения чего-то, что, продолжая основываться на тех же самых феноменах, в действительности достаточно отлично, что если говорить о теории, от того, чем до тех пор являлся *modern spiritualism* американцев и англичан. Не раз было подмечено, что идеи, излагаемые в «сообщениях», продиктованных мнимыми «духами», в основном соответствуют мнениям, распространенным в среде, где эти «сообщения» создаются и где, естественно, они принимаются лишь с большей долей готовности. Это наблюдение позволяет понять, по крайней мере, частично, каков их подлинный источник происхождения. Итак, учения «духов» во Франции не совпадали с аналогичными учениями в англосаксонских странах по целому ряду вопросов, и пусть они и не относятся к тому, что мы включили в общее определение спиритизма, тем не менее, эти вопросы важны. Самое большое различие заключается в введении идеи реинкарна-

ции, которую французские спириты превратили в настоящую догму, в то время как почти все остальные отказались её принять. Добавим к тому же, что прежде всего именно во Франции почти с самого начала почувствовали необходимость в собирании полученных «сообщений», так чтобы формировать из них канонический свод. Это обязано тому факту, что здесь существовала одна французская спиритическая школа, обладающая определённым единством, по крайней мере, в начале, так как это единство было очевидно трудно поддерживать, и впоследствии произошло несколько расколов, давших рождение стольким новым школам.

Основателем французской спиритической школы или, по крайней мере, тем, кого его приверженцы согласны рассматривать в качестве такового, являлся Ипполит Ривайль. Это был бывший школьный учитель из Лиона, ученик швейцарского педагога Песталоцци, оставивший преподавание, чтобы приехать в Париж, где он на протяжении некоторого времени руководил театром Фоли-Мариньи. По совету «духов» Ривайль взял кельтское имя Аллана Кардека, которое, как предполагается, принадлежало ему в его прошлой жизни. Именно под этим именем он опубликовал ряд работ, которые для французских спиритов были самой основой их учения и которые навсегда остались таковыми для большинства из них[9]. Мы говорим, что Ривайль опубликовал эти труды, но не то, что он написал их в одиночку. На самом деле, их редактирование, а затем основание движения спиритов во Франции являлись продуктом творчества целой группы, которую, в общем, он только представлял. Книги Аллана Кардека представляют собой нечто вроде коллективного творчества, плодом совместной работы, и под этим мы подразумеваем нечто иное, чем сотрудничество с «духами», провозглашенное самим Алланом Кардеком, который заяв-

[9] Главные труды Аллана Кардека следующие: *Le Livre des Esprits*; *Le Livre des Médiums*; *La Genèse, les miracles et les prédictions selon le spiritisme*; *Le Ciel et L'Enfer ou la Justice divine selon le spiritisme; L'Evangile selon le spiritisme*; *Le Spiritisme à sa plus simple expression*; *Caractères de la révélation spirite*, и т.д.

лял, что составил их при помощи «сообщений», полученных им и другими, и что его к тому же контролировали, просматривали и поправляли «высшие духи». Поскольку, по мнению спиритов, человек совсем мало меняется после смерти, нельзя доверять словам всех «духов» подряд: среди них есть такие, которые могут нас обманывать, будь ли то по злому умыслу или по простому невежеству, и именно этим пытаются объяснять наличие противоречивых «сообщений». Однако, позволительно спросить, чем «высшие духи» отличаются от остальных? Как бы там ни было, существует мнение, которое достаточно распространено даже среди спиритов и являющееся целиком ошибочным: согласно этому мнению Аллан Кардек якобы написал свои книги, находясь под нечто вроде влиянием. Истина заключается в том, что он никогда не был медиумом, а напротив, был гипнотизёром (мы говорим, напротив, потому что эти два качества кажутся несовместимыми), и именно благодаря своим «объектам» он получал «сообщения». Что касается «высших духов», которые их исправляли и согласовывали, то они не были все «развоплощёнными». Сам Риваиль не чурался этой работы, но не кажется, что он выполнил самую большую её часть. Мы думаем, что заслугу упорядочивания «документов с того света», как говорили, следует прежде всего отнести на счёт ряда членов сформировавшейся вокруг него группы. Однако, вероятно, что большинство среди них предпочли, по разным причинам, чтобы это сотрудничество осталось неизвестным общественности, и к тому же информация, что в составе группы имелись профессиональные писатели, возможно, вызывала сомнение в подлинности «посланий» или, по крайней мере, в точности, с которой они были воспроизведены, хотя их стиль, впрочем, был далёк от изысканности.

Мы полагаем уместным привести здесь касательно Аллана Кардека и касательно манеры, в которой было создано его учение, то, что написал знаменитый английский меди-

ум Данглас Хоум, казавшийся часто более разумным, чем многие другие спириты:

> Я отношу учение Аллана Кардека к заблуждениям этого мира, и у меня твердые основания для этого [...] Я никоим образом не ставлю под сомнение его совершенную искренность [...] Его искренность напускала гипнотическое облако на чувствительное сознание тех, кого он называл своими медиумами. Их пальцы переносили на бумагу таким образом по необходимости внушаемые мысли, и Аллан Кардек получал свои собственные теории в виде сообщений, отправленных из мира духов. Если учения, переданные в такой манере, действительно имели своим источником великие умы, которые, если ему верить, являлись их авторами, то приняли ли бы они форму, в которой мы их видим? Где Ямвлих так хорошо выучил современный французский? И как Пифагор мог так полностью забыть греческий, свой родной язык? [...] Я никогда не сталкивался ни с одним случаем гипнотического ясновидения, когда подверженный гипнозу человек не отражал бы прямым или непрямым образом мысли гипнотизёра. Поразительное подтверждение этому представил сам Аллан Кардек. Находясь под влиянием его могучей воли, его медиумы были настоящими пишущими машинами, рабски воспроизводившими его собственные мысли. Если иногда опубликованные тексты не соответствовали его желаниям, он по своему усмотрению исправлял их. Известно, что Аллан Кардек *не был* медиумом. Он только гипнотизировал или психологизировал» (пусть нам простят этот неологизм) более впечатлительных, чем он, людей[10].

Всё это совершенно верно, за исключением того, что правка «учений» это дело рук не одного Аллана Кардека, но всей его группы. Тем более, на содержание самих «посланий» могли уже повлиять другие люди, присутствовавшие на сеансах, так как мы поясним это далее.

Среди сотрудников Аллана Кардека, которые не были простыми «объектами», некоторые были наделены различ-

ными медиумическими способностями. В частности, среди них был один, обладавший любопытным талантом «медиума-рисовальщика». На эту тему мы отыскали в статье, вышедшей в 1859 г., два года после публикации «Книги духов», отрывок, который, полагаем, будет интересным воспроизвести, учитывая личность, о которой идёт речь:

> Несколько месяцев назад с десяток личностей, принадлежащих изысканному и образованному обществу, некоторые из которых даже имели имя в литературе, собрались в салоне в СенЖерменском предместье, чтобы понаблюдать, как медиум, присутствующий на сеансе, но находящийся под влиянием и руководимый [...] Бернардом Палисси, выполняет вручную пером рисунки. Я говорю на самом деле: M. S., перо в руке, перед ним лист белой бумаги, но без замысла какого-либо художественного сюжета, вызвал знаменитого горшечника. Тот явился и придал его пальцам последовательность движений, необходимых, чтобы выполнить на бумаге рисунки изысканного вкуса, с очень богатым декорированием, безупречного и тонкого мастерства, на одном из которых изображен, если угодно позволить, дом, в котором Моцарт живет на планете Юпитер! Следует добавить, чтобы предупредить какое-либо ошеломление, то Палисси оказался соседом Моцарта по этому удалённому месту, так как он очень точно указал на медиума. К тому же, не вызывает сомнений, что этот дом принадлежит великому музыканту, так как он целиком украшен изображениями музыкального ключа [...] На других рисунках также изображены здания, возведенные на различных планетах. Одно из них принадлежит деду M.S. [...] Тот говорит о том, чтобы собрать все рисунки в альбом, и это будет буквально альбом другого мира[11].

Этот M.S., который помимо своего странного художественного творчества, был одним из самых верных сотрудников Аллана Кардека, никто иной как знаменитый драматург,

---

[10] *Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 112-114.

[11] *La Doctrine spirite*, в *Gazette hebdomadaire de médecine et de chirurgie*, 1859.

Викторьен Сарду. К этой же группе принадлежал другой драматург, гораздо менее известный ныне, Эжен Ню, но он впоследствии в некоторой степени отдалился от спиритизма[12], и он также являлся одним из первых французских приверженцев Теософского общества. Упомянем ещё, тем более что он, вероятно, остается в числе последних доживших до наших дней членов первой организации, носившей название «Парижское общество спиритических исследований», г-н Камиля Фламмариона. Правда, он, бывший в ту пору совсем молодым, пришел лишь чуть позже. Но трудно оспорить, что спириты считали его своим человеком, так как в 1869 г. он произнес речь на похоронах Аллана Кардека. Однако г-н Фламмарион иногда заявлял, что он ничего общего не имеет со спиритами, но делал это в несколько скованной манере. Тем не менее, его труды достаточно ясно показывают его устремления и его симпатии. Мы имеем здесь в виду его труды в общем, а не только те, которые особо посвящены исследованию феноменов, именуемых «психическими». Эти последние представляют собой прежде всего сборники наблюдений, в которых автор, несмотря на свои претензии на «научность», описал, впрочем, много случаев, не прошедших никакой серьёзной проверки. Добавим, что его спиритизм, явный или нет, не помешал г-ну Фламмариону быть почетным членом Теософского общества со времени его появления во Франции[13].

Если в спиритических кругах и имеется некая «интеллектуальная» прослойка, то она представляла собой лишь незначительное меньшинство, и возможно спросить, как случилось, что у всех спиритических книг, начиная с книг Аллана Кардека, обнаруживается столь низкий уровень. Полезно в этом отношении напомнить, что всякое коллективное творчество отражает, прежде всего, ментальность наименее развитых членов группы, которые его произвели. Сколь бы

[12] См. работы Эжена Ню под заглавием: *Choses de l'autre monde*, *Les Grands Mystères*, *À la recherche des destinées*.

[13] *Le Lotus*, 1887, апрель, стр. 125.

странным это не показалось, однако это замечание знакомо всем тем, кто хоть немного изучал «психологию толпы». В этом, без сомнения, заключается одна из причин, по которым мнимые «откровения с того света» в основном представляют собой набор банальностей, так как в большинстве случаев они являются продуктом коллективного творчества, и так как они служат основой для всего остального, эта черта естественно обнаруживается во всех произведениях спиритов. Тем более, спириты «интеллектуалы» являются, прежде всего, литераторами. Мы можем указать здесь на пример Виктора Гюго, который во время своего пребывания в Джерси был обращен в спиритизм г-жой де Жирарде[14]. У писателей чувства чаще всего доминируют над разумом, а спиритизм есть прежде всего нечто сентиментальное. Что касается ученых, которые, взявшись за изучение феноменов без предвзятых идей, были вынуждены более или менее извращенным и скрытым образом принять взгляды спиритов (мы не имеем здесь в виду г-на Фламмариона, являющегося скорее популяризатором, но ученых, пользующихся более серьёзной и прочно установившейся репутацией), у нас ещё будет возможность вернуться к их случаю, но мы можем сразу сказать, что, учитывая их специализацию, компетентность этих учёных оказывается ограниченной узкой сферой, и что вне этой сферы их мнение имеет не больше ценности, чем мнение первого встречного. К тому же, интеллектуальность в строгом смысле этого слова совсем мало связана с качествами, требуемыми для того, чтобы преуспеть в экспериментальных науках в том виде, как их понимают и практикуют современные люди.

Но вернёмся к истокам французского спиритизма: здесь можно проверить то, что мы утверждали прежде, а именно что «сообщения» соответствуют мнениям принимающей их среды. А первые приверженцы новой веры привлекались, прежде всего, из среды социалистов-участников событий

[14] См. рассказ Огюста Вакери в книге *Miettes de I'histoire*.

1848 г. Известно, что они в большинстве своем были «мистиками» в худшем значении этого слова или, если угодно, «псевдомистиками». Итак, было совершенно естественно, что эти социалисты пришли к спиритизму, даже ещё до того, как его доктрина была разработана, и так как они повлияли на её разработку, то впоследствии обнаружили в ней не менее естественным образом свои собственные идеи, отражённые в этих подлинных «психических зеркалах», которые представляют собой медиумы. Ривайль, принадлежавший к масонству, в его среде мог водить знакомство со многими лидерами социалистических течений и, вероятно, читал работы тех, кого он не знал лично. Именно отсюда берут своё начало большинство идей, которые выдвигали он и его группа, и именно, как мы уже имели возможность отметить это в другом месте, идея реинкарнации. В этом отношении мы указывали на определённое влияние Фурье и Пьера Леру[15]. Некоторые современники не упустили такое сопоставление, и среди них д-р Дешамбр в статье, отрывок из которой мы уже процитировали выше. Касаясь манеры, в которой спириты рассматривают иерархию высших существ и напомнив об идеях неоплатоников (которые, впрочем, намного более далеки от представлений спиритов, чем он мог себе представить), он добавляет следующее:

> Невидимым наставникам г-на Аллана Кардека не было бы нужды беседовать в воздухе с духом Порфирия, чтобы знать так много об этом. Им хватило бы пообщаться несколько минут с г-ном Пьером Леру, возможно, более доступным, или ещё с Фурье[16]. Изобретателю фаланстера польстило бы сообщить им, что наша душа будет облекаться во все более и более эфирное тело по мере своего прохождения восьми сотен жизней (округленно), которые ей суждены.

Затем, говоря о «прогрессистской» концепции или, как бы сказали скорее сегодня, «эволюционистской», с которой тес-

[15] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 116 [фр. издания].

но связаны представления о реинкарнации, тот же самый автор в добавок утверждает:

> Это учение весьма напоминает учение г-на Пьера Леру, для которого проявления универсальной жизни, к которым он сводит жизнь индивида, в каждом новом существовании представляют только ещё одну ступень прогресса[17].

Эти представления были настолько важны для Аллана Кардека, что он выразил их в фразе, которую он некоторым образом сделал своим девизом:

> «Рождаться, умирать, снова рождаться ещё и развиваться беспрестанно, таков закон».

Нетрудно было бы обнаружить немало другого сходства по второстепенным вопросам, но в данный момент речь не идёт о том, чтобы продолжить тщательное исследование спиритических теорий, и сказанного сейчас нами достаточно, чтобы показать, что если американское «спиритуалистическое» движение было в действительности вызвано живыми людьми, то точно также «воплощенным» духам принадлежит заслуга разработки учения французских спиритов, прямо — Аллану Кардеку и его сотрудникам и косвенно — более или менее «философским» влияниям, действовавшим на них, но на этот раз участвовавшие в этом вообще не являлись посвящёнными, даже низшего уровня. По названным нами причинам мы не собираемся продолжать прослеживать историю спиритизма на всех этапах его развития, но вышеприведённые замечания исторического характера, также как и объяснения, причиной которых они являлись, были необходимы для понимания дальнейшего изложения.

---

[16] См. на эту тему: Ш. Фурье, «Теория четырёх движений».

[17] Dechambre A., *La Doctrine spirite*.

Глава IV. Современный характер спиритизма

Новым в спиритизме по сравнению со всем тем, что существовало ранее, являются не феномены, которые были известны во все времена, как мы уже замечали по поводу «неспокойных домов». К тому же было бы весьма удивительно, если бы эти феномены, если они на самом деле реальны, ждали для своего проявления наступления новой эпохи, чтобы проявится, или что, по крайней мере, никто их до сих пор не замечал. Новым в нём и носящим сугубо современный характер является эта интерпретация, даваемая спиритами феноменам, которыми они занимаются, теория, при помощи которой они претендуют на их объяснение. Но как раз эта теория собственно и составляет спиритизм, о чём мы постарались сообщить с самого начала. Без неё не было бы спиритизма, а было бы нечто иное, и нечто, что могло бы быть даже совершенно отличным. На этом совершенно важно остановиться, прежде всего, потому что те, кто не достаточным образом в курсе этих вопросов, не умеют проводить необходимые различия, и затем, потому что путаница поддерживается самими спиритами, которым доставляет удовольствие утверждать, что их учение старо как мир. Впрочем, эта позиция странным образом нелогичная для людей, открыто исповедующих веру в прогресс. Спириты не доходят до того, что ссылаются на воображаемую традицию, как это делают теософисты, против которых мы сформулировали в другом месте точно такое же возражение[18], но, кажется, что они, по крайней мере, видят в древности, которую они ошибочно приписывают своим верованиям (и многие это делают, конечно, совершенно искренне) то, что в определён-

[18] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 108 [фр. издания].

ной степени позволяет подвести под них твердую основу. В сущности, это не первое противоречие, в которое впадают все эти люди, и если они даже не замечают этого противоречия, то это потому, что способность к размышлению занимает слишком мало места в их убеждениях. Именно поэтому их теории, будучи по своему происхождению и природе, прежде всего, сентиментальными, по-настоящему не заслуживают названия доктрины. И если эти люди оказываются у них в плену, то почти исключительно потому, что находят их «утешающими» и способными удовлетворить устремления в духе смутной религиозности.

Сама вера в прогресс, играющая такую важную роль в спиритизме, показывает уже, что он является по природе своей современным явлением, потому что эта вера совершенно недавнего происхождения и восходит ко времени не ранее чем вторая половина XVIII в., к эпохе, господствовавшие в которую представления, как мы видели, оставили свои следы в терминологии спиритов, точно также как они вдохновляли создателей всех социалистических и гуманистических теорий, более непосредственным образом предоставившим спиритизму доктринальные элементы, среди которых необходимо особо отметить идею реинкарнации. Эта идея, на самом деле, также возникла совершенно недавно, несмотря на неоднократно повторяющиеся утверждения противоположного характера, основывающиеся лишь на целиком ошибочных уподоблениях. Как раз к концу XVIII в. Лессинг сформулировал её в первый раз, насколько нам известно, по крайней мере, и констатация этого факта отсылает наше внимание к немецкому масонству, к которому этот автор принадлежал, не учитывая того, что он, вероятно, был связан с другими тайными обществами наподобие тех, о которых мы прежде уже вели речь. Любопытно, что эта идея, вызывавшая столько протестов со стороны американских «спиритуалистов», имеет родственные корни с их собственным движением. Есть повод поинтересоваться, не этим ли путём представления, нашедшие своё выражение у Лессин-

га, чуть позже могли передаться некоторым французским социалистам, но мы не можем ничего утверждать в этом отношении, так как не доказано, что Фурье и Пьер Леру в действительности были знакомы, и после всего может статься, что одна и та же идея пришла к ним независимым образом, чтобы разрешить сильно занимавший их вопрос, а именно всего-навсего вопрос о неравенстве социальных условий. Как бы там ни было, именно они явились настоящими основоположниками теории реинкарнации, которую популяризовали, заимствовав её у них, спириты, а у спиритов впоследствии отыскали эту теорию в свою очередь другие. Во второй части данного исследования мы ещё вернёмся к углубленному рассмотрению этой концепции, которая, какой бы примитивной она не была, обрела в наши дня подлинную важность, учитывая удивительную судьбу, приуготовленную для неё французскими спиритами: она не только была принята большинством возникших в дальнейшем «неоспиритуалистических» школ, некоторым из которых, в особенности теософистам, удалось проникнуть в до тех пор невосприимчивые круги англосаксонских спиритов, но также заметны люди, соглашающиеся с этой концепцией, не будучи связаны с какой-либо из этих школ, и не догадывающиеся, что этим они подвергаются влиянию определённых духовных течений, о которых они почти ничего не знают и о самом существовании которых едва ли догадываются. В данный момент, мы ограничимся тем, оставив объяснение на потом, что реинкарнация совершенно не имеет ничего общего с представлениями древних наподобие представлений о «метемпсихозе» и «трансмиграции», с которыми «неоспиритуалисты» неверно её отождествляют. По крайней мере, можно предугадать благодаря сказанному нами в главе, посвящённой определению спиритизму, что объяснение принципиальных различий, о которых они находятся в неведении, заключается в том, что связано со строением человеческого существа, как в отношении этого во-

проса, так и в отношении вопроса об общении с умершими, на котором мы сейчас остановимся поподробнее.

Достаточно распространено ошибочное мнение, связывающее спиритизм с культом мёртвых, каковой присущ в большей или меньшей степени всем религиям и также различным традиционным доктринам, не носящим никакого религиозного характера. В действительности этот культ, в какой бы то форме он не представал, никоим образом не подразумевает настоящего общения с умершими. Самое большое, можно было бы сказать в некоторых случаях о чём-то вроде духовного общения, но никогда об общении благодаря материальным средствам, утверждение возможности которого составляет основополагающий постулат спиритизма. В особенности, то, что называют «культом предков», установленным в Китае в соответствии с конфуцианскими обычаями (которые не следует забывать, носят чисто общественный, а вовсе не религиозный характер), не имеет ничего общего с какими-либо практиками эвокации. Однако этот пример принадлежит к числу тех, к которым чаще всего прибегают приверженцы древности и всеобщности спиритизма, которые даже уточняют, что китайцы часто проводят эвокации посредством способов, целиком подобных их собственным. Вот из-за чего возникла эта путаница: на самом деле, в Китае есть люди, использующие инструменты, которые весьма напоминают «вертящиеся столики», но здесь перед нами гадательные практики, относящиеся к сфере магии и целиком чуждые конфуцианской обрядности. К тому же, людей, открыто занимающихся магией, как там, так и в Индии, глубоко презирают, и использование этих средств считается порицаемым, помимо некоторых определённых случаев, которых мы здесь не касаемся и которые имеют чисто внешнее сходство с обычными случаями. На самом деле, важен не вызванный феномен, а цель, ради которой его вызывают, и также манера, в которой это производится. Таким образом, первое различие, которое надлежит проводить, это различие между магией и «куль-

том предков», и это даже более чем различие, потому что как на практике, так и в теории это абсолютная разница, но есть и кое-что ещё: дело в том, что магия отнюдь не является спиритизмом, что она совершенно отличается от него в теоретическом отношении, а на практике в очень большой степени. Вначале нам следует заметить, что маг является полной противоположностью медиума. Маг играет в производстве феноменов принципиально активную роль, в то время как медиум по определению представляет собой чисто пассивное орудие. В этом отношении маг скорее похож на гипнотизёра, а медиум — на его «объект». Но следует добавить, что маг не обязательно действует посредством «объекта», и это даже весьма редко встречается, и что сфера, в которой осуществляется его деятельность, гораздо более протяженная и сложная, чем сфера деятельности гипнотизёра. Затем, магия никоим образом не подразумевает, что задействованные ею силы представляют собой «духов» или что-либо подобное. И даже там, где она представляет феномены, сравнимые с феноменами спиритов, она даёт им совершенно иное объяснение. Например, вполне возможно прибегнуть к кому-либо способу гадания, не допуская, что «души умерших» ответственны за то, что содержится в полученных ответах. Впрочем, сказанное только что нами имеет самое общее значение: приемы, которые спириты рады отыскать в Китае, были также известны древним грекам и римлянам. Так, Тертуллиан сообщает о гадании, совершаемом «посредством коз и столов», и другие авторы, такие как Феокрит и Лукиан, упоминают также о вращаемых сосудах и решетах, но во всех этих случаях речь идёт исключительно о гаданиях. Впрочем, даже если «души умерших» могут в определённых случаях вмешиваться в практики этого рода (на это, кажется, указывает Тертуллиан) или, другими словами, если эвокация в более или менее исключительных случаях примешивается к простому гаданию, то дело в том, что «души», о которых идёт речь, представляют собой нечто иное, чем то, что спириты называют «духами». Они суть

только это «нечто», на которое мы указывали выше для объяснения некоторых феноменов, но чью природу мы ещё не уточняли. Мы к этому скоро вернёмся и завершим таким образом показывать, что спириты не имеют никакого права ссылаться на магию, даже рассматриваемую в этой особой области, касающейся эвокаций, если только это может здесь являться рекомендацией. Но из Китая, разговор о котором и побудил нас к этим соображениям, нам следует прежде перенестись в Индию, в отношении которой были допущены другие ошибки такого же ряда, которые мы равным образом хотим особо отметить.

Касательно этого мы обнаружили удивительные вещи в книге, которая, однако, на вид кажется серьёзной. Впрочем, это и есть причина, по которой мы полагаем необходимым особо упомянуть её здесь. Это достаточно известная книга принадлежит перу д-ра Поля Жибье[19], никоим образом не являющегося спиритом. Он хотел занимать позицию беспристрастного учёного, и вся экспериментальная сторона кажется выполненной на совесть. Однако можно поинтересоваться, каким образом получается, что почти все те, кто занимается этими вопросами, даже утверждая, что они ограничиваются строго научной точкой зрения и воздерживаясь от того, чтобы делать выводы в пользу гипотезы спиритов, находили необходимым выставлять на показ антикатолические воззрения, которые, как кажется, не имеют прямой связи с тем, о чём идёт речь. Здесь кроется нечто, что является по-настоящему странным, и книга д-ра Жибье, написанная в этом духе, содержит места, способные вызвать зависть у самого г-на Фламмариона, которому так нравится вставлять напыщенные речи этого рода даже в свои работы по популярной астрономии. Но это совсем не то, на чем бы мы хотим в данный момент остановиться. Есть другая вещь, на которой более важно сосредоточиться, потому что многие люди не в состоянии её заметить. Дело в том, что сведе-

[19] *Le Spiritisme ou Fakirisme occidental.*

ния об Индии, содержащиеся в этой книге, представляют собой невероятный вздор. К тому же источник нетрудно определить: автор совершил очень большую ошибку, поверив, с одной стороны, в фантастические рассказы Луи Жаколио[20], а с другой стороны, в не менее фантастические документы, которые были переданы ему неким «атмическим обществом», существовавшим тогда в Париже (это было в 1886 г.) и представленным, к тому же, почти исключительно своим единственным основателем, инженером Тремечини. Мы не будем останавливаться на этих заблуждениях, одно из которых заключается в том, что название трактата по астрономии принимают за имя человека[21], они интересны лишь тем, что уже показывают несерьёзность используемых сведений. Мы говорили о вздоре; не думаем, что это слово будет чересчур сильным для обозначения подобных вещей:

> Современная доктрина спиритов [...] оказывается почти полностью совпадающей с нынешней эзотерической религией брахманов. Между тем, она преподавалась посвящённым низших ступеней в гималайских храмах, может быть, более чем *сто тысяч лет* назад! Эта связь является, по крайней мере, любопытной и, не впадая в парадокс, можно сказать, что спиритизм является эзотерическим брахманизмом в открытой форме[22].

Прежде всего, собственно говоря, не существует «эзотерического брахманизма», и так как мы уже объясняли это в другом месте[23], мы не будем возвращаться к этому. Но если бы и имелся таковой, он не имел бы ни малейшей связи со спиритизмом, потому что это противоречило бы самим основам брахманизма в общем и также потому, что

---

[20] *Le Spiritisme dans la Monde*; *La Bible dans l'Inde*; *Les Fils de Dieu*; *Christna et le Christ*; *Histoire des Vierges*; *La Genèse de l'Humanité*, и пр.

[21] *Sūrya siddhānta* (орфографич. *souryo-siddhanto*). Уточняют даже, что этот придуманный астроном жил пятьдесят восемь тысяч лет назад!

[22] *Le Spiritisme*, стр. 76.

[23] «Общее введение в изучение индусских учений», фр. издание, стр. 152-154.

спиритизм является одним из самых грубых экзотерических учений, которые когда-либо существовали. Если хотят указать на теорию реинкарнации, то мы повторим, что она никогда не проповедовалась в Индии, даже буддистами, и что она является созданием современных западных людей. Утверждающие противоположное не знают, о чём они говорят[24], но заблуждения нашего автора являются ещё более серьёзными и всеохватывающими, так как вот, что мы читаем далее:

> У брахманов практика эвокации умерших является основой богослужения в храмах и сущностью религиозной доктрины[25].

Это утверждение как раз полностью противоположно истине: мы можем утверждать самым категоричным образом, что все брахманы без исключения, вместо того чтобы превращать эвокацию в основной элемент своего учения и своих обрядов, запрещают её полностью и во всех её формах. Кажется, что именно из «рассказов европейских путешественников» и возможно, прежде всего, россказней Жаколио, д-р Жибье и взял, что «эвокации душ предков могут совершаться лишь брахманами различных степеней»[26]. Между тем практики этого рода, в том случае когда их не могут целиком искоренить, оставляют, по крайней мере, на долю людей самых низших классов, иногда даже *чандал*, то есть людей без касты (тех, кого европейцы называют париями), хотя и стараются отвлечь их от этих практик, насколько это возможно. Жаколио явно недобросовестен во многих случаях, например, когда он превращает *isha Kṛṣṇa* в *Jezeus Christna* ради нужд антихристианской концепции. К тому же, его и ему подобных вполне могли иногда вводить в за-

---

[24] Д-р Жибье дошел до того, что перевел термин *avatāra* как «реинкарнация» (стр. 117), и он полагает, что этот термин применим к человеческой душе.

[25] *Le spiritisme*, стр. 117.

[26] Там же, стр. 118.

блуждение, и если им случалась во время их пребывания в Индии быть свидетелями реальных феноменов, то конечно, поостереглись давать этим феноменам настоящее объяснение. Мы прежде всего намекаем на феномены факиров, но, перед тем как рассмотреть этот момент, мы скажем ещё следующее: в Индии, когда случается, что самопроизвольно проявляется то, что спириты называют медиумичностью (мы говорим «самопроизвольно», потому что никто и никогда не стремился бы приобрести или развить эту возможность), считается, что это подлинное бедствие для медиума и для его окружения. Люди из народа, не колеблясь приписывают дьяволу феномены этого порядка, и даже те, кто примешивает к этому в определённой степени мёртвых, лишь рассматривают вмешательство *pretas*, то есть низших элементов, остающихся привязанными к трупу, элементов, строго тождественных «маннам» древних римлян и никоим образом не представляющим духа. Впрочем, повсюду природные медиумы повсюду считались «охваченными» или «одержимыми», в зависимости от случая, и ими занимались лишь для того, чтобы постараться освободить их от этого и исцелить их. Это только лишь спириты возвели это уродство в ранг достоинства, стремясь поддерживать его и культивировать и даже вызывать его искусственно и окружая невероятным почтением страдающих от него несчастных, вместо того, чтобы видеть в них объект жалости и отвращения. Достаточно не иметь никаких предрассудков, чтобы ясно заметить опасность этого странного переворота: медиум, какова бы не была природа влияний, действующих на него и через него, должен рассматриваться как настоящий больной, как ненормальное и неуравновешенное существо; с тех пор как спириты, вместо того, чтобы заняться исцелением этой неуравновешенности, стремятся всеми силами её распространять, их следует разоблачать как опасное для общественного здоровья течение. Впрочем, не только в этом состоит их опасность.

Но вернёмся в Индию, в отношении которой нам остается рассмотреть последний вопрос, чтобы рассеять двусмысленность, выражающуюся в самом заглавии, которое д-р Жибье дал своей книге. Назвать спиритизм «западным факиризмом» значит обнаружить просто-напросто своё полное невежество, не только в отношении спиритизма, о котором очень легко получить сведения, но и факиризма. Слово *fakir*, имеющее арабское происхождение и обозначающее собственно «нищего» или «бедняка», прилагается в Индии к категории индивидов, на которых, за исключением европейцев, мало кто обращает внимание, и которые рассматриваются как разновидность жонглеров, развлекающих толпу своими фокусами. Говоря это, мы не хотим утверждать, что совершенно оспаривают реальность их особых способностей, но эти способности, приобретение которых предполагает долгую и мучительную тренировку, относятся к низшему порядку и как таковые считаются не особо завидными. Стремится к ним означает показывать неспособность к достижению результатов другого уровня, для чего они могут быть лишь препятствием. И мы обнаруживаем здесь ещё один пример неприятия, которое испытывают на Востоке ко всему, что принадлежит к сфере магии. На деле, феномены факиров порой имитируются, но даже эта имитация предполагает способность к коллективному внушению, действующему на всех присутствующих, которая вызывает почти не меньшее удивление, на первый взгляд, чем производство реальных феноменов. Это не имеет ничего общего с фокусничеством (которое исключено даже условиями, в которых действуют все факиры), и это совсем другая вещь, чем распространенный на Западе гипноз. Что касается реальных феноменов, чьей имитацией являются остальные, они принадлежат, как мы сказали, к сфере магии. Факир, всегда активно и осознанно занимающийся производством феноменов, это маг, и в другом случае, его можно уподобить гипнотизёру. Итак, он совершенно не похож на медиума и даже, если индивид обладает хоть толикой медиумичности, этого

достаточно, чтобы лишить его способности к обретению хоть одного из феноменов факиризма в том виде, который его по существу характеризует, так как используемые средства являются диаметрально противоположными, и это относится даже к проявлениям, представляющим какое-либо внешнее сходство. Впрочем, это сходство существует лишь для самых простейших из демонстрируемых факирами феноменов. С другой стороны, ни один факир никогда не утверждал, что «духи» или «души умерших» имеют хоть малейшее отношение к этим феноменам. Или, по крайней мере, если есть таковые, которые говорили нечто в этом роде европейцам наподобие Жаколио, они сами в это совершенно не верили. Как и большинство восточных людей, они отвечали здесь лишь в духе предвзятого мнения, обнаруженного ими у их собеседников, которым они не хотели раскрывать подлинную природу тех сил, которыми владели. Впрочем, за неимением других мотивов, чтобы действовать таким образом, они должны были посчитать, что всякое правдивое объяснение было бы совершенно бесполезно, учитывая ментальность людей, с которыми они имели дело. Сколь малообразованными не были бы некоторые факиры, у них имеются ещё некоторые понятия, которые показались бы «трансцендентальными» большинству современных западных людей. И даже о вещах, которые они не в состоянии объяснить, факиры совершенно не имеют ложных представлений, составляющих сущность спиритизма, так как у них нет никаких оснований делать предложения, которые находились бы в совершенном противоречии со всеми традиционными индусскими концепциями. Магия факиров не имеет ничего от эвокационной магии, которую никто бы не осмелился, открыто практиковать, а значит, мёртвые к ней совершенно не причастны. С другой стороны, сама эвокационная магия, если верно её понимать, может скорее поспособствовать опровержению гипотезы спиритов, нежели чем её подтверждению. Мы полагали полезным дать все эти пояснения, рискуя немного затянуть изложение, поскольку по

вопросу о факиризме и по связанным с ним вопросам в Европе царит полное невежество: оккультисты знают о них почти не больше, чем спириты и «психисты»[27]. С другой стороны, некоторые католические писатели, желавшие заниматься этой же самой темой, ограничивались тем, что воспроизводили заблуждения, которые они обнаруживали у других[28]. Что касается «официальных» ученых, они естественно довольствуются отрицанием того, что не в состоянии объяснить, если только осмотрительно не предпочитают обойти это молчанием.

Если дела обстоят так, как мы только что показали, в древних цивилизациях, сохранившихся до наших дней, таких как китайская и индийская, есть уже все основания полагать, что также было и в исчезнувших цивилизациях, которые, согласно тому, что нам о них известно, основывались на схожих традиционных принципах. Именно таким образом, например, египтяне рассматривали строение человеческого существа в манере, почти не отличавшейся от индусских и китайских представлений. Кажется что также было и у халдеев. Итак, из этого следовало сделать сходные выводы, как что касается посмертных состояний, так и для специального объяснения эвокаций. Нам не следует вдаваться здесь в подробности, но только дать указания общего характера. И не стоит останавливаться на некоторых мнимых расхождениях, которые вовсе не являются противоречиями, но лишь соответствуют разнообразию точек зрения. Если фор-

---

[27] Что касается интерпретации, данной оккультистами, см.: Седир П. *Le Fakirisme hindou*.

[28] См. книгу: Godard Ch., *Le Fakirisme*, который цитирует Жаколио как авторитетный источник, верит в существование «адепта» Кут Хуми и доходит до того, что путает факиризм с йогой и различными вещами, имеющими совершенно иную природу. Данный автор являлся к тому же бывшим оккультистом, хотя он и отрицал это словами, дающими нам право весьма сомневаться в его искренности (*L'Occultisme contemporain*, стр. 70). Ныне, когда он умер, без сомнения, не представляет никакого неудобства ни для кого сообщить, что на протяжении длительного времени он сотрудничал в *Initiation* под псевдонимом *Saturninus*, а в *L'Echo de Merveilleux* он подписывался *Thimothée*.

ма традиций различается, сущность остается тождественной, и это просто-напросто потому, что истина одна. Таким образом, правда, что народы наподобие греков и римлян, уже утратившие большей частью понимание смысла своих обрядов и символов, сохранили, однако, ещё определённые данные, совершенно совпадающие со всем тем, что в более полной форме обнаруживается в других местах, но что недоступно более для понимания современных людей. И эзотеризм их «мистерий» включал, вероятно, немало сведений, которые на Востоке излагаются более открыто и при этом однако, никогда не подвергаются вульгаризации, потому что даже их природа противится этому. Впрочем, у нас есть основания полагать, что сами «мистерии» имели целиком восточное происхождение. Итак, касаясь темы магии и эвокаций, мы можем сказать, что все древние понимали их одинаково. Повсюду обнаруживаются одни и те же представления, хотя и имеющие различное выражение, потому что древние, как и восточные люди в наши дни, по-настоящему знали, как быть в отношении этих вещей. Во всем дошедшем до нас не обнаруживается следа чего бы то ни было, что напоминает спиритизм; в остальном, в отношении того, что было целиком утрачено; слишком очевидно, что спириты не могут ссылаться на это с пользой для себя и что, если можно об этом что-либо сказать, то дело в том, что доводы, опирающиеся на принципы последовательности и аналогии, приводят к мысли, что они бы не отыскали здесь больше для оправдания своих притязаний.

Именно эту разницу между магией и спиритизмом мы хотим ещё сейчас уточнить так, чтобы дополнить уже ранее сказанное нами. И прежде всего, чтобы отбросить определённые недоразумения, скажем, что магия, в сущности, является экспериментальной наукой, не имеющей ничего общего с какими-либо религиозными и псевдорелигиозными представлениями. Совершенно не так дело обстоит в отношении спиритизма, в котором эти последние преобладают, и даже когда его приверженцы считают его «научным».

Если магия всегда рассматривалась в большей или меньшей степени как «оккультная наука», предназначенная для немногих, то это по причине тех серьёзных опасностей, которые она представляет. Однако в этом отношении есть разница между тем, кто, соблюдая все необходимые предосторожности, сознательно вызывает феномены, чьи законы он изучил, и тем, кто, не имея никакого представления об этих законах, полагается на милость неведомых сил, пассивно ожидая то, что произойдёт. Отсюда видно всё то преимущество, которое маг имеет перед спиритом, медиумом или простым присутствующим, даже допуская, что все прочие условия будут сопоставимы. Говоря о необходимых предосторожностях, мы имеем в виду точные и строгие правила, которым подчиняются магические операции и у которых есть все основания существовать. Спириты пренебрегают простейшими из этих правил или скорее они не имеют о них никакого представления. Они действуют наподобие детей, которые, не осознавая опасности, стали бы играть с самыми грозными машинами и привели бы таким образом в действие силы, способные их погубить, причём ничто не могло бы их спасти. Само собой разумеется, что всё это не для того, чтобы рекомендовать магию, но, напротив, только чтобы показать, что если она очень опасна, то спиритизм опасен ещё намного более, и опасность эта другого характера, в том смысле, что спиритизм относится к публичной сфере, в то время как магия всегда была уделом некоторых, сначала потому что её умышленно держали в тайне, как раз считая её опасной, а затем учитывая знания, которые она предполагает, и сложность её практик. Впрочем стоит заметить, что люди, имеющие об этих вещах полные и всесторонние познания, всегда строго воздерживались от магических практик, не считая некоторых совершенно исключительных случаев, в которых они действуют совершенно иным образом, чем обычный маг. Итак, последний чаще всего является «эмпириком», в определённой степени, по крайней мере, не из-за того, что он лишён любых знаний, но в том смысле, что

ему всё же неведомы истинные основы всего совершаемого им. Но в любом случае, если такие маги подвергаются определённым опасностям, так как они всегда были малочисленными (и тем более малочисленными, что эти практики, за исключением тех, которые являются относительно безобидными, на справедливом основании строго запрещены законодательством всех народов, знающих, о чём идёт речь), опасность очень ограничена, в то время как в случае спиритизма она существует для всех без исключения. Но достаточно о магии в общем, теперь мы будем рассматривать лишь эвокационную магию, строго ограниченную ветвь и единственную, на связь с которой может претендовать спиритизм. По правде говоря, многие проявляющиеся на спиритических сеансах феномены вовсе не относятся к этой особой области, и в таких случаях эвокация присутствует лишь в намерениях присутствующих, а не в действительно достигнутых результатах. Но наши объяснения природы действующих в этом случае сил мы оставим для другой главы. Касательно всего того, что входит в эту категорию, даже если речь идёт о схожих явлениях, слишком очевидно, что интерпретация с точки зрения магии и интерпретация с точки зрения спиритизма полностью отличаются друг от друга. Что касается эвокаций, мы увидим, что они здесь почти здесь не имеют места, вопреки обманчивой видимости.

Из всех магических практик эвокационные практики у древних народов были объектом самых категорических запретов. Однако, в ту пору было известно: что вовсе не «духи» в современном смысле служили в действительности объектом эвокации, и что результаты, на которые можно было претендовать, имели в общем совсем небольшое значение. Итак, каким образом спиритизм оценивали, предполагая, что утверждения спиритов отвечают некоей возможности, то, чего нет? Хорошо было известно, скажем, что объект эвокации вовсе не представляет реальное и отдельное существо, отныне находящееся в недосягаемости, потому что оно перешло в другое состояние бытия (о чем мы пого-

ворим вновь во второй части нашего исследования), и что есть только его низшие элементы, которые существо некоторым образом оставило после себя в сфере земного существования вслед за этой диссолюцией своего сложного состава, которую мы называем смертью. Именно это, как мы уже говорили, древние римляне называли «манами», и также этому древние евреи дали название *ob*[29], всегда использовавшееся в библейских текстах, когда речь идёт об эвокациях, и которое некоторые ошибочно принимают за обозначение демонической сущности. На самом деле, древнееврейские представления о строении человека совершенно совпадают со всеми прочими. И пользуясь, чтобы сделать эту тему более понятной, соответствующими терминами, заимствованными из аристотелевского языка, скажем, что ob не только вовсе не является духом или «разумной душой» (*neshamah*), но также и «чувствующей душой» (*ruahh*) и даже «растительной душой» (*nephesh*). Без сомнения, иудейская традиция, кажется, указывает, в качестве одного из оснований для запрета эвокации *ob* (7), что между ob и высшими принципами сохраняется некоторая связь, и этот момент следовало бы изучить ближе, принимая во внимание ту достаточно особую манеру, в которой эта самая традиция рассматривает посмертные состояния человека. Но, в любом случае, как раз не с духом ob остается связанным прямо и непосредственно, но, напротив, с телом, и именно поэтому на раввинистическом языке *ob* именуется *habal de garmin* или «дыхание костей»[30]. Именно это позволяет объяснить отмеченные нами выше феномены. Таким образом, то, о чём идёт речь, никоим образом не напоминает ни «перисприт» спиритов, ни «астральное тело» оккультистов, которые как предполагается, облекают дух даже после смерти. Впрочем, имеется ещё одно важное различие, так как это вовсе не является те-

[29] Втор. 18:11.

[30] А не «тело воскресения», как перевел немецкий оккультист Карл фон Лайнинген (сообщение, сделанное на заседании Психологического общества (Мюнхена) 5 марта 1887 г.).

лом: это, если угодно, тонкая форма, могущая только принимать иллюзорную видимость тела, проявляясь при определённых условиях, отсюда название «двойника», которое ему дали в ту пору египтяне. К тому же, на самом деле это лишь видимость во всех отношениях: будучи отделен от духа, этот элемент не может обладать сознанием в подлинном значении этого слова. Тем не менее, он обладает подобием сознания, мнимым изображением, так сказать, того, что являлось сознанием живущего, и маг, оживляя эту видимость предоставлением ей того, что у неё отсутствует, временно сообщает его рефлекторному сознанию устойчивость, достаточную для того, чтобы, задавая вопросы, получать на них ответы, также как именно это имеет место, когда эвокацию проводят в целях гадания, что, собственно, и составляет «некромантию». Мы приносим извинения, если эти объяснения, которые, впрочем, будут дополнены тем, что мы скажем по поводу сил иного порядка, не кажутся совершенно ясными. Весьма трудно передать эти вещи на обычном языке, и это вынуждает довольствоваться выражениями, часто представляющими лишь приблизительное описание или «фигуру речи». Большей частью, эта вина современных философов, которые, находясь в полном неведении об этих вопросах, не могут предоставить нам адекватную терминологию для их рассмотрения. Теперь касательно теории, которую мы только что очертили, могла бы ещё возникнуть двусмысленность, которую следует предупредить: может показаться, если ограничиться поверхностным взглядом на вещи, что сохраняющийся после смерти элемент, о котором идёт речь, сравним с тем, что теософисты называют «скорлупами», которые они в действительности используют при объяснении большинства феноменов спиритизма. Это совершенно неверно, хотя эта последняя теория является, вполне вероятно, производной от другой, но через искажение, свидетельствующее об отсутствии понимания у её авторов. На самом деле, для теософистов «скорлупа» представляет собой «астральный труп», то есть останки тела, находящегося в со-

стоянии разложения, и кроме того что это тело, как предполагается, было оставлено духом лишь спустя более или менее долгое время после смерти, вместо того, чтобы быть по сути своей связанным с «психическим телом», сами представления о «невидимых телах» кажутся нам глубоко ошибочными, и они принадлежат к числу тех, которые побуждают нас определить «неоспиритуализм» как «перенесенный материализм». Без сомнения, теория «астрального света» Парацельса, обладающая, впрочем, намного более общим значением, чем то, которым мы занимаемся сейчас, содержит, по крайней мере, долю истины, но оккультисты почти её не поняли, и она весьма мало связана с их «астральным телом» или с планом, которому они дают такое же название. Вопреки их утверждениям, это всецело современные концепции, не соответствующие никакой аутентичной традиции.

Добавим к только что сказанному нами некоторые размышления, которые, не будучи прямо связаны с нашей темой, кажутся нам тем не менее необходимым, потому что следует учитывать особую ментальность современных западных людей. Они, каковыми бы не были их религиозны или философские убеждения, являются практически «позитивистами», в своем подавляющем большинстве, по крайней мере. Кажется даже, что они не могут покинуть эту позицию, не погрузившись в чудачества «неоспиритуализма», возможно, потому что они не знают ничего другого. Именно до такой степени многие люди, чья религиозность носит очень искренний характер, но находящиеся под влиянием среды и остающиеся не в состоянии действовать иначе, чтобы допустить определённые возможности в принципе, энергично отказываются принимать их следствия отрицают дефакто, если не де-юре, всё то, что не укладывается в представления, которые они составляют о том, что принято называть «обычной жизнью». Для них изложенные нами размышления покажутся, без сомнения, не менее странными и шокирующими, чем для самых ограниченных «ученых».

Это для нас было бы достаточно маловажно, по правде говоря, если бы люди этого рода не считали бы себя более компетентными, чем кто-либо, в вопросах религии, и даже квалифицированными, чтобы выносить от имени этой религии суждение о вещах, превосходящих их понимание. Именно поэтому мы полагаем уместным предупредить их, не питая слишком больших иллюзий в отношении эффекта от такого предупреждения. Итак, мы напомним, что не собираемся никоим образом вставать здесь на религиозную точку зрения, и что вещи, о которых мы ведём речь, принадлежат к сфере, целиком отличной от сферы религии. Впрочем, если мы излагаем определённые концепции, то исключительно потому, что нам известно об их истинности, а следовательно о независимости от какой-либо странной предубежденности против чистой интеллектуальности. Но мы добавим, что, несмотря на это, данные концепции позволяют лучше, чем многие другие, понять определённые моменты, касающиеся самой религии. Мы поставим, например, такой вопрос: каким образом можно объяснить католический культ мощей или ещё паломничество к могилам святых, если не допускать, что нечто, не являющееся материальным, сохраняется тем или иным образом вместе с телом после смерти? Однако мы не будем скрывать, что, объединяя таким образом два вопроса, мы представляем вещи в слишком упрощенном виде. В действительности, силы, о которых идёт речь в данном случае (и мы используем намеренно это слово «силы» в очень общем смысле) совершенно не тождественны тем, которыми мы занимались прежде, хотя здесь имеется определённая связь. Данные силы принадлежат к намного более высокому уровню, потому что здесь вмешивается другая вещь, выступающая в роли надстройки, и применение этих сил не относится более никоим образом к области магии, но скорее к области того, что неоплатоники называли «теургией»: ещё одно различие, которое не следует забывать. Если взять другой пример этого рода, то культ изображений и представление, что определённые места

пользуются особыми преимуществами, совершенно непонятны, если не допускать, что там находятся настоящие центры сил (каковой бы не была, впрочем, природа этих сил), и что определённые объекты могут играть, некоторым образом, роль «конденсаторов»: достаточно просто обратиться к Библии и посмотреть, что там сказано о Ковчеге завета, также как о Иерусалимском храме, и может быть, станет понятно то, что мы имеем в виду. Мы касаемся здесь вопроса о «духовных влияниях», на котором нам не следует останавливаться, и раскрытие которого к тому же встретило бы много трудностей. Для начала следует обратиться к собственно данным метафизики, относящимся к наивысшему уровню. Мы упомянем только последний случай: в некоторых школах мусульманского эзотеризма «учитель» (*shaykh*), являвшийся их основателем, хотя он и умер веками ранее, считается вечно живым и действующим посредством своего «духовного влияния» (*barakah*), но это ни в какой степени не требует вмешательства его подлинной личности, находящейся не только вне этого мира, но также по ту сторону всех «уровней рая», то есть высших состояний, которые являются лишь временными. Вполне видно, насколько мы далеки здесь не только от спиритизма, но даже и от магии. И если мы вели речь об этом, то это прежде всего чтобы не оставлять неполным указание на необходимые различия. Разница, отделяющая этот последний порядок вещей от всех прочих, является даже самой глубокой из всех.

По нашему мнению, сейчас сказано достаточно, дабы показать, что до наступления современной эпохи никогда не было ничего сравнимого со спиритизмом. В отношении Запада мы, прежде всего, рассмотрели античность, но все относящееся к магии, равным образом справедливо и для средних веков. Если, однако, было бы желание во что бы то ни стало обнаружить нечто, с чем можно было бы до определённого момента сравнить спиритизм, с условием рассматривать лишь его практическую сторону (потому что его теория не встречается ни в каком другом месте) то, что мож-

но было бы отыскать, являлось бы просто-напросто простым колдовством. В самом деле, колдуны являются явно «эмпириками», хотя самый невежественный среди них, может быть, знает больше, чем спириты во многих отношениях. Им известны только самые низшие ступени магии, и силы, которые они задействуют, худшие из всех, это те же самые, с которыми спириты обычно имеют дело. Наконец, случаи «одержимости» и «навязчивых идей», находившиеся в тесной взаимосвязи с практиками колдовства, представляют собой единственные аутентичные проявления медиумичности, которые были зафиксированы до появления спиритизма, и разве с тех пор дела изменились таким образом, что эти же самые слова более к ним неприменимы? Мы в это нисколько не верим, но по правде говоря, если спириты могут ссылаться лишь на сколь подозрительное, столь и малозавидное родство, мы бы им посоветовали скорее отказаться от притязаний на какую-либо филиацию для своего движения и примириться с современностью, которая, что вполне логично, никоим образом не была бы помехой для приверженцев прогресса.

Глава V. Спиритизм и оккультизм

Оккультизм также представляет собой совсем недавнее явление, возможно, даже чуть более недавнее, чем спиритизм. Кажется, этот термин впервые использовал Альфонс-Луи Констан, более известный под псевдонимом Элифас Леви, и нам представляется вполне вероятным, что именно он его и придумал. Если само слово новое, то вещь, для обозначения которой оно служит, также являются новой: до сих пор существовали «тайные науки», впрочем, более или менее тайные, и также обладающие большим или меньшим значением; магия была одной из этих наук, а не их совокупностью, как утверждали некоторые современные люди[31], а также к их числу принадлежали алхимия, астрология и ещё многие другие; но никогда не стремились объединить их в рамках единой доктрины, то, что, по сути, подразумевает обозначение «оккультизм». По правде говоря, эта так называемая доктрина сформирована из совершенно разрозненных элементов. Элифас Леви хотел составить её прежде всего из еврейской каббалы, герметизма и магии; эти элементы после него придадут оккультизму достаточно отличный характер. Труды Элифаса Леви, хотя они и гораздо менее глубоки, чем стремятся выглядеть, оказали крайне широкое влияние: они служили источником вдохновения для глав самых различных школ, например, для г-жи Блаватской, основательницы Теософского общества, особенно в эпоху, когда она публиковала «Разоблаченную Исиду», а также для американского масонского писателя Альберта Пайка и английских неорозенкрейцеров. Впрочем, теософисты достаточно охотно продолжили использовать термин

[31] Папюс, *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 324.

«оккультизм» для обозначения своей собственной доктрины, которую в самом деле вполне можно рассматривать как особую разновидность оккультизма, так как нет никаких препятствий для того, чтобы сделать из этого обозначения общее название для многочисленных школ, каждая из которых обладает своей особой концепцией. Однако, дела не обстоят таким образом, как по обыкновению понимают. Элифас Леви умер в 1875 г., и в том же самом году было основано Теософское общество. Во Франции прошло тогда несколько лет, в течение которых почти не было более речи об оккультизме. Лишь приблизительно в 1887 г. д-р Жерар Анкосс, взявший псевдоним Папюс, снова взял это обозначение, стараясь собрать вокруг него всех людей, имевших сходные устремления, и именно после 1890 г., когда он отмежевался от Теософского общества, Анкосс намеревался некоторым образом установить монополию на термин «оккультизм» в пользу своей школы. Таково происхождение французского оккультизма; иногда утверждают, что этот оккультизм, в общем, является лишь «папюсизмом», и это во многих отношениях правда, так как добрая часть его теорий на самом деле является лишь продуктом индивидуального фантазирования. Также они просто-напросто объясняются желанием противопоставить ложной «восточной традиции» теософистов не менее воображаемую «западную традицию». Нам не следует здесь ни описывать историю оккультизма, ни излагать набор его учений, но, прежде чем говорить о его связях со спиритизмом и о том, что их отличает, эти краткие пояснения были необходимы, дабы ни у кого не вызвало удивление то, что мы относим оккультизм к числу «неоспиритуалистических учений».

Как и теософисты, оккультисты в общем полны презрения к спиритам, и это понятно до определённой степени, так как у теософизма и оккультизма есть, по крайней мере, поверхностная видимость интеллектуальности, чего даже нет у спиритизма, и они могут быть адресованы чуть более развитым умам. Вот почему, заметим, Папюс, намекающий на

факт, что Аллан Кардек являлся бывшим учителем начальной школы, называл спиритизм «примитивной философией»[32], и вот как он оценивал спиритические круги:

> Найдя лишь горстку сторонников в научной среде, это учение довольствовалось множеством приверженцев, которые ему поставили средний класс и особенно простонародье. «Группы изучения», одни «научнее» других, состоят из людей всегда очень честных, всегда очень искренних, бывших чиновников, мелких коммерсантов или служащих, чьё научное и особенно философское образование оставляет желать лучшего. Учителя начальной школы для этих групп настоящие светочи[33].

Эта посредственность в самом деле очень бросается в глаза, но разве самого Папюса, столь живо критиковавшего отсутствие отбора среди приверженцев спиритизма, никогда нельзя было совершенно упрекнуть в этом касательно его собственной школы? Мы в достаточной мере ответим на этот вопрос, когда заметим, что он, прежде всего, играл роль «популяризатора». Эта позиция, очень отличная от позиции Элифаса Леви, совершенно несовместима с его претензиями на эзотеризм, и налицо противоречие, которое нам не нужно объяснять. В любом случае, несомненно, что оккультизм, также как и теософизм, не имеет ничего общего с подлинным эзотеризмом, серьёзным и глубоким. Надо не иметь никакого представления об этих вещах, чтобы позволить себя соблазнить тщетным миражом мнимой «инициатической науки», которая в действительности оказывается лишь совершенно поверхностной эрудицией, взятой из вторых или третьих рук. Указанное нами только что противоречие в спиритизме отсутствует, ведь спиритизм полностью отвергает любой эзотеризм, и его в высшей степени «демократический» характер совершенно согласуется с настоятельными потребностями пропаганды. Это более логично, чем по-

[32] Там же, стр. 324, 909.

[33] Там же, стр. 331.

зиция оккультистов, но критика с их стороны тем не менее сама по себе справедлива, и нам случится при возможности цитировать их.

Поскольку мы уже в другой работе приводили многочисленные выдержки[34], мы не очень будем возвращаться к критике, иногда очень яростной, которую спиритизму адресовали лидеры теософистского движения, некоторые из которых, однако, прошли через эту школу. Критика со стороны французских оккультистов в общем облекается в более умеренные выражения. В начале однако шли достаточно активные взаимные нападки сторон. Спириты особенно обижались, когда их называли «профанами» люди, среди которых оказывались некоторые из их бывших «братьев». Но затем можно было заметить тенденции к применению, прежде всего со стороны оккультистов, так как их «эклектизм» предрасполагал к скорее достойным сожаления уступкам. Первым шагом стало проведение в 1889 г. в Париже «Конгресса спиритов и спиритуалистов», где были представлены все эти школы. Естественно, это не привело к исчезновению раздоров и соперничества, но мало-помалу оккультисты дошли до того, что всё большее место в рамках их бессвязного синкретизма стали занимать теории спиритов, что было, впрочем, достаточно напрасно, так как спириты никогда не соглашались на то, чтобы на них смотрели как на «верующих». Однако имелись индивидуальные исключения: в то время как происходил тот сдвиг, оккультизм все более и более «популяризировался», и группы его приверженцев, намного более открытые, чем вначале, принимали людей, которые, вступая в них, вовсе не прекращали быть спиритами. Именно они представляли, возможно, элиту спиритизма, но элиту в весьма относительном значении, и уровень оккультистских кругов постоянно снижался. Может быть, мы как-нибудь опишем эту «эволюцию» наоборот. Мы уже говорили по поводу теософизма об этих людях, которые принадлежат

[34] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 124-129.

одновременно к школам, чьи теории противоречат друг другу, и которых это почти не беспокоит, потому что они являются, прежде всего, сентиментальными натурами. Добавим, что во всех этих группах преобладают женщины, и что многих в оккультизме интересует лишь изучение «искусств, относящихся к гаданию», что даёт подлинную оценку их интеллектуальным способностям.

Прежде чем идти дальше, мы дадим объяснение факту, на который мы указывали с самого начала: среди спиритов имеется множество одиночек и изолированных малых групп, в то время как оккультисты примыкают почти всегда к какой-либо организации, устойчивой и имеющей органы управления, но позволяющей тем, кто входит в неё, называть себя «посвящёнными» в нечто или давая им иллюзию быть таковыми. Дело в том, что у спиритов нет никакого посвящения, и они даже не хотят слушать какие-либо разговоры, близко или отдалённо напоминающие о нём, так как одной из главных черт их движения является открытость всем без различия и недопущение какого-либо типа иерархии. Вот почему некоторые из них противников избрали совершенно неверный путь, полагая, что можно говорить о «спиритическом посвящении», которого нет и в помине. Необходимо к тому же добавить, что с различных сторон много злоупотребляли этим словом «посвящение». Оккультисты, напротив, претендуют ссылаться на традицию, неверно, правда, но всё-таки они это делают. Именно поэтому они полагают, что им необходима соответствующая организация, посредством которой может непрерывно вестись распространение учения. И если оккультист выходит из одной такой организации, то это обыкновенно ради того, чтобы основать другую рядом и стать в свою очередь «главою школы». По правде говоря, оккультисты заблуждаются, когда они полагают, что передача традиционных знаний должна производиться посредством организации, принимающей форму «общества» в чётко определённом смысле, в котором это слово обычно воспринимается современными людьми. Их

группы представляют собой лишь карикатуру на по-настоящему инициатические школы. Чтобы показать несерьёзность так называемого посвящения оккультистов, достаточно, не вдаваясь в другие рассуждения, упомянуть обычную у них практику «посвящений по переписке». В этих условиях нетрудно стать «посвящённым», и это только формальность, лишённая ценности и значения, но, по крайней мере, стремятся сохранять определённую видимость. По этому поводу, нам следует сказать ещё, дабы наши намерения не были неверно поняты, что наш главный упрек оккультизму заключается именно в том, что он не является тем, за что себя выдает. И наша позиция в этом отношении весьма отлична от позиции большинства других его противников, она даже в некотором роде носит обратный характер. Университетские философы, например, обвиняют оккультизм в желании выйти за узкие рамки, которыми ограничены их собственные концепции, в то время как для нас скорее напрасно действительно не выходить за них, кроме некоторых особых моментов, где оккультизм лишь принимает прежние представления, не всегда их вполне понимая. Таким образом, для других оккультизм идёт или хочет идти слишком далеко, для нас, напротив, он не идёт достаточно далеко, и тем более, добровольно или нет, он обманывает своих приверженцев относительно природы и качества знаний, которые он им предоставляет. Другие остаются по эту сторону, а мы встаем по другую; и отсюда проистекает это следствие: в глазах оккультистов университетские философы и официальные ученые являются простыми «профанами», точно также, как и спириты, и как раз мы с этим не спорим. Но в наших глазах оккультисты равным образом это лишь «профаны», и никто из людей, знающих, что представляют собой подлинные традиционные учения, не может думать иначе.

После этих слов мы можем вернуться к вопросу об отношениях оккультизма и спиритизма, и нам следует уточнить, что в последующем речь будет идти исключительно о папю-

совом оккультизме, весьма отличном, как мы уже говорили, от оккультизма Элифаса Леви. Этот последний был решительным антиспиритом и, кроме того, он никогда не верил в реинкарнацию. Если иногда он делал вид, что считает сам себя перевоплощенным Рабле, то с его стороны это была простая шутка. У нас есть в этом отношении свидетельство кое-кого, кто его лично знал и кого, являющегося, к тому же, приверженцем реинкарнации, совершенно нельзя заподозрить в данном случае в предвзятости. Между тем, теория реинкарнации является одним из заимствований, которые оккультизм, также как и теософизм, сделал у спиритизма, поскольку такие заимствования имеются, и эти школы на самом деле подверглись влиянию спиритизма, который им предшествовал, несмотря на все неприятие, которое они демонстрируют в его отношении. Что касается реинкарнации, все очень ясно: мы уже показали в другом месте, как г-жа Блаватская взяла эту идею у французских спиритов и перенесла её в англосаксонские круги. С другой стороны, Папюс и некоторые из первых приверженцев его школы начали с того, что были теософистами, и почти все остальные пришли прямо из спиритизма, стало быть, нет необходимости вести дальнейшие поиски. Что касается менее важных моментов, у нас уже был пример влияния спиритов в той принципиальной важности, которую оккультизм придает роли медиумов для производства определённых феноменов. Другой можно отыскать в представлениях об «астральном теле», где не обошлось без заимствований множества особенностей «перисприта», но с той разницей, однако, что дух, как предполагается, оставляет «астральное тело» спустя более или менее долгое время после смерти, точно таким же образом, как он оставил «физическое тело», в то время как «перисприт», как считается, сохраняется неограниченное время и сопровождает дух во всех его перевоплощениях. Ещё один пример, это то, что оккультисты называют «состоянием тревоги», то есть состояние бессознательности, в кото-

рое дух оказывается, будто бы погружен непосредственно после смерти:

> В течение первого времени этого отделения, — утверждает Папюс, — дух не отдает себе отчета в том состоянии, в котором он находится. Он в тревоге, он не верит, что он умер, и это только постепенно, часто через несколько дней и даже месяцев он осознает своё новое положение[35].

Здесь лишь изложение теории спиритов, но в другом месте Папюс вновь относит эту теорию на свой счёт и уточняет, что «состояние тревоги тянется от начала агонии до освобождения духа и исчезновения коры»[36], то есть низших элементов «астрального тела». Спириты постоянно рассказывают о людях, несколько лет не знавших, что они мертвы, сохраняя все занятия их земного существования и воображая, что они выполняют ещё привычные для них действия, и некоторые среди спиритов возлагают на себя даже причудливую миссию «просвещения духов» на эту тему. Эжен Ню[37] и другие авторы рассказывали истории этого рода задолго до Папюса, так что источник, откуда этот последний почерпнул свою идею о «состоянии тревоги», никоим образом не является неясным. Следует упомянуть ещё то, что касается последствий, приписываемых действиями, совершенными в серии сменяющих друг друга существований — теософисты называют это «кармой». Оккультисты и спириты соперничают в описании неправдоподобных подробностей этих вещей, и мы вернёмся к этому, когда снова будем говорить о реинкарнации; в этом спириты могут претендовать на приоритет открытия. Продолжая это исследование, можно было бы обнаружить ещё немало других моментов, где сходство можно объяснить лишь заимствованиями, сделанными у спиритизма, которому оккультизм обязан, таким образом, намного большим, чем он признает. Правда, всё то,

---

[35] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 327.

[36] *L'état de trouble et l'évolution posthume de l'être humain*, стр. 17.

[37] *À la recherche des destinées.*

чем он обязан, стоит не слишком много, но самое важное это увидеть, как и в какой мере оккультисты принимают основополагающую гипотезу спиритизма, то есть возможность общения с умершими.

В оккультизме можно отметить очень заметное стремление придать своим теориям видимость «научности», в том смысле, как её понимают современные люди. Когда отвергают, и часто с полным правом, компетентность обычных учёных по определённым категориям вопросов, возможно, было бы более логично не стремиться подражать их методам и не казаться вдохновлёнными их духом, но, в конце концов, мы лишь констатируем факт. К тому же необходимо заметить, что врачи, за счёт которых пополняются в очень большой части ряды «психистов», о которых мы поговорим впоследствии, также составили и значительный контингент приверженцев оккультизма, на который явно оказали влияние умственные привычки, связанные с их образованием и профессиональной практикой. Именно таким образом можно объяснить огромное место, занимаемое особенно в трудах Папюса теориями, которые мы можем называть «психофизиологическими». С тех пор доля опытных исследований равным образом станет значительной, и оккультисты, чтобы их позиция была «научной» или слыла таковой, главным образом сосредоточат своё внимание на феноменах, которые подлинные инициатические школы всегда рассматривали, напротив, как нечто совершенно не заслуживающее внимания. Добавим, что этого оказалось совершенно недостаточно, чтобы снискать оккультизму благосклонность или хотя бы симпатию со стороны официальных ученых. Впрочем, привлекательность феноменов не действовала на тех, кто был движим «научными» интересами. Были такие, кто использовал их с совершенно другими намерениями, но не с меньшим пылом, так как именно эта сторона оккультизма наряду с «искусством предсказания» интересовала почти исключительно большую часть его приверженцев, к которой необходимо естественно причислить

всех тех, кто в меньшей или большей степени являлся спиритами. По мере того как этот последний элемент возрастал, все более и более ослабевала «научная» строгость, афишируемая вначале. Но, независимо от этого отклонения, экспериментальный и «феноменистский» характер оккультизма предрасположил его уже к тому, чтобы поддерживать со спиритизмом отношения, которые не всегда будучи милыми и любезными, тем не менее являлись компрометирующими. Мы возражаем здесь не против того, что оккультисты признали реальность феноменов, которую мы нисколько не оспариваем, и даже не против того, что они их специально изучали, и ниже мы вернёмся к «психизму», но против того, что они придали этим исследованиям чрезмерную важность, учитывая притязания, выражаемые им на более интеллектуальном уровне и, прежде всего, то, что он полагал должным частичное признание объяснения, предлагаемого спиритами, стремясь только сократить число случаев, к которым оно будто бы применимо. Оккультизм, — утверждает Папюс,

> признает совершенно реальными все спиритические феномены. Однако он значительно ограничивает влияние духов на производство этих феноменов и приписывает их множеству других влияний, действующих в невидимом мире[38].

Само собой разумеется, что спириты энергично возражают против этого ограничения не меньше чем против утверждения,

> что человеческое существо разделяется на несколько сущностей после смерти и что в контакт вступает не целое существо, но осколок существа, астральная скорлупа.

И к тому же они добавляют, что вообще говоря «оккультная наука слишком трудна для понимания и слишком слож-

[38] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 347.

на для обычных читателей спиритических книг»[39], что точно не свидетельствует в пользу этих последних. С нашей стороны, с тех пор как в некоторой степени допускают «влияние духов» как причину происхождения феноменов, не очень-то заметен интерес к его ограничению, будь ли то, что касается множества случаев, в которых это влияние проявляется, будь ли то относительно категорий «духов», которые в действительности могут быть вызваны. Касательно этого последнего момента вот, что вдобавок утверждает Папюс:

> Кажется бесспорным, что души умерших, которых при жизни любили, могут быть вызваны и могут являться в определённых условиях. Исходя из этого подлинного момента, экспериментаторы с буйным воображением не промедлили с утверждением, что души всех людей, умерших сейчас и в былые времена, способны подвергнуться действию мысленной эвокации[40].

Есть что-то по-настоящему необычное в этой манере делать нечто вроде исключения для «душ умерших, которых при жизни любили», как если бы сентиментальные соображения были способны подчинить себе законы природы! Или эвокация «душ умерших» в духе спиритов возможна или же нет. В первом случае весьма произвольным является утверждение об определении границ для этой возможности, и возможно, было бы нормальнее просто-напросто примкнуть к спиритизму. В любом случае, достаточно мало оснований в таких условиях ставить ему в упрек этот сентиментальный характер, которому он обязан, конечно, наибольшей долей своего успеха, и почти нет причин делать заявления этого рода:

> Наука должна быть правдивой и чуждой сентиментальности, вот почему неприемлем для неё этот аргумент, заключающийся в том, что возможность общения с умершими

---

[39] Там же, стр. 344.

[40] Там же, стр. 331.

> нельзя обсуждать, потому что оно составляет очень утешительную идею[41].

Это, впрочем, совершенно справедливо, но для того, чтобы иметь право так сказать, необходимо самому быть чуждым всякой сентиментальности, чего нет в этом случае. В этом отношении между спиритизмом и оккультизмом, в сущности, есть только разница в степени, и в этом последнем сентиментальные и псевдомистические тенденции только лишь усиливаются в ходе этого стремительного упадка, на который мы уже указывали. Но с самого начала и не выходя за рамки темы об общении с умершими эти тенденции уже в очень достаточной мере проявлялись во фразах наподобие этой:

> Когда заплаканная мать видит свою дочь, являющуюся к ней зримым образом, когда дочь, оставшаяся одна на земле, видит усопшего отца пришедшего к ней и обещающего ей свою поддержку, есть двадцать пять шансов из ста, что эти феномены производятся «духами», «я» умерших»[42].

Причина, по которой этим случаям здесь отдается предпочтение, кажется, заключается в следующем:

> чтобы дух, чтобы сама сущность вступала в контакт, нужно, чтобы между вызываемым и вызывающим существовали какие-либо флюидические отношения.

Стало быть, следует полагать, что чувство следует рассматривать как нечто «флюидическое». Разве у нас нет основания говорить о «перенесенном материализме»? Впрочем, все эти истории о «флюидах» происходят от гипнотизёров и спиритов: ещё и здесь, в своей терминологии, также как и в своих концепциях, оккультизм подвергся влиянию этих школ, которые его приверженцы пренебрежительно именуют «примитивными».

---

[41] Там же, стр. 324.

[42] Там же, стр. 847.

Представители оккультистов иногда отказывались от своей неприязненной позиции по отношению к спиритам, и авансы, которые они им делали в некоторых обстоятельствах, не могут не напомнить немного речь, произнесенную г-жой Анни Безант перед Спиритуалистическим Альянсом Лондона в 1898 г., в которой она заявила, что два движения, «спиритуалистическое» и теософистское, имели общий источник происхождения. Оккультисты даже пошли дальше в этом отношении, поскольку им случалось утверждать, что их теории не только родственны теориям спиритов, что является бесспорным, но они им в сущности тождественны. Папюс сказал это своими словами в заключении доклада, представленного им на «Конгрессе спиритов и спиритуалистов» в 1889 г.:

> Как легко заметить, теория спиритизма это то же самое, что и теория оккультизма, только она носит менее обстоятельный характер. Следовательно, учение спиритизма обладает большим значением, поскольку оно доступно для восприятия намного большего количества людей. Учение оккультизма даже в теоретической форме из-за той же своей сложности предназначено для умов, приученных ко всем трудностям восприятия абстрактных концепций. Но в сущности одна и та же доктрина питает эти две великие школы[43].

Налицо некоторое преувеличение, и возможно мы могли бы назвать эту позицию «политической», не приписывая всё же оккультистам намерений, сравнимых с намерениями г-жи Безант. Впрочем, спириты остерегались и почти не отвечали на эти авансы, кажется, они скорее опасались, не хотят ли их принудить к попыткам слияния с другими движениями. Как бы там ни было, позволительно полагать, что «эклектизм» французских оккультистов особенно обширен и совершенно несовместим с их претензией на обладание серьёзной доктриной, опирающейся на достойную уважения

[43] Там же, стр. 359-360.

традицию. Мы пойдем даже дальше и скажем, что всякая школа, имеющая что-либо общее со спиритизмом, теряет из-за этого всякое право представлять свои теории в качестве выражения подлинного эзотеризма.

Несмотря на всё это, было бы самой большой ошибкой путать оккультизм и спиритизм. Если эту путаницу создают малосведущие люди, в этом виновато, по правде говоря, не только их невежество, но отчасти, как мы только что видели, отсутствие осторожности у самих оккультистов. Однако, вообще говоря, между двумя движениями существует скорее нечто вроде антагонизма, проявляющегося более резко со стороны спиритов и более сдержанно со стороны оккультистов. К тому же, чтобы задеть убеждения и коснуться больных мест спиритов, было достаточно, что оккультисты подчёркивают некоторые из них сумасбродств, что не мешает им самим при случае совершать подобные вещи. Можно понять теперь, почему мы говорили, что дабы быть спиритом, недостаточно только признавать возможность общения с умершими в более или менее исключительных случаях. Кроме того, спириты не за что не хотят слышать разговоров о других элементах, которые оккультисты включают в производство феноменов и к теме которых мы вернёмся, если не считать, что некоторые из них, чуть менее ограниченные и менее фанатичные, чем остальные, допускают, что иногда имеет место бессознательные действия медиума и присутствующих. Наконец, оккультизму присущ ряд теорий, не имеющих никаких соответствий в спиритизме. Каковой бы не была их реальная ценность, они свидетельствуют, по крайней мере, о том, что их интересы носят менее ограниченный характер, и в итоге оккультисты в некотором роде клеветали на самих себя, когда они с большей или меньшей долей искренности, принимали вид, что обсуждают эти две школы на равных основаниях. По правде говоря, для того чтобы превосходить спиритизм, любой доктрине нет нужды быть очень основательной или свидетельствовать об очень высоком интеллектуальном уровне.

Глава VI. Спиритизм и психизм

Мы уже прежде заявляли, что если мы полностью отрицаем все теории спиритизма, мы не оспариваем этим реальности феноменов, на которых спириты основывают эти теории. Теперь нам следует дать более подробное объяснение по этому поводу. Мы хотели лишь сказать, что не собирается оспаривать *a priori* реальность ни одного феномена, раз этот феномен кажется нам возможным, и нам следует допустить возможность всего того, что не является по своей сущности абсурдным, то есть всего того, что не подразумевает противоречия. Другими словами, мы допускаем в принципе всё то, что отвечает представлениям о признанной возможности в смысле, который является одновременно метафизическим, логическим и математическим. Теперь, если речь идёт об осуществлении такой возможности в определённом и особом случае, необходимо, естественно, рассмотреть другие условия: сказать, что мы допускаем в принципе все феномены, о которых идёт речь, совсем не означает сказать, что мы допускаем без какого-либо исследования все примеры, о которых сообщают с более или менее серьёзными гарантиями, но нам не следует подвергать их критике, это дело экспериментаторов, и с точки зрения, на которой мы находимся, это не имеет никакого значения. В самом деле, если определенный род явлений возможен, для нас не представляет интереса, является ли истинным или ложным одно или другое отдельное явление, относящееся к нему. Единственная вещь, могущая нас интересовать, это знать, каким образом явления этого порядка могут быть объяснены, и если у нас есть удовлетворяющее объяснение, всякая другая дискуссия кажется нам излишней. Нам хорошо понятно, что это не позиция ученого, собирающего факты для того,

чтобы прийти к какому-либо убеждению и рассчитывающего лишь на результат своих наблюдений для выработки теории. Но наша точка зрения очень далека от этой, и к тому же мы не думаем, что одни лишь факты могут, в самом деле, послужить основой теории, так как они могут почти всегда быть равным образом объяснены при помощи нескольких разных теорий. Мы знаем, что факты, о которых идёт речь, возможны, потому что мы можем их связать с определёнными известными нам принципами. И поскольку это объяснение не имеет ничего общего с теориями спиритов, у нас есть право сказать, что существование феноменов и их изучение являются вещами, совершенно независимыми от спиритизма. Тем более, нам известно, что такие феномены действительно существуют. Мы располагаем, к тому же, в этом отношении свидетельствами, на которые спиритизм не мог оказать никакого влияния, потому что одни из них значительно предшествовали ему по времени, а другие происходили из кругов, куда он никогда не проникал, из стран, где само его название также неизвестно, как и его учение. В феноменах, как мы уже говорили, нет ничего нового, ни свойственного исключительно спиритизму. А значит, у нас нет никаких оснований поставить под сомнение существование этих феноменов, и напротив, многое побуждает нас рассматривать их как реальные, но разумеется, речь идёт при этом всегда об их существовании, рассматриваемом в общем, и к тому же для цели, которую мы себе здесь, поставили всякие иные соображения совершенно бесполезны.

Если мы полагаем необходимым принять эти меры предосторожности и сформулировать эти оговорки, то это потому что, не говоря о рассказах, которые могли быть целиком выдуманы любителями глупых шуток или ради специальной цели, имеют место бесчисленные случаи мошен-

ничества, как это вынуждены признать сами спириты[44]. Но мы очень далеки от того, чтобы на этом основании утверждать, что всё является лишь обманом. Мы тем более не понимаем, что отрицатели из предвзятого мнения, останавливаются, настолько, насколько они это делают, на установленных фактах мошенничества и полагают, что они отыскали твердый аргумент в свою пользу. Мы тем менее это понимаем, что, как мы говорили об этом по другому случаю[45], любой обман всегда является лишь имитацией действительности. Эта имитация, может быть, без сомнения более или менее искажённой, но всё-таки невозможно представить себе имитацию того, что не существует, и это было бы сделать слишком большую честь мошенникам оказать их способными осуществить нечто целиком новое, чего человеческое воображение не достигнет, впрочем, никогда. Кроме того, на спиритических сеансах имеют место случаи мошенничества нескольких категорий: самый простой случай, но не единственный, это случай профессионального медиума, который, когда он не в силах произвести настоящие феномены по той или иной причине, вынужден из соображений выгоды их имитировать. Именно поэтому любого оплачиваемого медиума следует держать под подозрением и следить за ним очень пристально. Даже за неимением выгоды одно лишь тщеславие может также побудить медиумов к мошенничеству. Большинству медиумов, даже самым знаменитым, случалось быть пойманными на месте преступления. Это совершенно не доказательство того, что они не обладают весьма реальными способностями, но только то, что они не всегда в состоянии использовать их по желанию. Спириты, будучи часто импульсивны, не правы, в таких случаях бросаясь из одной крайности в другую и считая полным псевдомедиумом того, кого постигла подобная неудача,

---

[44] Медиум Данглас Хоум, достаточно мало щадя своих коллег, взялся за обличение и объяснение большего числа случаев мошенничества (*Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 186-235).

[45] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 50-52.

если только она не случалась более одного раза. Медиумы вовсе не святые, как хотелось бы заставить в это поверить некоторым фанатичным спиритам, окружающих их настоящим культом, но они больные люди, что совсем другое дело, вопреки нелепым теориям некоторых современных психологов. Необходимо всегда принимать во внимание это ненормальное состояние, позволяющее объяснять случаи мошенничества другого рода: медиум, как и истерик, испытывает непреодолимую потребность во лжи, даже без причины, что все гипнотизёры констатируют также у своих клиентов, и в подобном случае он несёт очень небольшую ответственность, если даже вообще несёт. Тем более он в высшей степени способен не только к самовнушению, но и к тому, чтобы подвергаться внушению со стороны своего окружения и совершать, как следствие, неосознанные поступки: достаточно, что от него ждут производства определённого феномена, для того чтобы он был вынужден его автоматически имитировать[46]. Таким образом, есть случаи мошенничества, являющиеся лишь полусознательными, и другие, которые совершенно неосознанны, когда медиум часто засвидетельствует наличие умения, от обладания которым он весьма далёк в своем обычном состоянии. Всё это относится к области патопсихологии, которая впрочем, никогда не изучалась, как следовало бы. Многие люди не догадываются, что даже в этой области имитации есть тема исследований, которая была бы совершенно не лишена интереса. Мы оставим теперь в стороне эту тему мошенничества, но не обойдется без выражения сожаления, что обычные концепции психологов и их методы исследования столь узко ограничены, что упомянутые только что нами вещи ускользают от

[46] Мы напомним также случай псевдомедиумов, которые сознательно или нет и вероятно, по крайней мере под частичным влиянием внушения, кажется, являлись орудиями достаточно таинственной деятельности. По этому поводу мы отошлем к тому, что мы говорили о явлениях мнимого «Джона Кинга», описывая происхождение теософизма.

них почти полностью, и что даже когда они хотят ими заниматься, они в этом почти ничего не понимают.

Мы не одиноки в мысли, что изучение феноменов может быть предпринято совершенно независимым образом от спиритических теорий. Таково также мнение тех, кого называют «психистами», и которые являются или хотят являться в общем экспериментаторами, чуждыми предвзятых представлений (мы говорим «в общем», потому что здесь также следовало бы провести несколько различий), и которые даже воздерживаются часто от формулировки какой-либо теории. Мы оставим термины «психизм» и «психические феномены», поскольку они чаще всего используются, и также потому что мы не имеем ничего лучшего в нашем распоряжении, но они не без того, чтобы дать повод для некоторой критики: таким образом, если подходить со всей строгостью, «психический» и «психологический» должны бы являться полными синонимами, однако как раз не таким образом их понимают. Феномены, именуемые «психическими», находятся целиком вне сферы классической психологии, и если даже предполагается, что они могут иметь с ней какие-нибудь связи, это в любом случае крайне отдалённые связи. Впрочем, по нашему мнению, экспериментаторы обманывают себя, когда полагают, что в силах втиснуть все эти явления без разбора в то, что условлено называть «психофизиологией». Правда в том, что здесь налицо явления многих видов, которые не могут быть сведены к одному единственному объяснению. Но большинство учёных не настолько чужды предвзятости, как они себе воображают, и прежде всего, когда речь идёт о «специалистах», которым присуща невольная тенденция сводить все к тому, что является предметом их обыкновенных исследований. Это означает, что выводы «психистов», когда они их представляют, следует принимать лишь при условии проверки. Предубеждения могут оказать влияние даже на наблюдения; занимающиеся экспериментальной наукой обладают обычно достаточно своеобразными представлениями о том, что возможно и что нет,

и честнейшим образом они вынуждают факты согласовываться с этими представлениями. С другой стороны, они сами, являясь самыми ярыми противниками спиритических теорий, могут, тем не менее, без своего ведома и не по своей воле подвергаться, некоторым образом, влиянию спиритизма. Как бы там ни было, несомненно, что феномены, о которых идёт речь, могут составлять предмет экспериментальной науки, как и другие, отличные от остальных, без сомнения, но того же самого порядка, не представляя, в итоге, не большей и не меньшей важности и не большего и не меньшего интереса. Нам совершенно непонятно, отчего есть люди, которым нравится называть эти феномены «трансцендентными» или «трансцендентальными», что немного смешно[47]. Это последнее замечание вызывает другое: дело в том, что термин «психизм», несмотря на его неудобства, в любом случае гораздо предпочтительнее по сравнению с термином «метапсихика», изобретенным д-ром Шарлем Рише и принятым впоследствии д-ром Гюставом Желе и некоторыми другими. «Метапсихика», очевидно, является калькой с «метафизики», что не оправдывает никакая аналогия[48]. Какого бы мнения не придерживались о природе и причине обсуждаемых феноменов, их можно рассматривать как «психические», тем более что это слово, в конце концов, стало иметь для современных людей очень неопределенный смысл, а не как то, что находится «за пределами психического»: некоторые, возможно, находятся даже скорее по эту сторону. Кроме того, изучение не важно каких феноменов составляет часть «физики» в очень общем смысле,

[47] Существует даже «Общество исследований трансцендентальной фотографии», основанное Эммануэлем Воше и возглавляемое д-ром Фово де Курмеля. Общество имеет своей целью «поощрение и вознаграждение фотографирования сущностей и излучений пространства». Любопытно видеть, до какой степени может быть искажено обычное значение некоторых слов.

[48] Совершенно недавно д-р Рише, представляя свой «Трактат о метафизике» в Академии наук, заявил буквально следующее: «Подобно тому, как Аристотель над физикой ввел метафизику, над психикой я помещаю метапсихику». Нельзя ли быть более скромным?

в котором её понимали древние, то есть знаний о природе, и это изучение происходит без всякой связи с метафизикой, то есть того, что находится «по ту сторону природы», и в силу этого же по ту сторону любого возможного опыта. Не существует ничего, что может быть сопоставлено с метафизикой, все те, которым известно, чем она по-настоящему является, не могут чересчур энергично протестовать против подобных отождествлений. Правда, в наши дни ни ученые, ни даже философы, кажется не имеют о ней ни малейшего представления.

Мы только что сказали, что существует много видов психических феноменов, и сразу добавим в этом отношении, что сфера психизма, как нам кажется, может быть расширена за счёт многих других феноменов, чем феномены спиритизма. Правда, что спириты очень всеядны: они стараются использовать в интересах своих идей множество явлений, которые должны бы оставаться им совершенно чужды, так как они не являются следствием их практики и не имеют никакого прямого или косвенного отношения к их теориям, поскольку очевидно невозможно подумать о том, чтобы примешать в них «духов умерших». Не говоря о «мистических феноменах», в собственном, теологическом смысле этого выражения, феноменах, к тому же целиком ускользающих от внимания обычных ученых, мы упомянем только о явлениях наподобие тех, которые объединяют под названием «телепатия» бесспорно являющиеся следствием действий живущих в настоящее время существ[49]. Немыслимые претензии спиритов на присвоение самых разнообразных вещей не обходятся без того, что они способствуют созданию и поддержанию в общественном мнении достойной сожале-

[49] Большое количество этих фактов были собраны Гурнеем, Майерсом и Подмором, членами Лондонского Общества психических исследований, в труде, озаглавленном *Phantasms of the Living*. Существует французский перевод этого труда, но переводчик счел должным дать ему такое причудливое название: «Телепатические галлюцинации», что совершенно не соответствует намерению авторов, потому что речь идёт о реальных феноменах, и что любопытным образом выдает узость взглядов официальной науки.

ния путаницы: нам неоднократно представлялся случай контрастировать, что есть люди, которые доходят до того, что смешивают спиритизм с магнетизмом и даже с гипнотизмом. Это, возможно, не происходило бы так часто, если бы спириты не вмешивались в случаи, которые их никак не касаются. По правде говоря, среди феноменов, происходящих на спиритических сеансах, есть действительно относящиеся к области магнетизма или гипнотизма и на которых медиум ведёт себя не иначе как обычная сомнамбула. А именно мы намекаем на феномен, называемый спиритами «инкарнацией» и являющийся, в сущности, ничем иным, как случаем «ненормальных состояний», именуемых неподходящим образом «множественными личностями» и проявляющихся часто также у больных и у подвергаемых гипнозу, но естественно, спириты дают совершенно иную интерпретацию. Внушение играет равным образом большую роль во всём этом, и все, что есть внушение и передача мыслей, связано, очевидно, с гипнотизмом или с магнетизмом (мы не останавливаемся на различии, которое есть основание проводить между этими двумя вещами, различии, которое достаточно трудно уточнить и которое не имеет здесь значения); но раз к этой сфере отнесли какой бы то ни было феномен, спиритизма это более совершенно не касается. Напротив, мы не видим никакого неудобства в том, чтобы связывать такие феномены с психизмом, границы которого являются очень неопределёнными и нечеткими. Возможно, современные экспериментаторы не возражают против того, чтобы заниматься в рамках одной науки вещами, могущими быть предметом нескольких различных наук для тех, кто изучает их иным образом и кто, не побоимся сказать об этом открыто, знает лучше, о чём в действительности идёт речь.

Это приводит нас к тому, чтобы немного поговорить о трудностях, с которыми сталкивается психизм: если учёным не удается в этой сфере добиться несомненных и удовлетворительных результатов, это не только потому, что они

имеют дело с малоизвестными им силами, но прежде всего, потому что эти силы не действуют таким же образом, как те, которыми они привыкли заниматься, и почти не подчиняются методам наблюдения, успешно используемым для этих последних. В самом деле, ученые не могут похвастаться уверенным знанием подлинной природы электричества, например, однако это не препятствует им изучать его с своей «феноменистской» точки зрения и особенно использовать его в отношении практического применения. Итак, в нашем случае необходимо нечто другое, чем это невежество, которому экспериментаторы достаточно легко уступают. Важно заметить, что сфера компетенции учёного «специалиста» очень ограничена. Помимо его привычной области, он не может утверждать что-либо с большей степенью авторитета, чем первый встречный, и каковой бы ни была его ценность, у него не будет другого преимущества, чем то, которое может ему дать некоторая точность в наблюдениях, хотя это преимущество лишь несовершенным образом компенсирует определённые профессиональные искажения. Именно поэтому психические опыты Крукса, если взять один из самых известных примеров, на наш взгляд, вовсе не обладают исключительной важностью, которую многие полагают необходимым им приписывать. Мы весьма охотно признаём компетентность Крукса в областях химии и физики, но н е видим никакого основания распространять её на совершенно иную область. Даже самые серьёзные научные звания не страхуют экспериментаторов от достаточно обычных неприятных случаев, как, например, просто-напросто позволить себя обмануть медиуму: возможно, это случилось с Круксом; наверняка, это случилось с д-ром Рише, и чересчур известные истории о вилле Кармен в Алжире делают достаточно мало чести проницательности этого последнего. Впрочем, этому есть оправдание, так как эти вещи вполне способны сбить с толку физика или физиолога, даже психолога и из-за неприятного последствия специализации нет никого более наивного и более лишённого всякого средства защи-

ты, чем некоторые ученые, после того как они покидают привычную им сферу: мы не знаем лучшего примера в этом отношении, чем пример вымышленной коллекции автографов, которую знаменитый фальсификатор Врэн-Люка заставил принять за настоящие математика Мишеля Шаля; ни один психист не достиг ещё подобной степени сумасбродной наивности[50].

Но не только сталкиваясь с мошенничеством, экспериментаторы оказываются безоружными, за незнанием специфической психологии медиумов и других лиц, к которым они обращаются; они ещё подвержены многим другим опасностям. Вначале, что касается манеры проведения опытов, столь отличных от тех, к которым они привыкли, эти ученые оказываются иногда в самом большом затруднении, хотя они не желают это признавать, ни, возможно, признаваться в этом самим себе. Таким образом, до них не доходит, что имеются явления, которые нельзя воспроизвести по собственному усмотрению, и что эти явления, однако, столь же реальны, как и другие. Они также считают себя вправе устанавливать произвольные или невозможные условия, словно требуя производства при полном освещении феноменов, для которых темнота может быть необходимой. Они смеялись бы, конечно, и с полным правом, над невеждой, который в области физико-химических наук демонстрировал бы такое же полное непризнание всех законов и хотел бы тем не менее во что бы то ни стало вести какие-либо наблюдения. Затем, с более теоретической точки зрения, эти же самые ученые склонны к игнорированию границ опытного исследования и к требованию от него того, что оно не в состоянии дать. Поскольку они поглощены исключительно экспериментами, ученые охотно воображают, что это есть

[50] Анри Пуанкаре, более благоразумный, чем многие другие, или в большей степени сознающий недостаточность своей подготовки, отказался от попытки провести опыт с Эвзапией Паладино, будучи заранее чересчур уверен, как он писал, что «его обманут» (статья г-на Филиппа Пагу в: *Entretiens Idealistes*, июнь 1914, стр. 387).

единственный источник всякого возможного знания. Впрочем, специалист менее расположен, чем кто-либо, определить границы, за пределами которых привычные для него методы теряют ценность. Наконец, вот то, что, возможно, является самым серьёзным: всегда крайне неблагоразумно, как мы говорили, вводить в игру силы, о которых ничего не знаешь. Между тем в этом отношении самые «научные» психисты не обладают особыми преимуществами над обычными спиритами. Есть вещи, которых нельзя безнаказанно касаться, когда отсутствует необходимое теоретическое направление, чтобы быть уверенным, что никогда не заблудишься. Мы никогда не перестанем это повторять, тем более что в области, о которой идёт речь, такое блуждание является одним из самых обычных и самых губительных последствий действия сил, над которыми проводится эксперименты. Число людей, теряющих на этой почве рассудок, подтверждает это как нельзя лучше. Между тем, обычная наука совершенно не способна дать малейшее теоретическое направление, и нередко можно увидеть психистов, которые, не дойдя до того, чтобы говорить вздор в собственном смысле слова, блуждают, однако, плачевным образом: мы понимаем в этом случае всех тех, которые, начав с чисто «научных» намерений, в конце концов полностью и открыто порвали со спиритизмом. Мы скажем даже больше: уже неприятно, что обязанные обладать способностью к размышлению люди допускают простую возможность гипотезы спиритов, и однако имеются ученые (мы могли бы даже сказать, что почти все среди ученых), которые не видят, отчего её нельзя допускать и, которые, даже отбрасывая её *a priori*, словно опасаются отсутствия беспристрастности, которой они связаны. Они не верят в неё, конечно, но всё-таки не отвергают её совершенным образом и держатся только настороже, занимая позицию чистого и простого сомнения, одинаково далёкого как от отрицания, так и от подтверждения. К несчастью, имеются большие шансы, чтобы начинающий психические исследования с таким расположением духа не

останется на этой позиции и что он незаметно встанет скорее на сторону спиритов, нежели чем противоположную: вначале его ментальность уже имеет, по крайней мере, одну точку соприкосновения с ментальностью спиритов, в том, что она является главным образом «феноменистским» (мы не берём это слово в том смысле, в котором оно прилагается к философской теории, мы обозначаем им просто нечто вроде чрезмерного пристрастия к феномену, которое лежит в основе «научного» духа); затем, присутствует влияние самой спиритической среды, с которой психист неизбежно вступает в контакт, по крайней мере, косвенно, хотя бы посредством медиумов, с которыми он будет работать, а та среда представляет собой страшный центр коллективного и взаимного внушения. Экспериментатор бесспорно воздействует на медиума, что к тому же искажает результаты, как только он обнаруживает малейшую предвзятую мысль, какой бы туманной она не была. Но без сомнения, экспериментатор, в свою очередь, сам может находится под влиянием медиума, и это было бы ещё ничего, если бы здесь был только медиум, но здесь также присутствуют все влияния, которые он приносит с собой и о которых самое малое, что можно сказать, что они являются в высшей степени вредными. В этих условиях психист оказывается во власти какого-либо случая, чаще всего совершенно сентиментального уровня: Ломброзо Эвзапия Палладино показала призрак его матери, сэр Оливер Лодж получает «сообщения» от сына, убитого на войне, и больше ничего не нужно, чтобы привести к «обращению» в спиритизм. Эти случаи, возможно, ещё более часты, чем думают, так как, несомненно, имеются ученые, которые, опасаясь вступить в конфликт со своим прошлым, не осмелились бы признать свою «эволюцию» и откровенно назвать себя спиритами, ни даже просто проявить в отношении спиритизма слишком подчеркнутую симпатию. Есть даже и такие, которые не любят, чтобы знали об их занятиях психическими исследованиями, как если бы это дискредитировало их в глазах коллег и общественности,

слишком привычных к тому, чтобы отождествлять эти вещи со спиритизмом. Именно таким образом г-жа Кюри и г-н д'Арсонваль, например, скрывали на протяжении долгого времени, что они ставили опыты этого рода. Любопытно процитировать по этому поводу несколько строк из статьи, которую *Revue Scientifique* посвятил когда-то книге д-ра Жибье, о которой мы уже говорили:

> «Г-н Жибье высказывает пожелания основать общество для изучения этой новой отрасли психологической физиологии, и кажется полагает, что у нас он единственный, если не первый, среди компетентных ученых, интересуется этим вопросом. Пусть г-н Жибье успокоится и будет доволен. Определённое число очень компетентных исследователей, даже тех, которые начали сначала и привнесли некоторый порядок в хаос сверхъестественного (*sic*), занимаются этим вопросом и продолжают их деятельность ‹…› не вынося её на публику»[51].

По-настоящему удивительно, что сходную позицию занимают люди, обычно столь любящие публичность и заявляющие беспрерывно, что всё то, чем они занимаются, может и должно быть разглашено настолько широко, насколько это возможно. Добавим, что редактором *Revue Scientifique* в этот период был д-р Рише; он-то, по крайней мере, если не другие, всё-таки не удержится в рамках этой благоразумной сдержанности.

Есть ещё и другое замечание, которое полезно сделать: дело в том, что некоторые психисты, которых нельзя заподозрить в приверженности спиритизму, имеют странные точки соприкосновения с «неоспиритуализмом» вообще или с той, или с иной из его школ. В особенности теософисты хвастались, что они привлекли многих их них в свои ряды, и один из их печатных органов когда-то утверждал, что

> «всех занимавшихся спиритизмом ученых, которых цитируют как классиков, это совершенно не привело к вере

[51] *Revue Scientifique*, 13 ноября 1886, стр. 631–632.

> в спиритизм (за исключением одного или двух), что почти все они дали истолкование, сходные с истолкованием теософов, и что самые знаменитые из них являются *членами Теософского общества*»[52].

Несомненно, что спириты слишком легко берут на себя многое, как вместе с ними все те, которые в разной степени замешаны в эти исследования и которые не являются их явными противниками, но теософисты, со своей стороны, возможно слишком поспешно придают значение приему в общество некоторых людей, которые не задерживаются там. Им, однако, следовало помнить в таком случае пример Майерса и различных других членов общества психических исследований Лондона, а также пример д-ра Рише, лишь мимоходом заглянувшего в их организацию и во Франции бывшего не в числе последних, откликнувшихся на разоблачение мошенничеств Блаватской со стороны вышеупомянутого общества психических исследований[53]. Как бы там ни было, только что процитированная нами фраза, возможно, содержала намёк на г-на Фламмариона, который тем не менее всё же был ближе к спиритизму, чем к любой другой концепции. Определенно, она содержала намёк и на Уильяма Крукса, в действительности вступившего в Теософское общество в 1883 г. и даже состоявшего членом Руководящего совета Лондонской ложи. Что касается д-ра Рише, его роль в пацифистском движении показывает, что он всё же вполне

---

[52] *Le Lotus*, 1887, октябрь.

[53] В письме, которое мы процитировали в другом месте («Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 74), д-р Рише утверждает, что он знал г-жу Блаватскую через г-жу де Баро. Эта же самая личность играла определённую роль в окружении д-ра Жибье, как видно из этой заметки, идущей вслед за хвалой в адрес «великого и добросовестного ученого» Бюрнуфа: «Мы должны также особо упомянуть важную деятельность г-на Луи Леблуа из Страсбурга, знакомству с которым мы обязаны даме великих достоинств, г-же Каролин де Баро, матери одного из наших бывших учеников, а ныне нашего друга, д-ра Эмиля де Баро» (*Le Spiritisme*, стр. 110). Работа Леблуа «Библия и религиозные наставники человечества» способствовала наряду с книгами Жаколио внушению д-ру Жибье ложных представлений, которые он высказывал об Индии и её учениях и на которые мы прежде указывали.

сохранил нечто общее с «неоспиритуалистами», у которых гуманистические тенденции находят не менее яркое проявление. Для тех, кто хорошо знаком с этими движениями, совпадения, такие как это, представляют знак намного более явный и специфичный, чем другие склонны были бы полагать. В том же плане мы уже указывали на антикатолические тенденции некоторых психистов, таких как д-р Жибье. В том, что касается его, мы бы могли даже говорить в более общем плане об антирелигиозных тенденциях, по крайней мере, если только речь не идёт о «советской религии», следуя выражению, дорогому для Шарля Фовети, одного из первых апостолов французского спиритизма. Вот несколько строк, взятых нами из его заключения и представляющих собой достаточный пример его пафосных речей:

> «Мы имеем веру в Науку и мы верим твердо, что она навсегда избавит человечество от паразитизма всех разновидностей брахманов (автор имеет в виду священников), и что религия, или скорее, мораль, ставшая научной, однажды будет представлена особой секцией в академиях наук будущего»[54].

Мы не хотели бы останавливаться на подобных глупостях, которые, к несчастью, вовсе не безобидны. Следовало бы, однако, предпринять любопытное исследование ментальности людей, призывающих таким образом «Науку» по любому поводу и намеревающихся примешивать её к тому, что более всего чуждо её сфере. Налицо ещё одна из форм, которые интеллектуальная неуравновешенность охотно принимает у наших современников и которые, возможно, менее отдалены друг от друга, чем кажется. Разве не существует «сциентистский мистицизм» и даже «материалистический мисти-

[54] *Le Spiritisme*, стр. 383.

цизм», являющиеся, подобно «неоспиритуалистическим» заблуждениям, явным извращением религиозного чувства?[55]

Все то, что мы говорили об ученых, мы также можем сказать о философах, занимающихся подобным образом психизмом. Они гораздо меньше числом, но всё-таки есть кое-кто. В другом месте[56] у нас была возможность упомянуть между прочим случай Уильяма Джеймса, к концу своей жизни проявившего резко выраженные тенденции в сторону спиритизма. Здесь необходимо остановиться, тем более что некоторые нашли «немного грубым» то, что мы назвали этого философа спиритом и особенно «бессознательным сатанистом». На эту тему мы сразу предупредим наших возможных оппонентов, с какой бы стороны они не выступали, что мы оставляем про запас много гораздо более «грубых» вещей, что не мешает им быть суровой правдой. К тому же, если бы им было известно, что мы думаем про огромное большинство современных философов, обожатели тех, кого принято называть «великими людьми», без сомнения пришли бы в ужас. Касательно того, что мы называем «бессознательным сатанизмом», мы дадим объяснение в другой части, но что до спиритизма Уильяма Джеймса, то следовало бы заметить, что речь идёт лишь о последнем периоде (мы бы сказали «итоге» его жизни), так как взгляды этого философа были подвержены сильным изменениям. Между тем, признанный факт: Уильям Крукс обещал сделать после своей смерти все, что будет в его силах, чтобы установить контакт со своими друзьями и с другими экспериментаторами. Это обещание, сделанное, конечно, «в интересах науки», тем не менее подтверждает, что он допускал возможность гипо-

[55] Изобретенная Огюстом Контом «религия человечества» является одним из примеров, иллюстрирующих наилучшим образом то, что мы хотим здесь сказать. Но искажение может вполне существовать, не доходя до таких сумасбродств.

[56] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 35 и 130.

тезы спиритов[57], а это серьёзно для философа (или это было бы серьёзно, если философия была бы тем, чем она хочет быть), и у нас есть основания предполагать, что он зашел ещё дальше в этом смысле. Впрочем, само собой разумеется, множество американских медиумов записало «послания» от него. Эта история побуждает нас вспомнить случай с другим не менее известным американцем, изобретателем Эдисоном, который недавно утверждал, что открыл средство общения с умершими[58]. Нам не известно, что из этого вышло, так как об этом умолчали, но мы всё-таки были вполне спокойны за результаты. Этот эпизод поучителен в том, что показывает ещё, что ученые с самым неоспоримым авторитетом и те, которых можно было бы счесть за самых «позитивистских», совершенно не застрахованы от спиритической заразы. Но вернёмся к философам: помимо Уильяма Джеймса, мы называли г-на Бергсона. Касательно него, мы ограничимся воспроизведением уже процитированной нами фразы, потому что она достаточно значима сама по себе:

> «Это было бы чем-то, это было бы даже больше, чем возможность установить на основе опыта вероятность бессмертия души на время X»[59].

Это заявление является, по крайней мере, тревожным знаком, и оно свидетельствует нам, что его автор, уже столь близкий «неоспиритуалистическим» идеям во многих отношениях, по-настоящему встал на весьма опасный путь, и мы

---

[57] Этой позиции также придерживается французский университетский философ г-н Эмиль Буарак, который в докладе «Научное исследование спиритизма», представленном на 1911 г., заявил, что гипотеза спиритов представляет «одно из возможных философских объяснений психических фактов» и её нельзя отвергать *a priori* как «антинаучную». Возможно, она не является ни антинаучной, ни антифилософской, но она, несомненно, антиметафизична, что намного более серьёзно и важно.

[58] Уже достаточно давно два голландских спирита, г-да Заальберг ван Зельст и Матла, сконструировали «динамистограф», или «аппарат, предназначенный для общения с потусторонним миром без медиума» (*Le Monde Psychique*, март 1912).

[59] *L'Énergie Spirituelle*.

сожалеем больше всего о тех, которые, выражая ему своё доверие, рискуют быть увлечены на этот путь вслед за ним. Очевидно, для того чтобы предохранить от вздора худшего толка, философия годится не более, чем наука, потому что она даже не способна, мы не скажем, подтвердить (нам хорошо известно, что это было бы слишком много от неё требовать), но побудить к пониманию или просто предчувствию, сколь бы смутным оно не было, что гипотеза спиритов является лишь простой невозможностью.

Мы могли бы привести ещё немало других примеров, до такой степени психисты, которым присущи «неоспиритуалистические» тенденции, кажутся быть наиболее многочисленными, даже оставляя в стороне тех, которых можно в большей или меньшей степени заподозрить в спиритизме. Во Франции именно прежде всего оккультизм, в смысле, в котором мы его понимали в предыдущей главе, оказал сильное влияние на большинство среди них. Таким образом, теории д-ра Грассе, хоть он и католик, не обходятся без того, чтобы представить определённую связь с теориями оккультистов. Теории д-ра Дюрана де Гро, д-ра Дюпо, д-ра Барадюка, полковника де Роша, ещё в большей степени близки к ним. Мы приводим здесь несколько имен, выбранных почти наудачу. Что же касается предоставления подтверждающих текстов, это было бы не очень трудно, но мы не можем помыслить о том, чтобы сделать это здесь, потому что это бы слишком увело нас от нашей темы. Итак, мы ограничимся этими несколькими констатациями и спросим, объясняется ли это в достаточной мере фактом, что психизм представляет мало изученную и не имеющую чёткого определения сферу, и не является ли это скорее, именно потому что есть слишком много совпадающих случаев, неизбежным результатом рискованных исследований, в этой сфере, более опасной, чем какая-либо другая, предпринятых людьми, не знающими самых элементарных мер предосторожности, которые следует предпринять, приступая к данным исследованиям. Чтобы завершить, мы добавим просто следующее: по

правде говоря, психизм совершенно независим не только от спиритизма, но также от любого вида «неоспиритуализма», и даже, если он желает быть чисто экспериментальным, он может быть независим от любой теории. На деле, психисты чаще всего являются одновременно более или менее сознательными и явными «неоспиритуалистами», и это положение дел тем более достойно сожаления, что оно по сути своей дискредитирует эти исследования в глазах серьёзных и умных людей, что в конце концов, оставит это поле целиком свободным для шарлатанов и неуравновешенных людей.

Глава VII. Объяснение феноменов

Хотя в наши намерения не входит специальное изучение феноменов спиритизма, мы должны поговорить по крайней мере вкратце об их объяснении, хотя бы для того, чтобы показать, что вполне можно обойтись без гипотезы спиритов, прежде чем привести против неё более решительные доводы. Заметим, впрочем, что мы собираемся следовать в этом вовсе не логическому порядку: помимо любых соображений, связанных с феноменами, имеются вполне достаточные основания, чтобы отвергнуть совершенным образом гипотезу, о которой идёт речь. После того как её невозможность установлена, необходимо, даже если нет любого другого готового объяснения феноменов, решиться отыскать его. Только ментальность нашей эпохи, будучи прежде всего обращена к экспериментальной стороне, будет лучше подготовлена во многих случаях признать, что теория является невозможной, и исследовать без предвзятого мнения представленные доказательства этого, если вначале ему показали, что она является бесполезной и что существуют другие теории, годные для того, чтобы заменить её наилучшим образом. С другой стороны, важно сразу сказать, что многие факты, о которых идёт речь, если не все, нисколько не принадлежат к области обычной науки, не могут войти в узкие рамки, установленные для неё современными людьми, и в особенности совершенно находятся все сферы физиологии и классической психологии, в противоположность тому, что думают некоторые психисты, крупно заблуждающиеся в этом отношении. Не испытывая никакого уважения к предрассудкам официальной науки, мы нисколько не считаем, что нам следует извиняться за явную необычность некоторых последующих размышлений. Но уместно преду-

предить тех, кто благодаря приобретенным привычкам могли бы найти их чересчур странными. Всё это, скажем ещё раз, нисколько не означает, что мы придаем психическим феноменам хоть в малейшей степени «трансцендентальный» характер. Впрочем, любой феномен, какого бы рода он не был, сам по себе не имеет такого характера, но это не препятствует тому, что есть немало феноменов, ускользающих от методов современной западной науки, которая не столь «продвинута», как верят её почитатели, или по крайней мере является таковой лишь касательно некоторых очень особых моментов. Даже магия, поскольку она является экспериментальной наукой, не содержит совершенно ничего «трансцендентального». Что может рассматриваться в качестве такового, так это «теургия», создаваемые которой эффекты, даже когда они напоминают эффекты магии, совершенно отличаются в отношении своей причины, и именно причина, а не производимый ею феномен, принадлежит в таком случае к трансцендентальному порядку. Позволим себе, чтобы дать лучшее понимание, заимствовать здесь аналогию у католической доктрины (мы говорим только об аналогии, а не об отождествлении, не вставая на теологическую точку зрения): существуют феномены, совершенно сходные внешне, которые были зафиксированы у святых и у колдунов. Между тем, совершенно очевидно, что только в первом случае можно приписывать им «чудесный» и в сущности «сверхъестественный» характер. Во втором случае они могут самое большое быть названными нарушающими законы природы. Если однако феномены одни и те же, то дело, стало быть, в том, что различие присутствует не в их природе, а исключительно в их причине, и лишь благодаря «способу» и «обстоятельствам» такие феномены обретают их сверхъестественный характер. Само собой разумеется, когда речь идёт о психизме, никакая трансцендентальная причина не имеет к этому отношения, рассматриваются ли феномены, вызываемые обычно спиритами-практиками, или магнетические и гипнотические феномены, или все те,

которые им более или менее родственны. А значит, нам не следует беспокоиться здесь о вещах трансцендентного уровня, и стоит ли говорить, что есть вопросы, как, например, вопрос о «мистических феноменах», могущие оставаться целиком вне объяснений, которые мы рассмотрим. С другой стороны, нам не следует исследовать все психические феномены без разбора, но только имеющие какую-либо связь со спиритизмом. Хотя мы могли бы среди этих последних оставить в стороне те, которые, как уже упомянутые нами феномены «инкарнации» или феномены, производимые «медиумами-целителями», сводятся на самом деле или к внушению, или к магнетизму в собственном смысле этого слова, потому что очевидно, что они в достаточной мере поддаются объяснению помимо гипотезы спиритов. Мы не хотим сказать, что не существует никакой трудности в объяснении явлений этого порядка, но спириты всё-таки не могут претендовать на присвоение всей сферы гипнотизма и магнетизма. Впрочем, возможно, что эти явления, сверх того, можно чуть прояснить при помощи указаний, которые мы дадим по поводу остальных.

После этих общих наблюдений, необходимых для того, чтобы поставить и разграничить вопрос, как он должен быть, мы можем напомнить главные теории, которые были предположены для объяснения феноменов спиритизма. Существует их достаточно большое число, но д-р Жибье счел возможным свести их к четырем типам[60]. Его классификация не без недостатков, даже напротив, но она может послужить нам отправной точкой. Первая, которую он называет «теорией коллективной сущности», обозначается так:

> Особый флюид отделяется от личности медиума и соединяется с флюидом присутствующих, чтобы образовывать новое, временное действующее лицо, независимое в определённой степени и производящее известные феномены.

Затем идёт «демоническая» теория, согласно которой «все производится дьяволом или его сообщниками», и которая сводится в итоге к отождествлению спиритизма с колдовством. На третьем месте теория, которую д-р Жибье странным образом называет «гномической», согласно которой

> существует категория существ, нематериальный мир, живущих рядом с нами и проявляющих своё присутствие в определённых условиях: именно эти существа были во все времена известны под названиями гениев, фей, сильванов, домовых, гномов, эльфов и т. д.»

Нам известно, почему он выбрал гномов, а не кого-либо другого, для того, чтобы дать обозначение этой теории, с которой он связывает теорию теософистов (ошибочно приписывая её буддизму), относящую феномены на счёт «элементалов». Наконец, существует теория спиритов, согласно которой

> все эти явления обязаны духам или душам умерших, вступающим в контакт с живыми, проявляя свои способности или свои недостатки, своё превосходство или, напротив, своё более низкое положение, точно также как если бы они ещё были живы

Каждая из этих теорий, за исключением теории спиритов, которая одна является абсурдной, может содержать часть истины и в действительности объяснять, правда, не все феномены, а некоторые из них. Ошибка приверженцев этих теорий заключается прежде всего в том, что они чересчур исключительны и хотят все сводить к одной единственной теории. Что касается нас, то мы даже не думаем, что все феномены без исключения следует с неизбежностью объяснять одной или другой из только что перечисленных теорий, так как этот список содержит пропуски и путаницу. К тому же, мы не принадлежим к числу тех, кто считает, что простота объяснения является несомненной гарантией его истинно-

[60] *Le Spiritisme*, стр. 310-311.

сти. Конечно, можно хотеть, чтобы дело обстояло именно таким образом, но вещи нисколько не обязаны соответствовать нашим желаниям, и ничто не свидетельствует в пользу того, что они должны быть упорядочены точно таким образом, который был бы наиболее удобен для нас и больше всего подходил, чтобы облегчить наше понимание. Такой «антропоцентризм», присущий взглядам многих учёных и философов, по-настоящему предполагает наличие весьма наивных заблуждений.

«Демоническая» теория особенно способна ввергнуть в ярость спиритов, также как и «сциентистов», так как и одни и другие открыто и одновременно заявляют, что они не верят в демонов. Что до спиритов, то кажется, что в «невидимом мире» не должно быть ничего другого, кроме человеческих существ, что является самым неправдоподобно произвольным ограничением, которое можно вообразить. Так как нам нужно будет объяснить далее, что такое «сатанизм», в данный момент мы не будем останавливаться на этом. Мы только отметим, что возражения против этой теории, с которыми оккультисты выступают почти не в меньшей степени, чем спириты, понятны гораздо менее со стороны оккультистов, допускающих вмешательство достаточно разнообразных существ, что свидетельствует о менее ограниченном характере их представлений. С этой точки зрения «демоническую» теорию можно было бы объединить определённым образом с той, которую д-р Жибье называет «гномической», потому что и в одной, и в другой речь идёт о деятельности, осуществляемой существами нечеловеческой природы. Ничто не препятствует в принципе не только тому, что такие существа есть на самом деле, но и тому, что они являются столь разнообразными, сколь это возможно. Несомненно, что почти у всех народов и во все времена ходила молва о существах наподобие тех, о которых упоминает д-р Жибье, и это должно было иметь под собой основания, так как, какие бы названия им не давались, рассказы об их образе действия обнаруживают поразительное совпадение:

только мы не думаем, что они когда-либо рассматривались как в сущности «нематериальные», и к тому же вопрос в этом отношении не вставал точно таким же образом для древних, как для современных людей, поскольку сами представления о «материи» и «духе» значительно поменяли своё значение. С другой стороны, манера, в которой эти существа персонифицируются, связана прежде всего с народными представлениями, скорее скрывающими истину, нежели чем её выражающими и соответствующими скорее являющейся видимости, чем глубокой реальности, и именно в подобном «антропоморфизме» совершенно экзотерической природы можно упрекнуть также теорию «элементалов», которая в самом деле берёт начало от предшествующей теории, являясь, если угодно, её модернизированной формой. На самом деле, «элементалы» в первом значении этого слова являются ничем иным, как «духами стихий», разделяемых древней магией на четыре категории: саламандры или духи огня, сильфы или духи воздуха, ундины или духи воды, гномы или духи земли. Конечно, это слово «духи» вовсе не использовалось здесь в том значении, которое ему здесь придают спириты, но оно обозначало тонкие сущности, наделенных только временным существованием и не имеющих, как следствие, ничего «духовного» в значении современной философии, к тому же здесь перед нами лишь экзотерическое отображение теории, к истинному смыслу которой мы вернёмся впоследствии. Теософисты придавали значительную важность «элементалам»; в другом месте мы утверждали, что г-жа Блаватская, вероятно, обязана этой идеей Джорджу Г. Фельту, члену ГБЛ, приписывавшему её, впрочем, совершенно беспричинно древним египтянам. Впоследствии эта теория более или менее распространялась и изменялась как самими теософистами, так и французскими оккультистами, которые очевидно заимствовали её у теософистов, продолжая утверждать, что ничем им не обязаны. Впрочем, данная теория принадлежит к числу тех, на которые у этих школ никогда не было устойчивых взглядов,

и нам не хотелось бы обременять себя согласованием всего, что было сказано об «элементалах». Основная масса теософистов и оккультистов ограничивается самыми грубыми антропоморфическими представлениями, но есть среди них такие, которые бы хотели придать этой теории более «научный» вид, и которые, испытывая совершенный недостаток в традиционных знаниях, чтобы вернуть ей её изначальный эзотерический смысл, просто-напросто приспособили её к современным идеям или к причудам их собственной фантазии. Таким образом, одни попытались отождествить «элементалов» с монадами Лейбница[61], а другие свели их не более чем к «бессознательным силам», как Папюс, для которого они являются, кроме того, «кровяными тельцами» вселенной[62] или даже к простым «центрам сил» и одновременно «потенциальностям существ»[63], а другие ещё увидели в них «эмбрионы животных и человеческих душ»[64]. Среди них есть также некоторые, которые в совершенно ином смысле довели путаницу до того, что отождествили их с «духовными иерархиями» иудейской каббалы, из чего следовало бы, что под этим названием «элементалы» надо понимать ангелов и демонов, благодаря чему, как утверждается, они таким образом «теряют свой несерьёзный характер»![65] Что особо несерьёзно, так это данное соединение несвязных представлений, являющееся обыкновением у оккультистов. Те представления, в которых содержится что-либо истинное, не являются их собственностью, но это древние представления, более или менее неверно истолкованные, и оккультисты, кажется, взяли своей задачей, без сомнения, невольно, смешивать все представления, вместо того чтобы прояснить и упорядочить их.

---

[61] Лекция, прочитанная в *Aryan Theosophical Society* (Нью-Йорк) в декабре 1886 г., Х. А. Бьеррегаардом (*Le Lotus*, сентябрь 1888).

[62] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 373.

[63] *Decrespe M. (Maurice Després)*, *Les Microbes de l'Astral.*

[64] Там же, стр. 39.

[65] Lermina J., *Magie pratique*, стр. 218-220.

Пример этих неверных истолкований нам уже показала теория «астральных скорлуп», которую д-р Жибье совершенно забыл, составляя свой список, и которая является ещё одним заимствованием, сделанным оккультистами у теософистов. Так как мы установили выше подлинный смысл того, искажением чего она является, мы не будем к этому возвращаться, но напомним, что только в указанной нами тогда манере можно допустить в отношении некоторых феноменов вмешательство умерших, или скорее иллюзию вмешательства умерших, поскольку их реальное существо никоим образом не вовлечено сюда и никак не затрагивается этими проявлениями. Что касается теории «элементариев», в отношении которой оккультизм и теософизм не отличаются друг от друга более явно, чем в отношении предыдущих, она кажется крайне неустойчивой, сливаясь порой с теорией «скорлуп», в иных случаях и чаще всего доходя до отождествления её с самой гипотезой спиритов, на которую она накладывает только некоторые ограничения. С одной стороны, Папюс писал следующее:

> «То, что спириты называют духом, *я*, оккультисты именуют *элементарием*, *астральной скорлупой*»[66].

Мы не можем считать, что он был искренен, делая это отождествление, неприемлемое для спиритов, но продолжим:

> Низшие принципы, озаряемые разумом человеческой души (с которой у них только «флюидическая связь») образуют то, что оккультисты называют *элементарием*, плывущим вокруг земли в невидимом мире, в то время как высшие принципы развиваются на другом плане ‹…› В большинстве случаев являющийся на сеанс дух это элементарий вызываемой личности, то есть существо, унаследовав-

[66] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 347.

шее от покойного только инстинкты и память о земных вещах[67].

Это достаточно ясно, и если существует разница между, собственно говоря, «скорлупой» и «элементарием», то она заключается в том, что первое является буквально «астральным трупом», в то время как второе, как предполагается, сохраняет ещё «флюидическую связь» с высшими принципами. Заметим попутно, что это кажется подразумевает, что все составные части человеческого существа должны располагаться где-либо в пространстве; оккультисты с их «планами» используют для отображения реальности достаточно грубую картинку. Но, с другой стороны, только что приведённые нами утверждения не препятствуют тому же самому автору в других местах своего труда называть «элементариев» «существами, обладающими волей и сознанием», представлять их как «нервные клетки вселенной» и утверждать, что именно они являются несчастными жертвам галлюцинаций и колдовства в образе дьявола, с которым (*sic*) заключают договоры[68]. Эта последняя роль, впрочем, чаще приписывается оккультистам «элементам». А в ещё одном месте Папюс уточняет, что «элементарий» (и здесь он утверждает, что этот термин, в котором нет ничего древнееврейского, принадлежит к каббале) образуют: бессмертный дух как высшая часть, астральное тело (его верхний уровень) как средняя часть и оболочка в виде низшей части»[69]. Итак, это якобы и есть, согласно этой новой версии, подлинное и полное человеческое существо, имеющее такой состав на протяжении более или менее длительного времени своего пребывания на «астральном плане». В этом-то и заключается мнение, которое доминировало среди оккультистов, также как и среди теософистов, и одни и другие доходили до достаточно общего признания, что это существо может быть

---

[67] Там же, стр. 351.

[68] Там же, стр. 373 и 909-910.

[69] *L'état de trouble et l'évolution posthume de l'être humain*, стр. 12-13.

вызываемо, до тех пор пока оно находится в этом состоянии, то есть на протяжении периода, за который оно переходит от «физической смерти» к «астральной смерти». Только добавляют, что «развоплощённые», которые наиболее охотно появляются на спиритических сеансах (исключение делается для «умерших возлюбленных»), это люди самой низкой природы, а именно пьяницы, колдуны и преступники, а также те, кто погиб насильственной смертью, прежде всего самоубийцы. И именно как раз для этих низших существ, контакт с которыми считается очень опасным, некоторые теософисты сохраняют название «элементарии». Спириты, которые совершенно не согласны со всеми теориями, о которых до сих пор шла речь, кажется, не склонны особо оценивать эту уступку, тем не менее очень серьёзную, и это в итоге понятно: они вполне сами признают, что существуют «злые духи», вмешиваются в ход их сеансов, но если бы на них были только они, то лишь следовало бы тщательно воздерживаться от практик спиритизма; именно это советуют лидеры оккультистов и особенно теософистов, будучи не в состоянии в этом отношении услышать определённую категорию своих приверженцев, для которых всё то, что является «феноменом», каковым бы оно не было его качество, обладает непреодолимой притягательностью.

Теперь мы переходим к теориям, объясняющим феномены действиями живых человеческих существ. Д-р Жибье достаточно неясно объединил эти теории под названием, неподходящим для некоторых из них, «теории коллективного существа». По-настоящему заслуживающая этого названия теория в действительности примыкает к другой, с которой она необязательно составляет единое целое и которую иногда называют «анимистской» или «виталистской» теорией. В её самой общей форме, находящей, впрочем, выражение в определении, данном д-р Жибье, её можно было ещё назвать «флюидической» теорией. Эта теория исходит из того, что в человеке есть нечто, способное экстериоризироваться, то есть выходить за пределы тела, и многие установленные

факты склонны подтверждать, что это в действительности так. Напомним только опыты полковника Роша и различных других психистов по «экстериоризации чувственного восприятия» и «экстериоризации двигательных функций». Признание этого очевидно не подразумевает принадлежности к какой-либо школе. Но некоторые испытывали потребность представить себе это «нечто» в образе «флюида», который они именуют то «нервным флюидом», то «витальным флюидом». Это, естественно, оккультисты, которые в данном случае, как и повсюду, когда речь идёт о «флюидах», лишь следуют за гипнотезерами и спиритами. Это мнимый «флюид» лишь то же самое, что и флюид магнетезеров: это *od* Райхенбаха, который хотели сопоставить с «невидимыми излучениями» современной физики[70]. Именно это якобы покидает человеческое тело в образе разрядов, которые некоторым, как они считают, удалось сфотографировать; но это другой вопрос, находящийся совершенно вне темы нашего исследования. Что касается спиритов, мы говорили, что они заимствовали из месмеризма эту идею «флюидов», к которой они также прибегают для объяснения медиумичности. Расхождения заключаются не в этом, а только в том, что, как допускают спириты, «дух» пользуется флюидом, экстериоризованным от медиума, в то время как оккультисты и простые психисты высказывают более разумное предположение, что этот последний во многих случаях вполне мог бы один отвечать за весь феномен целиком. В действительности, если что-то от человека экстериоризируется, нисколько нет нужды прибегать к посторонним факторам для объяснения феноменов, таких как стуки или бесконтактные перемещения предметов, которые к тому же по этой причине не представляют собой «действие на расстоянии», так как в итоге существо находится везде, где оно действует: в какое-либо место, где производится действие, медиум проецирует, без сомнения, бессознательно, нечто из себя. Отрицать

[70] См. брошюру Папюса: *Lumiere invisible, Médiumnité et Magie*. Не следует путать этот очень современный *od* с древнееврейским *ob*.

возможность этого могут лишь те, кто полагает, что человек полностью ограничен своим телом, а это свидетельствует о знании ими лишь очень небольшой части своих возможностей. Это предположение, нам хорошо известно, в наибольшей степени привычно для современных западных людей, но оно не оправдывается только общим невежеством: оно сводится, другими словами, к утверждению, что тело является в некоем роде мерой души, что в Индии составляет одну из гетеродоксальных идей джайнов (мы используем слова «тело» и «душа» лишь для облегчения понимания), что слишком легко свести к абсурду, чтобы мы на этом останавливались: разве представимо, что душа должна или даже может следовать за качественными изменениями тела и что, например, ампутация какого-либо члена влечёт в ней пропорциональное уменьшение? Впрочем, трудно понять то, что современная философия ставит такой лишённый смысла вопрос, как вопрос о «вместилище души», как если бы речь шла о чём-либо, «поддающемся локализации», и оккультисты не менее заслуживают упрека в этом отношении, потому что им присуще стремление локализовать, даже после его смерти, все элементы человеческого существа. Для тех, кто принадлежит к числу спиритов, они повторяют беспрестанно, что «духи» пребывают «в пространстве» или ещё в том, что они называют «блужданием». Именно как раз эту самую привычку представлять все в образе материи мы критикуем также касательно «флюидической» теории: мы не нашли бы здесь ничего, чтобы возражать, если бы, вместо того чтобы говорить о «флюидах», говорили бы просто о «силах», как это, впрочем, делают более благоразумные или в меньшей степени затронутые влиянием «неоспиритуализма» психисты. Это слово «силы», без сомнения, является очень неопределённым, но тем не менее лучше подходит в случае, как этот, так как мы не видим, что современная наука в состоянии позволить большую точность.

Но вернёмся к феноменам, которые могут объяснить экстериоризованная сила: упомянутые нами случаи являются

простейшими из всех. Но будет ли дело обстоять таким образом, когда мы обнаружим признак определённой разумности, как например, когда вращающийся столик более или менее верно отвечает на задаваемые ему вопросы? Для огромного числа случаев мы не колеблясь ответим утвердительно: скорее является исключением, что полученные ответы или «сообщения» ощутимо превосходят интеллектуальный уровень медиума или присутствующих. Спирит, который, обладая некоторыми медиумическими способностями, запирается у себя, чтобы советоваться со своим столиком по поводу не важно чего, и не подозревает, что посредством этого тайного способа он просто на просто общается с самим собой, однако именно это случается с ним чаще всего. На групповых сеансах наличие более или менее многочисленных присутствующих чуть усложняет ситуацию. Медиумом владеют более не только его собственные мысли, но в особом состоянии, в котором он находится и которое делает его в высшей степени уязвимым для внушения во всех его формах, он сможет также вполне отражать и выражать мысли кого-либо из присутствующих. Впрочем, в этом случае, как и в предыдущем, речь не обязательно идёт о мыслях, являющихся отчётливо осознанными в нынешний момент, и даже такие мысли найдут своё проявление, только если у кого-либо будет очень твердое желание повлиять на ответы. Обычно то, что появляется, принадлежит скорее к этой очень сложной области, которую психологи называют «подсознанием». Иногда этим последним обозначением злоупотребляют, потому что удобно при неоднократно встречающихся обстоятельствах обращаться к тому, что туманно и не имеет чёткого определения. Тем не менее правда, что «подсознание» соответствует реальности, только, в нём есть все, и психологам при ограниченности имеющихся в их распоряжении средств было бы очень трудно внести в эту область немного порядка. Прежде всего, имеется то, что можно назвать «латентной памятью»: ничто никогда не забывается полностью, как об этом свидетельствует достаточно часто

наблюдавшиеся случаи необычного «пробуждения». Стало быть, достаточно, что нечто было известно одному из присутствующих, даже если он считает это полностью забытым, чтобы не было основания искать в другом месте, если это вдруг находит своё выражение в спиритическом «сообщении». Имеются также любые «предвидения» и любые «предчувствия», которым случается иногда, что даже обычно, стать достаточно ясно осознанными у некоторых людей. Именно к этому типу следует, конечно, отнести многие предсказания спиритов, которые исполняются, без учёта того, что среди них есть много других, и вероятно, самое большое количество не исполнившихся, и которые представляют любые неясные мысли, воплощающиеся, подобно не важно какой мечте[71]. Но мы пойдем далее: «сообщение», в котором речь идёт о фактах, действительно неизвестных всем присутствующим, может, однако, происходить из «подсознания» кого-либо из них, так как и в этом отношении мы очень далеки обыкновенно от знания всех возможностей человеческого существа: каждый из нас может находится в связи посредством этой темной стороны самого себя с существами и вещами, с которыми он никогда не был знаком в обычном смысле этого слова, и здесь устанавливаются бесчисленные ответвления, для которых невозможно определить четкие границы. Здесь мы очень далеки от концепций классической психологии; стало быть, это может показаться очень странным, также, как и факт, что на «сообщения» могут повлиять мысли людей, которые не присутствуют на сеансе. Однако мы не побоимся утверждать, что во всём этом нет ничего невозможного. Мы вернёмся при случае к вопросу о «подсознании»; в данный момент мы говорим об этом лишь чтобы показать, что спириты очень неблагоразумны, взывая, в качестве определённых доказательств для под-

[71] Также имеются предсказания, осуществляющиеся лишь потому, что они действовали на манер внушения; мы вернёмся к ним, когда будем особо говорить об опасностях спиритизма.

держки своей теории, к фактам того рода, на которые мы только что указывали.

Эти последние рассуждения позволят понять, что представляет собой, собственно говоря, теория «коллективной сущности» и какую часть истины она содержит. Эта теория, скажем сразу, была воспринята некоторыми спиритами, являющимися более независимыми, чем другие, и не считающими, что существует необходимость вмешивать «духов» во все случаи без исключения: к таковым относятся Эжен Ню, кто первым употребил это выражение «коллективная сущность»[72], и г-н Камиль Фламмарион. Согласно этой теории, «коллективная сущность» якобы образуется чем-то вроде сочетания «периспритов» или «флюидов» медиума и присутствующих, и это сочетание усиливается с каждым сеансом, лишь бы присутствующие всегда были одни и те же. Оккультисты ухватились за эту концепцию с настолько большей готовностью, что посчитали возможным сопоставить с ней идеи Элифаса Леви об *eggrégores*[73] или «коллективных существах». Однако необходимо заметить, чтобы не заходить слишком далеко с этим отождествлением, что у Элифаса Леви речь шла гораздо более чаще о том, что можно было бы назвать «душой» какой-либо общности, как, например, нации. Самая большая ошибка оккультистов в случаях наподобие этого заключается в буквальном восприятии некоторых оборотов речи и в вере, что речь действительно идут о сущности, сравнимой с живым существом, которую они естественно помещают на астральный план. Возвращаясь к «коллективной сущности» спиритических сеансов, мы скажем просто, что, оставляя в стороне любые «флюиды», здесь следует видеть лишь эти действия и реакции различных

---

[72] *Les Grands Mystères*.

[73] Именно так Элифас Леви пишет это слово, которое он взял из Книги Еноха и которому он приписывает латинскую этимологию, что нелепо. Правильная орфография была бы *égrégores*. Обычное значение на греческом это «часовой», но очень трудно определить, что точно это слово обозначает в тексте, а это даёт место для надуманных интерпретаций всех видов.

«подсознаний» присутствующих, о которых мы сейчас говорили следствие отношений, устанавливающихся между ними более или менее длительным образом и усиливающихся по мере того, как образование становится более устойчивым. К тому же имеются случаи, при которых «подсознание», индивидуальное или коллективное, объясняет все исключительно собой, без того, чтобы имелась малейшая экстериоризация силы у медиума или у присутствующих: таким образом дело обстоит в случае «инкарнационных медиумов» и даже «пишущих медиумов». Эти состояния, повторим ещё раз, строго тождественны простым сомнамбулическим состояниям (если только речь не идёт о настоящей «одержимости», но это не случается так часто). По этому поводу мы добавим, что существует большее сходство между медиумом, гипнотизёром, и также природной сомнамбулой. Их роднит определённая совокупность «психофизических» условий, и их образ действия очень часто одинаков. Мы приведём здесь то, что Папюс пишет об отношениях гипнотизма и спиритизма:

> Серия тщательных наблюдений привела нас к мысли, что спиритизм и гипнотизм являются не двумя областями различных исследований, а в самом деле различными степенями одного и того же класса феноменов; что у медиума есть много общих моментов с гипнотезером, моментов, которые, как мне известно, в достаточной мере не выделяли до сих пор. Но спиритизм приводит к намного более полным экспериментальным результатам, чем гипнотизм. Медиум в самом деле субъект, но субъект, продвигающий феномены за пределы области, ныне известной гипнотизму[74].

В этом отношении, по крайней мере, мы можем согласиться с оккультистами, но с несколькими оговорками: с од-

[74] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 874. Папюс следует параллели между медиумом и гипнотезером, которую бесполезно воспроизводить здесь, потому что в ниши намерения не входит вдаваться в подробности феноменов.

ной стороны, несомненно, что гипнотизм может зайти намного дальше того, что до сих пор изучалось некоторыми учеными, однако мы не видим никакой пользы в расширении этого наименования, так чтобы включить в него все психические феномены без разбора. С другой стороны, как мы уже говорили выше, любой феномен, если он связан с гипнотизмом, ускользает этим самым от спиритизма, и к тому же экспериментальные результаты, полученные благодаря спиритическим практикам, нисколько не образуют сам спиритизм: что есть спиритизм, так это теории, а не явления, и именно в этом смысле мы говорим, что спиритизм представляет собой только заблуждение и иллюзию.

Имеются ещё некоторые категории феноменов, о которых мы не говорили, но которые относятся, очевидно, к числу тех, что предполагают экстериоризацию; это феномены известные под названиями «аппортов» и «материализаций». «Аппорты» представляют собой, в общем, перемещение предметов, но при этом дело осложняется тем, что предметы происходят в таком случае из мест, могущих быть весьма отдалёнными, и кажется часто, что они были вынуждены проходить через материальные препятствия. Если медиум испускает тем или иным образом продолжение самого себя для совершения действий над предметами, величина расстояния не имеет значения, нужны лишь более или менее развитые способности, и если вмешательство «духов» или других инопланетных сущностей не является всё-таки необходимым, то оно никогда и не имеет места. Трудность здесь скорее заключается в явлении перехода, реального или кажущегося, через материю: чтобы объяснить этот переход, некоторые предполагают, имеют место последовательно «дематериализация» и «рематериализация» переносимого предмета. Другие конструируют более или менее запутанные теории, в которых они отводят главную роль «четвёртому измерению» пространства. Мы нисколько не собираемся погружаться в обсуждение этих разнообразных гипотез, но заметим, что следует поостеречься фантазий, на которые

«гипергеометрия» вдохновила «неоспиритуалистов» разных школ. Поэтому нам кажется предпочтительным в случае перемещения предмета просто рассматривать «изменения состояния», которые мы не так уж и будем уточнять, и мы добавим, что, возможно, вопреки верованию современных физиков, непроницаемость материи является лишь очень относительной. Но в любом случае нам достаточно указать, что снова предполагаемое вмешательство духов совершенно ничего не решает: так как если признать роль медиума, логично искать объяснение явлений, подобных этим, в свойствах живого существа; впрочем, для спиритов человеческое существо после смерти теряет определённые качества скорее, чем приобретает новые. Наконец, если выйти за рамки какой-либо особой теории, с точки зрения действия, осуществляемого над физической материей, живое существо явно находится в более предпочтительных условиях, чем существо, строение которого не включает ни один элемент этой материи.

Что касается «материализаций», то это, возможно, самые редкие феномены, но также и те, которые спириты считают самыми убедительными: как можно было бы сомневаться в существовании и присутствии духа, в то время как он принимает совершенно доступный чувственному восприятию внешний вид, облекается в форму, которую можно видеть, осязать и даже фотографировать (то, что исключает гипотезу галлюцинаций)? Однако спириты вполне признают, что медиум некоторым образом замешан в этом: нечто вроде субстанции, вначале бесформенной и туманной, кажется, отделается от его тела, затем постепенно сгущается; это допускают все, за исключением тех, кто оспаривает саму реальность феномена. Но спириты добавляют, что «дух» затем ваяет эту субстанцию, эту «эктоплазму», как называют её некоторые психисты, придавая ей форму и оживляя её как настоящее временное тело. К несчастью, имели место «материализации» воображаемых личностей, как и «сообщения» от героев романов: Элифас Леви уверяет, что некоторые побуждали

Дангласа Хоума вызывать призраки мнимых родственников, которые никогда не существовали[75]. Упоминались также случаи, при которых «материализованные» формы воспроизводили просто-напросто портреты или даже воображаемые образы, заимствованные с картин или рисунков, виденных ранее медиумом. «После Конгресса спиритов и спиритуалистов в 1889 г., — сообщает Папюс,

> Дональд Мак-Наб показал нам фотографический негатив, представляющий материализацию юной девушки, к которой он мог прикоснуться также, как и шестеро его друзей, и которую ему удалось сфотографировать. Рядом с призраком заметен медиум, пребывающий в летаргическом оцепенении. Между тем, материализованный призрак являлся лишь материальным воспроизведением старого рисунка, датируемого несколькими столетиями и сильно поразившего медиума, когда он находился в бодрствующем состоянии[76].

С другой стороны, если вызванную личность узнает один из присутствующих, это явно свидетельствует, что этот присутствующий хранил образ в своей памяти, и отсюда, вполне возможно, берёт начало зафиксированное сходство. Если, напротив, никто не признал явившегося так называемого «развоплощённого», его личность не может быть установлена, и довод спиритов опять рушиться. Впрочем, сам г-н Фламмарион вынужден был признать что установление личности «духов» никогда не было подтверждено, что самые замечательные случаи всегда могут оставить место для возражений. И как могло бы быть иначе, если думается, что даже для живого человека почти невозможно теоретически, если не практически, предоставить для удостоверения его личности по-настоящему строгие и неопровержимые свидетельства? Стало быть, надо ограничиваться теорией, называемой «идеопластией», согласно которой не только субстрат

---

[75] *La Clef des Grands Mystères*.

[76] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 881.

«материализации» вызывается медиумом, но ещё и сама её форма берёт начало из идеи или точнее мысленного образа, одинаково, будь ли то медиума, будь ли кого-либо из присутствующих; причём этот образ может, к тому же, являться лишь «подсознанием». Все явления этого рода могут объясняться этой теорией, и некоторые среди них не могут объясняться иначе. Заметим попутно, что если признать это, то следует, что речь не всегда идёт о мошенничестве, когда представляются «материализации», лишённые выразительности, как рисунки, на которых изображен схематичный образ. Конечно, это не мешает тому, что случаи мошенничества являются в действительности очень частыми, но случаи наподобие этих следовало бы тщательнее проверять, вместо того чтобы отбрасывать их из предвзятого мнения. Известно к тому же, что имеют место более или менее полные «материализации». Иногда бывают формы, до которых можно дотронуться, но которым не получается сделаться видимыми. Также бывают призраки, оказывающиеся лишь частичными, и чаще всего это формы рук. Эти явления рук без туловища заслуживали бы того, чтобы остановить на них внимание: старались объяснить их, утверждая, что,

> так как предмет обычно берут рукой, желание взять предмет с неизбежностью неизбежно должно было пробудить идею руки и, следовательно, мысленное изображение руки[77].

Принимая это объяснение в принципе, позволительно думать, что оно не является всё-таки достаточным, и мы напомним по этому поводу, что подобные явления засвидетельствованы в случаях, относящихся к области колдовства, как уже упомянутые нами явления в Сидевиле. Теория «идеопластии», к тому же, не исключает обязательно любое постороннее вмешательство, как могли бы полагать те, кто чересчур склонен к систематизации. Она ограничивает

[77] *Étude expérimentale de quelques phénomènes de force psychique*, в *Le Lotus*, март 1889, стр. 729.

только число случаев, где следует говорить об этом вмешательстве, а именно, она не исключает ни действия живых людей, которые физически не присутствуют (именно так действуют колдуны) ни действия различных сил, к которым мы вернёмся.

По утверждению некоторых, то, что экстериоризируется, это «двойник» медиума. Это выражение является неправильным, по крайней мере, в том смысле, что этот мнимый «двойник» может принимать внешность очень отличную от внешности самого медиума. Для оккультистов этот двойник, очевидно, тождественен «астральному телу». Среди них есть такие, кто практикуется в достижении «раздвоения» или «выхода в астрал» сознательным и добровольным образом, то есть в общем в осуществлении активным путём того, что пассивно совершает медиум, продолжая признавать, что опыты этого рода крайне опасны. Когда результаты не являются чистой иллюзией, вызванной простым самовнушением, в любом случае им дается неверная интерпретация. Мы уже говорили, что невозможно допускать существование «астрального тела», а тем более «флюидов», потому что налицо лишь очень грубые представления, заключающиеся в предположении, что есть материальные состояния, от обычной материи отличающиеся лишь меньшей степенью плотности. Когда мы говорим о «тонком состоянии», мы имеем в виду совсем другое: это не тело, состоящее из разреженной материи, «аэросома» (*aérosome*), согласно термину, принятому некоторыми оккультистами, это нечто, являющееся по-настоящему «бестелесным». Впрочем, нам не известно, следует ли называть это материальным или нематериальным, что для нас не имеет значения, так как эти слова имеют лишь очень относительную ценность для любого, кто становится за пределы конвенциональных рамок современной философии, и этот ход размышлений остается совершенно чужд восточным учениям, единственным, в которых в наши дни вопрос, о котором идёт речь, исследуется так, как он должен быть. Хотим уточнить, что указанное нами

в настоящее время главным образом является состоянием живого человека, так как после смерти существо подвергается совершенно иным изменениям, чем простой потери своего тела, в противоположность тому, что утверждают спириты и даже оккультисты. Поэтому то, что способно являться после смерти, может лишь рассматриваться как нечто вроде следа этого тонкого состояния живого существа, и оно является самим этим состоянием не больше, чем труп — живым организмом. На протяжении жизни тело выступает выражением определённого состояния существа, но это существо равным образом и в то же самое время обладает бестелесными состояниями, среди которых обсуждаемые нами является к тому же наиболее близкими к телесному состоянию. Это тонкое состояние должно представляться наблюдателю скорее как сила или совокупность сил, нежели чем тело, и телесный облик «материализаций» лишь в исключительных случаях добавляется к его обычным качествам. Всё это было странным образом искажено оккультистами, утверждающими в самом деле, что «астральный план» — это «мир сил», но это нисколько не мешает помещать в него тела. Ещё следует добавить, что «тонкие силы» весьма отличны, как по своей природе, так и по образу действия, от сил, которые изучает обычная физика.

Что любопытно отметить как следствие этих последних рассуждений, так это следующее: даже те, кто допускает возможность вызывать умерших (мы имеем в виду реальное существование умерших) должен был бы признать, что равным образом возможно и даже более легко вызвать живого, потому что умерший не приобрел, на наш взгляд, новые элементы, и к тому же, каковым бы не было его предполагаемое состояние, это состояние по сравнению с состоянием живых никогда не предложит сходства столь совершенного, как при сравнении живых между собой, из чего следует, что возможности общения, если они существуют, в любом случае нельзя уменьшить, ни увеличить. Между тем, примечательно, что спириты яростно восстают против этой возмож-

ности вызывать живого, и кажется, что они находят это особо пугающим для своей теории. А мы, отрицающие любое основание для неё, напротив, признаём эту возможность, и мы постараемся чуть более ясным образом показать доводы в её пользу. У трупа не появляется новых свойств по сравнению со свойствами живого организма, он сохраняет только некоторые из свойств, которыми тот обладал. Также ob древних евреев или *preta* индусов не может иметь новых свойств в сравнении с состоянием, лишь след которого он представляет. Стало быть, если этот элемент может быть вызван, то и живой может быть вызван также в его соответствующем состоянии. Конечно, только что сказанное нами предполагает лишь аналогию между различными состояниями, а не уподобление телу. *Ob* (давайте сохраним это название для большей простоты) есть лишь «астральный труп», и это лишь невежество оккультистов, путающих аналогию и тождество, превратило его в «скорлупу», о которой мы говорили. Оккультисты, скажем ещё раз, лишь собрали обрывки непонятных знаний. Заметим ещё, что все традиции согласны в признании реальности магической эвокации ob, какое бы имя они ему не давали. В особенности, древнееврейская Библия сообщает о случае эвокации пророка Самуила[78], и к тому же, если бы это не было реальностью, запреты, которые она содержит, не имели бы ни смысла, ни значения. Но вернёмся к нашему вопросу: если живой человек может быть вызван, то по сравнению со случаем смерти имеется разница, что, так как состав совершенно не разложился, эвокация с неизбежностью повлияет на его реальное бытие. Стало быть, эвокация может иметь значительно более тяжелые последствия в этом отношении, чем эвокация ob, что никоим образом не означает, что эта последняя также их не имеет, хотя и другого порядка. С другой стороны, возможность эвокации, возможно, осуществима преимущественно, если человек дремлет, потому что именно тогда, что касает-

[78] 1Сам. 28.

ся его нынешнего сознания, он находится в состоянии, соответствующему тому, в котором может быть проведена его эвокация, по крайней мере, если только он не погружен в настоящий глубокий сон, когда его ничто не в силах затронуть и на него не может быть оказано никакое внешнее влияние. Эта возможность связана только с тем, что мы можем назвать состоянием дремы, средним между бодрствованием и глубоким сном, и также именно с этой стороны, заметим попутно, следовало бы в действенности искать подлинное объяснение всех феноменов сновидений, объяснение, которое не в меньшей степени невозможно для психологов, чем для физиологов. Едва полезным будет сказать, что мы не посоветовали бы никому пытаться проводить эвокацию живого и особенно добровольно становится объектом такого опыта, и что было бы крайне опасно публично давать малейшие указания, могущие помочь достижению этого результата. Но самое неприятное из того, что может случиться, заключается в возможности, что этот результат достигается иногда самопроизвольно, и в этом одно из побочных неудобств, которые представляет распространение эмпирических практик спиритов. Мы не хотим преувеличивать значимость такой опасности, но уже достаточно того, что эта опасность существует, какое бы исключение она не составляла. Вот то, что утверждает на эту тему психист, выставивший себя решительным противником гипотезы спиритов, инженер Дональд Мак-Наб:

> Может случаться, что на сеансе происходит материализация физического облика находящегося вдалеке человека, находящегося в психической связи с медиумом. В таком случае, если действовать неумело, можно убить этого человека. Много случаев внезапной смерти может иметь эту причину[79].

[79] Цитируемая статья издана в *Le Lotus*, март 1889, стр. 732. Последняя фраза даже подчеркнута.

В другом месте этот же автор рассматривает также, кроме, собственно говоря, эвокации, другие возможности того же рода:

> Находящийся вдалеке человек может психически присутствовать на сеансе, так что это очень хорошо объясняет, что можно наблюдать призрак этого человека или любого другого образа, содержащегося в его бессознательном, включая и образы умерших людей, которых он знал. Человек, который является таким образом, как правило, не осознает этого, но он испытывает нечто вроде провала в памяти или отключки. Этот случай встречается более часто, чем думают[80].

Давайте просто заменим здесь «бессознательное» «подсознанием» и увидим, что это точь-в-точь в сущности, что мы говорили выше об этих неясных ответвлениях человеческого существа, позволяющих объяснить так много вещей в спиритических «сообщениях». Прежде чем идти дальше, мы заметим ещё, что «медиум, специализирующийся на материализациях» всегда погружен в этот особый сон, который англосаксонские спириты называют трансом, потому что его жизненная энергия, как и его сознание, в то время сконцентрированы в «тонком состоянии», и даже, по правде говоря, этот транс намного более похож на мнимую смерть, чем обычный сон, поскольку в таком случае между этим «тонким состоянием» и телесным состоянием происходит более или менее полное разъединение. Именно поэтому при любом опыте с «материализацией» медиум постоянно подвергается опасности смерти, не меньше чем оккультист, который пытается «раздвоится». Чтобы избежать этой опасности, следовало бы обратиться к особым средствам, которые ни один и ни другой не могут иметь в своем распоряжении; несмотря на все их претензии, «практикующие» оккультисты являются, точно также, как и спириты, простыми эмпириками, не знающими даже то, что они делают.

---

[80] Там же, стр. 742.

«Тонкое состояние», о котором мы ведём речь, и с которым следует связать в общем не только «материализации», но также все прочие явления, предполагающие в какой-либо степени «экстериоризацию», это состояние, скажем мы, в учении индуизма носит название *тайджаса*, потому что это учение рассматривает соответствующий принцип как имеющий природу огненного элемента, который является одновременно теплом и светом. Это можно было бы легче понять через изложение состава человеческого существа, такого, каковым его видит данное учение. Но мы не можем подумать о том, чтобы здесь взяться за это, так как этот вопрос потребовал бы специального исследования, которое к тому же у нас есть намерение когда-либо осуществить. В данный момент мы должны ограничиться очень кратким указанием на некоторые из возможностей этого «тонкого состояния», возможностей, превосходящих, к тому же, намного все феномены спиритизма, с которыми они даже несравнимы. К таковым относятся, например, следующие: возможность переводить в это состояние всю полноту индивидуального сознания, а не только часть «подсознания», как это имеет место во время обычного сна и в гипнотических и медиумических состояниях; возможность «локализовать» это состояние в каком-либо месте, то, что является собственно говоря «экстериоризацией», и конденсировать в этом месте благодаря своему средству телесный призрак, что аналогично «материализации» спиритов, но без вмешательства какого-либо медиума; возможность придавать этому призраку либо даже форму тела (и в таком случае он по-настоящему заслуживал бы название «двойника»), либо любую другую форму, соответствующую какому-либо мысленному образу; наконец, возможность «переводить» в это состояние, если можно так выразиться, составные элементы самого тела, что покажется, без сомнения, ещё более необычным, чем все остальное. Заметим, что в этом заключается объяснение, среди прочих вещей, феноменов «билокации», принадлежащих к числу тех, на которые мы намекали, когда говорили,

что существуют феномены, крайне сходные примеры которых мы находим у святых и колдунов. Здесь мы находим также объяснение этих историй, слишком распространённых, чтобы не иметь основы, о колдунах, которых видели скитающимися в обличье животных, и можно было бы ещё увидеть, отчего удары, наносимые этим животным, имеют своё отображение в виде реальных ран на теле колдуна, также как и когда его призрак является в его естественной форме, которая может быть, к тому же, не видна для всех присутствующих. Касательно последнего момента, как и в отношении многих других, случай Сидевиля особенно показателен и поучителен. С другой стороны, именно с очень неполными и очень рудиментарными осуществлениями последней из перечисленных нами возможностей следовало бы связать феномены «левитации», о которых мы уже прежде вели речь (и в отношении которых следовало бы повторить то же самое замечание, что и в отношении «билокации»), изменение веса, зафиксированное у медиумов (что внушило некоторым психистам нелепое заблуждение о возможности «взвесить душу»), а также эти «изменения состояния» или, по крайней мере, формы, должные происходить при «аппортах». Также имеются случаи, которые можно было бы рассматривать как представляющие неполную «билокацию»: к таковым относятся все феномены «телепатии», то есть призраки человеческих существ на расстоянии, являющиеся в течение их жизни или даже в момент их смерти, призраки, которые, к тому же, могут представлять чрезвычайно разнообразные степени плотности. Возможности, о которых идёт речь, находясь вне области обычного психизма, позволяют объяснить *a fortiori*[A] многие изучаемые им феномены; но эти феномены, как мы только что видели, представляют лишь их отдельные случаи, сведенные к самым посредственным размерам. Впрочем, при всем этом мы говорим лишь о возможностях и признаём, что они из разряда ве-

[A] С большим основанием (лат.) — прим. пер.

щей, на которых было бы достаточно трудно настаивать, учитывая, прежде всего, склад ментальности, господствующей в нашу эпоху. Можно ли его, например, заставить поверить, что при определённых условиях человеческое существо может покинуть земное существование, не оставляя после себя трупа? Однако обратимся ещё к свидетельству Библии: Еноха «не стало, потому что Бог взял его»[81]; Моисей «умер [...] по слову Господню, и никто не знает места погребения его»[82], Илья вознесся на небеса «на огненной колеснице»[83], странным образом напоминающую «огненную повозку» индусской традиции. И если эти примеры подразумевают вмешательство причины трансцендентального уровня, тем не менее правда, что это вмешательство также допускает наличие у человеческого существа определённых возможностей. Как бы там ни было, мы указываем на всё это лишь для того, чтобы дать пищу для размышлений тем, кто способны думать, и чтобы побудить их представить себе до определённой степени широту этих возможностей человеческого существа, о которых самое большое число столь совершенно не подозревает. Для них же мы добавим; всё то, что связано с этим «тонким состоянием», касается очень тесно самой природы жизни, которую древние, например, Аристотель, соглашаясь в этом с восточными людьми, отождествлял с теплом, специфическим качеством элемента *tejas*[84]. Кроме того, этот элемент некоторым образом переходит в тепло и свет, из чего вытекает, что «тонкое состояние» связано с телесным состоянием двумя различными и взаимодополняющими путями, посредством нервной системы, что касается световой природы, и посредством крови, что каса-

[81] Быт. 5:24.

[82] Втор. 34:6.

[83] 2Цар. 2:11.

[84] В этом случае речь не идёт о «витальном принципе» в духе некоторых современных теорий, которые являются почти не менее искажёнными, чем теория «астрального тела». Мы не знаем, в какой степени «пластический медиатор» Кедворта может избежать этой же самой критики.

ется тепловой природы; в этом основы всей «психофизиологии», которая не имеет никакого отношения к психофизиологии современных западных людей и о которой последние не имеют ни малейшего представления. Здесь следовало бы ещё напомнить роль крови в производстве определённых феноменов, её использование в различных магических и даже религиозных обрядах и также запрет на употребление её в пищу традиционными установлениями, как, например, установлениями древних евреев. Но это могло бы нас увести очень далеко, и к тому же эти вещи не принадлежат к числу тех, о которых можно спокойно говорить без ограничений. Наконец, «тонкое состояние» не следует рассматривать только в индивидуальных живых существах и, как любое другое состояние, оно имеет своё соответствие на космическом уровне; именно на него ссылаются мистерии «Яйца Мира», этого древнего символа, общего для друидов и брахманов.

Кажется, что мы находимся очень далеко от феноменов спиритизма, это верно, однако именно это последнее только что сделанное нами замечание возвращает нас к нему, позволяя нам дополнить предложенное нами ему объяснение, которому не достает ещё кое-чего. Живое существо в каждом из своих состояний находится в связи с соответствующей космической средой. Это очевидно для телесного состояния, и для остальных здесь следует видеть аналогию, как в любых вещах. Подлинная аналогия, правильно проведенная, не может, само собой разумеется, быть ответственна за эти злоупотребления ложной аналогией, которую ежеминутно отмечаешь у оккультистов. Они, используя термин «астральный план», исказили и изобразили в карикатурном виде, так сказать, космическую среду, соответствующую «тонкому состоянию», бестелесной среде, чьё «поле сил» является единственным образом, который может представить себе физик, и ещё с оговоркой, что эти силы совершенно отличны от тех, с которыми он привык обращаться. Вот, стало быть, то, что объясняет посторонние действия, могущие

в определённых случаях присоединяться к действиям живых существ и комбинироваться с ними некоторым образом для производства феноменов, и опять, то, чего следует опасаться больше всего при создании теорий, так это произвольно ограничивать возможности, которые можно назвать собственно неопределёнными (мы не говорим безграничными). Способные вступить в игру силы разнообразны и многочисленны. Их следует рассматривать как происходящие от особых существ или как простые силы в смысле, более близком тому, в котором физик понимает это слово, что не имеет большого значения, когда ограничиваются общими рассуждениями, так как и то и другое может быть верным в зависимости от случая. Среди этих сил имеются такие, которые по своей природе стоят ближе к телесному миру и физическим силам и которые, как следствие, проявятся более легко, вступая в контакт с доступной восприятию органов чувств сферой через посредство живого организма (организма медиума) или благодаря любому другому средству. Между тем, эти силы являются как раз низшими из всех, а значит следует самым тщательным образом избегать их воздействия, которое может быть самым неблагоприятным. В космическом плане они соответствуют тому, что в человеческом существе является низшими областями «подсознания». Именно к этой категории следует отнести все силы, которыми дальневосточная традиция дала общее наименование «блуждающих влияний», силы, управление которыми составляет самую важную часть магии и проявления которых, иногда самопроизвольные, дают место всем этим феноменам, чьим самым известным типом является «навязчивая идея». Это, в итоге, все неиндивидуализированные энергии, и естественно, имеется много их видов. Некоторые из этих сил можно назвать по-настоящему «демоническими» или «сатанинскими»; именно их пускают в ход колдуны, и спиритические практики также могут их притягивать, хотя и невольно. Медиум — это существо, которое свою злосчастную конституцию связывает со всем тем, что

менее всего заслуживает похвалы в этом мире и даже в низших мирах. Под «блуждающими влияниями» следует равным образом понимать всё то, что, происходя от умерших, способно давать место чувственно воспринимаемым проявлениям, так как здесь речь идёт об элементах, не являются более индивидуализированными. Таков сам *ob* и таковыми с большим основанием являются все эти психические элементы меньшей значимости, представляющие «продукт распада бессознательного (или лучше «подсознания») умершего человека»[85]. Добавим, что в случае насильственной смерти ob сохраняют на протяжении определённого времени совершенно особую спаянность и псевдо-жизненную энергию, что позволяет объяснить значительное количество феноменов. Мы приводим здесь только несколько примеров, и к тому же, повторим, вовсе не нужно указывать на необходимый источник этих влияний. Там, откуда они происходят, их можно уловить согласно определённым законам. Но обычным ученым, совершенно ничего не знающим об этих законах, не следовало бы удивляться, испытывая некоторое разочарование и будучи не в состоянии подчинить себе «психическую силу», которой, кажется, иногда нравится расстраивать самые искусные комбинации их экспериментального метода; не потому что эта сила (которая, впрочем, не *одна*) более «капризна», чем любая другая, но ещё надо уметь ей управлять. К несчастью, она имеет на своем счету иной вред, чем шутки, которые она играет с учеными. Маг, знакомый с законами действия «блуждающих влияний», можно определить их при помощи различных способов, например, используя для поддержки определённые вещества или определённые предметы, действующие на манер «конденсаторов». Само собой разумеется, есть лишь чисто внешнее сходство между действиями этого рода и воздействием «духовных влияний», о которых прежде шла речь. Наоборот, маг может также растворить «скопления» тонкой силы, ко-

[85] Статья Мак-Наба в *Le Lotus*, март 1889, стр. 742.

торые были сознательно созданы им или другими или которые исчезают самопроизвольно. В этом отношении, огни святого Эльм были хорошо известны во все времена. Эти два противоположных действия аналогичны тому, что алхимия называет «свертыванием» и «растворением» (мы говорим, аналогичны, но не тождественны, так как силы, задействуемые в алхимии и в магии, не принадлежат к точно такому же порядку). Они составляют «обращение» и «возвращение», посредством которых производится и заканчивается любая операция западной «церемониальной магии». Но она может носить в высшей степени символический характер, и принимая буквально ту манеру, в которой она «персонифицирует» силы, доходишь до крайней нелепости; впрочем, именно это делают оккультисты. Что имеется подлинного в этом символизме, так это прежде всего следующее: силы, о которых идёт речь, можно разделить на различные классы, и выбор той или иной классификации будет зависеть от принятой точки зрения. Классификация западной магии разделяет силы, в соответствии с их сходством, на четыре «элементарных царства», и не следует искать другого источника происхождения и другого реального значения у современной теории «элементалов»[86]. С другой стороны, в промежутке между двумя противоположными фазами, являющимися крайними точками его операции, маг может придавать силам, которые он уловил, нечто вроде сознания, отражение или продолжение его собственного сознания, что придает им черты временной индивидуальности. И именно эта искусственная индивидуализация у тех, кого мы называем эмпириками и которые применяют непонятые правила, вызывает иллюзию, что имеешь дело с настоящими существами. Маг, знающий, что он делает, если он изучает эти псевдоиндивидуальности, которые он сам породил за счёт своей жизненной энергии, может видеть в них лишь способ заставить явиться посредством искусственного процесса то, что его

[86] Кроме того, магия использует также классификации, имеющие астрологическую основу; нам не следует здесь заниматься этим.

«подсознание» уже содержало в латентном состоянии. Впрочем, эта же теория применима с необходимыми изменениями ко всем способам гадания, какими бы они ни были. Именно здесь находится, когда простой экстериоризации живых совершенно недостаточно, объяснение спиритических «сообщений», с той разницей, что эти влияния, не будучи направляемы в этом случае чьей-либо волей, проявляются самым несвязным и самым неупорядоченным образом. Пожалуй, имеется также и другое различие, различие в задействованных методах, так как использование человеческого существа в качестве «конденсатора» до спиритизма было уделом колдунов самого низшего пошиба. Также имеется ещё и третье различие, поскольку, как мы уже говорили, спириты более невежественны, чем последний из колдунов, и никто из колдунов никогда не поднимал на щит бессознательное, для того чтобы принимать «блуждающие влияния» за «души умерших». Перед тем, как оставить эту тему, хотим ещё добавить, что кроме способа действия, о котором мы говорили и который является единственным, известным обычным магам, по крайней мере, на Западе, есть и другой, совершенно иной, принцип которого состоит в конденсации влияний в себе самом, так чтобы мочь пользоваться ими по желанию и таким образом иметь в своем распоряжении постоянную возможность производить определённые феномены. Именно к этому способу действия следует отнести феномены факиров, но не забудем, что они в чём-то ещё лишь невежды, и они, обладая совершенным знанием о законах этого порядка вещей, в то же самое время совершенно не интересуются их применением.

Мы не утверждаем, что приведённые выше указания составляют в той очень сокращенной форме, в которой бы их дали, совершенно полное объяснение феноменов спиритизма. Однако они содержат всё то, что необходимо для обеспечения этого объяснения, возможность которого мы хотели, по крайней мере, показать, перед тем как предоставить подлинные доказательства бессодержательности спиритиче-

ских теорий. Мы были вынуждены сократить в этой главе рассуждения, чьё развитие потребовало бы нескольких томов; разве бы мы остановились на этом более, чем следовало бы сделать, если бы нынешние обстоятельства не подтвердили бы нам необходимость противопоставить некоторые истины растущему потку «неоспиритического» бреда. Эти вещи в самом деле не принадлежат к числу тех, на которых нам доставляет удовольствие останавливаться, и мы далеки от того, чтобы испытывать тягу к «промежуточному миру», к которому они относятся, тягу, проявляемую любителями «феноменов». Поэтому нам не хотелось бы в этой сфере быть вынужденными выходить за рамки совершенно общих и обобщающих рассуждений, единственных, впрочем, чьё изложение не может доставить никакого неудобства. Мы убеждены, что эти объяснения, такие, как они есть, уже идут намного дальше, чем всё то, что можно было бы отыскать в других местах на эту тему, но мы хотим решительным образом предупредить, что они не могут принести никакой пользы тем, кто хотел бы предпринять опыты или попытаться заняться какими-либо практиками, вещами, от которых, вместо того чтобы их пусть хоть самая малость поощрять, никогда не помешает достаточно усердно отговаривать.

Часть вторая. Обзор спиритических теорий

Глава I. Разнообразие спиритических школ

Перед обсуждением учений спиритизма необходимо отметить, что эти теории значительно различаются в разных школах. Что касается спиритизма в общем, то это всего лишь гипотеза о возможности общения с мёртвыми и возможности их проявлений через осязаемые средства. В остальном мнения могут расходиться, даже по таким важным вопросам, как реинкарнация, которую одни принимают, а другие отвергают. Факта таких разногласий уже достаточно для серьёзных сомнений в ценности предполагаемых спиритических откровений. Фактически, особый характер спиритизма состоит в том, что то, что он представляет в качестве своей доктрины, как утверждается, полностью основано на учениях «духов». Это подделка «откровения» в религиозном смысле, что стоит отдельно подчеркнуть, тем более что спириты с удовольствием заявляют, будто речь идёт о тех же явлениях, из которых религии черпали своё происхождение, и тем самым приравнивают основателей религий, медиумам, актёрам и чудотворцам одновременно. Они, действительно, сводят чудеса к событиям, которые происходят на их сеансах, пророчества — к «сообщениям», которые они получают[87], и «деяния» их «целителей-медиумов» они с радостью уподобляют исцелениям, описанным в Евангелии[88]. Эти люди, кажется, настойчиво стремятся «натурали-

[87] В книге под названием *Spirite et Chrétien* Александр Беллемар пошел даже дальше и написал следующее: «Мы сводим пророков Старого Завета к уровню медиумов; мы понижаем то, что было неправомерно вознесено; мы исправляем искажённый смысл. И, если нам пришлось бы сделать выбор, мы предпочли бы гораздо больше то, что ежедневно пишут современные медиумы, чем то, что написали медиумы Ветхого Завета.»

[88] См. Леон Дени, *Christianisme et Spiritisme*, стр. 89-91; *Dans l'Invisible*, стр. 423-439.

зовать сверхъестественное». У нас, кстати, есть пример псевдорелигии, «Антуанства», основанной в Бельгии «целителем», бывшим вождем спиритической группы, учение которого набожно принимают его последователи, и оно включает в себя не многим больше, чем некую протестантскую мораль, выраженную на почти непонятном жаргоне; можно сказать примерно то же и о некоторых американских сектах, таких как *Christian Science*, которые, хотя не являются спиритическими, вполне подходят под определение «неоспиритуалистических». Обратим внимание, раз возник подходящий случай, что спириты любят толковать Евангелие по-своему, следуя примеру протестантизма, влияние которого на все эти движения невозможно отрицать: они верят, что даже находят в нём аргументы в пользу реинкарнации. Кроме того, хотя некоторые спириты охотно называют себя христианами, они являются ими только в духе либерального протестантизма, потому что это не предполагает признание божественности Христа, который для них является лишь «высшим духом»: такова позиция французских спиритов школы Аллана Кардека (есть даже группа, явно называющая себя «христианские кардекианцы»), и такой же позиции придерживается «неохристианство», предложенное водевилистом Альбеном Валабрегом, который, кстати, является израильтянином. Мы знаем оккультистов, которые, вместо того чтобы называть себя христианами, как все остальные, предпочитают называть себя «христиками», чтобы тем самым подчеркнуть, что они не намерены принадлежать какой-либо Церкви; спиритам, должно быть, будет также легко найти своё собственное определение, чтобы избежать любых двусмысленностей, потому что они явно находятся гораздо дальше от реального христианства, чем оккультисты, о которых мы говорим.

Однако вернёмся к учениям «духов» и их бесчисленным противоречиям. Даже предполагая, что эти «духи» являются теми, за кого себя выдают, какой интерес может быть в слушании их слов, если они не согласуются друг с другом и, не-

смотря на изменение своего состояния, не знают больше, чем живые люди? Спириты отвечают, что есть «низшие духи» и «высшие духи», и что только последние заслуживают веры, в то время как другие, будучи далеко от того, чтобы «просветлять» живых, часто нуждаются в «просветлении» от них. Не говоря уже о «духах-шутниках», за которыми стоит множество бесполезных или даже непристойных «сообщений», которые нужно просто отбрасывать. Но как различить эти различные категории «духов»? Спиритисты воображают, что имеют дело с «высшим духом», когда получают «сообщение», которое им кажется «возвышенным», либо потому, что оно выглядит как проповедь, либо потому, что оно содержит какую-то путаницу философского вида; но, к сожалению, непредвзятые люди обычно видят в этом только банальность, и если, как часто бывает, это «сообщение» подписано великим человеком, оно может создать впечатление, что тот нисколько не «прогрессировал» после смерти, что противоречит идее эволюционизма спиритов. С другой стороны, эти «сообщения» должны содержать основу учения спиритов; но так как они противоречат друг другу, они не могут все одинаково происходить от «высших духов», поэтому серьёзный тон, который они принимают, не является достаточным основанием; но к какому другому критерию можно прибегнуть? Каждая группа естественно восхищается «сообщениями», которые она получает, но пренебрегает теми, которые получают другие группы, особенно когда речь идёт о группах, между которыми существует некоторая конкуренция; фактически, у каждой из них обычно есть свой назначенный медиум, и медиумы проявляют невероятную ревность по отношению к своим коллегам, утверждая, что они монополизируют некоторых «духов», оспаривая подлинность «сообщений» других, и все группы последуют им в этом отношении; и все сообщества, проповедующие «всеобщее братство», до некоторой степени подвержены этому! Когда возникают противоречия в наставлениях, это ещё более сложно; все, что некоторые приписывают «высшим ду-

хам», другие признают за проделки «низших духов», и наоборот, как в споре между реинкарнационистами и антиреинкарнационистами; каждый обращается к свидетельству своих «руководителей» или «контролирующих»[89], то есть «духов», которым он доверяет, и которые, конечно же, спешат подтвердить его в убеждении в их собственном «превосходстве» и «низком положении» их противников. В таких условиях, когда спириты настолько не могут прийти к согласию относительно качества своих «духов», как можно верить в их способности к различению? И даже если не обсуждаются источники их учений, могут ли они иметь большую ценность, чем мнения живых, поскольку эти мнения, даже если они ошибочны, продолжают существовать и их после смерти, не отвергаются или корректируются крайне медленно? Таким образом, хотят объяснить, например, почему, в то время как большинство «коммуникаций», особенно во Франции, имеют очень «деистическое» направление, близкое к концу XVIII века, есть и такие, которые откровенно атеистические, и даже материалистические, что не слишком парадоксально, если принять во внимание общий материализм спиритов и их представления о жизни после смерти. Кроме того, такого рода «коммуникации» могут также найти сторонников в некоторых средах. Разве Жюль Лермин, «старый маленький служащий» из *La Lanterne*, не принимал с радостью квалификацию «материалистический спирит»? Перед всеми этими несоответствиями спириты должны осторожно признать, что их доктрина не является абсолютно стабильной, что она может «развиваться» так же, как и сами «духи»; и быть может, со своей особой ментальностью, они даже не слишком далеко от того, чтобы увидеть в этом признак превосходства. Они заявляют, что «полагаются на разум и на прогресс науки, сознательно изменяя свои верования по мере необходимости, которую демон-

[89] Первый термин относится к французским спиритам, второй — к англо-саксонским.

стрируют прогресс и опыт»[90]; наверняка, нельзя быть более современным и «прогрессивным». Спириты, вероятно, считают, как и Папюс, что «эта идея прогрессивной эволюции положит конец всем более или менее разработанным богословским представлениям о Рае и аде»[91]; эти бедняги не подозревают, что, восхищаясь этой идеей, они являются просто жертвами самой наивной из всех иллюзий.

В условиях, которые мы только что описали, можно понять, что спиритизм является несколько анархичным и не может иметь четкую организацию; однако в разных странах были созданы своего рода ассоциации, где различные группы спиритов, или, по крайней мере большинство из них, объединяются, не отказываясь от своей автономии. Это скорее согласование, чем фактическое руководство. Такие «федерации» существуют, в частности, в Бельгии и в нескольких государствах Южной Америки; во Франции был создан в 1919 году «Спиритический союз», претензии которого шире, так как его штаб-квартира является «Комитетом по руководству спиритизмом», но мы не знаем, насколько следуют этому руководству, и, во всяком случае, всегда можно наблюдать некоторое количество диссидентов[92]. В самой школе кардекианства согласие также не совершенно: одни, как мистер Леон Дени, заявляют о строгом следовании чистому кардекианству, другие, как мистер Габриэль Деланн, хотят предоставить движению спиритизма более «научное» направление. Некоторые спириты утверждают даже, что «спиритизм-религия должен уступить место спиритизму-науке»[93]; но в конечном счёте спиритизм, в какой бы форме он

---

[90] Dr. Gibier, *Le spiritisme*, стр. 141. — Ср. Léon Denis, *Christianisme et Spiritisme*, стр. 282.

[91] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 360.

[92] На спиритическом конгрессе, состоявшемся в январе 1910 года в Брюсселе, был предложен ещё более амбициозный проект — «Всемирная Спиритическая федерация»; похоже, что из этого проекта ничего не последовало, хотя тогда было создано «Международное бюро спиритизма» под председательством рыцаря Ле Клемана де Сен-Марка.

[93] *Le Fraterniste*, 19 декабря 1913.

ни выступал и какими бы «научными» претензиями он ни обладал, он никогда не будет чем-то кроме псевдорелигии. Мы можем процитировать, как особенно значимые в этом отношении, вопросы, заданные и обсуждавшиеся на международном спиритическом конгрессе в Женеве в 1913 году:

> «Какую роль спиритизм может сыграть в религиозной эволюции человечества? Является ли спиритизм универсальной научной религией? Какое отношение спиритизма к другим существующим религиям? Может ли спиритизм рассматриваться как культ?»

Приведённое нами заявление не происходит от кардексистской школы; оно взято из органа секты, называющей себя «Фратернизм», которая придерживается достаточно особого учения и получила значительное распространение, особенно среди рабочих кругов севера Франции; мы ещё вернёмся к этому на другом примере, а также к некоторым другим сектам подобного рода, которые являются одними из наиболее опасных.

В Америке связь между всеми группировками особенно проявляется через массовые собрания на открытом воздухе, называемые *camp-meetings*, которые проводятся более или менее регулярно. На этих мероприятиях в течение нескольких дней слушаются речи и обращения лидеров движения и «вдохновлённых» медиумов, что совсем не похоже на европейские конгрессы. Кроме того, в своей родине, как и следовало ожидать, спиритизм породил самые многочисленные и разнообразные ассоциации. Нигде более открыто он не претендовал на статус религии, чем в некоторых из этих них. Действительно, есть спиритисты, которые не боялись создавать «Церкви» с организацией, абсолютно аналогичной бесчисленным протестантским сектам в этой стране. Например, «Церковь истинного Спиритуализма», основанная по наставлению «духа» проповедника Сэмюэла Ватсона, бывшего методистского священника, который когда-то обратился в *modern spiritualism*. Другие предпочитают этому

форму тайных или полутайных обществ, которые находятся в большом почете в США и украшают себя наиболее громкими и помпезными титулами для впечатления «профанов». Американец может произвести впечатление на тех, кто не знает, о чём идёт речь, представив себя членом «Ордена Мелхиседека», также известного как «Братство Иисуса»[94], или любого «Ордена Магов» (их несколько), и затем окажется, что он просто обычный спиритист. Организации такого рода могут и не обязательно быть спиритическими, но имеют в своих рядах большое количество спиритов. Во множестве форм «неоспиритуализма» есть некоторые, которые можно охарактеризовать как обновлённый спиритизм. С этой точки зрения возникает вопрос, не являются ли оккультистские атрибуты и эзотерические претензии той или иной организации просто маской, которую надели некоторые спириты, стремясь отделиться от массы и осуществить своеобразный отбор. Если спириты в общем случае отвергают эзотеризм, то наличие некоторых из них в настоящих оккультных кругах уже свидетельствует о том, что может быть множество компромиссов и переходов. Поведение этих людей не всегда строго соответствует их принципам, если они вообще имеют принципы. Особенно часто можно увидеть подобное среди англо-саксонских спиритов. Мы уже говорили о так называемом розенкрейцерском английском обществе под названием «Орден росы и света», которое обвинялось конкурентами в практике «чёрной магии»[95]. Без сомнения, у него не было никаких связей с древними розенкрейцерами, которыми оно пыталось обосновать своё происхождение; большинство его членов были спиритами, и по сути, там скорее занимались спиритизмом, чем чем-то дру-

[94] Этот «Орден», под покровительством которого действует «Ассоциация палаточных встречь Сионского холма» (Арканзас), направляется «Высшим Храмом», который ежегодно собирается на встрече там же, и который состоит из членов, «избранных королевствами света» (*sic*).

[95] «Теософизм», стр. 33-34.

гим. «Их наставники», как мы можем прочитать в письме, опубликованном теософским органом,

> являются элементалами: монах Франциско, г-н Шелдон и Абдалла бен Юсуф, последний — древний арабский адепт; они приносят в жертву козлов; хотели создать круг, чтобы получать информацию в незаконном порядке. Среди них также есть астрологи и неосознанные последователи Хирама Батлера[96].

Последний основал в Бостоне «Эзотерическое Братство», которое ставило своей целью «изучение и развитие истинного внутреннего смысла божественного вдохновения и интерпретации всех Писаний»; его довольно многочисленные произведения не содержат ничего серьёзного. Тем не менее, в данном примере нельзя сказать, что это именно школа спиритизма; можно предположить, что спиритисты проникли в существовавшую организацию, или же что это было всего лишь обманное прикрытие с использованием узурпированного имени; в любом случае, это не был просто спиритизм, это был спиритизм с некоторыми влияниями. Если мы привели этот пример, то сделали это, чтобы лучше показать все формы, которыми такое движение может обладать; кроме того, мы ещё раз напомним о влиянии, которое спиритизм очевидно оказал на оккультизм и теософию, несмотря на явное противостояние, которое он имеет по отношению к более поздним школам, учредители и лидеры которых, в основном, ранее были спиритами и всегда сохраняли что-то из их первоначальных идей.

---

[96] *Lucifer*, 15 июня 1889.

Глава II. Влияние среды

Хотя теории спиритов имеют своим источником «сообщения» мнимых «духов», они всегда тесно связаны с идеями, имеющими хождение в среде, где эти «сообщения» готовятся; эта констатация прочно опирается на изложенный нами тезис, согласно которому основной подлинный источник «сообщений» находится в подсознании медиума и присутствующих. Напомним, что возможно к тому же образование нечто вроде сочетания различных «подсознаний» присутствующих, так чтобы создать по крайней мере иллюзию «коллективной сущности»; мы говорим об иллюзии, потому что это только оккультисты со своей манией видеть во всем и всегда «живые существа» (и они ещё упрекают религии за их мнимый антропоморфизм!), могут дать себя увлечь видимостью, вплоть до того что верят, что речь здесь идёт о настоящем существе. Как бы то ни было, образование этой «коллективной сущности», если сохранять эту манеру выражения, объясняет факт, отмеченный всеми спиритами, что «сообщения» носят тем более отчетливый и связный характер, чем более регулярно и всегда с одними и теми же участниками проводятся сеансы. Поэтому они настаивают на этих условиях, даже не зная причину этого и часто проявляют колебания в допуске новых членов в уже устоявшиеся группы, предпочитая склонить их к созданию других групп; впрочем, слишком многочисленное собрание мало бы годилось для установления прочных и продолжительных связей между его членами. Влияние присутствующих может заходить слишком далеко и проявляться иным образом, чем через «сообщения», если верить русскому спириту Аксакову, согласно которому вид «материализаций» будто бы меняется всякий раз, как на сеансах, где эти они производятся, по-

являются новые присутствующие, при этом данные «материализации» продолжают, однако, являться под одной и той же личиной. Естественно, этот факт объясняется им заимствованиями, которые «материализованные духи» делают у «периспритов» живых людей, но что касается нас, мы можем увидеть здесь создание нечто вроде «разнородного образа», которому каждый предоставляет некоторые черты, когда происходит слияние между продуктами различных индивидуальных «подсознаний».

Конечно, мы не исключаем возможность действия посторонних влияний, но, вообще говоря, эти явления, каковыми бы они ни были, когда они имеют место, они должны соответствовать устремлениям группы, в которых они проявляются. В самом деле, необходимо, чтобы их привлекала сюда определённая близость. Спириты, не знакомые с законами, в соответствии с которыми действуют эти влияния, на самом деле вынуждены принимать то, что является, и что они не могут определять по своему вкусу. С другой стороны, мы говорили, что «блуждающие влияния» не могут рассматриваться как соответствующим образом обладающие самосознанием. Лишь с помощью человеческих «подсознаний» они образуют временное сознание, так что, с точки зрения обладающих интеллектом явлений, результат здесь точно такой же, когда имеет место лишь простое действие экстериоризированных сил присутствующих. Единственное исключение, которое имеет здесь основание быть, касается отражённого сознания, могущего оставаться присущим психическим элементам, принадлежавшим человеческим существам, ныне находящимся в процессе распада. Но ответы, происходящие из этого источника, в основном имеют фрагментарный и бессвязный характер, так что сами спириты почти не уделяют этому внимания; и однако это и есть все, что по-настоящему происходит от мёртвых, хоть их «духа» или реальное существо, конечно, тут не причем.

Ещё есть основания рассмотреть другую вещь, чьё действие может иметь очень важное значение: это заимствован-

ные элементы, но не у непосредственно присутствующих, а у общего окружения. Существование тенденций или течений мысли, чья сила является преобладающей в определённую эпоху и в определённой стране, является достаточно общеизвестным фактом, по крайней мере, в смутной форме, чтобы можно было понять без труда то, что мы имеем в виду. Эти течения в большей или меньшей степени воздействуют на всех, но их влияние особенно сильно на индивидов, которых можно назвать излишне «чувствительными», и у медиумов это качество доведено до самой высокой степени. С другой стороны, у нормальных индивидов это же самое влияние действует главным образом именно в сфере «подсознания». Стало быть, оно проявляется более отчётливо, когда содержание этого «подсознания» выходит вовне, так как именно и случается на спиритических сеансах, и к этому источнику следует относить многие из этих неправдоподобных банальностей, обнаруживающихся в «сообщениях». Среди этого типа могут даже иметься проявления, представляющие, наверное, самый большой интерес: есть идеи, о которых обычно говорят, что они «носятся в воздухе», и известно, что некоторые научные открытия одновременно делали несколько человек, работающих независимо друг от друга. Если медиумы никогда не достигали таких результатов, то дело в том, что если даже они получают идею этого рода, то совершенно не способны извлечь из неё пользу, и всё то, что они сделают в этом случае, так это выразят её в более или менее смешной, иногда почти непонятной форме, что, однако, вызовет восхищение невежд, среди которых спиритизм находит огромное большинство своих почитателей. Вот, что объясняет «сообщения», имеющие научную или философскую оболочку, которую спириты представляют, как доказательство истинности своего учения, когда медиум, будучи слишком глупым или безграмотным, кажется им явно неспособным изобрести подобные вещи. И ещё нам следует добавить, что во многих случаях эти «сообщения» являются просто-напросто отражением содержа-

ния каких-либо прочитанных книг, может быть, непонятных и которые не обязательно читал сам медиум. Идеи или течения духовной жизни, о которых мы ведём речь, действуют слегка на манер «блуждающих влияний», и именно это наименование столь понятно, что можно включить их сюда как составляющие особый класс этих влияний: они не обязательно входят в «подсознание» индивидов, но могут также оставаться в состоянии более или менее неопределённых течений (но которые, само собой разумеется, не имеют ничего общего с «флюидическими» течениями оккультистов) и проявляться тем не менее на спиритических сеансах. В самом деле, на этих сеансах не только медиум, но именно вся группа целиком оказывается в состоянии пассивности или, если угодно, «чувствительности»; именно это позволяет ей привлекать «блуждающие влияния» в общем, потому что она была бы неспособна захватывать их, оказывая на них практическое действие, как это делает маг. Эта пассивность вместе со всеми вызываемыми ей последствиями является самой большой из всех опасностей спиритизма. К тому же, сюда следует присоединить в этом отношении неуравновешенность и частичное разложение, которые эти практики вызывают в элементах, составляющих человеческое существо и которые даже у тех, кто не является медиумом, вовсе нельзя оставлять без внимания: утомление, испытываемое простыми участниками после сеанса, показывает это в достаточной мере и, в конце концов, последствия могут быть самыми пагубными.

Есть и другой момент, который потребовал бы совершенно особого внимания: существуют организации, которые совершенно противоположны спиритическим группам в том смысле, что они стараются вызывать и поддерживать сознательным и добровольным образом определённые течения мысли. Если рассматривать, с одной стороны, такую организацию, а с другой, спиритическую группу, видно, что может произойти: одна породит течение, а другая его получит; таким образом, мы будем иметь позитивный и негативный

полюса, между которыми установится нечто вроде «психической телеграфии», особенно если рассматриваемая организация способна не только производить течение, но и его направлять. Объяснение этого рода, впрочем, применимо к феноменам «телепатии», но в этом случае связь устанавливается между двумя индивидами, а не между двумя коллективами и, кроме того, она чаще всего совершенно случайна и моментальна, не являясь более умышленной с одной стороны, чем с другой. Видно, что эти феномены связаны с тем, что мы говорили о реальных истоках спиритизма и той роли, которую при этом могли сыграть живые люди, хотя, как казалось, они не принимали здесь ни малейшего участия: движение наподобие этого было в высочайшей степени способно послужить делу распространения определённых идей, чьё происхождение могло оставаться целиком неизвестным для самих участвовавших в этом. Но неудобство заключается в том, что таким образом созданное орудие могло также оказаться в распоряжении каких-либо других влияний, возможно, даже противоположных тем, которые действовали первоначально. Мы не можем более ни останавливаться на этом, ни давать здесь более полной теории этих центров излучения мысли, на которые мы намекали; хотя это достаточно трудно, но возможно то, что мы сделаем при другой возможности. Мы добавим лишь пару слов на эту тему, чтобы избежать какого-либо неверного истолкования: когда речь идёт об объяснении «телепатии», психисты охотно взывают к чему-то, что более или менее напоминает «электромагнитные волны». Здесь в самом деле присутствует аналогия, которая может помочь если не понять эти вещи, то, по крайней мере, представить их себе в определённой степени. Но, если выйти за рамки ограничений, в которых эта аналогия приемлема, у нас будет почти такой же грубый образ, как и образ «флюидов», несмотря на более «научный» внешний вид. В действительности, природа сил, о которых идёт речь, сущностно отлична от природы физических сил.

Но вернёмся к влиянию среды, рассматриваемой в самом общем случае: если это влияние действовало предварительно на самих спиритов или если оно воплощается в особенности по случаю их сеансов, то именно к нему следует сводить большинство вариаций, которым подвержены теории спиритизма. Именно таким образом, например, «духи» оказываются «сторонниками многоженства» у мормонов, а в других американских кругах они выступают «неомальтузианцами». Несомненно, что отношение различных фракций к реинкарнации объясняется совершенно подобным образом. В самом деле, мы видели, как эта идея реинкарнации нашла во Франции совершенно подготовленную среду для её восприятия и развития. И напротив, если англосаксонские спириты её отвергли, то, по утверждению некоторых, по причине своих «библейских» представлений. По правде говоря, это основание само по себе не кажется совершенно достаточным, потому что французские спириты приводят свидетельства Евангелия в пользу реинкарнации; и в особенности в протестантской среде могут иметь свободное хождение самые несерьёзные истолкования. Однако, если английские и американские «духи» заявляли, что реинкарнация противоречит Библии (которая, впрочем, о нём и не говорит, уже потому, что это совершенно современная идея), то дело в том, такие убеждения разделяют те, кто спрашивал. В противоположном случае они бы, конечно, высказали совершенно иное мнение и даже не постеснялись бы приводить в его поддержку тексты, потому что приверженцы реинкарнации в самом деле это делают. Более того: кажется, что в Америке в особенности реинкарнация отвергается, потому что возможность того, что их дух вернется, чтобы вселиться в тело негра, вызывает ужас у белых[97]! Если американские «духи» выдвигали на передний план подобное основание, то это не только потому, как говорят французские спириты, что они не «избавились» полностью от своих

[97] Gibier P., *Le spiritisme*, стр. 138-139.

земных предрассудков, но именно потому что они лишь отражали ментальность тех, кто получал их «послания», то есть вульгарную ментальность американцев; и важность, придаваемая соображениям этого порядка, показывает, кроме того, до какой степени может дойти этот нелепый сентиментализм, являющийся общим для всех спиритов. Если в наши дни и есть англосаксонские спириты, допускающие реинкарнацию, то этому они обязаны влиянию теософистских идей. Спиритизм всегда лишь следует течениям мысли, ни в одном случае он не может давать им рождение по причине той пассивной позиции, на которую мы указывали. Впрочем, самые общие тенденции, присущие спиритизму, полностью современны, как, например, вера в прогресс и эволюцию. Все остальное происходит из более специфических течений, действующих в более узких кругах, чаще всего в тех, которые можно охарактеризовать как «посредственные» в части интеллектуальности и образования. С этой точки зрения следовало бы отметить роль, которую играют концепции, распространяемые научно-популярными работами. Многие спириты принадлежат к классу, которому адресуется эти работы, и если среди спиритов есть те, чей интеллектуальный уровень ещё ниже, эти же самые идеи достигают их через других, или вернее они просто-напросто черпают их у своего окружения. Что касается идей более высокого порядка, так как они нисколько не выигрывают от подобного распространения, данные идеи никогда не получают отражения в «сообщениях» спиритов, и этому следует скорее радоваться, так как «психическое зеркало», то есть медиум, мог бы их только исказить, и это без малейшей выгоды для кого-либо, так как спириты совершенно не способны оценить то, что превосходит текущие современные представления.

После того как спиритической школе удалось составить некое подобие доктрины и установить определённые основные черты, расхождения внутри этой школы существуют отныне лишь по второстепенным вопросам, но в этих преде-

лах они продолжают следовать тем же самым законам. Может, однако, случиться, что «сообщения» в таком случае упорно передают ментальность, присущую скорее эпохе, в которой была основана эта школа, потому что эта ментальность сохранилась у её приверженцев, хотя она уже не соответствует среде целиком. Именно это произошло с кардекианством, всегда сохранявшим некоторые черты, присущие социалистическим кругам 1848 г., в которых он зародился. Но необходимо также сказать, что дух, воодушевлявший эти круги, целиком не исчез, даже вне рамок спиритизма, и что он сохранился в различных формах во всех разновидностях «гуманитаризма», развившихся с тех пор. Но кардекианство остался ближе к старинным формам, в то время как другие этапы этого развития некоторым образом «сконцентрировались» в «неоспиритуалистических» движениях более недавнего времени. Впрочем, демократические тенденции присущи спиритизму в общем и даже более или менее акцентированным образом всему «неоспиритуализму». Дело обстоит таким образом, потому что спиритизм, верно отражая дух современности, в этом, как и во многих других вещах, является и не может не являться продуктом демократической ментальности; это как очень справедливо сказано, «религия демократа — это ересь, к которой могла привести только демократия, превращаясь в религию»[98]. Что касается других «неоспиритуалистических» школ, они подобным образом являются сугубо современными феноменами, на которые, к тому же, оказал в большей или меньшей степени влияние сам спиритизм; но они, допуская псевдоинициацию, сколь иллюзорной она бы не была, и как следствие, некоторую иерархию, менее последовательны, чем спиритизм, так как здесь имеется, хотят ли этого или нет, нечто явно противоположное демократическому духу. В этом отношении, но в чуть отличном плане, было бы очень любопытно отметить определённую противоречивость позиций,

[98] *Les Lettres*, декабрь 1921, стр. 913-914.

свойственную, например, ветвям нынешнего масонства (особенно во Франции и в иных странах, именуемых латинскими), которые, не переставая выступать с самыми ярыми демократическими претензиями, тем не менее упорно сохраняют старинную иерархию, не чувствуя несовместимости. И именно эта бессознательность особенно заслуживает внимания тех, кто желает изучать черты современной ментальности, но она нигде не проявляется, если так можно сказать, с такой широтой, чем у спиритов и у тех, кто имеет какое-либо сходство с ними.

В некоторых отношениях наблюдение за происходящим в спиритических кругах может предоставить по только что изложенным нами причинам достаточно ясные указания на тенденции, доминирующие в данный момент, например, в сфере политики. Таким образом, французские спириты оставались на протяжении долгого времени в огромном большинстве привержены социалистическим взглядам с сильным налетом интернационализма. Но за несколько лет до войны произошла перемена: общей ориентацией в ту пору стала ориентация на радикализм с сильным патриотическим уклоном, только антицерковная позиция не менялась никогда. В наши дни интернационализм воскрес в различных формах: естественно, именно в кругах этого рода идеи наподобие «Лиги наций» вызовут самый большой энтузиазм. С другой стороны, у рабочих, примкнувших к спиритизму, он снова стал социалистическим, но это социализм нового типа, весьма отличный от социализма образца 1848 года, представлявшего собой то, что можно было бы назвать «мелкобуржуазным» социализмом. Наконец, нам известно, что ныне много занимаются спиритизмом в некото-

рых коммунистических кругах[99], и мы убеждены, что там все духи должны проповедовать большевизм; без этого, впрочем, они не смогли бы отыскать там ни малейшего доверия.

Рассматривая «сообщения», как мы только что делали, мы имеем в виду лишь те, которые получены вне всякого мошенничества, так как прочие не представляют никакого интереса. Большинство спиритов, конечно, очень честны, и лишь только профессиональных медиумов можно *a priori* держать под подозрением, даже когда они предоставляли явные доказательства их способностей. К тому же, настоящие устремления спиритических кругов лучше проявляются у маленьких частных групп, чем на сеансах пользующихся известностью медиумов. Ещё необходимо уметь проводить различие между общими устремлениями и теми, что свойственны той или иной группе. Эти последние находит особое выражение в выборе имен, под которыми представляются «духи», особенно те, которые являются постоянными руководителями группы. Известно, что обычно это имена известных личностей, что заставило бы верить, что эти личности являются намного более охотно, чем остальные, и что они обрели вид вездесущности (аналогичное замечание нам следует в будущем сделать на тему реинкарнации), но также то, что интеллектуальные качества, которыми они обладали на этой земле, неприятным образом уменьшились. В какой-либо группе, где доминировали религиозные настроения, «руководителями» были Боссюэ и Пий IX, в другой, где увлекаются литературой, это великие писатели, среди которых чаще всего встречаешь Виктора Гюго, без сомнения, потому что он сам был спиритом. Только любопытно

[99] Сам Ленин назвал себя спиритом в разговоре с одной парижской учительницей начальной школы, которая недавно была не в ладах с законом. Трудно определить, было ли это откровение по-настоящему искренним или здесь следует видеть лишь простое проявление вежливости в отношении ярой спиритки. В любом случае, уже давно спиритизм ужасно свирепствует в России, причём во всех классах общества.

следующее: у Виктора Гюго не важно кто и не важно что говорит совершенно правильными стихами, что совпадает с нашим объяснением. Мы говорим «не важно что», потому что иногда он получал «сообщения» от вымышленных существ, как, например, «тени гробницы» (необходимо лишь обратиться к его произведениям, чтобы в них отыскать источник)[100]. Но у большинства спиритов Виктор Гюго забыл самые элементарные правила просодии, если те, кто его спрашивает, не знают их сами. Однако имеются менее неблагоприятные случаи; офицер в отставке (а их много среди спиритов), сделавшийся известным за свои опыты по «фотографированию мысли», чьи результаты являются по меньшей мере спорными, твердо убеждён, что его дочь вдохновляет Виктор Гюго; эта персона на самом деле обладает весьма редкой способностью к стихосложению, и она даже обрела некоторую известность, что, конечно, ничего не доказывает, если только вместе с некоторыми спиритами не допустить, что все естественные предрасположенности обязаны влиянию «духов», и что те, кто со своей юности обнаруживает определённые таланты, все являются неосознанными медиумами. Другие спириты, напротив, видят в этих же самых фактах лишь аргумент в пользу реинкарнации. Но вернёмся к подписям под «сообщениями», и приведём то, что сказал на эту тему психист, которого вряд ли можно заподозрить в пристрастности, д-р Л. Мутен:

> учёный человек совсем не одобрит идиотских сообщений от Александра Великого, Цезаря, Христа, Святой Девы, святого апостола Павла, Наполеона I, Виктора Гюго и др., которые считают верными множество псевдомедиумов. Зло-

[100] Укажем по этому поводу, что «дух истины» (обозначение, взятое из Евангелия) фигурирует среди подписавших манифест, служащий преамбулой к «Книге духов» (предисловие к «Евангелию согласно спиритизму» носит ту же самую подпись), и также что Виктор Анеки, один из первых французских спиритов, умерший, к тому же, сумасшедшим, был вдохновляем «душой земли», которая внушила ему, что он достиг уровня «полубога» планеты (см. Nus E., *Choses de l'autre monde*, стр. 139). Каким образом спириты, приписывающие все «развоплощенным», объясняют эти чудачества?

> употребление великими именами отвратительно, так как оно вызывает скептицизм. Мы часто показывали этим медиумам, что они обманываются, задавая так называемыми присутствующим духам вопросы, которые им следовало знать, но что не знали медиумы. Таким образом, Наполеон I не помнил более Ватерлоо, святой апостол Павел не знал более ни слова на латыни, Данте не понимал итальянского, а Ламартин и Альфред де Мюссе оказались не в состоянии соединить два стиха. Уличая этих духов в невежестве и тыкая пальцем в истину этим медиумам, вы думаете, что мы поколебали их убеждения? Нет, так как дух-руководитель утверждал, что мы нечестны и стремимся помешать осуществлению *великой миссии, миссии, возложенной на его медиума*. Мы были знакомы с несколькими из этих *великих миссионеров*, закончившими свою миссию в домах для душевнобольных![101]

Папюс, со своей стороны, утверждает следующее:

> Когда святой Иоанн, дева Мария или Иисус Христос являются и вступают в контакт, ищите среди присутствующих верующего католика, из чьего мозга и никак иначе и исходит эта идея. Точно также, когда, так, как я был тому свидетелем, является д'Артаньян, не стоит сомневаться (*sic*), что речь идёт о поклоннике Александра Дюма.

Нам следует внести сюда только лишь две поправки: с одной стороны, следует заменить «мозг» «подсознанием» (эти «неоспиритуалисты» говорят иногда как чистые материалисты), с другой стороны, так как «верующие католики» в строгом смысле этого слова скорее редки в группах спиритов, в то время как «сообщения» от Христа и святых обычное дело, следовало бы говорить только о влиянии католических идей, сохраняющихся в «подсознательном» состоянии даже у тех, кто считает себя наиполнейшим образом «свободным от предрассудков»; это нюанс достаточно важен. Папюс продолжает:

---

[101] *Le Magnétisme humain, l'Hypnotisme et le Spititualisme modern*, стр. 370-371.

> Когда Виктор Гюго является, чтобы сочинять тринадцатистопные стихи или давать кулинарные советы, когда г-жа Жирарде приходит, чтобы посмертно объясниться в любви одному американскому медиуму[102], восемьдесят шансов из ста, что здесь идёт речь об ошибке интерпретации. Отправную точку побудительной идеи следует искать совсем рядом[103].

Мы скажем более категорично: в этих случаях и во всех других без исключения всегда имеет место ошибка интерпретации со стороны спиритов; но эти случаи являются, возможно, теми, когда можно легче всего открыть подлинный источник происхождения «сообщений», стоит только провести маленькое исследование круга чтения, вкусов и обычных забот присутствующих. Конечно, самые необычные по своему содержанию и по своему предполагаемому происхождению «сообщения» не принадлежат к числу тех, которые спириты принимают с малейшим почтением и готовностью. Эти люди полностью ослеплены своими предвзятыми идеями, и их доверчивость, кажется, не знает границ, в то время как ум и рассудительность очень ограничены; мы говорим об основной массе, в целом же встречаются разные степени ослепления. Факт принятия спиритических теорий может быть свидетельством глупости или просто невежества. Те, кто относятся к первому случаю, неисправимы, и их можно лишь пожалеть. Что же касается вторых, возможно, дело обстоит совсем по-другому, и можно постараться побу-

---

[102] Речь идёт об Анри Лакруа, о котором мы поговорим далее.

[103] Папюс, *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 847, cf. Там же, стр. 341. Вот ещё один пример, упомянутый Данглассом Хоумом, который наверняка может быть отнесен к числу самых необычных: «В протоколе сеанса, проведенного в Неаполе, среди духов, представших перед тремя участниками, были Маргарита Пустерла Дионисий Сиракузский, Клеопатра, Ричард Львиное Сердце, Алладин, Белкадель Гверацци, Манон и Вико, а затем Авраам, Мельхиседек, Иаков, Моисей, Давид, Синнахериб, Елисей, Иоаким, Юдифь, Яель, Самуил, Даниил, святой апостол Иоанн, не считая других, так как в этом протоколе утверждают, что духи Библии явились в полном составе, одни за другими, чтобы предстать перед Назареем, которому предшествовал Иоанн Креститель» (*Les Lumiéres et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 168, 169).

дить их осознать своё заблуждение, если только оно не настолько укоренилось в нём, что вызвало бы у них неисцелимую умственную девиацию.

Глава III. Бессмертие и загробная жизнь

Среди прочих необоснованных утверждений спириты заявляли, что предоставили «научное доказательство» или «экспериментальную демонстрацию бессмертия души»[104]. Это утверждение предполагает определённое количество сомнений, которые надлежит рассеять до того, как непосредственно обсудить основополагающую гипотезу о возможности общения с умершими. Прежде всего, может иметься сомнение касательно самого слова «бессмертие», так как это слово не имеет одинакового значения для всех: то, что западные люди называют так, не является тем, что люди Востока обозначают при помощи терминов, могущих, однако, казаться равноценными и иногда даже являющихся тождественными, если смотреть исключительно с филологической точки зрения. Таким образом, санскритское слово *amṛta* совершенно буквально переводиться как «бессмертие», но оно прилагается исключительно к состоянию, которое выше какого-либо изменения, так как идея «смерти» здесь распространяется на любое изменение. Западные люди, напротив, имеют привычку называть «смертью» лишь конец земного существования, и к тому же они почти не представляют другие аналогичные изменения, так как кажется, что этот мир для них — это половина вселенной, так как для людей Востока он представляет лишь её бесконечно малую часть. Мы говорим здесь о современных западных людях, поскольку влияние картезианского дуализма играет свою роль в этом столь ограниченном взгляде на вселенную. На этом необходимо остановиться, тем более что эти вещи,

[104] Книга М. Габриэля Делланна называется *L'Âme est immortelle: Démonstration expérimentale.*

как правило, неизвестны, и, кроме того, эти соображения значительно облегчат опровержение теории спиритов в собственном смысле этого слова: с точки зрения чистой метафизики, которой придерживаются на Востоке, в действительности существует не два мира, этот и «другой», так сказать симметричные или параллельные друг другу. Есть неопределенный и образующий иерархию ряд миров, то есть состояний бытия (но не мест), в котором этот мир является лишь элементом, обладающим не большей и не меньшей важностью или ценностью, чем любой другой, находящийся на месте, соответствующем ему в мироздании, на тех же основаниях, что и все остальные. Следовательно, бессмертие, в указанном нами смысле, не может быть достигнуто в «ином мире», как думают западные люди, но только за пределами всех миров, то есть всех обусловленных состояний; в частности, оно вне времени и пространства и также всех аналогичных им условий; будучи совершенно независимым от времени и любого другого возможного вида длительности, оно тождественно самой вечности. Это никоим образом не означает, что бессмертие в таком виде, как его представляют западные люди, не обладает также реальным значением, но это значение совершенно иное: это в итоге лишь безграничное продолжение жизни в измененных и перенесенных условиях, но остающихся всегда сравнимыми с условиями земного существования. Тот факт, что речь идёт именно о «жизни», в достаточной мере это подтверждает; и стоит отметить, что эта идея «жизни» принадлежит к числу тех, от которых западные люди наиболее тяжело освобождаются, даже когда в её отношении они не разделяют предрассудков, характерных для некоторых современных философов. Следует добавить, что им нелегко мыслить вне категорий времени и пространства, но без этого понимание метафизики невозможно. Бессмертие в западном смысле не находится за пределами времени, согласно обычным представлениям, и даже следуя менее «упрощенческой» концепции, оно не вне определённой длительности; это неопре-

делённая длительность, которая может быть названа собственно «увековечиванием», но которая никак не связана с вечностью, не более чем неопределённое, происходящее из ограниченного посредством развития, не связано с Безграничным. Эта концепция в действительности соответствует определённому уровню возможностей, но дальневосточная традиция, отказываясь смешивать её с настоящим бессмертием, придает ей только наименование «долголетия». В сущности, это только протяженность, которой поддаются возможности человеческого плана. Это легко заметить, когда задаешься вопросом, что представляет собой бессмертное в одном и в другом случае: в метафизическом и восточном смысле это трансцендентальная личность; в смысле философско-теологическом и западном, это человеческая индивидуальность. Мы не можем раскрывать здесь сущностное различие между личностью и индивидуальностью; но слишком хорошо зная, каково состояние умов многих людей, мы хотим категорически заявить, что было бы напрасно искать противоположность между двумя концепциями, о которых мы только что говорили, так как, принадлежа к совершенно разным уровням, они не исключают друг друга не более, чем не совпадают. Во вселенной есть место для всех возможностей, при условии, что каждую из них можно поместить на её истинное место. К несчастью, совершенно не так дело обстоит в системах философов, но в этом случайность, которой было бы большой ошибкой обременяться.

Когда речь идёт о том, чтобы «экспериментальным путём доказать возможность бессмертия», само собой разумеется, что нельзя никоим образом говорить о метафизическом бессмертии: оно по самому определению находится за пределами всякого возможного опыта. Впрочем, спириты, очевидно, не имеют об этом ни малейшего представления, так что есть основание обсудить их притязание лишь с позиции бессмертия, понятого в западном смысле. Даже с этой точки зрения, «экспериментальная демонстрация», о которой они говорят, кажется невозможной, стоит только минуточку над этим по-

размыслить. Мы не будем останавливаться на неправильном использовании слова «демонстрация», эксперимент не способен «демонстрировать» соответствующим образом нечто в строгом смысле этого слова, в том, которое оно имеет, например, в математике. Но пойдем далее и заметим только, что это странное заблуждение, присуще современному духу и состоящее в том, чтобы вмешивать науку и особенно экспериментальную науку в дела, где она была бы бессильна, и полагать, что её компетенция может распространяться на все. Современные люди, опьяненные развитием, которое им удалось придать этой очень особой области, и будучи столь исключительно старательными, что они не видят ничего кругом, совершенно естественно приходят к незнанию границ, в рамках которых экспериментирование имеет ценность и за пределами которых оно не может более дать никакого результата. Мы говорим здесь об экспериментировании в самом общем смысле, без какого-либо ограничения и, конечно, эти пределы будут ещё более узкими, если рассматривать лишь достаточно малочисленные приемы, составляющие методы, признанные и используемые обычными учеными. Как раз в случае, который нас занимает, налицо незнание пределов экспериментирования; мы встретим другой пример этого по поводу мнимых доказательств реинкарнации, пример возможно ещё более поразительный или, по крайней мере, более необычный с виду, который даст нам возможность закончить эти рассуждения с чуть другой точки зрения.

Эксперимент всегда касается лишь отдельных и определённых явлений, имеющих место в определённой точке пространства и также в определенный момент времени. По крайней мере, таковы все феномены, могущие быть объектом экспериментальной констатации, именуемой «научной» (именно с этим согласны и спириты). Это достаточно общепризнано, но, возможно, более легко ошибаются касательно природы и значения обобщений, которым эксперимент на законном основании может дать место (и которое,

к тому же, значительно выходит за его рамки): эти обобщения могут иметь отношение лишь к классам и наборам явлений, каждое из которых, взятое по отдельности, является столь же особым и определённым, как и то, в отношении которого были сделаны констатации, чьи результаты таким образом обобщают, так что эти наборы являются лишь численно неопределённым в качестве наборов, а не что касается их элементов. Мы хотим сказать следующее: нельзя делать вывод, что зафиксированное в определённом месте на земной поверхности происходит подобным образом в любом другом месте пространства, и что феномен, наблюдаемый в ограниченном отрезке времени, способен продолжаться неопределенно долго. Естественно, нам не следует выходить здесь за рамки времени и пространства и рассматривать нечто кроме феноменов, то есть внешних явлений. Следует уметь проводить различие между экспериментом и его интерпретацией: спириты, также, как и психисты, фиксируют определённые феномены, и мы не собираемся оспаривать то, как они их описывают; но интерпретация этих феноменов, предлагаемая спиритами, является совершенно ложной. Однако на мгновенье допустим, что эта интерпретация верна, и то, что является, в действительности является «развоплощённым» человеческим существом. Следует ли из этого с неизбежностью, что это существо будет бессмертным, то есть его посмертное существование по-настоящему может продолжаться неограниченно долго? Видно без труда, что налицо необоснованное расширение эксперимента, заключающееся в приписывании безграничности во времени явлению, зафиксированному в определённое время, и даже принимая гипотезу спиритов, одного этого было бы достаточно, чтобы свести её важность и пользу к достаточно умеренным размерам. Позиция спиритов, воображающих, что их опыты устанавливают бессмертие, не лучше обоснована логически, чем была бы позиция человека, который, никогда не видя, как умирает живое существо, стал бы утверждать, что такое существо должно продолжать суще-

ствовать неопределённое время в одних и тех же условиях, на том единственном основании, что он зафиксировал это существование в определенный промежуток времени; и это, повторим, совершенно без того, чтобы заранее судить об истинности или ложности самого спиритизма, потому что наше сравнение, если быть совершенно справедливыми, даже предполагает скрытым образом его истинность.

Имеются, однако, спириты, которые более или менее ясно не заметили того, что здесь иллюзорного, и которые, чтобы удалить этот неосознанный софизм, отказались говорить о бессмертии, ведя речь лишь о «загробной жизни». Таким образом они избегают, признаём это очень охотно, только что сформулированных нами возражений. Мы не имеем в виду, что эти спириты в общем не столь же убеждены, как и прочие, в бессмертии, что они, как и те, не верят в вечность «загробной жизни», но в таком случае эта вера носит одинаковый характер с верой, присущей неспиритам, она не очень заметно отличается от того, какой она может быть у приверженцев любой религии, за исключением того, что для обоснования к обычным доводам добавляют свидетельство «духов». Но их утверждения весьма сомнительны, так как в глазах самих спиритов они могут являться лишь следствием взглядов, которые они имели на этой земле: если спирит-«иммортализт» объясняет этим образом «сообщения», отрицающие бессмертие (поскольку есть такие), на основании чего больше авторитетности можно придавать тем, которые его подтверждают? В сущности, все совершенно просто, потому что эти последние соответствуют их собственным убеждениям; но ещё нужно, чтобы эти убеждения имели другую основу, чтобы они были установлены независимо от опыта спиритов, стало быть, основанным на доводах, не являющихся присущими преимущественно спиритизму. В любом случае, нам достаточно отметить, что спириты чувствуют необходимость отказа от притязаний на «научное» доказательство бессмертия: это уже признанный

и даже важный пункт, чтобы точно определить значение гипотезы спиритов.

Позиция, которую мы только что в конце концов определили, является также и позицией современных философов, демонстрировавших более или менее ярко выраженные тенденции в сторону спиритизма, с той единственной разницей, что эти философы выставляют условно то, что спириты утверждают категорически. Другими словами, одни удовлетворяются разговорами о возможности экспериментального доказательства загробной жизни, в то время как другие считают это доказательство свершившимся фактом. Г-н Бергсон, непосредственно перед написанием приведённой нами выше фразы, где он как раз рассматривает эту возможность, признал, что «само бессмертие не может быть доказано экспериментальным путём»; а значит, его позиция в этом отношении очень ясна. И что касается загробной жизни, он проявляет благоразумие вплоть до того, что говорит лишь о «вероятности», возможно, потому что он учитывает, вплоть до определённой степени, что постановка экспериментов не даёт несомненных фактов. Однако, не переставая преуменьшать таким образом значение экспериментальной стороны, он находит, что «это было бы даже много». В глазах метафизика, напротив, и даже не привнося сюда столько ограничений, это было бы очень мало, если не сказать, что это было бы совершенно не заслуживающим внимания. На деле, бессмертие в западном смысле — это уже совершенно относительная вещь, которая как таковая не связана со сферой чистой метафизики; что же говорить о простой загробной жизни? Даже вне всякого метафизического рассмотрения, мы совершенно не видим, что для человека будет особо полезно знать более или менее вероятным или даже определённым образом, что он может рассчитывать на загробную жизнь, которая, возможно, будет только «на время Х». Может ли это иметь для него намного больше значения, чем более или менее точно знать, сколь долго продлится его земная жизнь, лишь что неопределённое продолжение ему

предоставляют таким образом? Видно, насколько это отличается от собственно религиозной точки зрения, которая совершенно не приняла бы в расчёт загробную жизнь, не бывшую вечной. И в том, что спиритизм в этом порядке вещей обращается к опыту, можно увидеть, учитывая вытекающие из этого последствия, одну из причин (далекую от того, чтобы быть единственной), по которым он всегда будет только псевдорелигией.

Нам следует ещё указать на другую сторону вопроса: для спиритов, на чем бы не основывалась их вера в бессмертие, всё то в человеке, что сохраняется после смерти, является бессмертным. Что сохраняется, напомним, так это совокупность, образованная, собственно говоря, «духом» и «периспритом», который неотделим от «духа». Для оккультистов, что сохраняется после смерти, так это также совокупность «духа» и «астрального тела», но в этой совокупности только «дух» бессмертен, а «астральное тело» подвержено гибели[105]. Однако оккультисты и спириты в равной мере уверяют, что их утверждения основаны на опыте, который якобы показал таким образом одним растворение «невидимого организма» человека, в то время как другим никогда будто бы не представлялся случай отмечать что-либо подобное. Согласно теории оккультистов, якобы есть «вторая смерть», которая на «астральном плане» является тем же, что и смерть в обычном смысле на «физическом плане»; и оккультисты весьма вынуждены признавать, что психические феномены не могут в любом случае подтвердить существование загробной жизни за пределами «астрального плана». Эти расхождения показывают, сколь мало основательны мнимые экспериментальные доказательства, по крайней мере, в том, что касается бессмертия, если в этом ещё есть надобность после других изложенных нами доводов, которые, к тому же, являются намного более вескими, на наш взгляд, потому что они устанавливают их полную бессодер-

[105] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 371.

жательность. Несмотря на все, небезынтересно отметить, что, в то время как две школы экспериментаторов придерживаются одной и той же гипотезы, то, что является бессмертным для одной, не есть таковое для другой. Следует добавить, кроме того, что вопрос ещё усложняется с вводом гипотезы реинкарнации: в этом случае «загробная жизнь», чьи условия по-разному описываются различными школами, естественным образом представляет лишь промежуточный период между двумя следующими одна за другой земными жизнями, потому что в каждом новом «воплощении» положение дел очевидно должно оставаться такими же, как и в предыдущем. Итак, речь, в общем, всегда идёт именно о временной «загробной жизни», и в конечном счёте, вопрос остается неразрешенным: на деле, нельзя сказать, что это постоянное чередование земных и неземных существований должно продолжаться бесконечно. Различные школы могут обсуждать этот вопрос, но не опыту когда-либо суждено рассудить их. Таким образом, если вопрос отодвинут, он нисколько этим не разрешен, и то же самое сомнение сохраняется всегда в отношении предопределённого конца человеческого существа. По крайней мере, именно это следовало бы признать приверженцу идеи реинкарнации, желающему оставаться последовательным в своих взглядах, так как его теория ещё более неспособна, чем какая-либо другая, привнести сюда решение, особенно если он утверждает, что стоит на почве опыта. Есть такие, кто на деле верит, что отыскал экспериментальные доказательства реинкарнации, но это другой вопрос, который мы рассмотрим позже.

Что следует помнить, так это то, что рассказы спиритов о «загробной жизни» приложимы главным образом у них к промежутку между двумя «воплощениями». Именно это они называют «блужданием» или ещё жизнью «в пространстве», как если бы не в пространстве проходило бы земное существование! Термин наподобие «загробной жизни» вполне применим для обозначения их представлений, так как буквально это представления о продолжающейся жизни

и в условиях, столь близких, сколь возможно, к условиям земной жизни. У них нет этого преобразования, которое позволяет иначе представить себе «жизнь будущую» и даже вечную образом, отвечающим возможности, каковым бы не было, впрочем, место, которое эта возможность занимает в общем порядке. Напротив, загробная жизнь в той форме, какой они её себе представляют, невозможна, потому что, перенося в одно состояние условия другого состояния, такие, как они есть, она подразумевает набор несовместимых между собой элементов. Это предположение невозможного является, к тому же, совершенно необходимым в спиритизме, потому что без него общение с мёртвыми было бы даже невозможно представить. Чтобы быть в состоянии проявляться так, как они должны это делать, надо, чтобы «развоплощённые» были очень близки живым во всех отношениях, и чтобы образ жизни одних странным образом напоминал существование других. Это сходство доведено до едва вероятной степени, и оно наглядно показывает, что описания этой «загробной жизни» являются лишь простым отражением земных идей, плодом «подсознательного» воображения самих спиритов. Мы полагаем, что полезно остановиться на некоторое время на этой стороне спиритизма, стороне, являющейся одной из наиболее нелепых.

Глава IV. Представления о загробной жизни

Рассказывают, что некоторые дикари представляют существование после смерти по точному образу земной жизни: умерший якобы продолжает выполнять те же самые действия, охотиться, ловить рыбу, воевать, одним словом, предаваться всем своим обычным занятиям, не забывая о том, чтобы пить и есть; и конечно, не упускают сделать замечание, насколько подобные представления являются наивными и грубыми. По правде говоря, следует всё-таки немного не доверять тому, что рассказывают о дикарях, и по нескольким причинам: прежде всего, рассказы путешественников, единственный источник всех этих историй, часто являются вымышленными; затем, любой, кто полагает, что он правдиво сообщает о том, что видел и слышал, может, однако, ничего не понять и, не осознавая этого, подменить факты своей личной интерпретацией; наконец, есть ученые или называющиеся таковыми, кто ещё накладывает на всё это своё личное истолкование, плод предвзятых представлений: что достигают благодаря этой последней переработке, так это не то, что думают дикари, а что они должны думать в соответствии с такой «антропологической» или «социологической» теорией. В действительности, вещи не так просты, или, если хотите, они усложнены совершенно иным образом, потому что дикарям точно также, как и цивилизованным людям, присущи манера считать себя особенными, а стало быть, с трудом понятными для людей другой расы, и с дикарями очень мало возможностей понять их и удостовериться, что понимаешь верно, потому что, как правило, они почти не умеют объяснить то, что они думают, допуская, что они сами вполне отдают себе в этом отчет. В отношении утверждения, которое мы только что привели, претендуют опи-

раться на определённое количество фактов, которые совершенно ничего не доказывают, как, например, предметы, которые кладут возле умерших, подношения пищи, которые делают на могилах. Точно такие же обряды существовали или существуют ещё у народов, никоим образом не являющихся дикими, и они нисколько не отвечают этим грубым представлениям, чьим признаком, как полагают, они являются, потому что их истинное значение совершенно иное, чем то, которое им приписывают европейские ученые, и потому что в действительности они касаются исключительно определённых низших элементов человеческого существа. Однако дикари, которые для нас являются вовсе не «первобытными», но выродившимися, могут сохранить некоторое обычаи без их понимания с весьма отдалённых времен. Традиция, смысл которой утрачен, уступила у них место косности или «суеверию» [*superstition*] в этимологическом смысле слова. В этих условиях мы не видим никакого неудобства в том, что по меньшей мере некоторым племенам (не следует слишком обобщать) случалось иметь представления о будущей жизни примерно, как об этом рассказывают; но нет нужды идти так далеко, чтобы отыскать концепции или скорее представления, которые будут как раз из числа этих. Прежде всего, весьма вероятно их можно было бы обнаружить в нашу эпоху также, как и в любую другую, в низших классах народов, больше всех бахвалящихся своей цивилизацией: если бы стали искать примеры среди крестьянства различных стран Европы, мы убеждены, что урожай был бы обильным. Но более того: в тех же самых странах самые ясные примеры, которые облекают самые грубые формы, возможно, были бы предоставлены не неграмотными людьми, но скорее людьми, обладающими определённым образованием, некоторые из которых даже вообще считались «интеллектуалами». Нигде, на самом деле, представления особого рода, о которых идёт речь, никогда не утверждались с такой силой, как у спиритов. Здесь любопытная тема для исследований, которую мы позволили себе рекомендовать социоло-

гам, которые по крайней мере здесь не подвергнутся риску ошибки интерпретации.

Мы не могли бы сделать лучше, чем привести здесь для начала несколько выдержек из самого Аллана Кардека; и вот прежде всего то, что он утверждает на тему «состояния беспокойства», следующего непосредственно за смертью.

> «Это беспокойство представляет особые обстоятельства, согласно характеру индивидуумов и прежде всего согласно виду смерти. В случаях насильственной смерти, вследствие самоубийства, казни, несчастного случая, инсульта, ранений и т.д., дух удивлен и не верит в то, что он мёртв; он упорно придерживается этого мнения. Однако он видит своё тело, он знает, что это тело принадлежит ему, и он не понимает, что отделился от него. Он направляется к людям, которых он любит, говорит с ними и не принимает в толк, почему они его не слышат. Эта иллюзия сохраняется до полного отделения перисприта; только тогда дух признает и понимает, что он уже не принадлежит к миру живых. Этот феномен легко объясним. Изумленный внезапной смертью, дух оглушен внезапной случающейся с ним переменой. Для него смерть — это ещё и синоним разрушения, уничтожения. Между тем, так как он думает, что он видит и слышит, в его понимании он не мёртв. Что увеличивает его заблуждение, так это то, что он видит себя в теле, напоминающем предшествующее по форме, но чью эфирную природу он ещё не имел времени изучить. Он полагает, что оно твердое и плотное, как и первое; и когда его внимание обращают на это, он удивляется, что не может пощупать его рукой… Эта особенность присуща некоторым духам, хотя смерть и не приходит неожиданно; но она всё-таки более характерна для тех, кто, хотя и будучи болен, не задумывался о смерти. Тогда можно увидеть странное зрелище духа, присутствующего на собственных похоронах как на похоронах постороннего человека и говорящего об этом как о чём-то, что его не касается, вплоть до момента, когда он понимает правду… В случаях коллективной смерти наблюдалось, что все те, кто погиб одновре-

менно, всё-таки не видят друг друга немедленно. В следующем за смертью состоянием беспокойства каждый идёт своей дорогой или волнуется лишь о тех, кто его интересует»[106].

Касательно того, что можно было бы назвать повседневной жизнью «духов»:

Положение духов и то, как они смотрят на вещи, варьируется до бесконечности исходя из степени их нравственного и интеллектуального развития. Духи высокого уровня, как правило, лишь ненадолго задерживаются на земле. Все происходящее здесь столь мелко по сравнению с размерами бесконечности (*sic*), вещи, которым люди придают наибольшую значимость, кажутся столь ребяческими в их глазах, что они находят это место мало привлекательным, если только они не привлечены сюда с целью способствовать прогрессу человечества. Духи среднего уровня останавливаются здесь более часто, хотя они и рассматривают вещи с более возвышенной точки зрения, чем при жизни. Обычные духи здесь являются в некотором роде оседлыми и составляют основную массу населения невидимого мира. Они более или менее сохранили те же представления, вкусы и склонности, которые они имели в их телесной оболочке. Они вмешиваются в наши собрания, наши дела, наши развлечения, в которых они принимают более или менее активное участие, в соответствии со своим характером. Не будучи в состоянии удовлетворить свои страсти, они пользуются теми, кто остается здесь и кто здесь возбуждает их чувства. Среди их числа есть и более серьёзные, кто смотрит и наблюдает, чтобы учиться и совершенствоваться»[107].

В самом деле говорят, что «блуждающие духи», то есть те, которые ожидают нового воплощения, учатся, «смотря и наблюдая за происходящим в местах, которые они посещают», и также «слушая беседы просвещенных умов и мнения ду-

[106] *Le livre des Esprits*, стр. 72-73.

[107] Там же, стр. 145.

хов более развитых, чем они, что наполняет их мыслями, которых у них не было»[108]. Странствия этих «блуждающих духов», сколь поучительными они бы ни были, обладают неудобством, будучи такими же утомительными, как и земные путешествия, но:

> есть миры, специально предназначенные для блуждающих существ, миры, в которых они могут временно находиться. Нечто вроде биваков, лагерей для отдыха после слишком долгих блужданий, всегда связанных с тяготами. Это промежуточные места среди других миров, разделенные на степени согласно природе духов, которые могут туда заселяться и которые пользуются более или менее большим уютом[109].

Все «духи» не могут странствовать повсюду без различия; вот как они сами объясняют отношения, которые имеют между собой:

> Духи различных степеней видят друг друга, но они различаются между собой. Они отдаляются или сближаются, в зависимости от того, испытывают ли они симпатию или неприязнь, как это имеет место между вами. *Это целый мир, чьим затемненным отражением является наш*[110]. Духи одного положения собираются посредством чего-то вроде близости и образуют группы или семьи духов, объединяемых симпатией и целью, которую они перед собой ставят: хорошие из желания делать добро, плохие из желания делать зло, стыда за свои недостатки и потребности находиться среди себе подобных. Таков великий город, где люди любого положения и происхождения видят друг друга и встречаются, не смешиваясь меж собою; или образуются общества в зависимости от вкусов; порок и добродетель соприкасаются, ничего не говоря друг другу [...] Добрые ходят повсюду, и необходимо, чтобы дело обстояло

---

[108] Там же, стр. 109-110.

[109] Там же, стр. 111.

[110] Эта фраза подчеркнута в тексте; перевернув связь, на которую она указывает, можно было бы точно выразить истину.

> таким образом, чтобы они могли оказывать своё влияние на злых; но области, населяемые добрыми, закрыты для несовершенных духов, так чтобы они не могли привносить туда беспокойство дурных страстей… Духи видят и понимают друг друга; речь материальна: она представляет собой отражение духа. Благодаря вездесущему флюиду становится возможным постоянное общение; это средство передачи мысли, каким для вас является воздух; нечто вроде всеобщего телеграфа, связывающего миры и позволяющего духам сообщаться из одного мира в другой […] Их индивидуальность устанавливается перисприто́м, который отличает одни существа от других, ту же роль у людей выполняет тело[111].

Было бы нетрудно привести ещё цитаты, добавить сюда тексты, которые показывают «духов», вмешивающихся в почти все события земной жизни, и другие, уточняющие ещё «занятия и миссии духов», но это быстро бы наскучило; есть мало книг, чтение которых было бы столь невыносимым, как чтение спиритической литературы в общем. Нам кажется, что приведённые выше выдержки могут обойтись без какого-либо комментария. Мы только отметим, ввиду его особой важности и повторяемости, представление, что духи сохраняют все ощущения, присущие живым. Единственная разница заключается в том, что эти ощущения они получают не посредством особых и локализованных органов, а всего «перисприта», и самые материальные, самые очевидно зависимые от телесного организма способности, такие как чувственное восприятие, рассматриваются как «неотъемлемые свойства духа», будучи «составной частью их существа»[112].

После Аллана Кардека следует упомянуть самого «представительного» из его нынешних учеников, г-на Леона Дени:

> Духи низшего порядка, облеченные в грубые флюиды, подчиняются законам гравитации и их влечёт к материи […]

---

[111] *Le livre des Esprits*, стр. 135-137.

В то время как очищенная душа пересекает обширное и лучезарное пространство, останавливается по собственной воле в мирах и почти не видит пределов для своего полета, нечистый дух не может удалиться от соседства с материальными планетами [...] Жизнь развитого духа по природе активна, хотя и лишена чувства усталости. Для него не существует расстояний. Он перемещается с быстротой мысли. Его оболочка, напоминающая легкий пар, приобрела такую тонкость, что он становится невидимым для низших духов. Он видит, слышит, чувствует, воспринимает более не материальными органами, становящимися между природой и нами и перехватывающими мимоходом большинство ощущений, но прямо, без посредника, всеми частями своего существа. Поэтому его ощущения являются гораздо более ясными и сильными, чем наши. Возвышенный дух плывет в нечто вроде океана восхитительных ощущений. Сменяющие друг друга картины разворачиваются перед ним, приятные звуки баюкают и очаровывают его. Для него краски это ароматы, ароматы — это звуки. Но, какими бы изысканными не были его впечатления, он может избежать их и сосредоточится по своему усмотрению, облекаясь во флюидический покров, уединившись средь пространств. Развитый дух свободен от всех телесных нужд. Питание и сон не имеют для него никаких оснований быть [...] Низшие духи уносят с собой, по ту сторону могилы, свои привычки, нужды, материальные заботы. Не в силах подняться над земной атмосферой, они возвращаются, чтобы участвовать в жизни людей, вмешиваться в их борьбу, В их деятельность, в их удовольствия [...] Встречаются блуждающими огромные толпы в поисках лучшего состояния, которое ускользает от них [...] Это в некотором роде вестибюль лучезарных пространств, лучших миров. Все проходят через него, все останавливаются здесь, но, чтобы подняться выше [...] Все области вселенной населены суетящимися духами. Повсюду толпы, рои душ восходит, опускаются, двигаются на свету или в тёмных областях. В одном месте собираются аудитории, чтобы полу-

[112] Там же, стр. 116-117.

чить наставления возвышенных духов. Далее, образуются группы, чтобы устроить праздник в честь новоприбывшего. В ином месте другие духи соединяют флюиды, придают им тысячи форм, тысячи чудесных и смягчённых цветов, готовят их для тонкого применения, которые предопределили для них высшие гении. Другие толпы жмутся к планетам и следуют за ними в их вращении, мрачные, взволнованные сонмы, без собственного ведома влияющие на атмосферные явления. Дух, будучи сам флюидичен, действует на флюиды пространства. Силой своей воли он соединяет их, располагает ими как ему удобно, придает им цвета и формы, отвечающие его цели. Именно посредством этих флюидов свершаются дела, которые выше любого сравнения и любого анализа: переливающиеся, яркие картины; отображения человеческих жизней, жизней, исполненных веры и жертвы, мученического подвижничества, драм бесконечного [...] Именно во флюидических обителях разворачиваются торжественные духовные празднества. Чистые, ослепляющие светом духи собираются в семьи. Их сияние, разнообразные оттенки их оболочек, позволяют измерить их уровень, определить их качества [...] Превосходство духа определяется по их флюидическому одеянию. Это словно оболочка, вытканная из заслуг и качеств, приобретенных на протяжении их существований. У низшей души она тусклая и мрачная, но её белизна возрастает в зависимости от достигнутого прогресса и становится все более и более чистой. Уже блестящая у возвышенного духа, она придает высшим душам невыносимое сияние[113].

И пусть не говорят, что здесь лишь иносказательные выражения; всё это спиритам следует воспринимать строго буквально.

Какими бы экстравагантными не были представления французских спиритов на тему «загробной жизни», кажется, что они превзойдены ещё представлениями англосаксонских спиритов и всем тем, что они рассказывают о чудесах

[113] *Après la mort*, стр. 270-290.

Summerland или «страны лета», как они называют «обиталище духов». В другом месте мы говорили, что теософисты иногда подвергают жесткой критике их глупости, в чём они не ошибаются: именно таким образом г-жа Безант говорит о «самом грубом из всех представлений, представлении о современной *Summerland*, с её «мужьями-духами», «женами-духами», «детьми-духами», посещающими школу и университет и становящимися взрослыми духами»[114]. Это совершенно верно, конечно, но можно поинтересоваться, вполне ли теософисты имеют право насмехаться таким образом над «спиритуалистами»; дадим оценку этому на основании нескольких цитат, которые возьмем у другого выдающегося теософиста, г-на Ледбитера:

> Попав после смерти на астральный план, люди не понимают, что они умерли, и даже если они отдают себе в этом отчет, они не ощущают сначала то, что этот мир отличается от физического мира ‹…› Таким образом, иногда видно недавно умерших людей, пытающихся есть, готовить полностью воображаемую пищу, в то время как другие строят дома. Я как раз наблюдал в загробном мире человека, строящего дом камень за камнем, и, хотя он создавал каждый камень усилием мысли, он не понимал, что мог точно также возвести дом целиком одним махом благодаря этому же приёму, не прилагая более усилий. Мало-помалу он был подведен, обнаруживая, что камни не имеют силы тяжести, к тому, чтобы заметить, что условия этого нового окружения отличаются от тех, к которым он привык на земле, что побудило его продолжить их изучение. В *Summerland*[115] люди окружены пейзажами, которые они сами себе создают; никто, однако, не избегает этого труда и не довольствуется теми пейзажами, которые были придуманы другими. Люди, живущие на шестом подплане, то есть рядом с землей, окружены астральным эквивалентом

---

[114] *La Mort et l'au-delà*, стр. 85 французского перевода.

[115] Стало быть, автор-теософист принимает здесь даже термин, используемый «спиритуалистами».

> физических гор, деревьев, озер, так что они не искушаемы создавать их сами; те же, кто обитает на высших подпланах, парящих над поверхностью земли, создают себе все пейзажи, какие пожелают [...] Выдающийся материалист, бывшим в своей земной жизни хорошим знакомым одного из наших коллег из Теософского общества, был недавно обнаружен им на самом высоком подуровне астрального плана; он был там окружен всеми своими книгами и продолжал свои исследования почти как на земле[116].

За исключением сложности с «планами» и «подпланами», нам следует признать, что мы совершенно не видим разницы между этими представлениями. Правда, г-н Ледбитер бывший спирит, на которого могли ещё повлиять его прежние идеи, но многие из его коллег принадлежат к тому же самому случаю; теософизм в самом деле сделал слишком много заимствований у спиритизма, чтобы позволить его себе критиковать. Следует заметить, что теософисты, как правило, приписывают «ясновидению» мнимые констатации этого рода, в то время как спириты допускают их, веря в простые «сообщения». Однако у спиритизма также есть свои «ясновидящие», и странно то, что там, где существует расхождение между школами, подобным образом не совпадают и видения, так как у каждого они всегда соответствуют его собственным теориям, а значит невозможно придавать им большее значение, чем «сообщениям», которые относятся к одному и тому же случаю, и внушение здесь явно играет превалирующую роль.

Но вернёмся к спиритам: что нам известно более необычного из ряда вещей, о которых идёт речь, так это книга под заглавием «Мои опыты с духами», написанная американцем французского происхождения по имени Анри Лакруа; этот труд, опубликованный в Париже в 1889 г., свидетельствует, что у спиритов нет ни малейшего чувства юмора. Сам Папюс назвал автора «опасным фанатиком» и написал,

---

[116] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 19-20 и 44.

что «прочтения этого труда достаточно, чтобы навсегда оттолкнуть от спиритизма всех разумных людей»[117]. Дональд Мак-Наб утверждает, что «людям, которые не чужды легкой веселости, следует лишь прочитать этот труд, чтобы составить представление о сумасбродствах спиритов», и он «особо рекомендует этот случай вниманию психиатров»[118]. Следовало бы воспроизвести эти измышления почти целиком, чтобы показать, до чего могут дойти некоторые заблуждения. Это действительно невероятно, и это было бы, конечно, отличной пропагандой против спиритов — рекомендовать его чтение тем, кто ещё не подхватил заразу, но кто подвержен риску быть ею затронутым. Здесь можно увидеть помимо других любопытных вещей описание и рисунок «флюидического дома» автора (так как, если ему верить, он жил в двух мирах одновременно), а также портреты его «детей-духов», нарисованные им «под их механическим контролем»: он потерял двенадцать детей из пятнадцати, но они продолжили жить и расти «во флюидическом мире»; несколько даже женилось! По этому поводу укажем, что, согласно тому же самому автору, «в Соединенных Штатах достаточно часто случаются браки между живыми и мёртвыми»; он упоминает случай судьи по имени Лоуренс, которого пастор снова обвенчал с его умершей женой[119]. Если это правда, то это даёт печальное представление о ментальности американских спиритов. В другом месте мы узнаем, как «духи» питаются, как одеваются, возводят жилища. Но более интересны посмертные явления г-жи де Жирарде и различные связанные с этим эпизоды; пример:

> Стояла ночь, и я был занят чтением и письмом, когда увидел Дельфину (г-жу де Жирарде), явившуюся рядом со мной с ношей в руках, которую она положила у моих ног. Я сразу не увидел, что это было, но вскоре заметил, что это

---

[117] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 341.

[118] *Le Lotus*. 1889, март, стр. 736.

[119] *Mes expériences avec les esprits*, стр. 174.

имело форму человеческого тела. Тогда я понял, что от меня хотят. Задача состояла в том, чтобы дематериализовать этот несчастный дух, который носил имя Альфреда де Мюссе! И что подтвердило для меня эту версию, так это то, что Дельфина поспешно убежала, выполнив своё дело, как будто бы она боялась присутствовать на операции… Операция заключалась в снятии со всей формы духа нечто вроде эпидермы, соединенной с внутренней частью организма всякого рода волокнами и связками, или, в конце концов, сдирании кожи, что я хладнокровно и проделал, начав с головы, несмотря на пронзительные крики и яростные конвульсии пациента, которые я, конечно, видел и слышал, но не принимал во внимание ‹…› На следующий день Дельфина явилась, чтобы поговорить со мной о своём подопечном, и она заявила мне, что после того как она представила моей *жертве* весь необходимый уход, чтобы избавить её от последствий ужасной операции, которой я её подверг, друзья устроили «языческое пиршество», чтобы отпраздновать его избавление[120].

Не менее интересным является рассказ о театральном представлении у «духов»:

В то время как Селеста (одна из «дочерей-духов» автора) сопровождала меня однажды на одной из моих прогулок, Дельфина неожиданно явилась рядом с нами и сказала моей дочери: «Почему ты не приглашаешь своего отца пойти послушать Оперу?» Селеста ответила: «Но будет надо, чтобы я спросила режиссёра!» ‹…› Несколько дней спустя Селеста пришла сказать мне, что её режиссёр пригласил меня, и что ему было бы приятно принять меня вместе с сопровождающими меня друзьями. Однажды вечером я отправился в Оперу с Дельфиной и десятком друзей (духов) […] Огромный зал в амфитеатре, где мы разместились, кишел зрителями. К счастью, на выбранных нами с друзьями местах у нас было пространство, чтобы двигаться с полной свободой. Аудитория, состоящая примерно

[120] Там же, стр. 22-24.

> из двадцати тысяч присутствующих, временами становилась буйным морем, когда пьеса волновала сердца ценителей. «Аридида, или Знаки Времени», — таковым было название этой оперы, в которой Селеста, игравшая главную роль, выступила наилучшим образом, блистательно, охваченная воодушевлявшим её артистическим пылом. На её сто двенадцатой постановке, этот плод сотрудничества самых известных умов настолько захватил духов, что толпа любопытных, не находя места в пределах ограды, образовала из своих скрученных тел плотный свод (или крышу) в зданиях. Выступающая труппа, не считая статистов и оркестра, насчитывала сто пятьдесят артистов первого разряда ‹…› Селеста часто подходила сказать мне название других пьес, в которых она играла. Один раз она заявила мне, что Бальзак сочинил очень красивую оперу или драму *á larges vues*, и что она репетируется[121].

Несмотря на свои успехи, несчастная Селеста некоторое время спустя поссорилась со своим директором и была уволена! На другой раз автор присутствовал на сеансе иного рода, «в прекрасном храме круглой формы, посвящённом Науке». Там, по приглашению председателя, он взошел на трибуну и произнес длинную речь «перед этим учёным собранием от пятисот до шестисот духов, занимающихся наукой: это было одно из их периодических заседаний»[122]. Некоторое время спустя он завязал отношения с «духом» художника Курбе, исцелил его от «посмертного алкоголизма», а затем добился его назначения на пост «директора большой академии живописи, пользовавшейся превосходной репутацией в зоне, в которой она находилась»[123]. А теперь масонство «духов», которое не обходится без того, чтобы пред-

---

[121] Там же, стр. 101-103. Это не мешает «духам» помимо этих представлений, которые особо предназначены для них, присутствовать также на тех, что даются в нашем мире (там же, стр. 155-156).

[122] Там же, стр. 214-215.

[123] Там же, стр. 239.

ставить некоторые аналогии с «Великой Белой Ложей» теософистов:

> «Великие братья» — это существа, прошедшие через все ступени духовной и материальной жизни. Они образуют общество, разделяемое на различные классы, общество, которое оказывается *учрежденным* (пользуясь земным термином) на границах флюидического и эфирного миров; который является наивысшим, «совершенным» миром. Это общество, именуемое великим Братством, есть авангард эфирного мира; это правительство двух сфер, духовной и материальной, или флюидического мира и мира земли. Именно это общество с законодательной помощью эфирного мира в строгом смысле этого слова, управляет духами и смертными на всех этапах их существования[124].

В одном месте можно прочитать рассказ о «высшей инициации» в «великое Братство» покойного бельгийского спирита по имени Иобар[125]; это в достаточной мере напоминает масонские посвящения, но «испытания» здесь более серьёзны и не носят чисто символического характера. На этой церемонии председательствовал сам автор, который, хоть и будучи живым, обладал одной из самых высоких степеней в этом странном обществе. На другой день мы видим его «возглавившим войско Третьего Ордена (*sic*), состоящее примерно из десяти тысяч духов, мужского и женского полов», чтобы отправиться «в колонию, населяемую малость отсталыми духами», и «очистить атмосферу этого места, где находилось свыше миллиона жителей, посредством известного нам химического процесса, чтобы произвести спасительную реакцию в представлениях, сохранявшихся среди населения»; кажется, что «эта страна была владением флюидической Франции»[126], поскольку здесь, как и у теософистов, каждая область земли имеет своё «флюидическое соответ-

[124] Там же, стр. 81.

[125] Там же, стр. 180-183.

[126] Там же, стр. 152-154.

ствие». «Великое Братство» борется с другой организацией, равным образом «флюидической», которая, конечно, является «клерикальным Орденом»[127]. Впрочем, автор в том, что касается его лично, решительным образом заявляет, что «главная цель его миссии состоит в том, чтобы подорвать и ограничить влияние клерикализма в другом мире и, как следствие, в этом»[128]. Достаточно этих бредней, но мы хотели представить их небольшой обзор, потому что они демонстрируют, в некотором роде в грубом состоянии, ментальность, присущую в более или менее смягчённой форме многим другим спиритам и «неоспиритуалистам»; разве не является отныне обоснованным разоблачение этих вещей как подлинной общественной опасности?

В качестве любопытного факта приведём ещё это описание, которое «дух» сделал касательно своей жизни в загробном мире:

> Чаще всего человек умирает, не осознавая того, что с ним случается. Он приходит в сознание спустя несколько дней, иногда спустя несколько месяцев. Это пробуждение далеко от того, чтобы быть приятным. Он видит вокруг себя существа, которые он не узнает: голова этих существ чаще всего напоминает череп скелета. Охватывающий его ужас часто вынуждает его потерять сознание во второй раз. Мало-помалу происходит привыкание к этим видениям. Тело духов материально и состоит из газообразной массы, имеющей приблизительно тяжесть воздуха; у него нет ни рук, ни ног, ни живота. Духи движутся со скоростью, которая зависит от их желания. Когда они движутся очень быстро, их тела удлиняются и становятся цилиндрическими; когда они движутся с наиболее возможной скоростью, их тело принимает форму спирали, насчитывающей четырнадцать оборотов с диаметром тридцать пять сантиметров. Оборот может иметь диаметр четыре сантиметра. Приняв эту форму, они достигают скорости, равной скорости звука

[127] Там же, стр. 170-171.

[128] Там же, стр. 29.

> […] Обычно мы находимся в жилищах людей, так как дождь и ветер очень неприятны для нас. Свет, который мы предпочитаем, это ацетилен; это идеальный свет. Во-вторых, медиумы используют свет, позволяющий нам видеть на расстоянии метра вокруг них; этот свет привлекает духов. Духи плохо видят одежду людей; одежда напоминает облако; они видят даже некоторые внутренние органы человеческого тела; но они не видят мозг из-за черепа. Но они понимают мысли людей, и иногда эти мысли делаются понятны, хоть с губ не упало ни слова. В мире духов царит закон сильнейшего, это состояние анархии. Если сеансы не удаются, то дело в том, что дух-злоумышленник не покидает стол и почиет на нём от одного сеанса к другому, так что духи, желающие вступить в серьёзное общение с членами круга, не могут приблизиться к столу […] В среднем духи живут от ста до ста пятидесяти лет. Плотность тела увеличивается к столетнему возрасту; после этого плотность и сила уменьшаются и, наконец, они растворяются, как все растворяется в природе ‹…› Мы подвластны законам давления воздуха; мы материальны; мы не испытываем интереса; мы скучаем. Все, что является материей, подвержено законам материи: материя распадается; наша жизнь не длится большое ста пятидесяти лет; после мы умираем навсегда[129].

Это материалистический и отрицающий бессмертие дух должен рассматриваться большинством спиритов как достаточно гетеродоксальный и мало «просвещенный»; и экспериментаторы, которые получали эти странные «сообщения», уверяют кроме того, что «самые умные духи решительно протестуют против идеи Бога»[130]; у нас есть немного оснований полагать, что сами они имели сильные предпочтения в пользу атеизма и «монизма». Как бы то ни было, люди, серьёзно фиксировавшие глупости, пример которых мы только что привели — как раз из тех, кто претендует на

---

[129] Сообщение, полученное г-дами Цаальбергом ван Цельстом и Матлой (Гаага) в: *Le Monde Psychique*, март 1912.

[130] *Le Secret de la Mort*, Матла и Цаальберг ван Цельст: там же, апрель 1912.

«научное» изучение этих феноменов. Они окружают себя впечатляющими аппаратами и даже воображают, будто создали новую науку, «физическую психологию»; разве это не подрывает доверие к подобным исследованиям у разумных людей и разве сложно оправдать тех, кто предпочитает заведомо отрицать всё это? Однако, совсем рядом со статьей, из которой мы заимствовали предшествующие цитаты, мы находим другую, в которой некий психист, являющийся, впрочем, едва замаскированным спиритом, заявляет спокойно, что «сомневающихся, оппонентов и упрямцев в области исследования психических феноменов следует рассматривать как больных», что «превозносимый научный дух в этого рода изысканиях может вызвать, в конце концов, у исследователя нечто вроде мании, если можно так сказать, ‹…› приступов хронического бреда, форму явного безумия», наконец, что сомнение, укоренившееся на благоприятной почве, может развиваться вплоть до маниакального помешательства»[131]. Очевидно, люди, являющиеся чересчур здравомыслящими, должны считаться безумцами в глазах тех, кто сам более или менее является сумасшедшим. Здесь все очень естественно, но скорее внушает страх, что если спиритизм продолжит распространяться, то наступит, возможно, день, когда любой, кто позволит себе его критиковать, просто-напросто подвергнется заключению в сумасшедший дом!

Вопрос, которому спириты придают большое значение, но по которому они не могут прийти к согласию, это вопрос о том, сохраняют ли «духи» свой пол; он интересует их прежде всего из-за следствий, которые он может иметь с точки зрения реинкарнации: если пол присущ «периспириту», он должен оставаться неизменным во всех жизнях. Очевидно, что для тех, кто подобно Анри Лакруа мог присутствовать на свадьбах духов, вопрос разрешен положительно, или скорее он даже не ставится; но не все спириты пользу-

[131] Там же, март 1912.

ются столь исключительными способностями. Аллан Кардек, к тому же, дал категорический отрицательный ответ:

> У духов вовсе нет пола, как вы его понимаете, так как пол зависит от организации (имеется в виду, без сомнения, организм). Между ними бывает любовь и симпатия, но основанная на сходстве чувств».

И он добавил:

> «Духи воплощаются мужчинами или женщинами, потому что у них нет пола; так как они должны развиваться, каждый пол, также как любое социальное положение, предлагают им особые испытания и задания и возможность приобрести опыт. Тот, кто всегда был бы мужчиной, не знал бы того, что знают женщины[132].

Но у его учеников вовсе не было той же уверенности, без сомнения, по причине того, что они получили на эту тему слишком много противоречивых «сообщений». Поэтому в 1913 г. спиритический орган «Фратернист» испытал потребность категорично поставить вопрос, который он сформулировал в следующих словах:

> Какой вы представляете жизнь на том свете? В особенности, сохраняют ли свой пол духи или точнее перисприты или же они становятся бесполыми, оказавшись на астральном плане? Если пол теряется, то как объяснить, что при новом воплощении пол чётко определен? Известно, что по утверждению многих оккультистов перисприт является формой, на основе которой образуется новое тело.

Последняя фраза содержит ошибку в том, что касается оккультистов в собственном значении этого слова, потому что они, напротив, говорят, что «астральное тело», являющееся для них эквивалентном «перисприта», распадается в промежутке между двумя «воплощениями»; мнение, которое выражает эта фраза, является, скорее, мнением некоторых спи-

---

[132] *Le livre des Esprits*, стр. 88.

ритов. Но во всём этом столько путаницы, что, конечно, простительно здесь не ориентироваться. Г-н Леон Дени, «спросив мнение своих духовных руководителей», ответил, что «пол существует, но он остается нейтральным и не играет роли», и что «после реинкарнации перисприт заново образует связь с материей и опять принимает пол, который ему привычен, если только «какой-либо дух не желает поменять приданный ему пол». Г-н Габриэль Делан касательно этого особого момента оказался более верным учению Аллана Кардека, так как он заявил, что

> духи являются бесполыми, просто-напросто потому, что у них нет необходимости воспроизводиться на том свете, и что «некоторые случаи реинкарнации, кажется, свидетельствуют, что пол меняется для одного и того же духа в соответствии с целью, которая (*sic*) ставится перед ним на этом свете; именно это, по крайней мере, вытекает, кажется, из сообщений, полученных почти повсюду за полстолетия[133].

Среди опубликованных ответов имеются также ответы нескольких оккультистов, особенно Папюса, который, взывая к авторитету Сведенборга, написал следующее:

> Для духовных существ существует пол, но этот пол не имеет никакой связи со своим аналогом на земле. На духовном плане имеются существа по своим чувствам женские и существа, по своему разуму мужские. Приходя на землю, каждое из этих существ может принять другой материальный пол, нежели чем астральный пол, которым он обладал.

С другой стороны, оккультист-диссидент Эрнест Боск искренне признался, что представляет себе жизнь на том свете «совершенно такой же, как и в этом более низком мире, но с той разницей, что, по ту сторону у нас гораздо больше времени для умственной и духовной работы ради нашей эво-

[133] *Le Fraterniste*, 13 марта 1914.

люции, так как нам не надо более заботиться о материальных вопросах. Это «упрощенчество» не помешало ему с полным основанием протестовать против неимоверной глупости, присущей вопроснику в *Fraterniste*, и заключавшейся в следующем:

> Вся важность этого вопроса станет понятной, когда мы скажем, что для многих спиритистов (*sic*) духи не имеют пола, в то время как оккультисты верят в инкубов и суккубов, тем самым наделяя наших друзей из космоса половой принадлежностью.

Никто никогда не утверждал, что инкубы и суккубы являются «развоплощёнными» людьми; некоторые оккультисты, кажется, рассматривают их в качестве «элементалов», но перед ними все верившие в инкубов и суккубов были единодушны в том, чтобы считать их демонами и никем иным; если именно их спириты называют «нашими друзьями из космоса», то это совершено показательно!

Мы были вынуждены забежать чуть вперед с вопросом о реинкарнации; мы укажем ещё, чтобы закончить эту главу, на другой момент, который даёт место стольким же расходящимся мнениям, что и предшествующий: случаются ли перевоплощения целиком на земле, или они могут происходить также и на других планетах? Аллан Кардек учит, что душа может снова жить несколько раз на одной и той же планете, если она недостаточно развита, чтобы перейти в высший мир[134]; для неё может иметься множество земных жизней, но также и жизней на других планетах, и именно степень эволюции «духов» определяет их переход с одной планеты на другую. Вот уточнения, которые он даёт касательно планет Солнечной системы:

> Согласно духам, из всех планет, составляющих нашу планетарную систему, Земля принадлежит к числу тех, чьи обитатели менее всех развиты в физически и нравственно,

[134] *Le livre des Esprits*, стр. 76-77.

Марс ещё ниже, а Юпитер намного выше во всех отношениях. Солнце вовсе не является миром, населяемым физическими существами, но это место встреч высших духов, которые оттуда озаряют мыслью иные миры, которыми они управляют через менее высоких духов, передавая им свою волю посредством всеобщего флюида. Как физическое тело Солнце является центром электричества. Все солнца, кажется, находятся в одинаковой позиции. Размер и удалённость от Солнца не имеют никакой неизбежной связи со степенью развития миров, потому что говорят, что Венера более развита, чем Земля, а Сатурн менее развит, чем Юпитер. Несколько духов людей, известных на Земле, утверждали, что перевоплотились на Юпитере, одном из самых близких к совершенству миров, и можно было удивляться, видя на этой столь развитой планете людей, которых общественное мнение в этом мире не помещало на один и тот же уровень. В этом нет ничего, что должно изумлять, если учитывать, что некоторые духи, обитающие на этой планете, могли быть посланы на Землю ии выполнять здесь миссию, которая, на наш взгляд, не помещала их на первое место; во-вторых, между их жизнью на Земле и жизнью на Юпитере они могли иметь промежуточные жизни, в которых они совершенствовались; в-третьих, наконец, в этом мире, как и в нашем, существуют различные степени развития, и между этими степенями может иметься дистанция, отделяющая у нас дикаря от цивилизованного человека. Таким образом, из факта пребывания на Юпитере не вытекает принадлежность к уровню самых развитых существ, точно также как жизнь в Париже не делает нас институтскими учеными[135].

Мы уже видели историю «духов», обитающих на Юпитере, когда речь шла о медиумических рисунках Викторьена Сарду; можно было бы поинтересоваться, как выходит, что эти «духи», продолжая жить в настоящее время на другой планете, могут, однако, отправлять послания жителям Земли; стало быть, спириты полагают, что они по-своему решили

[135] Там же, стр. 81-82.

проблему межпланетных сообщений? Кажется, их мнение заключается в том, что эти сообщения действительно возможны благодаря их методам, но только в случае, когда речь идёт о «высших духах», которые, «продолжая обитать в некоторых мирах, не ограничены, подобно людям на земле, и могут лучше, чем остальные, быть повсюду»[136]. Некоторые «ясновидящие» оккультисты и теософисты, наподобие г-на Ледбитера, утверждают, что обладают способностью переноситься на другие планеты, чтобы производить там «исследования»; без сомнения, их следует причислить к этим «высшим духам», о которых говорят спириты; но те, даже если также могли бы переноситься туда лично, не имеют никакой нужды обременять себя этой заботой, потому что «духи», воплощенные они или нет, сами являются, чтобы удовлетворить их любопытство и поведать им о том, что происходит в этих мирах. По правде говоря, то, что рассказывают эти «духи», совершенно неинтересно. В книге Дангласа Хоума, которую мы уже цитировали по поводу Аллана Кардека, есть глава, называющаяся «Вздор», из которой мы берём этот отрывок:

> Некоторые научные данные, которые мы представляем на суд читателя, нам были предоставлены в форме брошюры. Это ценный сборник, который бы доставил удовольствие ученому миру. Из него явствует, например, что стекло играет большую роль на планете Юпитер; это необходимый материал, обязательное дополнение к любой непринужденной жизни на ней. Умерших кладут в стеклянные ящики, и эти ящики в качестве украшений помещают в жилища. Дома также из стекла, так что не следует бросать камни на этой планете. Есть ряды этих дворцов из хрусталя, которые именуются *Séména*. Там практикуют нечто вроде мистической церемонии, и по этому случаю, то есть один раз в семь лет, провозят причастие по стеклянным городам на колеснице из стекла. Обитатели Юпитера гигантского роста, как утверждает Скаррон; они от семи до

[136] Там же, стр. 81.

> восьми футов в высоту. В качестве домашних животных они разводят особую породу больших попугаев. Неизменно обнаруживаешь одного, когда входишь в дом, за дверью, вяжущего ночной колпак [...] Если мы поверим другому медиуму, не менее хорошо осведомлённому, то именно рис приспособлен лучше всего к солнцу планеты Меркурий, если я не ошибаюсь. Но там он не растет, как на земле, в форме рассады, а «благодаря климатическим условиям и сознательному уходу в воздухе он достигает высоты, превышающей макушки самых высоких домов. Житель Меркурия, желающий наслаждаться совершенством *otium cum dignitate*[A], должен, когда он молод, вложить все своё состояние в рисовое поле. Среди самых высоких стеблей на своем участке он выбирает один, чтобы взобраться на его вершину; затем, по примеру крысы в сыре, он проникает внутрь огромного стручка, чтобы пожирать его восхитительный плод. Когда он все съедает, он начинает тот же самый труд на другом стебле[137].

Достойно сожаления, что Хоум не дал точных ссылок, но у нас нет никаких оснований сомневаться в аутентичности того, о чём он сообщает, и что, конечно, намного было превзойдено сумасбродствами Анри Лакруа; эти бредни, которые вполне в обычном духе спиритических «сообщений», прежде всего указывают на большую бедность воображения. Этому весьма далеко до фантазий писателей, предполагавших путешествия на другие планеты и, по крайней мере, не утверждавших, что их изобретения обладают реальностью. Впрочем, имеются случаи, где такие труды оказали определённое влияние. Нам приходилось слышать, что «ясновидящий» спирит дал описание жителей Нептуна, которое явно вдохновлено романами Уэллса. Стоит заметить, что даже у самых одаренных в отношении воображения писателей фантазии этого рода всегда, в сущности, остаются вполне земными: они наделяли обитателей других планет черта-

---

[A] Отдых с достоинством (лат.) — прим. пер.

[137] *Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 179-181.

ми, заимствованными у обитателей Земли, более или менее измененными, либо в том, что касается их размеров их внешнего облика. Иначе не могло и быть, и перед нами один из лучших примеров, которые можно дать, чтобы показать, что воображение является способностью исключительно чувственного0 порядка. Это наблюдение должно позволить понять, почему мы сопоставляем эти концепции с теми, которые касаются «загробной жизни» в собственном значении этого слова: дело в том, что в обоих случаях подлинный источник совершенно одинаков; и результат тот, что может иметься, когда имеешь дело с «подсознательным» воображением весьма посредственных и скорее находящихся ниже среднего уровня людей. Эта тема, как мы говорили, связана к тому же прямо с самим вопросом об общении с умершими: именно эти совершенно земные представления позволяют поверить в возможность такого общения; и мы таким образом пришли к тому, чтобы наконец приступить к исследованию основополагающей гипотезы спиритизма, исследованию, которое будет в значительной степени облегчено и упрощено всем тем, что было сказано прежде.

Глава V. Общение с умершими

При обсуждении общения с умершими, реинкарнации или любого иного пункта спиритической доктрины существует один род аргументов, который мы совершенно не будем брать в расчёт: это аргументы сентиментального порядка, которые мы рассматриваем как абсолютно ничтожные — как в том, так и в другом смысле. Известно, что спириты охотно прибегают к этим доводам, которые вовсе таковыми не являются, что они придают им величайшее значение и искренне убеждены, что те могут в самом деле служить оправданием их верованиям; это всецело соответствует их ментальности. Спириты, разумеется, далеки от того, чтобы обладать монополией на сентиментализм, который в целом преобладает у современных представителей Запада; но их сентиментализм принимает формы, в особенности раздражающие всякого, кто свободен от их предрассудков: мы не знаем ничего более глупого и инфантильного, чем эти воззвания к «дорогим духам», эти песнопения, которыми открывается большинство сеансов, этот абсурдный энтузиазм перед лицом самых банальных «сообщений» и самых смехотворных феноменов. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного в том, что спириты по любому поводу настаивают на том «утешительном», что содержится в их теориях; то, что они находят их таковыми — их дело, и нас это не касается; мы лишь констатируем, что есть и другие, по меньшей мере столь же многочисленные, кто отнюдь не разделяет этой оценки и считает совершенно иначе, что, впрочем, также ничего не доказывает. Вообще, когда два противника пользуются одними и теми же аргументами, весьма вероятно, что аргументы эти ничего не стоят; и в данном случае мы всегда поражались, видя, что некоторые не находят

ничего лучшего, чтобы возразить спиритизму, кроме того, что мало «утешительного» в представлении о мертвецах, являющихся для того, чтобы нести вздор, двигать столы и предаваться тысяче более или менее гротескных выходок. Конечно, мы скорее разделили бы именно это мнение, нежели мнение спиритов, которые, напротив, находят это весьма «утешительным», однако мы не полагаем, что подобные соображения должны иметь место, когда речь идёт о вынесении суждения об истинности или ложности какой-либо теории. Во-первых, нет ничего более относительного: каждый находит «утешительным» то, что ему по нраву, что согласуется с его собственными сентиментальными склонностями, и здесь не о чем спорить, равно как и обо всем, что является исключительно делом вкуса; что воистину абсурдно, так это стремление убедить других в том, что одна оценка предпочтительнее оценки противоположной. Во-вторых, не все испытывают равную нужду в «утешениях» и, следовательно, не расположены придавать одинаковое значение этим соображениям. В наших глазах они имеют весьма посредственную ценность, ибо единственное, что для нас важно, — это Истина; люди сентиментальные не рассматривают вещи подобным образом, но, повторимся, их точка зрения имеет значение лишь для них самих, тогда как Истина должна непреложно и в равной мере признаваться всеми, если только они вообще способны её постичь. Наконец, Истина вовсе не обязана быть «утешительной»; если существуют те, кто, познав её, находят в ней это свойство, — тем лучше для них, однако это проистекает лишь из особого способа, коим оказалась затронута их сентиментальность. Наряду с ними могут найтись и другие, на кого произведенный эффект окажется совершенно иным и даже противоположным, и, несомненно, таковые будут всегда, ибо нет ничего более изменчивого и многообразного, нежели чувство; но, в любом случае, Истина здесь будет совершенно ни при чём.

Сказав это, напомним, что, когда речь идёт об общении с умершими, это выражение подразумевает, что тот, с кем

общаются, является реальным существом умершего; именно таким образом это понимают спириты, и исключительно это здесь следует рассматривать. Не может быть и речи о вмешательстве каких-либо элементов более или менее вторичных и разлагающихся. Мы говорили, что это вмешательство вполне возможно, но спириты, напротив, не хотят об этом и слышать. А значит, нам не стоит здесь заниматься этим вопросом, и следует сделать подобное замечание и в отношении того, что касается реинкарнации. Затем мы напомним также, что для спиритов речь идёт главным образом об общении с умершими благодаря материальным средствам. По крайней мере, именно в этих выражениях мы определили вначале их притязание, потому что их было достаточно, чтобы сделать наши слова понятными, но здесь имеется возможная двусмысленность, потому что могут иметься совершенно разные представления о материи, и то, что не является материальным для одних, может, однако, быть таковым для других, не учитывая тех, для кого само представление о материи является чуждым или кажется лишённым смысла. А значит, для большей ясности и точности мы скажем, что спириты имеют в виду общение, устанавливаемое благодаря средствам чувственного порядка. Именно в этом и состоит основополагающая гипотеза спиритизма, и именно её совершенную невозможность мы и утверждаем; и нам надо изложить теперь аргументы в пользу этого. Мы хотим, чтобы наша позиция в этом отношении была совершенно понятной: философ, не отказываясь от допущения истинности или возможности теории спиритов, может рассматривать её, подобно любой другой гипотезе, и даже если он находит её весьма малоправдоподобной, общение с умершими или реинкарнация могут показаться ему чем-то вроде «философского вопроса», который, скорее всего, у него нет никакой возможности разрешить. Для нас, напротив, никакого «вопроса» здесь нет, потому что это просто и совершенно невозможно. Мы не утверждаем, что доказательство этого легко понятно для всех, потому что

оно обращается к данным метафизического порядка, хотя и относительно простым. Мы также не претендуем на совершенно полное изложение его здесь, потому что всё, что оно предполагает, не может быть развёрнуто в рамках этого исследования, и есть моменты, к которым мы обращаемся в других местах. Однако это доказательство, когда оно полностью усвоено, даёт абсолютную уверенность, как и всё то, что по-настоящему обладает метафизической природой. То есть, если некоторые не находят его полностью удовлетворительными, то недостаток может заключаться либо в несовершенном изложении, которое мы представляем либо, равным образом, в несовершенном понимании, которое может сформироваться при его изучении.

Чтобы два существа могли общаться между собой посредством органов чувств, необходимо прежде всего, чтобы они оба обладали чувствами, к тому же, необходимо, чтобы их чувства были одинаковыми, по крайней мере, частично. Если одно из них не может иметь ощущений, никакое общение этого порядка невозможно. Это может казаться совершенно очевидным, но именно истины этого рода легче всего забывают или им не уделяют внимания; и однако они зачастую обладают значением, которое не подозревают. Из двух условий, которые мы только что сформулировали, именно первое устанавливает совершенным образом невозможность общения с умершими посредством спиритических практик. Что касается второго, то оно по меньшей мере очень серьёзно ставит под сомнение возможность межпланетных сообщений. Этот последний момент непосредственно связан с тем, что мы утверждаем в конце предыдущей главы. Мы его изучим в первую очередь, так как соображения, которые он нам позволит ввести, облегчат понимание другого вопроса, вопроса, который нас здесь главным образом и интересует.

Если допускать теорию, объясняющую все ощущения более или менее быстрыми колебательными движениями, и если рассматривать таблицу, в которой указаны число

вибраций в секунду, соответствующих каждому виду ощущений, поражает факт, что промежутки, представляющие то, что наши чувства нам передают, очень невелики по отношению к целому: они разделены другими промежутками, где нет ничего доступного для нашего восприятия, и к тому же, невозможно установить предел, определенный для возрастающей или уменьшающейся частоты вибраций[138], так что следует рассматривать таблицу как способную продолжаться и в ту, и в другую сторону благодаря бесконечным возможностям ощущений, которым не соответствует для нас ни одно действительное ощущение. Но сказать, что существуют возможности ощущений означает сказать, что эти ощущения могут быть присущи существом иным, чем мы, которые, напротив, могут не иметь ни одно из ощущений, которое имеем мы. Когда мы говорим «мы», то здесь не имеем в виду только людей, но все земные существа вообще, так как не кажется, что чувства варьируются и у них в значительных размерах, и даже если их острота может быть большей или меньшей, они всё-таки в основе своей остаются одинаковыми. Стало быть, природа этих чувств вполне определена земным окружением; это не свойство, присущее одно или другому виду, но оно объясняется тем, что рассматриваемые существа живут на Земле и нигде в другом месте. Соответственно, на любой другой планете чувства должны определяться также, но в таком случае они могут совершенно не совпадать с теми, которыми обладают земные существа, и даже крайне вероятно, что, вообще говоря, дело и должно обстоять таким образом. На деле, всякая возможность ощущений должна быть реализована где-то в телесном мире, так как все, что есть ощущение, является в высшей степени телесной способностью. Так как эти возможности безграничны, очень мало шансов, чтобы они

[138] Очевидно, что частота вибраций в секунду никоим образом не представляет минимального предела, поскольку секунда — это очень относительная единица, каковой является, впрочем, всякая единица измерения; чистая арифметическая единица является единственно совершенно неделимой.

были реализованы дважды, то есть чтобы существа, обитающие на двух различных планетах, обладали чувствами, которые совпадают целиком или даже частично. Если, однако предполагается, что это совпадение может реализоваться несмотря ни на что, ещё раз очень мало шансов, чтобы оно реализовалось как раз в таких условиях временной и пространственной близости, дабы могло установиться общение. Мы хотим сказать, что шансы, которые уже являются безгранично малыми для всей целокупности телесного мира, оказываются безгранично сокращенными, если рассматривать только звезды, существующие одновременно в какой-либо момент, и ещё более безгранично сокращенными, если среди этих звезд рассматривать лишь те, которые очень близки одна к другой, также как различные планеты, принадлежащие к одной и той же системе; это должно быть так, поскольку время и пространство сами представляют безграничные возможности. Мы не утверждаем, что межпланетное сообщение совершенно невозможно; мы говорим только, что эти шансы могут выражаться только бесконечно малой с несколькими степенями, и что, если ставить вопрос для определённого случая, как в случае Земли и другой планеты Солнечной систему, почти не рискуешь ошибиться, рассматривая их как практически нулевые; перед нами, в итоге, простое применение теории возможностей. Следует отметить, так это то, что препятствие для межпланетного сообщения создают не трудности из рода тех, которые могут испытывать, например, для общения между собой два человека, каждый из которых совершенно не знает языка другого. Эти трудности не были бы непреодолимыми, потому что эти два существа благодаря способностям, которые являются для них общими, всегда могли бы отыскать средство устранить их в определённой мере. Но там, где эти способности не существуют, по крайней мере, на уровне, на котором происходит общение, то есть на чувственном уровне, препятствие не может быть устранено никаким средством, потому что оно обусловлено различием природы рассмат-

риваемых существ. Если существа таковы, что ничто из того, что вызывает ощущения у нас, не может их вызвать у них, эти существа для нас как будто бы и не существовали, и взаимно. Даже если бы они были рядом с нами, мы бы не стали к ним ближе и, возможно, не почувствовали бы даже их присутствие, или, в любом случае, мы не узнали бы вероятно, что перед нами живые существа. Это, заметим мы попутно, даже позволило бы предположить, что нет ничего невозможного в том, что и в земной среде существуют создания, целиком отличные от всех тех, которые мы знаем, и с которыми у нас бы не было никакого способа вступить в контакт; но мы не настаиваем на этом, тем более что, если бы такие существа были, они бы очевидно не имели ничего общего с нашим человечеством. Как бы то ни было, только что сказанное нами показывает, сколько наивного содержится в заблуждениях, которые испытывают некоторые ученые в отношении межпланетных сообщений, и эти заблуждения берут начало из ошибки, на которую мы ранее указывали и которая заключается в перенесении на все чисто земных представлений. Если говорят, что эти представления являются единственно возможными для нас, мы убеждены в том, что лучше не иметь никаких представлений, чем иметь ложные. Совершенно верно, что-то, о чём идёт речь, не является воображаемым, но из этого не следует делать вывод, что это не является мыслимым, так как это, напротив, очень легко. Одна из крупных ошибок современных философов состоит в смешении воображаемого и мыслимого. Эта ошибка особо заметна у Канта, но она не является его спецификой, и она даже представляет собой общую черту западной ментальности, по крайней мере, с тех пор как она обратилась почти исключительно к чувственным вещам; для любого, кто делает подобную путаницу, очевидно не существует возможной метафизики.

Телесный мир, включающий безграничные возможности, должен содержать существа, чьё разнообразие также является безграничным. Однако весь этот мир представляет толь-

ко одно из состояний бытия, обозначенных некоторым набором определённых условий, являющихся общими для всего того, что в нём находится, хотя эти условия могут выражаться крайне разнообразным образом. При переходе от одного состояния бытия к другому различия будут несравненно более значительными, потому что не будет более общих условий, так как одни заменяются другими, которые аналогичным образом определяют это другое состояние; а значит, на этот раз не будет более никакого пункта сравнения с телесным и чувственным уровнем, рассматриваемым в его целостности, и также только в одной или другой из его особых форм, как, например, той, что составляет земное бытие. Условия наподобие пространства и времени никоим образом неприменимы к другому состоянию, потому что они являются именно теми, что определяют телесное состояние. И даже если в другом месте есть нечто подобным образом соответствующее им, это «нечто» в любом случае не может дать нам повод для каких-либо представлений; «воображение», способность чувственного порядка, не может достичь реальности другого уровня, также, как и само ощущение, предоставляющее ему все элементы его конструкций. Стало быть, как раз на чувственном уровне будет невозможно отыскать средство вступить в контакт с тем, что относится к другому уровню; налицо совершенная разнородность, что не означает принципиальную несводимость: если может иметь место сообщение между двумя различными состояниями, это в силах происходить лишь посредством высшего принципа, общего для этих двух состояний, а не прямо от одного к другому. Но весьма очевидно, что рассматриваемая нами здесь возможность ни в какой степени не относится к спиритизму. Если лишь рассматривать эти два состояния сами по себе, то мы скажем следующее: возможность сообщения нам сразу показалась крайне маловероятной, тогда как речь шла лишь о существах, принадлежащих к различным формам одного и того же состояния; теперь, когда речь идёт о существах, принадлежащих к различным состо-

яниям, общение между ними совершенно невозможно. Уточним, что речь идёт только, в данный момент, по меньшей мере, об общении, которое, как предполагалось бы, устанавливается средствами, которые каждое из этих существ может отыскать в условиях его собственного состояния, то есть благодаря способностям, которые выступают следствием самих этих условий, то, что и есть случай способностей чувственного восприятия на телесном уровне; а именно способностей чувственного восприятия, к которым обращаются спириты. Это совершенно невозможно, потому что способности, о которых идёт речь, строго присущи одному-единственному из рассматриваемых состояний, как и условия, из которых они берут начало. Если бы эти условия были бы общими для двух состояний, то они смешивались бы и представляли бы собой одно состояние, потому что этими условиями определяются состояние бытия[139]. Нелепость спиритизма таким образом полностью доказана, и мы могли бы на этом и остановиться. Однако, так как даже строгость этого доказательства может затруднить его понимание у тех, кто не привычен рассматривать вещи этим образом, мы присоединим сюда несколько дополнительных наблюдений, которые, представляя вопрос в чуть отличном и более специфическом аспекте, сделают эту нелепость ещё более очевидной.

Чтобы существо могло проявляться в телесном мире, надо, чтобы оно обладало соответствующими способностями, то есть способностями восприятия и действия, и что оно также обладало органами, соответствующими этим способностям. Без таких органов эти способности вполне могли бы существовать, но только в скрытом и потенциальном состоянии, они были бы чистыми возможностями, которые не осу-

[139] Здесь следовало бы сделать оговорку в этом смысле, что, как мы скажем далее, существует условие, общее для любого индивидуального состояния, за исключением неиндивидуальных состояний; но это никак не влияет на наше доказательство, которые мы хотели представить в насколько это возможно более простой форме, без того, однако, чтобы это было в ущерб истине.

ществлялись бы и не были бы годны для ничего из того, о чём идёт речь. Стало быть, даже если предполагать, что существо, которое оставило телесное состояние, чтобы перейти в другое состояние, сохраняет в себе определённым образом способности телесного состояния, то это лишь в качестве возможностей, и таким образом они отныне никоим образом не могут быть использованы для общения с существами, имеющими тело. Существо может к тому же заключать в себе возможности, соответствующие всем состояниям, которым оно подвержено, и даже оно должно это делать некоторым образом, без чего эти состояния не были бы для него возможны; но мы говорим здесь о существе во всей его реальности, а не только об этой части существа, заключающей лишь возможности одного-единственного состояния, как например, человеческой индивидуальности. А значит, это находится за пределами всего того, что нам ныне следуют рассматривать, и если мы здесь указывали на это, то исключительно чтобы не оставить без внимания ничего из того, что могло бы показаться способным дать повод для какого-либо возражения. С другой стороны, чтобы избежать любой двусмысленности, нам следует добавить, что то, что представляет человеческую индивидуальность, это как раз не одно-единственное телесное состояние, но оно включает, кроме того, различные продолжения, которые вместе с этим телесным состоянием в строгом смысле этого слова составляют ещё одно и то же состояние или ступень универсального бытия. Здесь нам не очень следует беспокоиться об этом последнем затруднении, потому что, если верно, что телесное состояние не является совершенно полным состоянием, оно, однако, единственное относящееся к делу во всём чувственном проявлении; в сущности, чувственное и телесное полностью совпадают. Чтобы возвратиться к нашей отправной точке, мы можем, стало быть, сказать, что общение благодаря чувственным средствам возможно лишь между существами, обладающим телом. В итоге, это равносильно тому, что существо, дабы воплотиться телесно, само должно быть те-

лесным и в этой последней форме дело только слишком очевидно. Сами спириты не могут открыто пойти против этой очевидности. Именно поэтому, не слишком отдавая себе отчет в причинах, которые их к этому обязывают, они предполагают, что их «духи» сохраняют все способности ощущений, присущие земным существам, и они приписывают им, кроме того, организм, нечто вроде тела, которое таковым не является, потому что оно бы имело свойства, несовместимые с самим представлением о теле, и у него бы не было всех свойств, главным образом присущих этому представлению: оно сохраняло бы некоторые из них как существо, подчинённое пространству и времени, но это далеко от того, чтобы быть достаточным. Здесь не может быть середины: или у существа есть тело, или нет; если оно мертво в обычном смысле слова, то, что спириты называют «развоплощённым состоянием», это означает, что оно оставило своё тело. С тех пор оно более не принадлежит телесному миру, из чего следует, что всякое чувственная проявление для него стало невозможным. Нам хотелось бы почти извиниться за то, что мы вынуждены настаивать на таких простых, в сущности, вещах, но мы знаем, что это необходимо. Заметим ещё, что эта аргументация не предвосхищает ничего из посмертного состояния человеческого существа: если каким-либо образом представить себе это состояние, все могут единодушно признать, что оно совершенно не является телесным, если только не принимать эти грубые представления о «загробной жизни», описанные нами в предыдущей главе, со всеми противоречивыми элементами, которые они содержат. Это последнее мнение не относится к числу тех, которые можно серьёзно обсуждать, и всякое другое мнение, каковым бы оно не было, должно с неизбежностью влечь категорическое отрицание гипотезы спиритов. Это замечание очень важно, поскольку в действительности следует рассматривать два случая: или существо после смерти и вследствие этой перемены переходит в целом отличное состояние, определяющееся совершенно иными, чем в его преды-

дущем состоянии, условиями, и тогда опровержение, изложенное нами в первую очередь, применимо непосредственно и без какого-либо ограничения, или оно остается ещё в какой-либо форме этого же состояния, но иной, чем телесная форма, и характеризуемой исчезновением по крайней мере одного из условий, совокупность которых необходима для образования телесности: условие, которое неизбежно исчезло (что не означает, что другие не могут также исчезнуть), это наличие материи или, более точным образом, «околичественной материи»[140]. Мы можем допустить, что оба этих случая отвечают возможностям: в первом человеческая индивидуальность перешла в другое состояние, индивидуальное или нет, которое не может быть более никоим образом названо человеческим; во-втором, напротив, можно сказать, что человеческая индивидуальность сохраняется через какое-либо из своих порождений, на которое мы уже указывали, но эта индивидуальность с того времени является бестелесной, а стало быть, неспособной к чувственному проявлению, что достаточно для того, чтобы она совершенно не могла играть никакой роли в феноменах спиритизма. Едва ли нужно указывать, что именно второму случаю соответствует, среди прочих, представление о бессмертии, понимаемом в религиозном и западном смысле; на деле, речь в таком случае идёт именно о человеческой индивидуальности, и к тому же факт, что сюда переносится идея жизни, сколь измененной она не представлялась, подразумевает, что это состояние сохраняет некоторые из условий предыдущего состояния, так как сама жизнь, во всей протяженности, на которую она способна, является лишь одним из этих условии и ничем иным. Следовало бы рассмотреть и третий случай: это случай бессмертия, понимаемого в метафизическом и восточном смысле, то есть в случае, когда существо перешло, непосредственным или дифференцированным образом (так как маловажно, касательно окончательной цели,

[140] *Materia quantitate signata,* согласно схоластическому выражению.

были или нет промежуточные состояния) в необусловленное состояние, высшее по отношению ко всем частным состояниям, о которых до сих пор шла речь, и в котором все эти состояния имеют свою основу. Но это возможность принадлежит к слишком трансцендентальному уровню, чтобы мы на ней сейчас останавливались, и само собой разумеется, что спиритизм, со своей «феноменной» отправной точной, не имеет ничего общего с вещами этого уровня. Нам будет достаточно сказать, что такое состояние находится за пределами не только чувственного проявления, но и всякого проявления, каким бы путём оно не происходило.

До сих пор мы, естественно, рассматривали лишь общение с умершими в такой форме, в какой его допускают спириты. Установив невозможность этого общения, можно было бы ещё поинтересоваться, не существует ли всё-таки возможности общения совершенно иного рода, проявляющегося в чём-то наподобие вдохновения или особой интуиции, при отсутствии какого-либо чувственного феномена. Без сомнения, спиритов это почти не заинтересует, но это могло бы заинтересовать других. Трудно полностью рассмотреть этот вопрос, потому что, если есть возможность налицо, средства отобразить её почти целиком отсутствуют, чтобы отдавать отчет. К тому же, чтобы это в самом деле было возможностью, это предполагает осуществление таких исключительных условий, о которых почти бесполезно говорить. Однако мы скажем, что вообще говоря, чтобы смочь вступить в контакт с существом, находящимся в другом состоянии, следует развить в себе самом возможности этого состояния, так чтобы, даже если тот, кому это удается, является человеком, в наше время живущим на земле, он достигает этого не как земная человеческая индивидуальность, но только как нечто другое в то же самое время. В этом отношении самый простой случай это когда существо, с которым нужно общаться, осталось в одном из продолжений индивидуального человеческого состояния; в таком случае достаточно, чтобы живой расширил свою собственную индивиду-

альность в соответствующем направлении за пределы телесной формы, которой он, как правило, ограничен в действительности, если не в потенции (так как возможности интегральной индивидуальности явно те же самые, но они могут оставаться в состоянии потенциальности на протяжении всего земного существования); этот случай может оказаться реализован в определённых «мистических состояниях», и это может даже происходить в таком случае, без того чтобы сюда деятельно вмешивалась воля того, кто этот случай реализует. Если мы затем рассмотрим случай, при котором речь идёт об общении с существом, перешедшим в состояние, совершенно отличное от человеческого, то можем сказать, что это практически невозможно, поскольку это было бы возможно, если бы живой достиг высшего состояния, достаточно высокого, чтобы представлять общую для двух других основу и позволить благодаря этому их объединить, как подразумевающий «в высшей степени» все их частные возможности; но в таком случае вопрос не представляет более никакого интереса, так как, достигнув такого состояния, существу не будет более никакой надобности вновь нисходить на низший уровень, который его прямо не затрагивает; наконец, во всяком случае, речь при этом идёт о любой другой вещи, нежели чем человеческая индивидуальность[141]. Что касается общения с существом, будто бы достигшим совершенного бессмертия, то это общение предполагало бы, что живой сам обладает соответствующим состоянием, то есть что он теперь и полностью реализовал свою трансцендентальную личность. Впрочем, нельзя говорить об этом состоянии как об аналогичном частному и обусловленному состоянию; здесь не может быть более и речи ни о чём, что напо-

[141] Мы предположили здесь, что нечеловеческое существо находится ещё в индивидуальном состоянии; если бы оно находилось в надындивидуальном, хотя все ещё обусловленном состоянии, живому достаточно было бы достичь того же состояния, но тогда условия были бы таковы, что говорить об общении в смысле, аналогичном человеческому пониманию, можно было бы не в большей степени, чем когда речь идёт о необусловленном состоянии.

минает индивидуальность, и даже само слово «общение» теряет своё значение, как раз потому, что любое сравнение с человеческим состоянием перестаёт здесь быть применимым. Эти объяснения могут показаться несколько туманными, но для их большего прояснения потребовалось бы слишком много подробностей, совершенно чуждых нашей теме[142]; эти подробности могли бы, если представится случай, найти место в других исследованиях. Впрочем, этот вопрос далёк от того, чтобы иметь значение, которую некоторые могли бы быть искушаемы ему придать, потому что подлинное вдохновение в действительности — это совершенно иное: его источник не в общении с другими существами, какими бы они ни были, но скорее в общении с высшими уровнями своего собственного существа, что совсем иная вещь. Поэтому для этого рода вещей, о котором мы только что говорили, мы могли бы повторить сказанное нами по поводу магии, хотя, конечно, они принадлежат более высокому порядку: те, кто по-настоящему знает, о чём идёт речь, и кто обладает глубоким знанием этого, совершенно не интересуется её применением; что касается «эмпириков» (чья деятельность, впрочем, оказывается ограниченной здесь единственным случаем, где происходит расширение человеческой индивидуальности), очевидно, нельзя помешать им применять напрасно некоторые отрывочные и бессвязные знания, которыми они смогли неожиданно овладеть, но всегда полезно предупредить их, что они могут делать это лишь на свой страх и риск.

[142] Нужно было бы также, предположив, что инициатива исходит от живых, поставить вопрос в противоположном направлении, что привело бы к ещё другим осложнениям.

Глава VI. Реинкарнация

Мы не можем подумать о том, чтобы предпринять здесь совершенно полное исследование темы реинкарнации, так как понадобился бы целый том, чтобы исследовать все её аспекты; возможно, мы когда-нибудь вернёмся к этому; дело того стоит, но не само по себе, так как это лишь простая нелепость, а по причине странного распространения этой идеи реинкарнации, которая в нашу эпоху является одной из идей, в наибольшей степени способствующих расстройству психики у большого количества людей. Однако, не считая возможным уклониться от рассмотрения этой темы, мы скажем, по крайней мере, всё то, что следовало бы сказать наиболее существенного по ней; и наша аргументация будет годиться не только против кардекианского спиритизма, но также против всех прочих «неоспиритуалистических» школ, которые, в свою очередь, восприняли эту идею, хотя и изменив её в более или менее важных деталях. И напротив, это опровержение не адресовано, подобно предыдущему, спиритизму, рассматриваемому во всей его целокупности, так как реинкарнация не относится к числу его совершенно важных положений, и можно быть спиритом, не признавая её, в то время как невозможно быть им, не признавая явление умерших посредством чувственных феноменов. На деле, известно, что американские и английские спириты, то есть представители старейшей формы спиритизма, были вначале единодушны в своем отрицании реинкарнационистской теории, которую Данглас Хоум, в частности, яростно критиковал[143]; надо было, чтобы некоторые из них решились её принять, что эта теория спустя некоторое время про-

[143] *Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 118-141.

никла в англосаксонские круги путями, чуждыми спиритизму. Даже во Франции некоторые из первых спиритов, как, например, Пьерар и Анатоль Барт, размежевались с Алланом Кардеком по этому вопросу; но в наши дни можно сказать, что весь французский спиритизм превратил реинкарнацию в настоящую «догму». К тому же сам Аллан Кардек без колебаний назвал её этим словом[144]. Именно у французских спиритов, напомним ещё, эту теорию вначале заимствовали теософисты, а затем оккультисты Папюса и различные другие школы, также превратившие её в один из своих предметов веры. Хотя эти школы и упрекали спиритов в том, что они представляют реинкарнацию недостаточно «философским» образом, различные изменения и усложнения, которые они туда внесли, не могут скрыть этого первоначального заимствования.

Мы уже отмечали некоторые из расхождений, существующих по поводу реинкарнации будь ли то среди спиритов, будь ли то между ними и другими школами. В отношении этого, как и всего прочего, учения «духов» являются достаточно неустойчивыми и противоречивыми, и мнимые свидетельства «ясновидящих» не в меньшей степени таковы. Так, мы видим, что у одних человеческое существо постоянно перевоплощается с одним и тем же полом, у других оно перевоплощается безразлично то с одним полом, то с другим, без того чтобы можно было установить какой-либо закон в этом отношении, а у третьих имеется более-менее регулярное чередование между мужскими и женскими воплощениями. Также одни говорят, что человек всегда воплощается на земле; другие утверждают, что он вполне также может воплощаться будь ли то на другой планете Солнечной системы, будь ли то даже на какой-либо звезде. Некоторые признают, что происходит, как правило, несколько последовательных земных воплощений перед тем, как перейти в другое обиталище, и таково мнение самого Аллана Карде-

[144] *Le livre des Esprits*, стр. 75 и 96.

ка; для теософистов есть лишь земные воплощения на протяжении всего крайне длинного цикла, после которого человеческая раса начинает новую серию воплощений в другой сфере, и так далее. Другой вопрос, который не менее обсуждаем, это вопрос о длительности промежутка времени, который должен существовать между двумя последовательными воплощениями: они полагают, что можно перевоплотиться немедленно или по крайней мере через очень короткое время, в то время как для других земные жизни разделяют длинные промежутки. В другом месте мы видели, что теософисты, после того как они вначале думали, что эти промежутки составляют как минимум двенадцать или пятнадцать столетий, в конце концов значительно сократили их и провели в этом отношении различия в соответствии со «степенями эволюции» индивидов[145]. У французских оккультистов также произошло изменение, которое достаточно любопытно отметить: в своих первых трудах Папюс, не переставая атаковать теософистов, с которыми он только что порвал, повторяет вслед за ними, что, согласно эзотерической науке, душа может перевоплощаться только спустя пятнадцать столетий в среднем, кроме некоторых весьма явных исключений (смерть в детском возрасте, насильственная смерть и т.д.)[146], и он даже утверждает, поверив г-же Блаватской и Синнетту, что «эти цифры взяты из астрономических вычислений индусского эзотеризма»[147], в то время как никакая подлинная традиционная доктрина никогда не говорила о реинкарнации, и она представляет собой сугубо современное и западное изобретение. Позже Папюс полностью отвергал мнимый закон, установленный теософистами, и заявлял, что невозможно дать никаких сроков, говоря (мы тщательно сохраняем его стиль), что

> было бы столь же нелепым устанавливать чётко определенный срок в двенадцать столетий, как и устанавливать

---

[145] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 88-90.

[146] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 296-297.

для человеческой жизни на земле чётко определённую продолжительность[148].

Всё это не очень внушит доверие тем, кто беспристрастно изучает эти вещи, и если реинкарнация никогда не была «открыта» духами по веским основаниям, о которых они в действительности не говорили посредством столов или медиумов, некоторые замечания, которые мы только что сделали, уже достаточны для того, чтобы показать, что она тем более не может быть подлинным эзотерическим знанием, даваемым посвящёнными, которые по определению знают, где остановиться. Стало быть, даже нет необходимости углубляться в суть вопроса, чтобы отбросить притязания оккультистов и теософистов. Как бы то ни было, реинкарнация является соответствием простой философской концепции. В действительности, она только этим и является, и она даже находится на уровне самых худших философских концепций, потому что она нелепа в собственном значении этого слова. Много нелепостей есть также у философов, но по крайней мере они представляют их, как правило, только как гипотезы. «Неоспиритуалисты» заблуждаются совершенным образом (мы признаём здесь их искренность, которая не всегда присуща руководителям), и даже уверенность, с которой они формулируют свои утверждения, является одной из причин, которые делают их концепции более опасными, чем концепции философов.

Мы только что употребили понятие «философская концепция»; возможно, понятие «социальной концепции» было бы ещё более верным в данных обстоятельствах, если рассматривать то, что было подлинным источником идеи реинкарнации. На деле, для французских социалистов первой половины XIX в., вбивших её в голову Аллану Кардеку, эта идея была призвана максимально предоставлять объяснение неравенства социальных условий, в их глазах прини-

147 Там же, стр. 341.

148 *La réincarnation*, стр. 42-43.

мавшего особенно поразительный характер. Спириты сохранили этот же самый мотив среди тех, которые они охотнее всего призывали для обоснования их веры в реинкарнацию, и они даже хотели распространить это объяснение на все виды неравенства, как интеллектуального, так и физического. Вот то, что утверждает Аллан Кардек:

> Или души при их рождении равны или же они неравны, это бесспорно. Если они равны, то отчего их способности столь различны? ‹…› Если они неравны, то оттого, что Бог сотворил их такими, но в таком случае почему этим врожденным превосходством наделены некоторые? Разве это предвзятость соответствует его справедливости и его одинаковой любви, которую он испытывает ко всем своим творениям? Признаем, напротив, наследие сменявших друг друга предыдущих существований, и все станет на свои места. Рождаясь, люди приносят интуитивное знание того, что они приобрели. Они более или менее развиты, в соответствии с количеством жизней, через которые они прошли, в соответствии с тем, в большей или меньшей степени они удалились от отправной точки, точно также как в обществе индивидов всех возрастов каждый будет обладать развитием, пропорциональным количеству лет, которое он проживет; последовательные существования для жизни души будут тем, чем годы являются для жизни тела ‹…› В своей справедливости Бог не мог создать более или менее совершенные души; но благодаря множеству существований, наблюдаемое нами неравенство не имеет более ничего противоположного самой строгой справедливости[149].

Г-н Леон Дени также утверждает:

> Только множественность существований может объяснить разнообразие характеров и склонностей и разницу в нравственных качествах, одним словом, все виды неравенства, поражающие наш взор. Игнорируя этот закон, напрасно

[149] *Le livre des Esprits*, стр. 102-103.

> задаваться вопросом, отчего некоторые люди обладают талантом, благородными чувствами, возвышенными устремлениями, в то время как стольким другим достается в удел лишь глупость, низменные страсти и грубые инстинкты. Что можно подумать о Боге, который, определив для нас одну-единственную телесную жизнь, поставил нас в столь неравные условия и, от дикаря до цивилизованного человека, уготовил бы людям столь мало подходящие блага и столь разный нравственный уровень? Без закона перевоплощений как раз несправедливость управляет миром ‹…› Все эти неясности рассеиваются благодаря доктрине множественных существований. Существа, выделяющиеся мощью своего интеллекта или своими добродетелями, прожили больше, работали больше, приобрели более обширные способности и опыт[150].

На подобные доводы ссылаются даже школы, чьи теории менее «примитивны», чем теории спиритизма, так как реинкарнационистские представления никогда не могли потерять целиком своё родимое пятно. Теософисты, например, также выдвигают на передний план, по крайней мере, дополнительно, неравенство социальных условий. Со своей стороны, Папюс делает в точности то же самое:

> Люди вступают на новый путь в материальном мире, богатые или бедные, счастливые в социальном отношении или нечастые, в соответствии с результатами, полученными в предыдущих жизнях, в предшествующих воплощениях[151].

В другом месте он выражается ещё более ясно на эту тему:

> Без представления о реинкарнации социальная жизнь представляет собой крайнюю несправедливость. Почему глупые существа пресыщены деньгами и осыпаны почестями, в то время как достойные существа сталкиваются

---

[150] *Après la mort*, стр. 164-166.

[151] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 167.

> с нуждой и погружены в повседневную борьбу за физическую, нравственную или духовную пищу? ‹…› В общем можно сказать, что нынешнее место в обществе определяется предшествовавшим состоянием духа, и оно определяет, в свою очередь, будущее социальное положение[152].

Такое объяснение совершенно ложно, и вот почему: прежде всего, если отправная точка не одинакова для всех, если есть люди, которые далеки от неё в разной степени и которые не прошли одинаковое количество существований (именно это утверждает Аллан Кардек), здесь имеется неравенство, за которое они не могут быть ответственны и которое, как следствие, приверженцы реинкарнации должны рассматривать как «несправедливость», что их теория не в силах объяснить. Затем, даже признавая, что между людьми не существует этих различий, весьма необходим в их эволюции (мы говорим в соответствии со взглядами на вещи, принятыми у спиритов), момент, когда возникло неравенство различного типа, и нужно также, чтобы оно имело причину. Если говорят, что этой причиной являются действия, которые люди уже совершили прежде, будет необходимо объяснить, как эти люди могли вести себя различным образом, до того, как среди них утвердилось неравенство различных видов. Это необъяснимо, просто-напросто, потому что здесь присутствует противоречие: если люди были бы совершенно равны, они были бы похожи во всех отношениях и, если признать, что это возможно, то они никогда не перестали бы быть таковыми, если только не оспаривать ценность принципа достаточного основания (и в этом случае не имелось бы более повода искать закон или какое-либо объяснение). Если между ними смогло возникнуть неравенство, так это очевидно, потому что возможность неравенства заключалась в них, и этой предварительной возможности было достаточно, чтобы сделать их неравными с самого начала, по крайней мере потенциально. Таким обра-

[152] *La réincarnation*, стр. 113 и 118.

зом только отодвигают трудность, веря в её разрешение и, в конце концов, эта трудность целиком сохраняется. Но, по правде говоря, трудности нет, и сама проблема является не менее иллюзорной, чем её мнимое разрешение. Об этом вопросе можно сказать то же самое, что о многих философских вопросах, которые существуют только потому, что они неверно поставлены, и если их ставят неверно, то это в сущности прежде всего потому что моральные и сентиментальные соображения примешивают туда, где им нечего делать: эта позиция столь же глупа, как и позиция человека, который интересовался бы, например, отчего один животный вид не равен другому, что явно лишено смысла. Если в природе имеются различия, кажущиеся нам неравенством, в то время как в ней имеются и другие, не принимающие этот аспект, то перед нами лишь чисто человеческая точка зрения; и если мы оставляем в стороне эту в высшей степени относительную точку зрения, то не следует более говорить о справедливости или несправедливости при этом порядке вещей. В итоге, интересоваться, почему одно существо не равно другому, означает интересоваться, почему оно отлично от этого другого. Но, если бы между нами не было бы никаких отличий, оно было бы этим другим, вместо того чтобы быть самим собой. С тех пор как существует многообразие существ, с неизбежностью необходимо, чтобы между ними существовали различия. Невозможно представить две тождественные вещи, потому что, если они по-настоящему тождественны, это не две вещи, но вполне одна и та же вещь; Лейбниц целиком прав по этому вопросу. С самого начала каждое существо отличается от других тем, что оно несёт в себе самом определённые возможности, которые главным образом присущи его природе и которые не являются возможностями какого-либо другого существа; стало быть, вопрос, на который приверженцы реинкарнации претендуют дать ответ, просто-напросто равнозначен тому, чтобы спросить себя, почему существо является самим собой, а не другим. Если угодно увидеть в этом несправедливость,

пожалуйста, но в любом случае, это необходимость; и к тому же, в сущности, это скорее было бы противоположностью несправедливости: на деле представление о справедливости, лишённое своего сентиментального и типично человеческого характера, сводится к представлению об уравновешенности или гармонии. Между тем, чтобы во вселенной была всеобщая гармония, необходимо и достаточно, чтобы каждое существо было на том месте, которое оно должно занимать, как элемент этой вселенной, в соответствии со своей собственной природой. Это как раз все равно, что сказать, что различия и неравенство, которые нравится обличать как действительную или мнимую несправедливость, в реальности и с неизбежностью, напротив, способствуют этой всеобщей гармонии; и справедливость не может существовать, так как это означало бы предположить, что вещи не являются тем, чем они являются, потому что было бы нелепостью предлагать, что с существом может случиться нечто, нисколько не являющееся следствием его природы; таким образом, поборники справедливости могут оказаться удовлетворены сверх того, не будучи вынужденными идти против истины.

Аллан Кардек заявляет, что «догмат о реинкарнации основан на божьей справедливости и откровении»[153]; мы только что показали, что из этих двух оснований веры в реинкарнацию на первое нельзя ссылаться должным образом. Что касается второго, так как явно имеется в виду откровение «духов», и так как мы прежде установили, что оно не существует, нам не следует к нему возвращаться. Однако, здесь только ещё предварительные замечания, так как, из того, что не видно никакого основания допускать что-либо, не вытекает неизбежно, что это что-либо является ложным; можно было бы ещё, по крайней мере, оставаться в этом отношении в позиции простого сомнения. К тому же мы должны сказать, что возражения, что обычно выдвигают против

[153] *Le livre des Esprits*, стр. 75.

теории реинкарнации, являются почти не более вескими, чем основания, на которые с другой стороны ссылаются, чтобы её подкрепить; это связано в значительной степени с тем, что противники и приверженцы реинкарнации равным образом чаще всего стоят на моральной и сентиментальной почве, и что соображения этого порядка не могут ничего подтвердить. Мы можем вернуться здесь к тому же самому замечанию, что касается вопроса об общении с умершими: вместо того, чтобы интересоваться, является ли это истинным или ложным, что единственно и имеет значение, обсуждают, является ли это или не является «утешительным», и можно таким образом дискутировать бесконечно, не продвигаясь вперед, потому что перед нами чисто субъективный критерий, как сказал бы философ. К счастью, есть много лучшего сказать против реинкарнации, потому что мы в силах установить её совершенную невозможность. Но перед тем как перейти к этому, нам следует ещё рассмотреть другой вопрос и уточнить некоторые различия, не только потому что они весьма важны сами по себе, то также потому что без них у некоторых могло бы вызвать удивление наше утверждение, что реинкарнация является сугубо современной идеей. Слишком много путаницы и ложных представлений находятся в ходу на протяжении века, чтобы немало людей даже за пределами «неспиритуалистических» кругов не оказались бы под их сильным влиянием. Это искажение даже достигло такой степени, что официальные востоковеды, например, истолковывают зачастую в реинкарнационистском духе тексты, где нет ничего такого, и становятся полностью не способны понять их иначе, что равнозначно тому, что они совершенно ничего в них не понимают.

Термин «реинкарнация» следует отличать от двух других терминов, по крайней мере, которые обладают полностью отличным значением: «метемпсихоз» и «трансмиграция». Речь идёт о вещах, которые были хорошо известны древним, также как они до сих пор хорошо известны восточ-

ным людям, но современные западные люди, изобретатели реинкарнации, ничего о них не знают[154]. Конечно, когда говорят о реинкарнации, это означает, что существо, которое уже было воплощено, принимает новое тело, то есть оно возвращается к состоянию, через которое оно уже проходило. С другой стороны, признают, что это касается реального и целого существа, а не только более или менее важных элементов, которые могли входить в его состав на каких-либо основаниях. Вне этих двух условий никоим образом не может идти речи о реинкарнации. Между тем, первое условие исчерпывающе отличает её от трансмиграции в той форме, как она рассматривается в восточных учениях, и второе не менее глубоко отличает её от метемпсихоза, в смысле, в котором её именно понимали орфики и пифагорейцы. Спириты, не переставая ложно утверждать древность теории реинкарнации, верно говорят, что реинкарнация не тождественна метемпсихозу. Но, согласно им, она отличается от него лишь тем, что следующие одно за другим существования всегда являются «прогрессивными», и тем, что следует рассматривать исключительно человеческие существа.

> Между метемпсихозом древних и современным учением о реинкарнации, — утверждает Аллан Кардек, — существует эта великая разница, заключающаяся в том, что духи самым полным образом отвергают трансмиграцию человека в животных, и наоборот[155].

В действительности древние никогда не рассматривали такую трансмиграцию, а тем более и трансмиграцию человека в других людей, как можно было бы определить реинкарнацию. Без сомнения, есть более или менее символиче-

---

[154] Было бы основание упомянуть также представления некоторых каббалистов, которые обозначают названиями «вращение душ» и «эмбрионат»; но мы не говорим о них здесь, потому что это увело бы нас слишком далеко. К тому же, эти представления обладают весьма ограниченным значением, так как они присоединяют условия, которые, сколь странными это бы не могло показаться, являются совершенно особыми для народа Израиля.

[155] *Le livre des Esprits*, стр. 96. Ср. Там же, 262-264.

ские выражения, которые могут дать повод для неверного понимания, но только когда неизвестно то, что они в действительности означают, а это следующее: в человеке имеются психические элементы, растворяющиеся после смерти и могущие в таком случае перейти в другие живые существа, людей или животных, без того, чтобы это имело намного большее значение, в сущности, чем факт, что после распада тела этого же самого человека составлявшие его элементы могут служить для образования других тел. В обоих случаях речь идёт о смертных элементах человека, а вовсе не о бессмертной части, которая и является его реальной сущностью, нисколько не затрагиваемой этими посмертными изменениями. По этому поводу Папюс совершает промах другого рода, говоря о «путанице между реинкарнацией или возвращением духа в материальное тело, после астральной стадии, и метемпсихозом или переходом материального тела через тела животных и растений, перед тем как вернуться в новое материальное тело[156]. Не говоря о некоторых странных выражениях, которые могут быть ляпсусами (тела животных и растений не менее материальны, чем человеческое тело, и через них «проходит» не оно, а происходящее из него элементы), это никоим образом не

[156] *La réincarnation*, стр. 9. Папюс добавляет: «Никогда не следует смешивать реинкарнацию и метемпсихоз, так как человек не движется вниз и дух никогда не становится духом животного, исключая как на астральном плане, в состоянии гения, но это ещё тайна». Для нас эта мнимая тайна не является таковой: мы можем сказать, что речь идёт о «гении вида», то есть о сущности, представляющей дух, всего животного вида. Оккультисты в самом деле полагают, что животное человеку автономным индивидом и что после смерти его душа возвращается. Согласно теории, на которую Папюс намекает в загадочных формулировках, гении животных видов являются человеческими духами, достигшими определённой степени эволюции, которым особо отведена эта роль. Впрочем, имеются «ясновидящие», которые утверждают, что видели этих гениев в облике людей с головами животных, наподобие символических изображений древних египтян. Теория, о которой идёт речь, является ошибочной: гении вида вполне реальны, даже для человеческого вида, но они не суть то, что думают оккультисты, и они не имеют ничего общего с духами отдельных людей. Что касается плана, на котором они прибывают, то это не вмещается в условные рамки, установленные оккультизмом.

могло бы называться «метемпсихозом», так как состав этого слова подразумевает, что речь идёт ни о телесных, а о психических элементах. Папюс прав, полагая, что метемпсихоз не затрагивает реальное существо человека, но он совершенно заблуждается касательно его природы; и с другой стороны, он заблуждается в отношении реинкарнации, когда утверждает, что «ей как эзотерической тайне учили при всех посвящениях древности»[157], просто путая её с подлинной трансмиграцией.

Следующее за смертью разложение затрагивает не только телесные элементы, но также и некоторые элементы, которые можно назвать психическими. Об этом мы уже говорили, объясняя, что такие элементы могут иногда быть причастными к феноменам спиритизма и способствовать созданию иллюзии реального действия умерших. Аналогичным образом они могут также создавать иллюзию реинкарнации. В этом последнем отношении надлежит принять во внимание, что эти элементы (которые при жизни могут собственно осознаваться или только «находиться в подсознании») включают, в частности, все мысленные образы, которые, являясь следствие чувственного опыта, составляют часть того, что называют памятью или воображением: эти способности, или скорее, эти совокупности, являются преходящими, то есть подверженными распаду, потому что, принадлежа к чувственному уровню, они буквально зависят от телесного состояния; к тому же, вне временного условия, являющегося одним из тех, что определяют это состояние, память, очевидно, не имела бы никакого основания сохраняться, Это очень далеко, конечно, от теорий классической психологии о «я» и его единстве; эти теории имеют лишь своим недостатком то, что они почти столь же лишены основания в своем роде, как и концепции «неоспиритуалистов». Другое не менее важное замечание заключается в том, что здесь может иметь место перенос психических элементов от одного

[157] *La réincarnation*, стр. 6.

существа к другому без того, чтобы это предполагало смерть первого; на деле психическая наследственность существует, также как и физиологическая, это достаточно бесспорно, и это даже факт, устанавливаемый обычным наблюдением; но многие, возможно, не отдают себе отчёт в том, что это, по крайней мере, предполагает, что родители предоставляют психический зародыш на том же основании, что и телесный. И этот зародыш может содержать потенциально очень сложную совокупность элементов, принадлежащих к сфере «подсознания», кроме устремлений или предрасположенностей в собственном значении этого слова, которые в процессе развития проявятся самым очевидным образом. Эти «подсознательные» элементы, напротив, могут проявится скорее лишь в исключительных случаях. Именно о двойственной наследственности, психической и телесной, говорит это китайское выражение: «Ты переродишься в тысячах своих потомков», что было бы весьма затруднительно, конечно, истолковывать в смысле реинкарнации, хотя оккультистам и даже востоковедам удавалось проделывать многие другие невероятные трюки, сравнимые с этим. Дальневосточные учения рассматривают даже охотнее всего психическую сторону наследственности, и они видят в ней подлинное продолжение человеческой индивидуальности; именно поэтому под названием «потомство» (которое, к тому же, способно иметь высшее и чисто духовное значение) они связывают это продолжение с «долголетием», которое западные люди именуют бессмертием.

Как мы увидим впоследствии, некоторые факты, которые по мнению приверженцев реинкарнации могут свидетельствовать в пользу их гипотезы, полностью объясняются одним или другим из только что рассмотренных нами случаев, то есть, с одной стороны, наследственной передачей определённых психических элементов, а с другой, принятием человеческой индивидуальностью других психических элементов, происходящих от распада прежних человеческих индивидуальностей, у которых в силу этого нет с ней

ни малейшей духовной связи. Во всём этом есть аналогия и соответствие между психическим и телесным уровнями; и это понятно, потому что одно и другое, повторим, относится исключительно к тому, что можно назвать смертными элементами человеческого существа. Ещё следует добавить, что на психическом уровне в виде большего или меньшего исключения может случиться, что достаточно значительная совокупность элементов сохранится без распада и в таком образе перейдет к новой индивидуальности. Естественно, именно факты этого рода представляют самый поразительный характер в глазах приверженцев реинкарнации, однако эти случаи не меньший обман, чем все прочие[158]. Всё это, как мы говорили, не касается и не затрагивает никоим образом реального существа. Правда, можно бы поинтересоваться, почему, если дело обстоит таким образом, древние, как кажется, придавали достаточно большое значение посмертной участи элементов, о которых идёт речь. Мы могли бы ответить, просто заметив, что есть столько много людей, обеспокоенных обращением, которому их тело может под-

[158] Некоторые полагают, что подобный перенос может произойти для более или менее утонченных телесных элементов и наряду с «метемпсихозом» рассматривают также «метемсоматоз». Могло бы возникнуть искушение предположить, на первый взгляд, что здесь налицо путаница, и что они ошибочно приписывают телесность низшим психическим элементам. Однако, речь действительно может идти об элементах телесного происхождения, но «психизированных» в некотором роде этим переносом в «тонкое состояние», на возможность которого мы прежде указывали. Телесное состояние и состояние психическое, простые различные формы одного и того же состояния бытия, присущего человеческой индивидуальности, не могут быть совершенно разделены. Мы обращаем внимание оккультистов на то, что пишет на эту тему автор, о котором они охотно говорят, его не зная, Келеф бен Натан (Дютуа-Мембрини): *La Philosophie Divine* т.I, стр. 62, 292-293. К многочисленным мистическим иногда пустым декламациям этот автор присоединяет иногда таким образом весьма интересные наблюдения. Мы пользуемся этой возможностью, чтобы отменить ошибку оккультистов, представляющих Дютуа-Мембрини учеником Луи-Клода де Сен-Мартена (именно г-н Джоани Брико сделал это открытие), в то время как он, напротив, высказывался насчёт него скорее нелестным образом (там же, стр. 245 и 345). Следовало бы сочинить целую книгу, которая была бы весьма занимательна, об эрудиции оккультистов и их манере написания истории.

вергнуться после смерти, не думая из-за этого, что их дух должен испытывать последствия этого обращения. Но мы добавим, что в действительности, как общие правило, эти вещи вовсе не являются совершенно несущественными; к тому же, если бы дело обстояло таким образом, погребальные обряды не имели бы никакого основания для существования, в то время как, напротив, они обладают очень глубоким основанием. Не имея возможности задерживаться на этом, скажем что эти обряды как раз воздействуют на психические элементы покойника. Мы упоминали то, что думали древние о связи, существующей между их невыполнением и некоторыми феноменами «мании», и это мнение было совершенно обосновано. Конечно, если бы лишь рассматривать существо как перешедшее в другое состояние бытия, нисколько бы не следовало принимать во внимание то, чем могут стать эти элементы (за исключением, возможно, чтобы обеспечить спокойствие живых); но дело обстоит совершенно иным образом, если взглянуть на то, что мы называли продолжением человеческой индивидуальности. Эта тема могла бы дать повод для размышлений, сама сложность и необычность которых препятствуют нам приступить к ним здесь. Впрочем, мы полагаем, что они принадлежат к числу тех, которыми было бы полезно заняться во всеуслышание тщательным образом.

Перед тем как повести речь о том, в чём в самом деле заключается метемпсихоз, нам следует теперь сказать, чем является трансмиграция в собственном значении этого слова: на этот раз речь идёт вполне о реальном существе, но ни в коем случае о его возвращении в то же самое состояние бытия, возвращении, которое, если бы оно могло иметь место, являлось бы, возможно, «миграцией», если угодно, но не «трансмиграцией». о чём идёт речь, так это, напротив, о переходе существа в другие состояния бытия, которые определены, как мы уже говорили, условиями, целиком отличными от тех, которым подчинена человеческая индивидуальность (с той единственной разницей, что до тех пор пока

речь идёт об индивидуальных состояниях, существо всегда облекается в форму, но оно не может дать повод для какого-либо пространственного или иного изображения, в большей или меньшей степени основывающегося на изображении телесной формы); говорить о трансмиграции означает главным образом говорить об изменении состояния. Именно этому учат все традиционные доктрины Востока, и у нас есть много оснований полагать, что это учение было также и учением «мистерий» античности. Даже в таких гетеродоксальных доктринах, как буддизм, никоим образом нет и речи чем-либо ещё, вопреки истолкованию в духе реинкарнации, которое в наши дни в ходу среди европейцев. Именно это и есть подлинное учение о трансмиграции, понимаемое в соответствии со смыслом, который ему придает чистая метафизика, позволяющая совершенным и окончательным образом опровергнуть идею реинкарнации; и как раз на этой основе возможно такое опровержение. Стало быть, мы побуждаемы таким образом показать, что реинкарнация совершенно невозможна. Под этим следует понимать, что у одного и того же существа не может быть двух существований в телесном мире, при этом данный мир рассматривается во всем своем протяжении: не имеет значения, будь ли то на земле или на каких-либо небесных телах[159], не имеет значения также, будь ли то в человеческой или, согласно ложным концепциям метемпсихоза, в любой другой форме, животной, растительной или даже минеральной. Мы добавим ещё, идёт ли речь о сменяющих друг друга или одновременных существованиях, так как оказывается, что некоторые выдвигали предположение, по меньшей мере, нелепое, о множественности жизней одного существа,

[159] Идея реинкарнации на различных планетах не является исключительной собственностью «неоспиритуалистов». Это представление, дорогое г-ну Камилю Фламмариону, также разделяет Луи Фига (*Le Lendemain de la Mort ou la Vie future selon la Science*). Любопытно видеть; каким чудаческим мечтаниям может предаваться такая «позитивная» наука, которой желает быть современная астрономия.

разворачивающихся одновременно в различных местах, вероятно, на различных планетах; это отсылает нас ещё раз к социалистам 1848 года, так как вполне возможно, что именно Бланки придумал первым одновременное и неограниченное повторение в пространстве предполагаемых тождественными индивидов[160]. Некоторые оккультисты утверждают также, что человеческий индивид может иметь несколько «физических тел», как они говорят, живущих в одно и то же время на различных планетах; и они доходят даже до утверждений, что если с кем-нибудь случается увидеть во сне, что его убили, то во многих случаях в этот же самый момент его действительно убивали на другой планете! Это могла бы показаться невероятным, если бы мы сами этого не поняли; но в следующей главе мы познакомимся с историями, столь же невероятными, как и эта. Нам также следует сказать, что доказательство, которое годится для опровержения всех реинкарнационистских теорий, в какую бы форму они не облекались, применимо также на том же основании к некоторым концепциям более собственно философского вида, как, например, к учению о «вечном возвращении» Ницше, и, одним словом, ко всему тому, что предполагает во вселенной какое-либо повторение.

Мы не можем подумать о том, чтобы изложить здесь со всеми подробностями, которые она включает, метафизическую теорию множественных состояний существования, но у нас есть намерение посвятить ей, когда представится возможность, одно или несколько специальных исследований3. Но мы можем, по крайней мере, указать основу этой теории, на которой в то же самое время базируется обсуждаемое здесь доказательство и которая заключается в следующем: универсальная и полная Возможность с неизбежностью является безграничной и не может быть понята иначе, так как, объемля все и не оставляя ничего вне себя, она совершенно не может быть ничем ограничена; ограничение универсаль-

[160] *L'Etemité par les Astres*.

ной Возможности является собственно и буквально невозможностью, то есть чистыми небытием. Между тем, предположить повторение в рамках универсальной Возможности, как это делают, допуская, что есть две отдельные тождественные возможности, это означает предположить ограничение, так как бесконечность исключает всякое повторение: это только внутри ограниченной совокупности можно дважды вернуться к одному и тому же элементу, и также этот элемент был бы строго одним и тем же при условии, что данная совокупность образует закрытую систему, условии, которое в действительности никогда не было реализовано. Так как вселенная по-настоящему является всем или скорее абсолютным Всем, в ней нигде не может быть никакого замкнутого цикла: две тождественные возможности были бы лишь одной и той же возможностью; дабы они были действительно двумя, надо, чтобы их отличало по меньшей мере одно условие, и в таком случае они не будут тождественны. Ничто никогда не может вернуться в одну и ту же точку, и это также в совокупности, даже не являющейся неопределённой (и также неограниченной), как, например, в телесном мире: в то время как чертится круг. происходит перемещение, и таким образом круг замыкается лишь совершенно иллюзорным образом. Здесь только простая аналогия, но она может служить пониманию того, что *a fortiori*[A] в универсальном бытии возвращение в одно и то же состояние невозможно: в полной возможности эти отдельные возможности, являющиеся состояниями обусловленного бытия, неизбежно выступают в неограниченном множестве; отрицать это означает также желать ограничить возможность; стало быть, это следует допустить, под угрозой противоречия, и этого достаточно, чтобы ни одно существо не могло пройти дважды через одно и то же состояние. Как видно, это доказательство является само по себе крайне простым, и если некоторые испытывают некоторое затруднение в его

[A] С тем большим основанием (лат.) — прим. пер.

понимании, то это возможно лишь потому, что у них отсутствуют самые элементарные метафизические знания; для них, вероятно, было бы необходимо более подробное изложение, но мы попросим их подождать, чтобы найти его, когда нам представляется случай полностью дать теорию множественных состояний. В любом случае они могут быть уверены, что это доказательство, такое как мы только что его изложили в его сущностных чертах, в крайнем случае в этом отношении не оставит желать ничего лучшего. Что касается тех, которые воображали бы себе, что, отвергая реинкарнацию, мы рискуем другим образом ограничить универсальную Возможность, мы им просто ответим, что мы отвергаем лишь невозможное, которое ничем не является и которое увеличило бы сумму возможностей совершенно иллюзорным образом, будучи лишь простым нулём; мы не ограничиваем возможность, отрицая какой-либо вздор, например, утверждая, что не может существовать круглый квадрат или что среди всех возможных миров не может быть ни одного, где два плюс два было бы равно пяти; этот случай точно такой же. Есть люди, в этом отношении испытывающие странные угрызения совести: так делал Декарт, когда он приписывал Богу «свободу безразличия», опасаясь ограничить божественное всемогущество (теологическое выражение универсальной Возможности), не замечая, что эта «свобода безразличия», или выбор в отсутствие всякого основания, подразумевает противоречие условия; используя его язык, скажем, что вздор не является таковым, потому что Бог этого произвольно возжелал, но, напротив, потому что он является вздором, Бог не может сделать, что он чем-либо являлся, без того, однако, чтобы это в малейшей степени посягало на его всемогущество, так как вздор и невозможность являются синонимами.

Возвращаясь к множественным состояниям существования, мы заметим, так как это существенно важно, что эти состояния могут пониматься как одновременные, точно также, как и сменяющие друг друга, и что также в совокупности

можно лишь допустить последовательность на основании символического изображения, поскольку время является лишь условием, присущим одному из этих состояний, и что также продолжительность в какой-либо форме может быть приписана некоторым из них. Если угодно говорить о последовательности, то необходимо позаботиться о том, что это может быть только в логическом смысле, а не в хронологическом. Под этой логической последовательностью мы понимает, что есть причинная связь между различными состояниями; но сами отношения причинности, если брать её в соответствии с её подлинным смыслом (а не в соответствии с «эмпиристским» значением некоторых современных логиков), подразумевает как раз одновременность или сосуществование этих терминов. Кроме того, полезно уточнить, что даже индивидуальное человеческое состояние, подчинённое земным условиям, тем не менее может представить одновременную множественность вторичных состояний: у человеческого существа не может быть несколько тел, но помимо телесной формы и одновременно наряду с ней оно может обладать другими формами, в которых развиваются также некоторые из возможностей, что оно заключает в себе. Это подводит нас к тому, чтобы отметить одну концепцию, достаточно тесно связанную с концепцией реинкарнации и также имеющую многочисленных приверженцев среди «неоспиритуалистов»: согласно этой концепции, каждое существо якобы должно в ходе своей эволюции (так как те, кто разделяет такие идеи, всегда тем или иным образом являются эволюционистами) последовательно пройти через все формы жизни, земные и прочие. Такая теория выражает только явную невозможность, по той единственной причине, что существует безграничное множество живых форм, через которые любое существо никогда не сможет пройти, так как эти формы относятся к числу всех тех, которые заняты другими существами. Впрочем, даже если бы существо последовательно прошло через безграничность отдельных возможностей, и в области, гораздо более обшир-

ной, чем область «форм жизни», оно тем не менее не приблизилось бы к концу, который невозможно достичь этим образом; мы вернёмся к этой теме, когда речь пойдет преимущественно об эволюционизме спиритов. В данный момент мы заметим только следующее: весь телесный мир, в полном развертывании всех возможностей, которые он заключает, представляет лишь часть сферы проявления единственного состояния. Стало быть, это же самое состояние содержит *a fortiori* потенциальность, соответствующую всем формам земной жизни, являющейся лишь весьма ограниченной частью телесного мира. Это делает совершенно бесполезным (даже если невозможность его не была подтверждена в другом месте) предположение о множественности существований, через которые существо бы последовательно поднималось от самой низкой формы, формы минерала, до человеческой формы, рассматриваемой как наивысшая, проходя по очереди через растительное и животное царства, со всей множественностью степеней, которые охватывает каждое из этих царств. Есть такие, кто выдвигает подобные гипотезы и отвергает только возможность возвращения назад. В действительности, индивид в своей полной протяженности содержит одновременно возможности, соответствующие всем степеням, о которых идёт речь (мы не говорим, что весьма заметно, что он содержит их также телесно); это одновременность выражается лишь во временной последовательности в развитии его единственной телесной формы, в ходе которого, как показывает эмбриология, он действительно проходит через все соответствующие ступени, начиная с одноклеточной формы простейших организованных существ и даже, углубляясь ещё дальше, начиная с кристалла, до земной человеческой формы. Теперь заметим мимоходом, что это эмбриологическое развитие, в противоположность общему мнению, никоим образом не является подтверждением «трансформистской» теории; эта теория не менее ошибочна, чем все прочие формы эволюционизма и она является даже самой грубой из всех; но нам далее предста-

вится случай вернуться к ней. Что необходимо прежде всего запомнить, так это то, что точка зрения на последовательную смену является фундаментально относительной, и к тому же, даже в ограниченной мере, в которой она обоснованно применима, она теряет почти всю свою пользу из того простого наблюдения, что зародыш до начала любого развития уже потенциально содержит целое существо (мы сразу увидим значение этого); в любом случае, это представление всегда должно оставаться подчинённым представлению об одновременности, как требует чисто метафизический, а значит надвременной (но также надпространственный, сосуществование не предполагает неизбежно пространства) характер теории множественных состояний существования[161].

Добавим ещё: что бы не утверждали спириты и особенно оккультисты, в природе не отыскать никакой аналогии в пользу реинкарнации, в то время как, напротив, в ней можно отыскать многочисленные аналогии в противоположном духе. Этот вопрос был достаточно хорошо освещен в учении ГБЛ, о котором прежде шла речь и которое является категорически антиреинкарнационистским; мы полагаем, что возможно будет интересным привести здесь несколько отрывков из его текстов, показывающих, что эта школа обладала по меньшей мере некоторым знанием о подлинной трансмиграции, также как и о некоторых циклических законах:

> Абсолютную истину выражает посвящённый автор *Ghostland*, утверждая, что, *будучи безличным существом*, человек живет в бесконечном количестве миров, перед тем как явиться в этот ‹…›. Когда великий уровень *сознания*, вершина ряда материальных проявлений, достигнут,

[161] Здесь следовало бы подвергнуть критике определения, которые Лейбниц даёт пространству (порядок сосуществований) и времени (порядок последовательностей). Не имея возможности заняться этим, мы скажем только, что он так совершенно ошибочным образом расширяет значение этих понятий, как он это делает в другом месте в отношении понятия тела.

душа никогда не вернется в лоно материи, не подвергнется материальному воплощению, отныне её перерождения происходят в царстве духа. Те, кто поддерживает странным образом нелогичное учение о множественности человеческих рождений, несомненно, сами никогда не развили светлого состояния духовного сознания; в противном случае, теория реинкарнации, утверждаемая и поддерживаемая ныне большим количеством мужчин и женщин, не имела бы ни малейшего влияния. Доводящее *до изнеможения* образование не имеет ценности как средство достижения *подлинного* знания ‹…› Желудь становится дубом, кокосовый орех — пальмой; но сколько мириад других желудей не давал дуб, он сам никогда более не станет желудем, как и пальма не станет более орехом. Также и в отношении человека: как только душа проявилась на человеческом плане и таким образом достигла сознания внешней жизни, она никогда более не пройдет через какое-либо из своих начальных состояний ‹…› Все мнимые «пробуждения» дремлющих «воспоминаний», благодаря которым некоторые люди уверяют, что вспоминают их прошлые существования, могут быть объяснены и даже только могут быть объяснены простыми законами подобия и формы. Каждая раса человеческих существ, рассматриваемая *сама по себе*, *бессмертна*; и так каждый цикл: никогда первым цикл не становится вторым, но существа первого цикла являются (в духовном отношении) родителями или *порождающими*[162] существ второго цикла. Таким образом, каждый цикл включает обширную семью, образуемую собранием различных групп человеческих душ, так как каждое состояние определяется законами его *деятельности*, законами его формы и законами его подобия: троицей законов ‹…›. Именно таким образом человека можно сравнить с желудем и с дубом: душа зародыша, не прошедшая через индивидуализацию, становится человеком точно также, как дуб порождает бесчисленное множество желудей, равным образом и человек предоставляет в свою очередь неограни-

[162] Это *pitṛ* индусской традиции.

> ченному числу душ средства родится в духовном мире. Между обоими существует полное соответствие, и именно по этой причине древние Друиды воздавали столь большие почести этому дереву, которое почиталось среди всех прочих могущественными Иерофантами.

Налицо указание на то, что «потомство» понимается в чисто духовном смысле; здесь не место говорить более на эту тему, также, как и о циклических законах, с которыми она связана; возможно, когда-нибудь мы займемся этими вопросами, если только мы найдем средство сделать это достаточно понятным языком, так как здесь имеются трудности, связанные прежде всего с несовершенством западных языков.

К сожалению, ГБЛ допускало возможность реинкарнации в некоторых исключительных случаях, как, например, случай мёртворожденных и умерших в младенчестве детей и случай идиотов от рождения[163]; в другом месте мы видели, что г-жа Блаватская признавала эту позицию в период написания ею «Разоблаченной Исиды»[164]. В действительности, так как речь идёт о метафизической невозможности, здесь не может быть ни малейшего исключения: достаточно, чтобы существо прошло через определённое состояние, будь ли то в эмбриональной форме или даже в форме простого зародыша, чтобы оно ни в каком случае не могло вернуться в это состояние, возможности которого он таким образом осуществил в соответствии с мерой, которую содержала его собственная природа; если развитие его возможностей, кажется, остановилось для него в определенный момент, то дело в том, что оно и не должно было продвигаться далее в отношении его телесной формы, и как раз не следует рас-

---

[163] Был ещё и третий случай исключения, но совершенно другого порядка: это был случай «добровольных мессианских воплощений», происходивших якобы каждые шестьсот лет в точности, то есть в конце каждого из циклов, которые халдеи называли *Naros*, но без того чтобы один и тот же дух когда-либо воплощался таким образом более одного раза и без того, чтобы он не имел подряд два схожих воплощения в одной и той же расе; обсуждение и истолкование этой теории целиком выходило бы за рамки данного исследования.

[164] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 97-99.

сматривать исключительно её, являющуюся причиной заблуждения, так как не принимаются во внимание все возможности, которые для этого же самого существа могут развиться в других формах того же состояния; если бы могли их учитывать, то увидели бы, что реинкарнация, даже в случаях как эти, совершенно бесполезна, что можно к тому же признать, поскольку известно, что она невозможна, и что всё, что существует, способствует, какой бы ни была видимость, общей гармонии вселенной. Этот вопрос совершенно аналогичен вопросу о сообщениях духов: в одном и в другом случаях речь идёт о невозможных вещах; сказать, что здесь могут быть исключения, было бы так же нелогично, что и заявить, например, что здесь может иметься небольшое количество случаев, в которых в эвклидовом пространстве сумма трёх углов треугольника не будет равно двум прямым углам; то, что нелепо, нелепо совершенно, а не только «вообще». Впрочем, если начинают признавать исключения, мы не особо хорошо понимаем, как можно установить для них точный предел: как можно было бы определить возраст, начиная с которого ребенок, если он умрет, не будет иметь нужды перевоплощаться, или степень, которую должна достичь умственная отсталость, чтобы потребовать перевоплощения? Очевидно, ничто не может быть более произвольным, и мы можем признать правоту Папюса, когда он утверждает, что «если отвергаешь эту теорию, не следует допускать исключений, без чего открывается брешь, через которую что угодно может проникнуть»[165].

Это наблюдение по мысли его автора обращено прежде всего к нескольким писателям, полагавшим, что реинкарнация в некоторых особых случаях совместима с католическим учением; а именно граф Лярманди утверждал, что она может быть допущена для детей, умерших без крещения[166]. Весьма верно, что некоторые тексты, как, например, тексты

[165] *La réincarnation*, стр. 179; согласно д-ру Розье: *Initiation*, апрель 1898.

[166] *Magie et Religion.*

четвёртого Константинопольского собора, на которые, как полагали иногда, можно ссылаться в полемике против реинкарнации, здесь в действительности неприменимы; но оккультистам не следует ликовать по этому поводу, так как если дело обстоит таким образом, то просто-напросто потому что в эту эпоху реинкарнацию ещё не придумали. Речь шла о мнении Оригена, согласно которому телесная жизнь будто бы является наказанием для душ, которые, «существуя прежде в качестве небесных сил, якобы были пресыщены созерцанием божества», как видно, здесь не идёт речь о другой, предшествующей телесной жизни, но о существовании в мире идей в платоновском смысле, что не имеет никакой связи с реинкарнацией. С трудом представляешь, как Папюс мог написать, что «мнение собора указывает, что реинкарнация составляла часть учения, и что если были такие, кто добровольно возвращался, чтобы перевоплотиться, не из отвращения к Небесам, но из любви к ближнему, анафема не могла их затронуть» (он воображал, что эта анафема накладывалась на того, кто заявлял, что вернулся на землю из отвращения к Небесам); и он опирается на это, чтобы утверждать, что «идея реинкарнации составляла часть тайного учения Церкви»[167]. По поводу католического учения нам следует упомянуть также утверждение спиритов, являющееся по-настоящему необычным: Аллан Кардек заявляет, что догмат о воскресении плоти это подтверждение догмата о реинкарнации, которой учат духи», и что «таким образом Церковь, через догму о воскресении плоти, сам учит доктрине реинкарнации»; или скорее представляет эти суждения в вопросительной форме, и именно «дух» святого Луки отвечает ему, что «это очевидно», добавляя, что «скоро будет признано, что спиритизм на каждом шагу связан с текстом Святого Писания»[168]. Ещё более удивительно, что нашёлся католический священник, даже более или менее подозрева-

[167] *La réincarnation*, стр. 171.

[168] *Le livre des Esprits*, стр. 440-442.

емый в ереси, чтобы принять и поддержать подобное мнение; это аббат Ж.-А. Пети из епархии Бове, бывший близкий знакомый герцогини де Помар, который написал эти строки:

> Реинкарнация была признана у большинства древних народов ‹…› Христос также её признавал. Если мы не находим её решительным образом проповедуемой апостолами, то дело в том, что верующие должны были соединять в себе нравственные качества, которых у них не было ‹…› Позже, когда великие главы и их ученики исчезли, и христианское учение под давлением человеческих интересов превратилось в мёртвый символ, в качестве следа прошлого осталось лишь воскрешение плоти, или во плоти, которое, принятое в узком значении слова, побудило верить в чудовищное заблуждение о воскрешении мёртвых тел[169].

Мы не хотим давать здесь никаких комментариев, так как такие интерпретации из числа тех, что ни один непредубежденный ум не может принимать всерьёз; но превращение «воскрешения плоти» в «воскрешение во плоти» это одна из этих маленьких уловок, которые рискуют поставить под сомнение добросовестность их автора.

Перед тем как оставить эту тему, мы приведём ещё несколько слов из евангельских текстов, которые спириты и оккультисты призывают в пользу реинкарнации; Аллан Кардек указывает на два эпизода[170], первый из которых следует за рассказом о преображении:

> И когда ходили они с горы, Иисус запретил или, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын человеческий не воскреснет из мёртвых. И спросили Его ученики Его: как же книжки говорят, что Илии надлежит прийти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен

---

169 *L'Alliance Spiritualiste*, июль 1911.

170 *Le livre des Esprits*, стр. 105-107. Ср. Леон Дени, *Christianisme et Spiritisme*, стр. 376-378. См. также *Les messies esséniens et l'église orthodoxe*, стр. 33-35. Этот труд является изданием так называемой «ессейской» секты, на которую мы укажем далее.

> прийти прежде и устроить все, но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе[171].

И Аллан Кардек добавляет: «Поскольку Иоанн Креститель был Илией, стало быть, дух или душа Илии перевоплотился в теле Иоанна Крестителя». Папюс, со своей стороны, пишет также:

> Прежде всего, евангелисты недвусмысленно утверждают, что Иоанн Креститель — это перевоплощенный Илия. Это была тайна. Спрашиваемый Иоанн Креститель молчит, но другие знают. Есть также притча о слепом с рождения, наказанном за свои прошлые грехи, которая даёт обильную пищу для размышления[172].

В первую очередь, в тексте каким-либо образом вовсе не сказано: «Илия уже приходил», и если полагают, что Илия вовсе не умер в обычном смысле этого слова, то может показаться по меньшей мере затруднительным, что это произошло благодаря реинкарнации; к тому же, отчего Илия при преображении не явился в облике Иоанна Крестителя?[173]Затем, Иоанн Креститель, когда его спрашивают, вовсе не молчит, как утверждает Папюс, он, напротив, категорически отрицает: «И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет»[174]. Если говорят, что это свидетельствуют лишь о том, что он не помнил вою прошлую жизнь, мы ответим, что есть другой текст, который ещё намного более ясен; это текст, где ангел Гавриил, объявляющий Захарии о рождении его

---

[171] Мф. 17:9-15. Ср. Мк. 9:8-12, этот текст отличается от другого лишь тем, что в нём не упомянуто имя Иоанна Крестителя.

[172] *La réincarnation*, стр. 170.

[173] Другой персонаж Ветхого Завета, который явился при преображении, это Моисей («никто не знает места погребения его»); Енох и Илия, которые должны вернуться «в конце времен», один и другой были «вознесены на небо», на всё это невозможно ссылаться как на примеры явления умерших.

[174] Ин. 1:21.

сына, заявляет: «и предвидят пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокорливым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ, приготовленный»[175]. Невозможно указать яснее, что Иоанн Креститель никоим образом не являлся Илией лично, но он принадлежал только, если так можно выразиться, к его «духовной семье», именно таким образом, а не буквально, следовало понимать «приход Илии». Что касается истории слепого от рождения, то Аллан Кардек о ней не говорит и Папюс, кажется, почти с ней не знаком, потому что он принимает за притчу то, что является рассказом о чудесном исцелении. Вот точный текст:

> И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии[176].

Стало быть, этот человек вовсе не был «наказан за свои грехи», но это было бы при условии, что согласились бы не искажать текст, добавляя слово, которого в нём вовсе нет: «за его прошлые грехи». Если бы не невежество, которое Папюс засвидетельствовал в данном случае, но могло бы быть искушение обвинить его в недобросовестности. Возможно то, что уродство этого человека было наложено на него ввиду превентивной санкции ввиду грехов, которые бы он совершил в дальнейшем. Эта интерпретация может быть отброшена лишь теми, кто доводит антропоморфизм до того, что хочет подчинить Бога времени. Наконец, второй текст, упомянутый Алланом Кардеком, это ничто иное, как беседа Иисуса с Никодимом. Чтобы отбросить претензии приверженцев реинкарнации в этом отношении, можно довольствоваться воспроизведением основного отрывка:

---

[175] Лк. 1:17.

[176] Ин. 9:1-3.

> если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. ‹…› истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть Дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше[177].

Нужно невежество столь великое, как невежество спиритов, чтобы поверить, что речь может идти о реинкарнации, тогда как речь идёт о «втором рождении», понимаемом в чисто духовном смысле, которое даже явно противопоставляется здесь телесному рождению; это представление о «втором рождении», нам чем нам не следует ныне останавливаться, к тому же принадлежит к числу общих для всех традиционных учений, среди которых, вопреки утверждениям неоспиритуалистов, нет ни одного, когда-либо учивших чему-то, что в какой-либо степени напоминает реинкарнацию.

---

[177] Ин. 3:3-7.

Глава VII. Чудачества приверженцев реинкарнации

Мы говорили, что идея реинкарнации в значительной степени способствует тому, чтобы довести до сумасшествия многих людей в нашу эпоху; теперь мы покажем это на примере чудачеств, которым она даёт повод, и это здесь после всех метафизических замечаний, которые нам надлежало изложить, будет скорее забавным отступлением; по правде говоря, есть нечто достаточно печальное в сущности в зрелище всех этих глупостей, но весьма трудно удержаться от того, чтобы иногда посмеяться над ними. В этом отношении, что чаще всего представляется случай констатировать в спиритических кругах, так это мания величия особого рода: почти все эти люди воображают, что они являются перевоплощением знаменитых личностей; мы уже отмечали, что, если судить по подписям под «сообщениями», великие люди являются намного более охотнее, чем остальные; надо полагать, что они перевоплощаются также гораздо чаще и даже одновременно во множестве экземпляров. В итоге, этот случай отличает от обычной мании величия только один момент: вместо того чтобы считать себя великими людьми в настоящем, спириты переносят свои болезненные мечтания в прошлое. Мы ведём речь о спиритах, потому что они наиболее многочисленны, но также есть и теософисты, которые не менее затронуты этим (в другом месте мы видели г-на Ледбитера, всерьёз уверявшего, что полковник Олькотт является перевоплощением царей Гуштаспы и Ашоки)[178]. Есть также и те, у которых эти мечтания превращаются в надежду на будущее, и, возможно, это одна из причин, по которым они находят реинкарнацию столь «утешитель-

[178] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 105.

ной». В разделе учения ГБЛ, несколько отрывков из которого мы воспроизводили в предыдущей главе, содержится указание на людей, утверждающих, что «те, кто вёл жизнь благородную и достойную короля (пусть даже и в теле нищего) в их последней жизни на земле, перевоплотятся аристократами, королями или другими людьми высокого положения», и весьма справедливо добавляется, что «такие утверждения могут лишь свидетельствовать, что их авторы говорят лишь под влиянием сентиментальности и что им не достает знания».

Спириты-противники реинкарнации из англосаксонских стран не упускают случая посмеяться над этими безумными фантазиями:

> Приверженцы мечтаний Алана Кардека, — пишет Данглас Хоум, привлекаются прежде всего из буржуазных слоев общества. Для этих честных людей, которые суть никто, утешение верить, что они были великими людьми до их рождения и что они будут ещё чем-то важным после своей смерти[179].

И в другом месте: Кроме возмутительной путаницы, к которой это учение логически приводит (в том, что касается семейных и социальных связей), существует материальная невозможность, которую следует принимать во внимание, сколь восторженными мы бы не были. Какая-либо дама может верить, сколь ей угодно, что она была женой императора или короля в предыдущей жизни. Но как примирить вещи, если мы встретим, как часто случается, добрых полдюжины одинаково убеждённых дам, которые утверждают, что каждая была самой дорогой супругой одного и того же августейшего лица? С моей стороны, я имел честь встретить по крайней мере двенадцать Марий-Антуанетт, шесть или семь Марий Стюарт, толпу святых Людовиков и других королей, около двадцати Александров Македонских и Цезарей,

---

[179] *Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 111.

но никогда простого Жана-Жака[180]. С другой стороны, также имеются, прежде всего среди оккультистов, приверженцы реинкарнации, считавшие своим долгом протестовать против того, что они рассматривают как «чудачества», способные опорочить их дело. Так, Папюс пишет следующее: В определённых спиритических кругах встречаются бедняги, хладнокровно утверждающие, что они являются реинкарнацией Мольера, Расина или Ришелье, не считая древних поэтов, Орфея или Гомера. Нам не следует сию минуту обсуждать, есть ли у этих утверждений твердая основа или они с самого начала относятся к области психических заболеваний; но вспомним, что Пифагор, рассказывая о своих предыдущих воплощениях, не хвастался, что он был великим человеком[181], и мы констатируем, что как раз странная манера защищать беспрерывный прогресс душ в бесконечном заключается в том, чтобы показать Ришелье утратившим всякий след гения, и Виктора Гюго, сочиняющего четырнадцатистопные стихи после своей смерти. Серьезным и образованным спиритам, а их больше, чем думают, следовало бы позаботиться о том, чтобы подобные явления не происходили[182]. И далее он пишет ещё:

> Некоторые спириты, увлекаясь этим учением, выдают себя за перевоплощение всех сколько-нибудь известных великих людей. Славный чиновник — это перевоплотившийся Вольтер ‹…› Капитан в отставке, это Наполеон, возвратившийся со Святой Елены, хотя и потерявший с тех пор умение пробиваться в жизни. Наконец, не существует группы, где Мария Медичи, г-жа де Ментенон или Мария Стюарт не возвратились в телах часто разбогатевших добрых буржуазок, и где Тюренн, Конде, Ришелье, Мазарини, Мольер или Жан-Жак Руссо не руководят каким-нибудь маленьким сеансом. Здесь и таится опасность, в этом и заключается действительная причина застойного состояния спири-

[180] Там же, стр. 124-125.

[181] Это лишь обычная путаница между метемпсихозом и реинкарнацией.

[182] *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 297.

> тизма на протяжении пятидесяти лет; невозможно отыскать другой причины, кроме как этой, к чему добавляются невежество и сектантство лидеров групп[183].

В другом намного более недавнем труде он возвращается к этой теме:

> Человеческое существо, осознающее эту тайну реинкарнации, сразу воображает себя личностью, которая должна была существовать в прошлом, и как будто нарочно, оказывается, что эта личность всегда была значимым на земле и занимающим высокое положение человеком. На собраниях спиритов или теософистов очень мало встретить перевоплотившихся убийц, пьяниц или бывших торговцев овощами или камердинеров (профессий в общем почётных); это всегда Наполеон, великая княгиня, Людовик XIV, Фридрих Великий, несколько знаменитых фараонов, перевоплотившиеся в оболочке очень славных людей, которым случилось воображать, что они являлись этими великими личностями в прошлом. Для упомянутых личностей было бы уже достаточно строгим наказанием вернуться на землю в подобных условиях ‹…› Гордыня является великим камнем преткновения для многих приверженцев учения реинкарнации, гордыня играет часто роль сколь гибельную, столь и значительную. Если мы предохраняем великих деятелей истории от того, чтобы перевоплотиться самим, необходимо признать, что адепты этого учения берегут убийц, великих преступников и зачастую великих оклеветанных, чтобы побуждать перевоплощаться их врагов[184].

Вот, что Папюс отыскал, чтобы устранить зло, которое он таким образом разоблачил: У нас может быть ощущение, что мы жили в такую эпоху, что мы были в такой среде, у нас может быть откровение мира духов, что мы были знатной дамой — современницей очень выдающегося философа

---

[183] Там же, стр. 342.

[184] *La réincarnation*, стр. 138-139 и 142-143.

Абеляра, столь отвратительного воспринятого грубыми современниками, но у нас нет уверенности, что именно ей мы были на земле[185]. Стало быть, знатная дама, о которой идёт речь, не обязательно будет Элоизой, и если мы полагаем, что были этой знаменитой личностью, то как раз просто потому, что жили в её окружении, возможно, в качестве домашней служанки; здесь есть то, что, очевидно, по мнению Папюса, сдержит бредни, вызываемые гордыней; но мы сомневаемся, что спириты позволяют себя так легко убедить, что они должны отказаться от своих заблуждений. Также к несчастью, имеются другие разновидности бредней, которые почти не менее жалкие. Эта осторожность и эта мудрость, впрочем, относительные, которые проявляет Папюс, не мешает одновременно ему самому писать вещи в следующем духе: У Христа есть обитель (*sic*), содержащая тысячи духов. Всякий раз, как дух из обители Христа перевоплощается, он подчиняется на земле следующему закону: 1). он является старшим ребенком в своей семье; 2). его отца всегда зовут Иосиф; 3). его мать всегда зовут Мария, или числовое соответствие этих имён в других языках. Наконец, в этом рождении духов, происходящих из обители Христа (и мы не говорим о самом Христе) есть совершенно особые планетарные аспекты, которые ни к чему открывать здесь[186]. Нам абсолютно известно, что на что всё это намекает; мы могли бы поведать всю историю этого «учителя» или именуемого таковым, о котором говорили, что он является «самым старым духом планеты» и «главой Двенадцати, прошедшими Врата Солнца, два года после тысячи веков». Тем, кто отказывался признать этого «учителя»; грозила «задержка эволюции», выражающаяся в наложении наказания в виде тридцати трёх дополнительных воплощений, ни больше и ни меньше! Однако, сочиняя строки, которые мы, в конце концов, воспроизвели, Папюс ещё был убеждён, что он может только

[185] Там же, стр. 141.

[186] Там же, стр. 140.

поспособствовать ими тому, чтобы умерить некоторые чрезмерные претензии, потому что он добавляет: «Не зная всего этого, множество визионеров считают себя перевоплощением Христа на земле ‹…› и список не закрыт». Это предположение весьма оправдалось; в другом месте мы рассказывали историю теософистских Мессий, и в аналогичных кругах имеется ещё много других; но мессианство «неоспиритуалистов» способно облечься в самые причудливые и разнообразные формы, помимо этих «перевоплощений Христа», одним из прототипов которых был пастух Гильом Моно. Мы не думаем, что в этом отношении теория «духов из обители Христа» является гораздо менее чудаческой, чем остальные. Нам это как нельзя лучше известно, какую печальную роль она сыграла в школе французского оккультизма, и она продолжает по-прежнему это делать в разнообразных группировках, представляющих в наши дни обломки этой школы. С другой стороны, есть «ясновидящая» спиритка, мадемуазель Маргерит Вольф (мы можем назвать её, так как дело является публичным), которая получила от своего «руководителя» в последнее время миссию предвещать «будущее перевоплощение Христа во Франции». Сама она считает себя перевоплощенной Екатериной Медичи (не говоря о нескольких других жизнях, прожитых прежде на земле и в других местах, более или менее точные воспоминания о которых она якобы обрела), и она опубликовала список более чем двухсот «знаменитых перевоплощений», в котором сообщает, «кем великие люди современности были ранее»; это ещё один достаточно примечательный патологический случай[187]. Есть также спириты с мессианскими представлениями совершенно иного рода: в одном иностранном спиритическом журнале мы когда-то прочитали (мы не смогли вновь отыскать точную ссылку) статью, автор которой достаточно справедливо критиковал тех, кто, предвещая на буду-

[187] У этой авантюры был печальный конец: попавшая в руки мошенников, которые её отвратительным образом эксплуатировали, несчастная ныне, как кажется, полностью разочаровалась в своей «миссии».

щие времена «второе пришествие Христа», представляет его как должное быть перевоплощением; но это для того, чтобы заявить затем, что если невозможно признать этот тезис, то просто-напросто потому что возвращение Христа уже свершившийся факт благодаря спиритизму: «Он уже пришел, потому что в определённых центрах записывают его сообщения». В самом деле, необходимо иметь весьма крепкую веру, чтобы думать, что Христос и его Апостолы являются на спиритических сеансах и разговаривают голосом медиума, особенно, когда видишь, какого качества эти бесчисленные «сообщения», которые ему приписываются[188]. С другой стороны, в некоторых американских кругах получили «послания», в которых Аполлоний Тианский заявляет, о чём говорят различные «свидетели», что именно он сам является одновременно «Иисусом и апостолом Павлом христианских Писаний», и возможно также апостолом Иоанном, и проповедует Евангелия, чьи начала были даны ему буддистами; некоторые из этих посланий можно отыскать в конце книги Анри Лакруа[189]. Помимо спиритизма, существовало также тайное англо-американское общество, проповедовавшее тождество апостола Павла и Аполлония, утверждая, что доказательство этого содержится в «небольшом манускрипте, сохранившемся доныне в монастыре Миди во Франции»;

---

[188] В довольно независимом спиритистском журнале, опубликованном в Марселе под названием *La Vie Posthume*, однажды был забавный отчет о сеансе «пиетистского спиритуализма», на котором явились Святой Иоанн, Иисус Христос и Аллан Кардек; Папюс воспроизвел этот рассказ не без злого умысла в своем *Traité méthodique de Science occulte*, стр. 332-339. Заметим также, между прочим, что «пролегомены» Книги Духов имеют следующие подписи: «Святой Иоанн Богослов, Святой Августин, Святой Винсент де Поль, Святой Людовик, Дух Истины, Сократ, Платон, Фенелон, Франклин, Сведенборг и т. д.»; разве этого недостаточно, чтобы оправдать «преувеличения» некоторых учеников Аллана Кардека?

[189] *Mes expériences avec les esprits*, стр. 259-280. В роли «свидетелей» выступают Каифа, Понтий Пилат, проконсул Феликс, гностик Маркион (т.н. св. Марк), Люсьен (т.н. св. Лука), Дамис, биограф Аполлония, папа Григорий VII и даже некий Дева Бодхастуата, воображаемый персонаж, который представляется как «двадцать седьмой пророк начиная с Будды»; кажется, что некоторые среди них взяли в качестве переводчика «духа Фарадея»!

есть много оснований полагать, что данный источник является целиком воображаемым, но совпадение этой истории с «сообщениями» спиритов, о которых только что шла речь, делает их происхождение крайне подозрительным, так как оно позволяет думать, что перед нами нечто иное, чем продукт «подсознания» двух или трёх сумасшедших[190].

У Папюса есть ещё и другие истории, обладающие почти такой же ценностью, что и история «духов из обители Христа»; приведём такой пример:

> Точно также как существуют кометы, которые приносят энергию истощенному солнцу и вращаются между различных солнечных систем, существуют также циклические посланники, являющиеся в различные периоды, чтобы сдвинуть с места человечество, отупевшее в удовольствиях или сделанное безвольным чересчур затянувшимся покоем ‹…› Среди этих циклических перевоплощенных, если они не суть один и тот же дух, мы упомянем перевоплощение, которое поразило стольких историков: Александр, Цезарь, Наполеон. Каждый раз, когда дух этого плана возвращается, он резко меняет все законы войны; какой бы народ не находился под его властью, он активизирует его и превращает в орудие завоеваний, которому ничто не может противостоять ‹…› Когда он придёт в следующий раз, этот дух найдет средство воспрепятствовать смерти более чем двух третей личного состава своей армии в боях благодаря созданию оборонительной системы, которая революционизирует законы войны[191].

Дата этого будущего пришествия не указывается, даже приблизительно, а жаль; но возможно, следует похвалить Папюса за то, что он оказался столь осторожным в данных обстоятельствах, так как, всякий раз как он хотел взяться за хоть немного точные пророчества, события, к невероятному

---

[190] Тайное общество, о котором идёт речь, обозначало себя скорее таинственным образом названием «Орден S.S.S и братство Z.Z.R.R.Z.Z.»; оно открыто враждовало с ГБЛ (Герметическим братством Луксора).

[191] *La réincarnation*, стр. 155-159.

несчастью, его всегда опровергали. Но вот другая обитель, с которой он нас знакомит:

> Именно Франции ещё раз (речь только что шла о Наполеоне) выпала великая честь, что в ней несколько раз воплощалась божественная посланница обители Девы Света, добавившая к слабости женщины силу воплощенного ангела. Святая Женевьева сформировала ядро французской нации. Жанна д'Арк спасла эту нацию в момент, когда, если думать логически, она находилась уже в безвыходном положении[192].

И по поводу Жанны д'Арк не следует упускать возможности для маленького антиклерикального и демократического заявления:

> Римская Церковь сама враждебна любому божественному посланнику, и понадобился громкий голос народа, чтобы изменить приговор церковных судей, которые, будучи ослеплены политикой, замучили посланницу Небес[193].

Если Папюс заставляет Жанну д'Арк явиться из «обители Девы света», то когда-то во Франции существовала секта, прежде всего в сущности спиритическая, называвшая себя «ессейской» (это обозначение имело много успеха во всех кругах этого рода), которая рассматривала её как «мессию в облике женщины», как равную самому Христу, наконец как «небесную утешительницу» и «духа истины, возвещенного Иисусом»[194], и кажется, что некоторые спириты дошли до того, что считают её реинкарнацией самого Христа[195].

---

[192] Там же, стр. 160.

[193] Там же, стр. 161.

[194] Следовало бы сказать достаточно любопытные вещи об этой секте, состоявшей из яростных противников католичества; псевдоисторические фантазии Жаколио были в ней в чести, и там стремились прежде всего «натурализовать» христианство; мы сказали о ней несколько слов в другом месте, по поводу роди, которую теософисты приписывают древним ессеям («Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 194).

[195] *Les messies esséniens et l'église orthodoxe*, стр. 319.

Но перейдем к другому роду чудачеств, которым идея реинкарнации также дала повод: мы хотим поговорить об отношениях, которые спириты и оккультисты предполагают между сменяющими друг друга жизнями; для них действия, совершенные в ходе одной жизни, дают следствия в последующих жизнях. Здесь идея причинности весьма особого рода; более точно, это идея морального воздаяния, но которое, вместо того чтобы быть приложимым к загробной «будущей жизни», как это происходит в религиозных представлениях, она оказывается сведенной к земным жизням на основании этого по меньшей мере спорного утверждения, что действия, совершенные на земле, должны иметь последствия исключительно на земле; «учитель», на которого мы указывали, решительным образом проповедовал, что «именно в мир, где приобретают долги, приходят, чтобы их оплатить». И как раз этой «этической причинности» теософисты дали название «карма» (совершенно неподходяще, потому что это слово на санскрите означает ничто иное, как «действие»); в других школах, если не обнаруживается этого слова (хотя французские оккультисты, несмотря на свою враждебность к теософистам, достаточно охотно его используют), представления, в сущности, те же самые, и вариации касаются лишь второстепенных моментов. Когда речь идёт о том, чтобы точно указать будущие последствия одного или другого определённого действия, теософисты оказываются, как правило, достаточно сдержанными; но спириты и оккультисты, кажется, соперничают в том, кто даст в этом отношении мельчайшие и самые нелепые подробности: например, если верить некоторым, в случае если кто-либо плохо себя вёл по отношению к отцу, он вновь родится хромым на правую ногу, если по отношению к матери, то на левую ногу, и так далее. Есть и другие, которые также относят в определённых случаях уродства этого рода на счёт случаев, произошедших в предыдущих жизнях; мы знали одного оккультиста, который, будучи хромым, твердо верил, что это именно, потому что в своей предыдущей жизни он пора-

нил себе ногу, прыгая из окна, чтобы избежать застенков Инквизиции. Невозможно поверить, до чего может дойти опасность этого рода вещей: ежедневно случается, особенно в оккультистских кругах, что узнают у кого-либо, что ранее он совершил то или иное преступление и что он должен быть готовым «уплатить» за него в своей нынешней жизни; ещё добавляют, что не следует ничего делать, чтобы избежать этого наказания, которое будет ждать его раньше или позже и будет тем более тяжким, чем отдалённее будет срок платежа. Под влиянием такого внушения несчастный в действительности будет искать так называемого наказания или даже будет стремиться его вызвать; и если речь идёт о деле, чьё совершение зависит от его воли, самые нелепые вещи не поколеблют того, кому случится дойти до этой степени легковерия и фанатизма. «Учитель» (по-прежнему тот же) убедил одного из своих учеников что, ввиду того что нам особо не известно, какое действие совершено в другом воплощении, ему следует жениться на женщине с ампутированной левой ногой; ученик (это был к тому же инженер, а значит человек, должный обладать определённой степенью ума и образования) стал давать объявления в различных газетах, чтобы отыскать женщину, отвечающую требуемому условию и, в конце концов, нашёл такую. Это всего лишь случай среди многих других аналогичных, и мы упоминаем его, потому что он совершенно характерен для ментальности людей, о которых идёт речь; но есть и такие, чьи результаты могут быть более трагичными, и мы знали другого оккультиста, который, ничего не желая так, как смерти от несчастного случая, которая должна была освободить его от тяжелой кармы, просто-напросто принял решение ничего не делать, чтобы избежать машин, которых он встретит на своем пути; если он не дошел до того, чтобы бросится под их колеса, то только потому что он должен был умереть от несчастного случая, а не вследствие самоубийства, которое, вместо того чтобы освободить его от кармы, напротив, только бы ещё утяжелила бы её. Пусть не думают, что мы преувеличи-

ваем, вовсе нет, эти вещи не придуманы, и даже ребяческий характер некоторых подробностей является гарантией подлинности для тех, кто знал эти круги. Впрочем, при необходимости мы могли бы дать имена различных людей, с которыми случились эти приключения. Можно только пожалеть тех, кто стали жертвами подобных внушений; но что думать о их ответственных авторах? Если они неискренни, то они бы заслуживали обличения как настоящие преступники; если они искренни, что вероятно во многих случаях, то следовало бы лечить их как опасных безумцев.

Когда эти вещи остаются в сфере чистой теории, они только смехотворны: таков хорошо известный у спиритов пример жертвы, которая даже в другой жизни преследует местью своего убийцу; убитый прежде станет в таком случае убийцей в свою очередь, и убийца, ставший жертвой, должен будет отомстить в свою очередь в другом существовании… и так до бесконечности. Другой пример этого же рода это пример кучера, который давит пешехода, вследствие наказания, так как посмертная «справедливость» спиритов распространяется даже на убийство человека по неосторожности, этот кучер, старший пешеходом в своей следующей жизни, будет раздавлен пешеходом, ставшим кучером; но логически, тот, чьё действие не отличается от первого, должен будет впоследствии подвергнуться тому же самому наказанию, и всегда со стороны своей жертвы, так что эти двое несчастных индивидов будут вынуждены давить таким образом друг от друга до скончания веков, поскольку, очевидно, нет никакой причины, чтобы это прекратилось; скорее, можно спросить г-на Габриэля Делана, что он думает об этом рассуждении. Что ещё касается этого вопроса, есть и другие «неоспиритуалисты», которые здесь ни в чём не уступают спиритам, и мы слышали, как один оккультист с мистическими склонностями рассказывал следующую историю как пример страшных последствий, которые могут повлечь действия, рассматриваемые, как правило, как достаточно безобидные: школьник забавляется, разламывая

перо, затем его бросает; молекулы металла сохранят, пройдя через все трансформации, которым им суждено будет подвергнуться, воспоминание о злобе, которую этот ребенок проявил в их отношении; в конце концов, спустя несколько веков, эти молекулы попадут в механизмы какой-либо машины, и в один прекрасный день произойдет несчастный случай, и некий рабочий умрет, раздавленный этой машиной; между тем, по справедливости окажется, что этот рабочий будет школьником, о котором шла речь и который перевоплотиться, чтобы подвергнуться наказанию за свой предыдущий поступок. Было бы, конечно, трудно вообразить нечто более сумасбродное, чем подобные фантастические выдумки, которых достаточно, чтобы дать верное представление о ментальности тех, кто их выдумывает, и особенно тех, кто в них верит.

В этих историях, как видно, речь чаще всего идёт о наказаниях; это может показаться удивительным в отношении людей, хвастающихся, что обладают «несущим утешение» учением прежде всего, но без сомнения, именно это в наибольшей мере способно поразить воображение. К тому же, как мы уже говорили, весьма побуждают надеяться на награду в будущем; но, что до того, чтобы дать знать о том, что в нынешней жизни является наградой за одно или другое доброе дело, совершенное в прошлом, это кажется, было бы неудобным, так как могло породить чувство гордыни; в конечном счёте, это, возможно, было бы всё же менее зловещим, чем пугать несчастных людей «уплатой» их воображаемых «долгов». Добавим, что иногда рассматривают также последствия более безобидного характера: именно таким образом Папюс уверяет, что

> редко, чтобы духовное существо, перевоплотившееся на земле, не было вынуждено с виду случайными обстоятельствами говорить, кроме своего нынешнего языка, на языке страны своего последнего предыдущего воплощения»[196];

[196] *La réincarnation*, стр. 135.

он добавляет, что «это интересное замечание следует проверить», но, к несчастью, он забывает указать, благодаря какому средству этого можно было бы добиться. Раз уж мы ещё раз цитируем здесь Папюса, не забудем сказать, так как это курьез, заслуживающий того, чтобы быть отмеченным, что он учил (но мы не думаем, что он осмелился это написать), что иногда можно перевоплотиться до того, как умереть; он признавал, что это должно быть исключительным случаем, но, в конце концов, он по собственной воле представил картину деда и его внука, имеющих один и тот же дух, который якобы постепенно воплощается в ребенка (такова на деле теория оккультистов, которые уточняют, что воплощение является полным лишь спустя семь лет), по мере того как слабеет старик. Впрочем, идея, что можно перевоплотиться в своем собственном потомке, ему была особенно дорога, потому что он видел в ней средство оправдать, с его точки зрения, слова, согласно которым «Христос заявляет, что грех может быть наказан до седьмого поколения»[197]; представления, которые можно было бы назвать «наследственной ответственностью», кажется совершенно ускользнули от его внимания, однако даже физиологически здесь факт, который почти бесспорен. Так как человеческий индивид берёт от своих родителей некоторые телесные и психические элементы, он неким образом частично продолжает их в этом двойном отношении и в самом деле является чем-то от них, не переставая оставаться собой, и таким образом последствия его действий смогут распространяться и на него; именно этим образом, по крайней мере, можно отобразить вещи, лишённые всякого специфически морального характера. Напротив, можно сказать ещё, что ребёнок, и даже все потомки, потенциально включены с самого начала в индивидуальность родителей, всегда в двойном телесном и физическом отношении, то есть не в том, что касается

[197] Там же, стр. 35. Эта фраза, кажется, никак не связана с остальной частью отрывка, в который она оказывается вставленной, но нам известно, что думал Папюс по этому вопросу (Ср., там же, стр. 103-105).

собственно духовного и личного существа, но и в том, что составляет человеческую индивидуальность как таковую; и таким образом потомок может рассматриваться как определённым образом участвовавший в деяниях родителей, без того чтобы, однако, существовать в нынешнее время в индивидуализированном состоянии. Мы указываем здесь на два дополнительных аспекта вопроса; мы не будем более на этом достаточно, чтобы предугадать всю пользу, которую можно было бы из этого извлечь в отношении учения о «первородном грехе».

Спириты как раз возражают против этой идеи «первородного греха», прежде всего, потому что она задевает их особые представления о справедливости, а также потому что её следствия противоположны их «прогрессистской» теории. Алан Кардек хотел здесь видеть только выражение факта, что «человек пришел на землю, неся в себе зародыш своих страстей и следы своего первоначального низшего уровня», так что для него «первородный грех происходит от ещё несовершенной природы человека, который таким образом ответственен лишь за себя и за свои собственные недостатки, а не за недостатки своих отцов»; таково, по крайней мере, по этому вопросу, учение, которое он приписывает «духу» святого Людовика[198]. Г-н Леон Дени высказывается в более точных и также более резких словах: «Первородный грех — это основополагающая догма, на которой покоится все здание христианских догм. Идея верная, в сущности, но ложная по форме и искажённая Церковью. Верная в том смысле, что человек страдает от ощущения, что он сохраняет ошибки, совершенные в своих предыдущих жизнях, и последствия, которые они влекут для него. Но это страдание является личным и заслуженным. Никто не ответственен за ошибки другого, если он в них не участвовал. Представленный в своей догматической форме первородный грех, который влечёт наказание для всего потомства Адама, то есть

[198] *Le livre des Esprits*, стр. 445-447.

для всего человечества, из-за непослушания первой пары, чтобы затем спасти его благодаря ещё большей несправедливости, принесения в жертву праведника, это оскорбление разума и нравственности, рассматриваемых в их основах: доброта и справедливость. Это больше способствовало тому, чтобы удалить человека от веры в Бога, чем все нападки и вся критика философов»[199]. Можно было бы спросить автора, не является ли передача болезни по наследству также, согласно его манере видения, «оскорблением разума и нравственности», что не мешает такой передаче быть реальным и частым явлением[200]; или можно было бы спросить его также, может ли справедливость, понимаемая в человеческом смысле (и именно таким образом он понимает её, так как его представления о Боге являются совершенно антропоморфными и «антропопатическими»), состоять в чём-либо другом, нежели в том, чтобы «компенсировать одну несправедливость другой», как говорят об этом китайцы, но, в сущности, напыщенные речи этого рода не заслуживают даже малейшего обсуждения. Что более интересно, так это заметить здесь приём, который привычен для спиритов и который заключается в том, чтобы утверждать, что догмы Церкви, а также разнообразные учения античности являются искажением их собственных теорий; они забывают только, что эти теории изобретены совершенно недавно, и это объединяет их с теософистами, представляющими свою доктрину как «источник всех религий»: разве г-н Леон Дени также не дошел до категорического заявления, что «все религии в их истоках основываются на спиритических феноменах и не имеют других источников, нежели чем спиритизм»?[201]

---

[199] *Christianisme et Spiritisme*, стр. 93-96.

[200] Вопреки мнению Леона Дени (там же, стр. 97-98), нет никакой необходимости быть материалистом, чтобы признавать наследственность; но спириты в интересах своего учения не колеблются отрицать даже очевидность. Г-н Габриэль Делан, напротив, признает наследственность в определённой мере (*L'Évolution animique*, стр. 287-301).

[201] Речь, произнесенная на спиритическом конгрессе в Женеве в 1913 г.

В нынешнем случае мнение спиритов заключается в том, что первородный грех является символом грехов, совершенных в прошлых жизнях, символом, чьё подлинное значение может быть очевидно понято лишь тем, кто, подобно им, верит в реинкарнацию; для основательности этого тезиса неприятно, что Алан Кардек жил несколько позже Моисея!

Оккультисты дают первородному греху и падению человека истолкования, которые, хоть они и не лучше обоснованы, являются по меньшей мере в общем более хитроумными; среди них есть одно, на которые мы не можем не указать здесь, так как оно прямо связано с теорией реинкарнации. Это объяснение принадлежит французскому оккультисту, чуждому папюсовской школы, который для себя одного требовал права называться «христианским оккультистом» (хотя другие также претендовали на то, чтобы быть христианами, если только они не предпочитали именоваться «христиками»). Одна из его особенностей заключается в том, что, насмехаясь по любому поводу над тремя и семью слоями смысла эзотериков и каббалистов, он хочет ограничиться буквальным истолкованием Писаний, что не мешает ему, как мы скоро увидим, приспосабливать эту интерпретацию к своим личным представлениям. Необходимо знать, чтобы понять его теорию, что он является приверженцем геоцентрической системы, в том смысле, что считает Землю центром вселенной, если не в материальном плане, то по крайней мере благодаря тому определённому преимуществу, что касается природы её обитателей[202]; для него Земля это единственный мир, где есть человеческие существа, потому что условия жизни на других планетах или в других системах слишком отличны от условий Земли, чтобы человек мог к ним приспособиться, из чего явно следует, что под человеком он понимает исключительно телесного индивида, наделенного пятью органами чувств, которые нам из-

[202] Другие оккультисты, у которых совершенно особые астрономические представления, доходят до утверждений, что земля даже в материальном отношении является центром вселенной.

вестны, соответствующими способностями и всеми органами, необходимыми для различных функций земной человеческой жизни. Следовательно, люди могут перевоплощаться только на Земле, потому что нет никакого другого места во вселенной, где им возможно жить (само собой разумеется, не может идти и речи о том, чтобы выйти из пространственного состояния), и к тому же перевоплощаясь, они всегда остаются людьми; добавляется также, что перемена пола для них совершенно невозможна. Вначале человек, «выйдя из рук Творца» (самые антропоморфные выражения должны быть восприняты здесь буквально, а не как символы, которыми они являются в действительности), был помещен на землю, чтобы «взращивать свой сад», то есть, для того, по-видимому, чтобы «развивать физическую материю», предположительно более тонкую в то время, чем в наши дни. Под «человеком» следует понимать человеческое сообщество в целом, совокупность рода людского, рассматриваемого как сумма всех индивидов (заметна эта путаница между понятием вида и понятием общности, которая является весьма общей среди современных философов), так чтобы «все люди» без какого-либо исключения и в неизвестном, но, конечно, очень большом числе вначале одновременно воплотились на земле. Это не является мнением других школ, которые часто говорят о «разнице в возрасте человеческих духов» (прежде всего тех, которые обладали привилегией знакомства со «старейшим духом планеты») и даже о средствах определения этого возраста, главным образом, посредством изучения «планетарных аспектов» гороскопа; но пойдем дальше. В только что указанных нами условиях очевидно не могло произойти никакого рождения, потому что не было ни одного невоплощенного человека, и дело обстояло таким образом до тех пор, пока человек не умер, то есть до падения, в котором все должны таким образом участвовать лично (это существенно важное положение теории) и которое рассматривается в другом месте как «могущее представить всю последовательность событий, которые должны были

развёртываться на протяжении нескольких веков»; но осмотрительно избегают высказываться о точной природе этих событий. Начиная с грехопадения физическая материя становилась более грубой, её свойства изменялись, она подверглась порче, и люди, замкнутые в этой материи, начали умирать, «развоплощаться»; а затем они начали также рождаться, так как эти «развоплощённые» люди, остающееся «в пространстве» (заметно, насколько велико во всём этом влияние спиритизма), или в «невидимой атмосфере» земли, стремились перевоплощаться, возвращаться к земной физической жизни в новых человеческих телах, то есть, в итоге снова приходить в своё обычное состояние. Таким образом, следуя этим представлениям, всегда именно одни и те же человеческие существа должны перерождаться периодически от начала до конца земного человечества (признавая, что земное человечество имеет конец, так как есть ещё школы, согласно которым цель, которую следует достичь, это вступить в обладание «физическим» или телесным «бессмертием», и каждый из индивидов, составляющих это человечество, будет перевоплощаться на земле до тех пор, пока он, в конце концов, не достигнет этого результата). Конечно, все эти рассуждения весьма просты и совершенно логичны, но при условии допущения вначале отправной точки и особенно при допущении невозможности для человеческого существа существовать в иных формах, нежели чем земная телесная форма, что никоим образом несовместимо даже с простейшими понятиями метафизики; однако оказывается, по крайней мере по словам его автора, что здесь самый твердый аргумент, который можно предоставить в поддержку гипотезы реинкарнации[203]!

Мы можем здесь остановиться, так как не собираемся исчерпывать список этих чудачеств; мы сказали достаточно, чтобы можно было отдавать себе отчет во всем том, чем рас-

[203] Это было написано, когда мы узнали о смерти оккультиста, на которого мы намекали; стало быть, мы можем сказать теперь, что в данном параграфе речь идёт о д-ре Розье.

пространение идеи реинкарнации вызывает беспокойство для духовного состояния наших современников. Не следует удивляться, что мы взяли некоторые из этих примеров вне рамок спиритизма, так как именно у него эту идею заимствовали все другие школы, которые её проповедуют; а значит, именно на спиритизм падает ответственность, по меньшей мере непрямая, за это странное безумие. Наконец, мы извиняемся за то, что в предшествующем тексте пропускали указание на некоторые имена; мы не хотим заниматься полемикой, и если можно, конечно, процитировать без неудобств, с ссылками в подтверждение, всё то, что автор опубликовал за своей собственной подписью или даже под каким-либо псевдонимом, то дело принимает чуть другой оборот, когда речь идёт о вещах, которые не были написаны; однако, если мы почувствуем обязанность в один прекрасный день дать более полные уточнения, мы не поколеблемся сделать это в интересах истины, и одни лишь обстоятельства определят наше поведение в этом отношении.

Глава VIII. Границы экспериментирования

Перед тем как оставить тему реинкарнации, нам остается ещё поговорить о мнимых «экспериментальных доказательствах»; конечно, когда нечто невозможно доказать, как в этом случае, все факты, на которые можно сослаться в пользу этого, являются совершен бессодержательными, и можно быть уверенным заранее, что эти факты получают неверную интерпретацию; но иногда интересно и полезно уточнить положение дел, и мы обнаружим здесь превосходный пример псевдонаучных фантазий, которые приходятся по душе спиритам и даже некоторым психистам, поддающихся, часть без своего ведома, «неоспиритуалистической» заразе. Прежде всего, напомним и уточним то, что мы говорили прежде касательно случаев, которые представляют как случаи реинкарнации, по причине мнимого «пробуждения воспоминаний», происходящего спонтанно: когда они реальны (так как есть такие, которые очень плохо проверены, и авторы, рассказывающие о подобных вещах, повторяют их один за другим, не удосуживая себя их удостоверить), здесь только простые случаи метемпсихоза, в истинном значении этого слова, то есть перехода некоторых психических элементов от одной индивидуальности к другой. Также дело обстоит в отношении случаев, когда нет, возможно, нужды заходить в поисках так далеко: таким образом, случается иногда, что человек видит во сне незнакомое место и что впоследствии приезжая впервые в более или менее отдалённую страну, он вновь обнаруживает здесь всё то, что видел так словно ранее. Если бы он не сохранил о своем сне ясно осознанного воспоминания, и если бы однако произошло опознание, он мог бы, допуская, что он верит в реинкарнацию, воображать, что налицо некоторое воспоминание о преды-

дущем существовании, и именно так можно в действительности объяснять множество случаев, по крайней мере те, когда указанные места не вызывают ясное представление о каком-либо событии. Эти феномены, которые можно вязать с типом снов, именуемых «вещими», далеки от того, чтобы быть редкими, но те, которым случается их видеть, чаще всего избегают о них говорить из-за опасения прослыть «одержимыми» (ещё одно слово, которым злоупотребляют и которое в сущности никогда ничего не объясняет), и можно было бы сказать то же о фактах телепатии и других из того же рода; они вводят в игру некоторые тёмные продолжения индивидуальности, принадлежащие к сфере «подсознания» и чьё существование объясняется более легко, чем можно было бы подумать. На деле, любое существо должно нести в себе определённые задатки, выступающие словно зародышем всех событий, которые с ним произойдут, так как эти события, представляя вторичные состояния или видоизменения его самого, должны иметь в своей собственной природе свой принцип или основание для существования; вот здесь момент, который Лейбниц, единственный среди всех современных философов, достаточно хорошо увидел, хотя его представления оказывается ошибочными из-за идеи, что индивид является полным существом и нечто вроде закрытой системы. Достаточно обычно допускают существование с самого начала устремлений или предрасположенностей различного порядка, как психологических, так и физиологических; не видно, отчего дело якобы обстоит таким образом только для некоторых вещей среди тех, которые будут осуществляться и развиваться в будущем, в то время как другие якобы не имеют никакого соответствия в нынешнем состоянии существования; если говорят, что есть события, имеющие чисто случайный характер, мы возразим, что эта манера видения подразумевает веру в случай, представляющую ничто иное, как отрицание принципа достаточного основания. Без труда понятно, что любое прошедшее событие, сколь мало бы оно не повлияло на суще-

ство, должно оставить на нём некоторый след, даже органический (известно, что некоторые психологи хотели бы объяснить память так называемым физиологическим «механизмом»), но едва можно представить, что в этом отношении существует нечто вроде параллелизма между прошлым и будущим; это связано с тем, что просто-напросто не отдают себе отчета в относительности временного состояния. В этом отношении нужно было бы изложить целую теорию, и она могла бы дать повод для длинных подробностей; но нам достаточно указать, что здесь имеются возможности, которые бы не следовало оставлять без внимания, хотя можно испытывать некоторое стеснение, помещая их в рамки обычной науки, которая применима лишь к очень небольшой части человеческой индивидуальности и мира, в котором она развертывается; что бы было, если бы речь зашла о том, чтобы выйти за грань сферы этой индивидуальности?

Что касается случаев, которые не могут быть объяснены предыдущим образом, это прежде всего те, когда человек узнал место, где он никогда не был, и в то же самое время обладает более или менее ясным представлением, что он здесь жил, или с ним случилось то или иное событие, или к тому же здесь он умер (чаще всего насильственной смертью); между тем, в случаях, когда можно было производить определённые проверки, были вынуждены констатировать; то, что этот человек полагает случившимся с ним самим, в действительности произошло в этом месте с одним из его более или менее отдалённых предков. Перед нами очень ясный пример этого наследственного перехода психических элементов, о котором мы говорили. Можно было бы обозначить факты этого рода названием «наследственная память», и передающиеся таким образом элементы большей частью относятся к области памяти. На первый взгляд, является странным, что эта память может проявляться только спустя несколько поколений; но известно, что как раз так дело обстоит в отношении сходства физического облика и также некоторых наследственных заболеваний. Вполне можно допу-

стить, что на протяжении всего промежутка воспоминания, о которых идёт речь, оставались в латентном и «подсознательном» состоянии, ожидая благоприятную для проявления; если бы человек, у которого этот феномен происходит, не поехал бы в нужное место, это воспоминание продолжало бы ещё и дальше сохраняться, так же как до этого, при том, что оно всегда могло вернуться, даже то, что кажется совершенно забытым и наиболее незначительным с виду, как видно в более или менее необычных случаях; но для того, чтобы такое определённое воспоминание вернулось, необходимо, чтобы подошли обстоятельства, так что на деле среди этих воспоминаний есть много таких, которые никогда не возвращаются в поле ясного и отчетливого сознания. Происходящее в сфере органических предрасположенностей является в точности аналогичным: индивид может носить в себе в латентном состоянии одну или другую болезнь, рак, например, но эта болезнь разовьется только под влиянием шока или какой-либо причины ослабления организма. Если такие обстоятельства не будут иметь место, болезнь никогда не разовьется, но этот зародыш тем не менее существует в действительности и в настоящее время в организме, точно также как психологическая склонность, которая не проявляется ни в каком внешнем действии, тем не менее реальна сама по себе. Теперь мы должны добавить, что поскольку здесь не может иметься случайных обстоятельств, и подобное предположение даже лишено смысла (не потому что нам неизвестна причина вещи, а потому что эта причина не существует), здесь должно быть основание для того чтобы «наследственная память» проявилась у такого индивида скорее, чем у любого другого члена той же самой семьи, точно также как здесь должно иметься основание для того, чтобы человек напоминал физически одного из своих предков скорее, чем другого и своих непосредственных родителей. Именно здесь следовало бы применить эти законы «подобия», на которые указывалось выше; но мы бы рисковали очень сильно отвлечься, если бы надо было объяснять, ка-

ким образом одна индивидуальность может быть более особо связана с другой, тем более что связи этого рода не неизбежно являются наследственными во всех случаях, и каким бы странным это не казалось, они могут даже существовать между человеческим существом и нечеловеческими существами; и ещё, кроме этих естественных связей, это может быть создано искусственно посредством определённых приёмов, относящихся к области магии и даже магии достаточно низкого уровня. По этому вопросу, как и по многим другим, оккультисты давали в высшей степени фантастические объяснения; именно таким образом Папюс написал следующее:

> Физическое тело принадлежит к животной семье, которой достигла (*sic*) большинство из его клеток после астральной эволюции. Эволюционная трансформация тела происходит на астральном плане; стало быть, имеются человеческие тела, связанные своей физиогномической формой, будь ли то с собакой, будь ли то с обезьяной, будь ли то с волком, будь ли то даже с птицами или рыбами. Здесь тайный источник всех тотемов красной и чёрной рас[204].

Мы признаём, что не понимаем, в чём может заключаться «астральная эволюция» телесных элементов; но, в конце концов, это объяснение лучше объяснения социологов, воображающих себе, что животный или даже растительный «тотем» рассматривается в буквальном смысле как предок племени, кажется, не подозревая, что трансформизм является совершенно недавним изобретением. В действительности, речь во всём этом идёт не о телесных элементах, но о психических (мы уже видели, что Папюс устроил эту путаницу в отношении природы метемпсихоза); и очевидно, мало разумно предполагать, что большинство клеток человеческого тела или скорее его составляющих элементов имеют идентичное происхождение, в то время как на психическом уровне здесь может иметь место, как мы видели, сохранение

---

[204] *La réincarnation*, стр. 11-12.

более или менее значительного набора остающихся связанными элементов. Что касается «тайного источника тотемов», мы можем утверждать, что он остается в действительности тайным для оккультистов, точно также как и для социологов; впрочем, возможно лучше, что дело обстоит таким образом, так как эти вещи не принадлежат к числу тех, в отношении которых легко объясняться без оговорок, по причине последствий и практического применения, к которому некоторые не упустят прибегнуть; уже имеется весьма достаточно других, также вполне опасных, о которых можно лишь сожалеть, что они находятся в распоряжении у первого встречного экспериментатора.

Мы только что говорили о ненаследственных случаях передачи; когда эта передача действует лишь на маловажные элементы, её почти не замечают, и даже почти невозможно её отчётливо зафиксировать. В каждом из нас, конечно, имеются эти элементы, происходящие из распада предшествовавших нам индивидуальностей (естественно, речь идёт здесь о смертной стороне человеческого существа); если некоторые среди них, обычно «пребывающие в подсознании», являются ясному и отчётливому сознанию, вполне заметно, что мы несём в себе нечто, чьё происхождение необъяснимо, но, как правило, мы уделяем этому мало внимания, тем более что эти элементы кажутся бессвязными и лишёнными взаимодействия с обычным содержанием сознания. Прежде всего в необычных случаях, как у медиумов и субъектов, феномены этого рода имеют больше всего шансов происходить с некоторым размахом; и у них также может иметь место проявление элементов аналогичного происхождения, но «побочных», которые лишь мимолетно присоединяются к их индивидуальности, вместо того чтобы быть её составной частью; но может ещё случиться, что эти последние элементы, раз проникнув в них, прикрепляются к ней постоянным образом, и это не является здесь одной из малейших опасностей этого типа опытов. Возвращаясь к случаю, в котором речь идёт о передаче, происходящей спонтанно, ил-

люзия реинкарнации может создаваться лишь благодаря присутствию значительной совокупности психических элементов того же происхождения, достаточных для того, чтобы представлять почти эквивалент более или менее индивидуальной памяти; это скорее является редкостью, но вполне вероятно, что было зафиксировано по меньшей мере несколько примеров этого. Именно это, вероятно, происходит, когда после того как ребенок умрёт в одной семье, рождается затем другой ребенок, обладающий, по меньшей мере частично, памятью первого. На деле было бы трудно объяснить такие факты простым внушением, что не означает, однако, что родители не сыграли бессознательной роли в реальном переносе, что сентиментальность почти не поспособствует интерпретации в духе реинкарнации. Случалось, также, что перенос памяти происходил у ребенка, принадлежащего к другой семье и к другой среде, что противоречит гипотезе о внушении; в любом случае, когда имеет место преждевременная смерть, психические элементы легче сохраняются без распада, и именно поэтому большинство примеров, которые приводят, касаются детей. Однако упоминают также некоторые, где речь идёт о людях, проявивших в молодом возрасте память взрослых индивидов; но они более сомнительны, чем предшествующие, и в них все могло бы быть сведено к внушению и к передаче мысли; естественно, если эти феномены происходили в среде, подверженной влиянию идей спиритов, к ним следует относится как к крайне подозрительным, причём добросовестность тех, кто их зафиксировал, ни в коей мере из-за этого не ставится под сомнение, также как не ставится под сомнение добросовестность экспериментов, невольно определявших поведение их подопытных в соответствии с их собственными теориями. Всё-таки нет ничего невозможного во всех этих феноменах *a priori*, если только не давать им истолкование в духе реинкарнации; есть ещё и другие, в которых некоторые хотели бы видеть доказательства существования реин-

карнации, как случай «вундеркиндов»[205], объясняющийся весьма удовлетворительным образом присутствием психических элементов, предварительно разработанных и развитых другими индивидуальностями. Добавим также, что, возможно, психическому распаду, даже помимо случаев преждевременной смерти, иногда препятствуют или по меньшей мере его искусственно замедляют; но здесь тема, на которой предпочтительно не останавливаться. Что касается подлинных случаев «духовного потомства», в том смысле, в котором мы прежде указывали, нам не следует здесь говорить об этом, так как эти случаи даже по своей природе неизбежно ускользают от очень ограниченных средств исследования, которыми располагают экспериментаторы.

Мы уже говорили, что память подвержена посмертному распаду, потому что она является способностью чувственного порядка; надлежит добавить, что она также при жизни индивида испытывает нечто вроде частичного расслоения. Многочисленные заболевания памяти, изучаемые психофизиологами, в сущности являются ничем иным; и именно таким образом следует объяснять, в особенности, так называемое «раздвоение личности», когда словно происходит разделение на две или несколько различных памятей, которые, сменяя друг друга, занимают поле ясного и отчетливого сознания; эти фрагментарные памяти должны, естественно, сосуществовать, но, так как одна из них может быть полностью осознана в данный момент, другие оказываются в таком случае отброшены в сферы «подсознания»; к тому же, иногда между ними в определённой степени имеет место сообщение. Такие явления происходят спонтанно у некоторых больных, также как в случае природного сомнамбулизма; они могут быть также реализованы экспериментально во «вторичных состояниях» у лиц, подверженных гипнотическому внушению, с которыми следует отождествлять

[205] Алан Кадрек, *Le livre des Esprits*, стр. 101; Леон Дени, *Après la mort*, стр. 166; *Christianisme et Spiritisme*, стр. 296; Gabriel Delanne, *L'Évolution animique*, стр. 282 и др.

в большинстве случаев феномены спиритической «инкарнации». Субъекты и медиумы от нормальных людей отличаются прежде всего определённым распадом их психических элементов, который, впрочем, усиливается благодаря, упражнениям, которым они подвергаются. Именно этот распад делает возможным феномены, о которых идёт речь, и он также допускает, что разнородные элементы включаются в их индивидуальность.

Факт, что память не составляет по-настоящему устойчивый принцип человеческого существа, не говоря уже об органических условиях, с которыми она более или менее тесно связана (по крайней мере, что касается её внешних проявлений), должен дать возможность понять, почему мы не упомянули возражение, которое часто выдвигают против тезиса о реинкарнации, и которое её защитники считают однако «значительным»: это возражение происходит из забвения на протяжении жизни предыдущих жизней. Ответ, который даёт Папюс, конечно, ещё более слабый, чем само возражение:

> Это забвение является неизбежной необходимостью для того, чтобы избежать самоубийства. Перед тем как вернуться на землю или на физический план, любой дух видит испытания, которым он должен будет подвергнуться, и он возвращается только после осознанного принятия всех этих испытаний. Между тем, если дух, единожды воплотившись, знал бы, что ему надлежит вынести, он потерял бы и разум, и мужество, и осознанное самоубийство было бы результатом отчетливого видения ‹…› Необходимо было бы отнять способность к самоубийству у человека, если бы пожелали, чтобы он сохранил с уверенностью память о прошлых существованиях[206].

Не видно, чтобы между воспоминаниями о прежних существованиях и предвидением нынешнего существования была бы неизбежная связь; если это предвидение было при-

[206] *La réincarnation*, стр. 136-137.

думано лишь для того, чтобы ответить на возражение о забвении, это бы по-настоящему не стоило; но следует сказать также, что совершенно сентиментальные представления об «испытаниях» играет весьма значительную роль у оккультистов. Не уходя в столь долгие поиски, спириты иногда более логичны; именно таким образом г-н Леон Дени, не переставая заявлять, к тому же, что забвение прошлого для человека является необходимым условием всякого испытания и всякого земного прогресса», и присоединения к этому ещё некоторые другие не менее сентиментальные соображения, просто утверждает следующее:

> Мозг может получать и накапливать лишь впечатления, полученные душой в состоянии плена у материи. Память может воспроизвести только то, что в ней отложилось. При каждом новом рождении мозг представляет для нас нечто вроде новой книги, на страницах которой запечатлеваются ощущения и образы[207].

Это может быть несколько просто, потому что память, несмотря ни на что, не обладает телесной природой, но всё-таки это достаточно правдоподобно, тем более что не упускают заметить, что есть немало сторон нашего нынешнего существования, о которых мы, кажется, не сохранили никакого воспоминания. Ещё раз, возражение не является столь веским, как охотно говорят, хотя на вид оно более серьёзно, чем те, которые основываются лишь на чувстве; возможно, оно даже лучшее из того, что могут представить люди, совершенно незнакомые с метафизикой; но, что касается нас, у нас нет никакой потребности прибегать к столь спорным аргументам.

До сих пор мы ещё не сталкивались с «экспериментальными доказательствами» в собственном значении этого слова; этим названием обозначают различные случаи, о которых только что шла речь; но имеется ещё другая вещь, относящаяся к экспериментированию, понимаемом в своем са-

[207] *Après la mort*, стр. 180.

мом строгом смысле. Особенно именно здесь психисты, кажется, не отдают себе отчета о границах, за которыми их методы могут быть применимы; те, кто поймут вышесказанное, должны уже видеть, что экспериментаторы, в соответствии с представлениями, принятыми «современной наукой» (даже когда их более или менее держат в стороне её «официальные» представители), далеки от того, чтобы быть в состоянии предоставить объяснения, приемлемые для всего того, о чём шла речь: каким образом факты метемпсихоза, например, могли бы дать повод для их исследований? Мы указывали на странное незнание границ экспериментирования у спиритов, претендующих на то, чтобы «научно доказать бессмертие»; мы обнаружим неведение другого рода, которое не менее удивительно для любого, кто не затронут «сциентистским» предубеждением, и на этот раз, оно будет больше присуще даже не спиритам, а психистам. Впрочем, между спиритами и психистами иногда трудно на деле провести четкую линию разграничения, каковой следовало бы существовать в принципе, и кажется, что есть люди, называющие себя психистами лишь потому, что они не осмеливаются честно называть себя спиритами, так как это последнее обозначение было бы слишком малопритягательным в глазах многих; есть и другие которые невольно уступают влиянию, и которые были бы очень удивлены, если бы им сказали, что неосознанное предвзятое мнение искажает результат их опытов; чтобы по-настоящему изучать психические феномены без предвзятых идей, экспериментаторам следовало бы не знать даже о самом существовании спиритизма, что явно невозможно. Если бы дело обстояло таким образом, не следовало бы и мечтать о том, чтобы устраивать опыты, предназначенные для проверки гипотезы реинкарнации; и если бы сначала не было идеи проверить эту гипотезу, никогда бы не зафиксировали факты наподобие тех, о которых мы говорили, так как гипнотические субъекты, которых задействуют в этих опытах, не делают ничего иного, кроме как отражают все представления, которые им

вольно или невольно внушают. Достаточно, чтобы экспериментатор думал о теории, которую он рассматривает как просто возможную, верно или же нет, чтобы у субъекта эта теория стала отправной точной для нескончаемого бреда; и экспериментатор наивно воспримет в качестве подтверждения то, что является лишь следствием его собственных мыслей, воздействующих на «подсознательное» воображение субъекта, так как верно, что самые «научные» намерения никогда никого не гарантировали от ошибок.

Первые истории этого рода, в которых речь шла о реинкарнации, сделали известными работы женевского психиста, профессора Флурнуа, взявшего на себя труд собрать в одном томе[208] всё то, что один из его клиентов рассказал ему о различных существованиях, прожитых им, по его утверждению, на земле и в других местах; и более примечательно то, что он даже не подумал удивиться тому, что произошедшее на планете Марс так легко было описать на земном языке! Совершенно правильно было бы считать это рассказом о каком-либо сне, и можно было в действительности изучать это с точки зрения психологии снов, вызванных гипнотическими состояниями, но едва ли вероятно, чтобы в этом захотели увидеть нечто большее, и однако именно это имело место. Чуть позже другой психист пожелал вновь взяться за этот вопрос более методичным образом: это был полковник де Роша, вообще известный как серьёзный экспериментатор, но которому весьма определенно не хватало необходимого ума, чтобы знать, с чем, собственно говоря, при таком порядке вещей он имел дело, и чтобы избежать определённых опасностей. Поэтому, приверженец простого гипнотизма, он, как и многие другие незаметно, в конце концов, почти целиком стал приверженцем спиритических

[208] *Des Indes à la planète Mars*.

теорий[209]. Один из его последних трудов[210] был полностью посвящён экспериментальному изучению реинкарнации: это был описание его исследований мнимых «сменяющих друг друга жизней» посредством того, что он называл феноменами «возвращения памяти». В момент, когда вышел этот труд (это было в 1911 г.), в Париже был только что основан «Институт психических исследований», помещённый как раз под патронаж г-на де Роша и управляемый г-ми Л. Лефраном и Шарлем Ланселеном. Уместно сказать, что этот последний, именующий себя почти без разницы психистом и оккультистом, являлся, в сущности, почти никем иным, как спиритом, и что он был уже хорошо известен в качестве такового. Г-н Лефран, имевший такие же устремления, захотел повторить опыты г-на де Роша и, естественно, достиг результатов, совершенно совпадавших с теми, которые получил тот; противное было бы весьма удивительно, потому что он разделял заранее обдуманную гипотезу, уже сформулированную теорию, и он не нашёл ничего лучшего, чем работать с бывшими клиентами самого г-на де Роша. В наши дни это стало обычным: есть определённое количество психистов, которые очень твердо верят в реинкарнацию, просто-напросто потому что у них есть клиенты, рассказывавшие им о своих прошлых жизнях; следует признать, что они мало требовательны что касается доказательств, и здесь следует добавить новую главу об истории того, что касается доказательств, и здесь следует добавить новую главу об истории того, что можно было бы назвать «научным легковерием». Зная то, чем являются люди, подтвержденные гипнотизму и также как они безучастно переходят от одного экспериментатора ку другому, распространяя таким образом

---

[209] В 1914 г. полковник де Роша удостоился, как и г-н Камиль Фламмарион, звания почетного члена «ассоциации спиритических исследований» (учение Алана Кардека), основанной г-ном Пуви (Алголем) и имеющей своими почетными президентами Леона Дени и Габриэля Делана (*Revue Spirite*, март 1914, стр. 140).

[210] *Les Vies successives*.

продукт различных внушений, которым они уже подверглись, не подлежит сомнению, что во всех кругах психистов они оказались разносчиками подлинной реинкарнационистской эпидемии; стало быть, не бесполезно показать с некоторыми уточнениями то, что лежит в основе всех этих историй[211].

Г-н Роша полагал, что зафиксировал у некоторых субъектов «возвращение памяти»; мы говорим, что он полагал, что зафиксировал, так как, если его добросовестность бесспорна, тем не менее правда, что факты, которые он на основании чистой гипотезы интерпретирует таким образом, в действительности объясняются совершенно иным и намного более простым образом. В итоге, эти факты сводятся к следующему: субъект, находясь в определённом состоянии сна, может быть перемещен мысленным образом в условия, где он обнаруживает себя в прошлой эпохе, и таким образом считают, что «помещается» в какой-либо век, о котором тогда говорит, как о настоящем, из чего делали вывод, что в этом случае имеет место не «воспоминание», но «возвращение памяти». «Субъект не вспоминает, заявляет категорично г-н Ланселен, — но его перемещают в указанную эпоху», и он добавляет с подлинным энтузиазмом, что «это простое замечание для полковника де Роша было отправной точкой для совершенно выдающегося открытия»[212]. К несчастью, это «простое замечание» содержит противоречие в терминах, так как очевидно не может идти и речи о памяти там, где нет воспоминаний; это даже столь явно, что трудно понять, что этого не заметили, и это заставляет уже думать, что речь идёт только об ошибке интерпретации. Кроме этого наблюдения, следует поинтересоваться прежде всего, исключается ли в действительности возможность простого воспоминания

[211] Вспомним только «исследования прошлого», которыми занимаются «ясновидящие» Теософского общества; этот случай совершенно аналогичен другому, за исключением того, что гипнотическое внушение здесь заменяется самовнушением.

[212] *Le Monde Psychique*, январь 1912.

по той единственной причине, что субъект говорит о прошлом, как если бы для него оно вновь стало настоящим, из-за чего, например, когда его спрашивают, что он делал в такой-то день и такой-то час, он отвечает не: «Я делал это», но «Я делаю это». На это следует тотчас же ответить, что воспоминания всегда живы в памяти; к тому же, оказываются ли эти воспоминания ныне в области сознания или подсознания, в области ясного и отчетливого сознания или в области «подсознания», не имеет значения, потому что, как мы говорили, они всегда обладают возможностью перейти из одного в другое, что показывает, что здесь речь идёт лишь о простой разнице в степени. Что для нашего нынешнего сознания в действительности характеризует эти элементы как воспоминания о прошлых событиях, так это их сравнение с нашими живыми ощущениями (мы понимаем живое в качестве ощущений), сравнение, которое только и позволяет отличать одних от других, устанавливая временную связь, то есть связь последовательной смены, между внешними событиями, чьими взаимными мыслительными отображениями они для нас являются; эта разница между воспоминанием и ощущением, впрочем, принадлежит лишь к тому же к самой элементарной психологии. Если сравнение вдруг будет сделано невозможным по какой-либо причине, будь ли то из-за мгновенного стирания любого внешнего впечатления, будь ли то другим образом, воспоминание, не будучи более локализованным во времени по отношению к другим ныне различным психологическим элементам, теряет свой характер, представляющий прошлое, чтобы сохранять только своё качество настоящего. Между тем, именно это и происходит в случае, о котором мы говорим: состояние, в которое помещается человек, субъект, соответствует изменению его нынешнего сознания, подразумевая расширение в некотором смысле его индивидуальных способностей, но ущерб тотчас же его развитию в другом смысле, которым эти же самые способности обладают в нормальном состоянии мешают субъекту воспринимать нынешние ощущения и если,

кроме того, в то же самое время из его сознания выбрасывают все события, последовавшие за неким определённым моментом, условия, которые полностью осуществимы при помощи внушения, вот, что случается: когда воспоминания, относящиеся к этому же самому моменту, ясно представляются этому сознанию, измененному таким образом в отношении своей протяженности и являющемуся в таком случае для субъекта, нынешним сознанием, они никоим образом не могут быть помещены в прошлое, ни даже просто рассматриваться в этом аспекте прошлого, потому что более в поле сознания (мы говорим о едином ясном и отчётливом сознании) нет более никакого элемента, с которым они могут быть помещены в отношения предшествования по времени.

Во всём этом, речь идёт ни о чём ином, кроме как о душевном состоянии, подразумевающем изменение представления о времени или лучше его понимания, по отношению к нормальному состоянию; и к тому же, эти два состояния одно и другое являются различными формами одной и той же индивидуальности, как они также представляют собой различные состояния, самопроизвольные и спровоцированные, соответствующие всем возможным изменениям индивидуального сознания, включая те, которые помещают обычно под неподходящее и ошибочное обозначение «множественных личностей». На деле здесь не может быть и речи о высших и надындивидуальных состояниях, при которых существо было бы свободно от обусловленности временем, ни даже о распространении индивидуальности, подразумевающей это же самое частичное освобождение, потому что, напротив, человека подвергают гипнозу в определенный момент, что подразумевает главным образом, что его нынешнее состояние обусловлено временем. Кроме того, с одной стороны, такие состояния, как мы только что упомянули, очевидно, не могут быть достигнуты средствами, относящимися целиком к сфере теперешней индивидуальности, даже рассматриваемой исключительно в сильно ограничен-

ной части её способностей, что неизбежно является случаем любого экспериментального метода; и, с другой стороны, даже если бы такие состояния достигались бы каким-либо образом, их никак нельзя было бы сделать доступными для восприятия этой индивидуальности, чьи особые условия существования не имеют никаких точек соприкосновения с условиями высших состояний существования, и которая как особая индивидуальность неизбежно неспособна почувствовать и с ещё большим основанием выразить всё то, что находится за пределами её собственных возможностей. Впрочем, во всех случаях, о которых мы говорим, речь всегда идёт только о земных событиях или, по крайней мере, об относящихся к одному только телесному состоянию; здесь нет ничего, что требует хоть в малейшей мере вмешательства высших состояний существования, о которых, впрочем, конечно, психисты даже не подозревают.

Что касается действительного возвращения в прошлое, это вещь, которая явно столь же невозможна для человеческого индивида, как и перенос в будущее; слишком очевидно, что эта идея переноса в будущее как таковая была бы только ошибочным истолкованием явлений «предвидения», но это истолкование не было бы более чудаческим, чем то, о котором здесь идёт речь, и это к тому же вполне могло бы произойти равным образом в любое время. Если бы мы не были знакомы с упомянутыми теориями психистов, то, конечно, никогда бы не подумали, что «машина для исследования времени» Уэллса могла быть рассматриваема иначе как порождение чистой фантазии, ни о том, что доходят до того, что всерьёз говорят об «обратимости времени». Пространство обратимо, то есть после того как какая-либо из его частей была пройдена в определённом направлении, её можно затем пройти в обратном направлении, и это потому что имеет место координация рассматриваемых элементов одновременным и постоянным образом; но время, будучи, напротив, координацией элементов, рассматриваемых последовательным и временным образом, не может быть

обратимым, так как такое предположение явилось бы отрицанием самой перспективы сменяемости или, другими словами, оно было бы как раз равнозначным тому, чтобы отменить временное условие. Эта отмена временного условия к тому же совершенно невозможна само по себе, точно также как и отмена пространственного условия; но она невозможна в случаях, которые мы рассматриваем здесь, потому что эти случаи всегда предполагают время; впрочем, следует позаботиться от том, чтобы заметить, что представление о «вечном настоящем», являющееся следствием этой отмены, не может иметь ничего общего с возвращением в прошлое или переносом в будущее, потому что оно как раз упраздняет прошлое и будущее, освобождая от перспективы преемственности, то есть от того, что составляет для нашего нынешнего существа всю реальность измерения времени.

Однако нашлись люди, которые придумали эту по меньшей мере странную идею об «обратимости времени» и которые даже утверждали, что основывают её на так называемой «теореме механики», чьё изложение мы полагаем интересным полностью воспроизвести, чтобы более ясно показать источник их фантастической гипотезы. Именно г-н Лефран, чтобы истолковать свой опыт, полагал необходимым поставить вопрос следующим образом:

> Могут ли материя и дух углубиться в прошлое, то есть переместиться в эпоху так называемой предыдущей жизни? Прошлое не возвращается снова, однако, не могло ли бы оно вернуться?[213].

Чтобы ответить на этот вопрос, он будет исследовать труд об «обратимости всякого материального движения», опубликованный когда-то неким г-ном Бретоном; следует сказать, что этот автор представляет концепцию, о которой идёт речь[214], лишь как разновидность математической игры, приводящей к следствиям, которые он сам считал не-

[213] Там же, январь 1912.

[214] *Les Mondes*, декабрь 1875.

лепыми; тем не менее верно, что здесь имело место настоящее злоупотребление рассуждениями, какое допускают иногда некоторые математики, прежде всего те, которые являются лишь «специалистами», и следует заметить, что механика предоставляет особенно благоприятную почву для вещей этого рода. Вот как начинается изложение г-на Бретона:

> Зная полный ряд всех последовательных состояний системы тела, сменяющих и порождающих друг друга в определённом порядке, от прошлого, играющего роль причины, к будущему, обладающему положением следствия (*sic*), рассмотрим одно из этих последовательных состояний, и ничего не меняя ни в составляющих массах, ни в силах, действующих среди этих масс[215], ни в законах этих сил, ни в нынешнем положении масс в пространстве, заменим каждую скорость равной и противоположной скоростью… .

Одна скорость, противоположная другой, или скорее обладающая отличным направлением, не может, по правде говоря, быть равной ей в строгом смысле слова, она может только быть равноценной ей в количественном отношении; и с другой стороны, возможно ли считать это замещение ничего не меняющим в законах рассматриваемого движения, учитывая, что если бы эти законы продолжили бы нормально соблюдаться, это бы не произошло? Но мы видим следующее:

> Мы назовем это обратить вспять все скорости; само это изменение примет название реверсии, и мы назовем эту возможность обратимостью движения системы […].

Давайте на мгновение остановимся здесь, так как именно эту возможность мы не можем допустить, даже с точки зрения движения, которое непременно совершается во времени: рассматриваемая система возобновится в обратном смысле в новой серии последовательных состояний, положе-

---

[215] «На эти массы», возможно, было бы более понятно.

ний, которые она прежде занимала в пространстве, но время никогда не станет тем же самым в этом отношении, и очевидно хватит того, что это единственное условие изменилось, чтобы новые состояния системы могли быть тождественны предшествующим. Впрочем, в приводимых нами рассуждениях ясно предполагается (хотя и на спорном французском), что связь прошлого с будущим является связью причины со следствием, в то время как подлинная причинно-следственная связь, напротив, подразумевает главным образом одновременность и того, и другого, из чего вытекает, что рассматриваемые состояния, следующие друг за другом, не могут с этой точки зрения порождать одно другое, потому что в таком случае надо было бы, чтобы одно состояние, которое не существует более, порождало другое состояние, которое ещё не существует, что нелепо (и из этого также вытекает, что если воспоминание о каком-либо впечатлении может являться причиной других феноменов душевной жизни, какими бы ни были, это единственно как настоящее воспоминание, так и прошлое впечатление в действительности не может быть причиной ничего). Но продолжим: «Между тем, когда произведут реверсию скоростей телесной системы […]»; автор рассуждений благоразумно добавил в скобках:

> «не в реальности, но в чистом мышлении»; таким образом не замечая этого, он целиком покидает область механики, и то, о чём он говорит, не имеет более никакой связи с «телесной системой»

(правда, что в классической механике также встречаются противоречивые предположения, как, например, предположение существования обладающего весом тела, сведенного к математической точке, то есть тела, которое не является телом, потому что ему не достает протяженности); но следует помнить, что сам он считаем мнимую реверсию недостижимой, в противоположность гипотезе тех, которые хотели применить свои рассуждения к «возвращению памяти».

Если полагать, что «реверсия» свершилась, то вот какой будет проблема:

> Речь будет идти о том, чтобы отыскать для этой таким образом подвергнутой реверсии системы полный ряд её прошлых и будущих состояний: будет ли это исследование более или менее трудным, чем соответствующая проблема для последовательных состояний этой же самой не подвергшейся реверсии системы? Ни более и не менее трудным….

Очевидно, потому что и в одном, и в другом случае речь идёт о том, чтобы изучать движение, все элементы которого являются данностью; но, чтобы это изучение соответствовало чему-то реальному или даже возможному, не следовало быть обманутым простой игрой обозначений, как на это указывает продолжение фразы:

> И решение одной из этих проблем даст решение другой благодаря очень простому изменению, состоящему на техническом языке в том, чтобы поменять алгебраический знак времени, написав *-t* вместо *+ t*, и наоборот ….

На деле, это очень просто в теории, но, не отдавая себе отчета в том, что обозначение «отрицательных чисел» является только совершенно исключительным приемом упрощения вычисления (которое не лишено неудобств с точки зрения логики) и не соответствует никакому виду реальности, автор этих рассуждений впадает в большую ошибку, которая является к тому же общей для большого числа математиков, и чтобы истолковать смену знака, на которую он только что указывал, сразу добавляет: «Это значит, что эти две полных серии последовательных состояний одной и той же системы тела будут отличаться лишь только в том, что будущее станет прошлым, а прошлое будущим […]». Это, конечно, странная фантасмагория, и следует признать, что столь заурядная операция, как простая смена алгебраического знака обладает весьма необыкновенным и по-настоя-

щему чудесным могуществом… в глазах математиков этого типа.

> Это будет той же серией последовательных состояний, пройденной в обратном направлении. Реверсия скоростей в какую-либо эпоху просто обращает вспять время; первоначальная серия последовательных состояний и обратная серия обладают на всех соответствующих этапах одними и теми же формами системы с одними и теми же равными и противоположными скоростями (*sic*).

К несчастью, в действительности реверсия скоростей просто обращает вспять положение в пространстве, но не время; вместо того чтобы быть одной и той же серией последовательных состояний, пройденных в обратном направлении; это будет второй серией, обратно равнозначной первой, что касается пространства; прошлое от этого не станет будущим, и будущее станет прошлым лишь в силу естественного и нормального закона последовательности, точно также как это происходит каждый миг. Чтобы в самом деле имелось соответствие между двумя сериями, будет необходимо, чтобы в рассматриваемой системе не было других изменений, кроме как простой смены положения; только это может быть обратимым, потому что вовлекает только единственно соображение пространства, которое в действительности является обратимым; к любому другому изменению состояний эти соображения не будут более применимы. Стало быть, совершенно необоснованно желать извлечь из этого соображения типа:

> В растительном царстве, например, мы увидим, в обратном порядке, упавшую и гниющую грушу, которая становится зрелым плодом, который уменьшается и становится зеленым цветком, затем только что появившимся цветком, затем бутоном цветка, затем почкой, одновременно с тем, что составляющее её вещества вновь перейдут, одни в состояние угольной кислоты и водяного пара, а другие в состояние сока, а затем гумуса или удобрений.

Нам кажется, что г-н Камиль Фламмарион описал где-то почти похожие вещи, но имея в виду дух, удаляющийся от земли со скоростью, превышающей скорость света, и обладающий зрительной способностью, благодаря которой он может различать на любом расстоянии малейшие детали земных событий[216]; перед нами по меньшей мере фантастическая гипотеза, но всё-таки это не подлинное «обращение времени вспять», потому что сами события продолжали следовать своим обычным ходом, и их развертывание в обратном порядке было только зрительной иллюзией. В живых существах каждый миг происходит множество перемен, которые вовсе не сводимы к изменениям ситуации; и даже в неорганических телах, кажущихся остающимися наиболее совершенно подобными сами себе, также имеют место необратимые изменения: постулируемую классической механикой «инертную материю» в физическом мире нигде не отыскать, по простой причине; то, что по-настоящему инертно, неизбежно лишено всех чувственно воспринимаемых качеств. На самом деле, очень легко показать неосознанные и многочисленные софизмы, скрывающиеся в подобных аргументах, но вот, однако, все, что можно отыскать в качестве подтверждения «перед лицом науки и философии» теории вроде мнимых «возвращений памяти»!

Мы показали, что очень легко можно объяснить и почти не входя из сферы обычной психологии мнимое «возвращение в прошлое», то есть в действительности просто-напросто восстановление в памяти ясным и отчетливым образом воспоминаний, сохранившихся в латентном состоянии в «подсознательной» памяти субъекта, и относящихся к тому или иному определённому периоду его жизни. Заканчивая это объяснение, необходимо добавить, что это восстановление возможно, с другой стороны, с точки зрения физиологии, в силу того факта, что любое впечатление неизбежно оставляет след на организме, который его испытал; нам не следу-

[216] *Lumen.*

ет исследовать, каким образом это впечатление может быть зарегистрировано определёнными нервными центрами, так как перед нами исследование, относящееся только к простой экспериментальной науке, что не означает, впрочем, что она достигла в этом отношении ныне вполне удовлетворительных результатов. Как бы то ни было, воздействие, осуществляемое на центры, соответствующие различным формам памяти, поддерживаемое, к тому же, психологическим фактором, каковым является внушение, и выступающее как раз тем, что играет главную роль (так как принадлежащее к сфере физиологии относится лишь к условиям внешнего проявления памяти), это воздействие, скажем, каким бы образом оно не осуществлялось, позволяет поместить субъекта в условия, необходимые для постановки опытов, о которых идёт речь, по крайней мере что касается их первой части, относящейся к событиям, в которых он действительно принимал участие или был их свидетелем в более или менее отдалённую эпоху. Однако экспериментатора вводят в заблуждение вещи, усложняющиеся нечто вроде «сновидения в действии», из рода тех, что дали название сомнамбулизму: стоит только в достаточной мере его вовлечь, субъект, вместо того чтобы просто рассказывать свои впечатления, доходит до того, что выражает их жестами, точно также как он будет выражать жестами всё то, что ему пожелают внушить, какие-либо чувства или впечатления. Именно таким образом г-н де Роша перемещал, переносил субъекта на десять, двадцать, тридцать лет назад, он превращал его в маленького ребенка, в плачущего младенца; к этому вполне следовало быть готовым, так как он внушал субъекту возвращение в состояние детства, чтобы увидеть его действующим и говорящим как настоящее дитя; но если ему точно также внушалось, что он был каким-либо животным, субъект вёл себя аналогичным образом как животное, о котором идёт речь; стало быть, де Роша делал из этого вывод, что субъект в действительности был этим животным в какую-либо прежнюю эпоху? «Воспоминание в действии» мо-

жет иметь в качестве отправной точки будь ли то личные воспоминания, будь ли то знакомство с образом действия другого существа, и эти два элемента могут даже в большей или меньшей степени смешиваться; этот последний случай представляет, по-видимому, то, что происходит, когда подвергнутого гипнозу хотят переместить в детство. Может также случаться, что речь идёт о знании, которым субъект в нормальном состоянии не обладает, но которое мысленно передается ему экспериментатором, без малейшего намерения с его стороны; вероятно, именно таким образом г-н де Роша поместил подвергнутого гипнозу ранее в момент рождения, побуждая его показать его жизнь в утробе, где он, двигаясь назад, принимал различные состояния зародыша. Всё-таки мы не хотим сказать, что даже в этом последнем случае в индивидуальности субъекта нет каких-либо следов органических или даже психических состояний, о которых идёт речь; напротив, они должны в ней присутствовать, и они могут предоставить более или менее значительную, хотя с трудом поддающуюся определению, часть его «сновидения в действии». Но, конечно, какое-либо физиологическое соответствие возможно лишь для впечатлений, которые действительно затронули организм субъекта; и также, с точки зрения психологии, индивидуальное сознание какого-либо существа явно может содержать лишь элементы, у которых есть какая-либо связь с нынешней индивидуальностью этого существа. Было бы достаточно показать, что совершенно бесполезно и иллюзорно стремиться продолжать экспериментальные исследования вне определённых границ, то есть в нынешнем случае, до рождения подвергнутого гипнозу или по меньшей мере в начале его эмбриональной жизни; однако, именно это намеревались сделать, потому что хотели «поместить его до зачатия», и, опираясь на предвзятую гипотезу реинкарнации, полагали возможным, «постоянно углубляясь все дальше, побудить его заново прожить свои прошлые жизни», не переставая изучать также

в промежутках «то, что происходит для невоплощенного духа!»

Здесь мы очевидно имеем дело с чистой фантазией; однако г-н Ланселен утверждает нам, что «достигнутые результаты могут считаться огромными, не только сами по себе, но и по путям, которые они открывают для изучения предыдущих жизней существа», что «только что был сделан гигантский шаг первоклассным ученым, которым является полковник де Роша на пути раскрытия тайного, по которому он идет» (*sic*), и что «только что был заложен новый принцип, последствия которого с сего дня неисчислимы»[217]. Стало быть, как можно говорить о «прошлых жизнях» существа, когда речь идёт о времени, когда этого живого существа ещё не было в индивидуализированном состоянии, и желать переносить его за рамки его происхождения, то есть в условия, в которых оно никогда не находилось, а значит не соответствующие ему ни в какой реальности? Это равнозначно тому, чтобы создать целиком искусственную реальность, если так можно выразиться, то есть существующую в мыслях и не являющуюся отражением никаким образом чувственно воспринимаемой реальности; внушение, оказываемое экспериментатором, предоставляет отправную точку для этого, и воображение субъекта делает все остальное. Без сомнения, может статься иногда, что субъект встречает, будь ли в себе самом, будь ли физическом окружении, некоторые из этих элементов, о которых мы говорили, происходящих от распада других индивидуальностей; это объяснило то, что он может предоставить некоторые подробности, касающиеся людей, ранее в действительности существовавших, и если бы такие случаи были бы надлежащим образом зафиксированы и проверены, они бы доказывали не больше, чем все остальные. Вообще всё это целиком можно сравнить, за исключением выступившего в роли первотолчка внушения, с тем, что происходит в состоянии обычного сно-

[217] *Le Monde Psychique*, январь 1912.

видения, или, как учит индусская доктрина, «индивидуальная душа создаёт мир, происходящий целиком из неё самой, чьи предметы заключаются в мысленных образах», для которых она использует все элементы разнообразного представления, которые она может иметь в своем распоряжении. Впрочем, обычно невозможно отличать эти образы, или скорее, представления, в которых они выражаются, от ощущений внешнего происхождения, если только не устанавливается сравнение между этими двумя видами психологических элементов, что может произойти лишь благодаря более или менее осознанному переходу из состояния сна в состояние бодрствования; но это сравнение никогда не возможно в состоянии сна, вызванного внушением, потому что человек, подвергнутый гипнозу, в момент пробуждения не сохраняет никаких воспоминаний об этом в своем обычном сознании (что не означает, что это воспоминание не сохраняется в «подсознании»). Добавим ещё, что подвергнутый гипнозу может в определённых случаях считать воспоминаниями мысленные образы, не относящиеся к реальности, так как сновидение может заключать в себе воспоминания также, как и нынешние впечатления, без того, чтобы два этих вида элементов являлись ничем иным, кроме как чистым порождением ума в его нынешнем состоянии; эти порождения, как и все порождения воображения, являются, впрочем, строго говоря, лишь новыми сочетаниями, образованными другими прежде существовавшими элементами. Мы не говорим здесь, конечно, о воспоминаниях при пробуждении, которые, зачастую изменяясь и искажаясь в той или иной степени, примешиваются ко сну, потому что разделение этих двух состояний сознания никогда не является полным, по меньшей мере, что касается обычного сна; оно, как кажется, является намного большим, когда речь идёт об искусственном сне, и именно это объясняет полное забвение, по крайней мере с виду, следующее за пробуждением субъекта. Однако это разделение всегда является относительным, потому что речь идёт, в сущности, лишь о различных

сторонах одного и того же индивидуального сознания; это наглядно показывает, что внушение, произведенное в гипнотическом сне, может являть своё следствие после пробуждения субъекта, в то время как тот, кажется, однако более его не помнит. Если бы мы продолжили исследование феноменов сновидений дальше, чем мы можем себе позволить здесь, мы бы увидели, что все элементы, которые они вводят в игру, также входят в проявления гипнотического состояния; эти два случая в итоге представляют лишь одно и то же состояние человеческого существа; с единственной разницей в том, что в гипнотическом состоянии сознание субъекта сообщается с другим индивидуальным сознанием, сознанием экспериментатора, и оно может уподобляться содержащимся в нём элементам, по крайней мере, в определённой степени, так как они составляют лишь одно из его продолжений. Именно поэтому гипнотизёр может предоставить субъекту некоторые из данных, которые он будет использовать в своем сне, данных, которые могут являться образами, более или менее сложными представлениями, также как это имеет место в самых простых опытах, и которые могут быть также какими-то идеями, теориями, например, гипотезой реинкарнации, идеями, которые субъект тотчас же, к тому же, переводит в образные представления, и без этого гипнотизёр вынужден словесно формулировать свои внушения, даже без того чтобы они не являлись никоим образом умышленными с его стороны. Итак, искусственный сон, состояние, во всем подобное тем, которые вызывают у субъекта при помощи соответствующего внушения частично или полностью воображаемые ощущения, но с той единственной разницей, что здесь экспериментатор сам обманут своим собственным внушением и принимает порождения ума подвергнутого гипнозу за «пробуждение воспоминаний», даже за реальное возвращение в прошлое, вот к чему сводится в конце концов мнимое «исследование сменяющих друг друга жизней», единственное собственно говоря «экспериментальное доказательство», которое привер-

женцы реинкарнации могли привести в поддержку своей теории.

«Институт психических исследований» в Париже имел в качестве дополнения «клинику неврологии и педагогики», где пытались, как это делают в других местах, использовать внушение к «психотерапии», а именно для того чтобы исцелять пьяниц и маньяков или чтобы развивать ментальность некоторых идиотов. Попытки этого пода можно только похвалить, и каковы бы не были полученные результаты, здесь, конечно, ничего нельзя возразить, по крайней мере, что касается намерений, которыми они вдохновляются; правда, эти практики, даже опираясь строго на медицину, иногда более вредны, чем полезны, и использующие их люди почти не знают, чему это приводит, но, в конце концов, было бы лучше ограничиться здесь этим, и в любом случае, психистам, если они хотят, чтобы их принимали всерьёз, вполне следовало бы прекратить использовать внушение для фантасмагорий наподобие тех, о которых мы только что говорили. Однако после этого встречаются ещё люди, превозносящие нам «ясность и очевидность спиритизма» и противопоставляют его «мраку метафизики», что они путают впрочем, с самой обычной философией[218]; странная очевидность, если только не очевидность нелепости! Некоторые доходят даже до того, что ссылаются на «метафизические опыты», не отдавая себе отчет, что объединение этих двух слов составляет простую бессмыслицу; их представления настолько ограничены миром феноменов, что всё, что находится вне опыта, для них не существует. Конечно, всё это не должно нас нисколько удивлять, так как слишком очевидно, что все спириты и психисты различных категорий совершенно не знают о том, что есть истинная метафи-

[218] Это можно отыскать в статье, подписанной Ж. Рапико, которая также содержится в: *Le Monde Psychique*, январь 1912, которая совершенно характерна для пропагандистских устремлений спиритов: «простота», то есть интеллектуальная посредственность, здесь открыто превозносится как признак превосходства; впоследствии мы к этому ещё вернёмся.

зика, что они даже не подозревают о её существовании, но мы с удовольствием констатируем, всякий раз, как нам представится случай, насколько подобные тенденции характерны собственно для духа современного Запада, обращенного исключительно на внешнее, из-за чудовищного искажения, аналогию которому нигде более не отыскать. «Неоспиритуалисты» напрасно ссорятся с «позитивистами» и «официальными» учеными, их ментальность в сущности одна и та же, и «обращение» некоторых учёных в спиритизм не подразумевает у них столь серьёзных и глубоких изменений, которые себе воображают, или, по крайней мере, они подразумевают лишь одно изменение: а именно то, что их ум, продолжая оставаться всё-таки столь же ограниченным, потерял, по меньшей мере в определённом отношении, относительную уравновешенность, в которой он до сих пор сохранялся. Можно быть «первоклассным ученым» намного более бесспорным образом, чем являлся полковник де Роша, определённых заслуг которого мы из-за этого нисколько не собираемся отрицать, можно быть даже «гением», следуя представлениям, которые имеют хождение в «профаном» мире[219], и быть совершенно незащищенным от таких случаев; всё это ещё раз просто свидетельствует, что учёный или философ, каковым бы не было его значение в качестве такового, и каковой бы не была особая сфера его интересов, не обязательно в силу этого вне этой сферы значительно превосходит широкие массы невежественной и легковерной общественности, предоставляющей большую часть клиентуры спиритов и оккультистов.

[219] Г-н Рапико идёт, возможно, всё-таки чуть дальше, утверждая, что «многие великие гении были пылкими приверженцами спиритизма»; несколько было бы уже слишком много, но было бы неверно впечатляться этим или придавать этому большое значение, ибо то, что принято называть «гениальностью», есть нечто весьма относительное, что означает несравненно меньше, чем мельчайшая частица подлинного знания.

Глава IX. Эволюционизм спиритов

У спиритов-кардекианцев, как и у всех прочих признающих её школ, идея реинкарнации тесно связана с «прогрессистскими» или, если угодно, «эволюционистскими» представлениями; сначала просто использовали слово «эволюция»: в сущности, это одно и тоже, но последнее с виду более «научное». Трудно представить, сколь чарующе на более или менее неразвитые или примитивные умы действуют громкие слова, имеющие ложную видимость интеллектуальности; существует разновидность пустословия, внушающего иллюзию мысли тем, кто не способен мыслить по-настоящему, и неясность, в глазах обычного человека предстающая глубиной. Напыщенная и пустая фразеология, которая в ходу во всех «неспиритуалистических» школах, является, конечно, одним из наибольших составляющих успеха; терминология спиритов особенно нелепа, потому что она состоит большей частью из неологизмов, придуманных почти неграмотными людьми вопреки всем законам этимологии. Если хотите знать, например, как Алан Кардек измышлял слово «перисприт», но это весьма просто: «Как зародыш плода окружен *периспермой*, так и собственно говоря дух покрывает оболочка, которую по аналогии можно называть *перисприто́м*»[220]. Любители лингвистических исследований могли бы найти здесь тему для любопытного исследования; довольствуемся же тем, что мимоходом укажем им на это. Столь же часто спириты хватаются за термины философии и науки, которые они применяют, как могут; естественно, они предпочитают те термины, которые получили хожде-

[220] *Le livre des Esprits*, стр. 38. Психист, склонный к оккультизму, граф де Тромелен изобрел слово *mansprit* для особого обозначения «перисприта» живых; и именно этот же автор придумал «биологическую силу».

ние среди широких слоев благодаря популяризаторским работам, наполненным самым отвратительным «сциентистским» духом. Что касается слова «эволюция», принадлежащего к числу этих терминов, необходимо признать, что обозначаемое им находится в совершенной гармонии с набором спиритических идей: эволюционизм вот уже около столетия принимал многие формы, но все они являются лишь различными усложнениями идеи «прогресса» в той форме, в какой она начала распространяться в западном мире на протяжении второй половины XVIII в.; это одно из самых характерных проявлений специфически современной ментальности, каковой вполне является ментальность спиритов и даже более широко всех «неоспиритуалистов».

Алан Кардек учит, что «духи по своей природе не являются хорошими или плохими, но именно одни и те же духи совершенствуются, и совершенствуясь, они переходят с одного «низшего на более высокий уровень», что «Бог даёт каждому из духов миссию с целью просветить их и побудить их постепенно достигнуть совершенства благодаря знанию истины и чтобы приблизить их к себе», что «все станут совершенными», что «дух может оставаться неподвижным, но не деградирует», что «духи, следующие пути зла, смогут достичь той же степени превосходства, что и остальные, но вечности (*sic*) будут более длинными для них»[221]. Именно благодаря «прогрессивной трансмиграции» происходит это восходящее движение:

> Жизнь духа в своей целокупности проходит те же самые фазы, что мы видим в телесной жизни; постепенно он переходит из состояния эмбриона в состояние детства, чтобы благодаря последовательной смене периодов достичь взрослого состояния, которое является совершенным, с той разницей, что оно не знает упадка и дряхлости, как это происходит в телесной жизни; Алан Кардек учит, что у жизни духа, у которой есть начало, не будет конца; что

[221] Там же, стр. 49-53.

> ему нужно с нашей точки зрения огромное время, чтобы из спиритического детства (*sic*) перейти на уровень полного развития, и его прогресс происходит не только в одной сфере, но проходя через различные миры. Таким образом, жизнь духа состоит из ряда телесных существований, каждое из которых представляет ему возможности для развития, подобно тому как каждое телесное существование состоят из ряда дней, и в каждый из которых человек получает дополнительный опыт и наставление. Но точно также как в жизни человека есть дни, которые не приносят никакого плода, в жизни духа есть телесные существования, которые не имеют результата, потому что он не смог их использовать [...] Продвижение духов имеет прогрессивный и никогда регрессивный характер; они постепенно возвышаются в иерархии и не спадают с уровня, который они достигли. В своих различных телесных существованиях они могут ниспадать вниз как люди (в отношении социального положения), но не как духи[222].

А вот теперь описание этого процесса: По мере того, как дух очищается, тело, в которое он облекается, также приближается к спиритической природе (*sic*). Материя более плотная, он не ползает более с трудом по поверхности земли, физические потребности менее грубые, живым существам нет более нужды разрушать себя, чтобы питаться. Дух более свободен и для отдалённых вещей имеет органы восприятия, которые нам неизвестны; он видит физическими глазами то, что мы лишь себе представляем. Облагораживание духов побуждает существа, в которых они воплощены, к нравственному совершенствованию. Животные страсти теряют силу, и эгоизм уступает место чувству братства. Именно поэтому в мирах, высших по отношению к земле, войны неизвестны; ненависть и раздоры здесь не имеют места, потому что у никакого не появится и мысли о том, чтобы нанести вред своему ближнему. Ощущение, что их будущее в их руках, безопасность, которую им даёт сознание, чуждое угры-

[222] Там же, стр. 83-85.

зений совести, являются причиной того, что смерть не вызывает у них никакой боязни; они смотрят на её приближение без страха и как на простое изменение. Продолжительность жизни в различных мирах, кажется, пропорциональна степени физического и нравственного развития в этих мирах, и это совершенно разумно. Чем менее тело материально, тем менее оно подвержено разрушающим его порокам; чем более дух чист, тем он менее влеком страстями, которые его подтачивают. В этом ещё одно благодеяние судьбы, желающей таким образом сократить число страданий [...] Что определяет мир, в котором воплотиться дух, так это развитие этого духа[223] [...] Миры также подчинены закону прогресса. Все началось с существования в низшем состоянии, и сама земля подчиняется подобной трансформации; она превратится в земной рай, когда люди сделаются добрыми [...] Именно поэтому расы, населяющие в наши дни землю, в один прекрасный день исчезнут, и их заменят более или менее совершенные существа; эти измененные расы будут наследовать нынешней расе, точно также как она наследовала другим ещё более грубым[224]. Процитируем ещё то, что касается особо «хода прогресса» на земле:

> Человек должен беспрерывно развиваться, и он не может вернуться в состояние детства. Если он развивается, то значит, Бог так хочет; полагать, что он может деградировать в своё первоначальное состояние означало бы отрицать закон прогресса.

Это чересчур очевидно, но именно этот мнимый закон мы категорически отрицаем, однако продолжим: Нравственный прогресс является следствием интеллектуального прогресса, но он не всегда немедленно следует за ним [...] Так как прогресс является чертой человеческой природы, никто не в силах ему противостоять. Это живая сила, кото-

---

[223] Напомним, то, что Аллан Кардек называет мирами, это только различные планеты, которые для нас являются лишь частями единого телесного мира.

[224] *Le livre des Esprits*, стр. 79-80.

рую дурные законы могут замедлить, но не заглушить [...] Есть два вида прогресса, которые взаимно опираются друг на друга, однако они двигаются бок о бок, это интеллектуальный прогресс и прогресс нравственный. У цивилизованных народов в этом веке первый получает все виды поощрения, которые можно желать; поэтому-то он и достигает неведомого до сих пор уровня. Второму до этого уровня не достает, однако, если сравнивать общественные нравы на протяжении нескольких веков, надо быть слепым, чтобы отрицать прогресс. Почему между девятнадцатым и двадцать четвёртым веком не будет столь же разницы, как между четырнадцатым и девятнадцатым? Сомнительно было бы утверждать, что человечество находится в апогее совершенства, что было бы нелепо, или что оно не способно совершенствоваться в нравственной отношении, что опровергается опытом[225]. Наконец, вот как спиритизм может «способствовать прогрессу»:

> Опровергая материализм, принадлежащий к числу общественных бедствий, он даёт понимание людям, в чём заключается их истинный интерес. Так как будущая жизнь более не скрываема покровом сомнений, человек лучше поймет, что он может обеспечить своё будущее благодаря настоящему. Рассеивая предрассудки сект, каст и цвета кожи, он учит людей великой солидарности, которая должна объединить их как братьев»[226].

Видно, настолько спиритический «морализм» состоит в тесном родстве со всеми социалистическими и гуманитарными утопиями: все эти люди согласны в том, чтобы поместить в более или менее отдалённое будущее «земной рай», то есть реализацию их мечтаний о «пацифизме» и «всеобщем братстве»; только, спириты, кроме того, полагают, что ныне они уже осуществлены на других планетах. Едва ли нужно отмечать, насколько их представления о «высших по

[225] Там же, стр. 326-329.

[226] Там же, стр. 336-337.

отношению к Земле мирах» являются наивными и грубыми; не следует удивляться этому, когда мы видели, как они представляют себе существование «развоплощённого духа»; укажем только на очевидное преобладание сентиментального элемента в том, что составляет для них «превосходство». Именно по этой самой причине они ставят «нравственный прогресс» выше «интеллектуального прогресса»; Алан Кардек пишет, что «совершенную цивилизацию можно узнать по её нравственному развитию», и добавляет:

> У цивилизации есть свои степени, как и у всех вещей. Несовершенная цивилизация представляет собой переходное состояние, порождающее особые виды зла, неизвестные первоначальному состоянию, тем не менее она составляет естественный, неизбежный прогресс, несущий с собой исцеление от творимого ею зла. По мере того, как цивилизация совершенствуется, она избавляется от некоторых из видов зла, которые она породила, и эти виды зла исчезнут вместе с нравственным прогрессом. Из двух народов, достигших вершины лестницы общественного развития, только тот может быть назван самым цивилизованным в подлинном значении этого слова, у которого обнаруживается меньше всего эгоизма, алчности и гордыни; где привычки носят более интеллектуальный и нравственный, чем материальный характер; где интеллект может развиваться с наибольшей степенью свободы; где больше всего доброты, искренности, благожелательности и взаимной щедрости; где предрассудки касты и рождения менее всего укоренены, так как эти предрассудки несовместимы с подлинной любовью к ближнему; где законы не освящают никакие привилегии и они одинаковы как для последнего, так и для первого; где правосудие осуществляется с наименьшей долей пристрастности; где слабый всегда находит поддержку против сильного; где жизнь человека, его верования и мнения в наибольшей степени уважаются; где меньше всего несчастных, и наконец, где любой чело-

век доброй воли всегда уверен, что ему хватит необходимого[227].

В этом месте обнаруживаются ещё демократические тенденции спиритизма, которые Алан Кардек развивает затем впоследствии в главах, где он ведёт речь о «законе равенства» и «законе свободы»; достаточно было бы прочесть эти страницы, чтобы убедиться, что спиритизм вполне является чистым продуктом современного духа.

Нет ничего более легкого, чем подвергнуть критике этот глуповатый «оптимизм», который представляет у наших современников вера в «прогресс»; мы не можем здесь распространяться сверх меры, так как эта дискуссия увела бы нас далеко от темы спиритизма, который представляет здесь лишь очень особый случай; эта вера подобным образом распространилась в самых разнообразных кругах, и естественно, каждый представляет себе прогресс в соответствии со своими предпочтениями. Фундаментальное заблуждение, происхождение которого следует, кажется, адресовать Тюрго и особенно Фурье, заключается в том, чтобы говорить о «цивилизации» абсолютным образом; это нечто, чего просто нет, так как всегда были и есть ещё «цивилизации», каждая из которых обладает своим собственным развитием, и кроме того, среди них есть те, что полностью исчезли, и чьё наследие ни в коей мере не перешло другим цивилизациям, возникшим позже. Также невозможно оспаривать, что в ходе истории цивилизации имеются периоды упадка, и что определенный прогресс в одной сфере может быть совмещен с упадком в других областях; к тому же, большинству людей одного и того же народа и одной и той же эпохи было бы весьма затруднительно одинаково приложить свою деятельность к вещам самых различных порядков. Современная западная цивилизация является, несомненно, той, чьё развитие ограничено сферой, самой узкой из всех; не надо быть очень разборчивым, чтобы обнаружить, что «интеллек-

[227] Там же, стр. 333-334.

туальный прогресс достиг невиданного до сих пор уровня», и те, кто думает так, показывают, что они ничего не знают о подлинной интеллектуальности; принимать за «интеллектуальный процесс» то, что является лишь чисто материальным развитием, ограниченным областью экспериментальных наук (или скорее некоторых из них, так как среди них есть такие, даже о существовании которых современные люди остаются в неведении) и прежде всего их применением в промышленности, это самое нелепое из всех заблуждений. Напротив, на Западе, начиная с эпохи, которую принято называть Возрождением, по нашему мнению, совершенно неверно, имел место значительный интеллектуальный упадок, который не может компенсировать никакой материальный прогресс; мы уже говорили об этом в другом месте[228], и вернёмся к этому при случае. Что касается так называемого «нравственного прогресса», то это дело чувства, а стало быть простой индивидуальной оценки; каждый может создать себе, с этой точки зрения, «идеал», соответствующий своим вкусам, и идеал спиритов и других демократов для других не подходит; но «моралисты» вообще этого не понимают, и если бы у них была такая возможность, они бы навязали всем свои собственные представления, так как на практике нет никого менее терпимого, чем люди, испытывающие потребность проповедовать терпимость и братство. Как бы то ни было, «способность к нравственному совершенствованию» у человека в той форме, как ещё чаще всего себе представляют, кажется намного скорее «опровергается опытом», нежели чем противоположное; слишком много недавних событий говорят здесь о том, что Алан Кардек и подобные ему не правы, чтобы было полезно на этом останавливаться; но мечтатели неисправимы, и всякий раз как разразиться война, всегда довольствуются предсказаниями, что она будет последней; эти люди, которые по любому поводу призывают «опыт», кажется, совершенно бесчувственны ко

[228] См. первые главы нашей книги: «Общее введение в изучение индусских учений».

всем предлагаемым им «опровержениям». Что касается будущих рас, всегда можно воображать их по своему вкусу; спириты, по меньшей мере, проявляют благоразумие, чтобы не делать на эту тему уточнений, остающихся монополией теософистов; они ограничиваются неопределёнными сентиментальными соображениями, которые, в сущности, возможно, не более ценны, но преимущество которых заключается в том, что они менее претенциозны. Наконец, надо отметить, что «закон прогресса» для его поборников есть нечто вроде постулата или символа веры: Алан Кардек утверждает, что «человек должен развиваться», и довольствуется добавлением, что «если он развивается, то значит, так хочет Бог»; если бы его спросить, как он узнал, он, вероятно бы ответил, что об этом ему сообщили «духи»; в качестве доказательства это слабо, но можно ли считать, что делающие такие же утверждения от имени «разума» обладают намного более сильными основаниями? Это рационализм, являющийся только замаскированы сентиментализмом, и к тому же он не принадлежит к числу нелепостей, которые не находят средство ссылаться на разум; сам Алан Кардек заявляет также, что «сила спиритизма заключается в его философии, в его обращении к разуму и здравому смыслу»[229]. Конечно, обычный «здравый смысл», которым столько злоупотребляли, после того как Декарт посчитал должным польстить ему уже самым демократическим образом, совершенно не способен высказываться со знанием дела об истинности или ложности какой-либо идеи; и даже более «философский» разум почти не гарантирует людей от заблуждения. Можно сколько угодно смеяться над Аланом Кардеком, который оказывался доволен, когда утверждал, что «если человек развивается, то значит, так хочет Бог», но что тогда следует думать о таком выдающемся социологе, очень компетентном представителе «официальной науки», всерьёз заявлявшем (мы слышали сами), что «если человечество развивает-

[229] *Le livre des Esprits*, стр. 457.

ся, то потому что оно имеет тенденцию к развитию»? Торжественные глупости университетской философии иногда столь же гротескны, как и бредни спиритов, но они, как мы замечали, таят в себе особую опасность, связанную именно с их «псевдорелигиозным» характером, и отсюда большая необходимость в их разоблачении и демонстрации их бессодержательности.

Теперь нам следует поговорить о том, что Алан Кардек называет «прогрессом духа», и в качестве начала мы укажем на злоупотребление у него аналогией при сравнении, которое он хочет провести с телесной жизнью: почему это сравнение, по нашему мнению, неприменимо к тому, что касается фазы упадка и дряхлости, почему оно было бы более ценно для фазы развития? С другой стороны, если то, что он называет «совершенством», целью, которую все «духи» должны рано или поздно достичь, является чем-то сравнимым с «состоянием взрослого», то здесь очень относительное совершенство; и надо, чтобы на самом деле оно было совершенно относительным, чтобы можно было его «постепенно» достичь, даже если это должно потребовать «огромного времени»; мы сейчас вернёмся к этому моменту. Наконец, с точки зрения логики и особенно метафизики то, что не будет иметь конца, также не может иметь и начала, или другими словами, все, что по-настоящему бессмертно (не только в относительном смысле этого слова), в силу этого же является вечным; правда, что Алан Кардек, который говорит о «длительности вечностей» (во множественном числе), явно не представляет ничего более другого, чем простую временную непрерывность, и потому что он не видит её конца, он предполагает, что у неё его и нет, но неопределённое это ещё и конечное, и всякая длительность имеет конец по самой своей природе. Здесь, к тому же, следует рассеять другую двусмысленность; то, что называют «духом» и что предполагают составляющим полное и подлинное существо, в итоге оказывается лишь человеческой индивидуальностью; напрасно хотят воспроизвести её в многочисленных

сменяющих друг друга экземплярах через реинкарнацию; она тем не менее ограничена этим. В одном смысле, спириты даже чересчур ограничивают эту индивидуальность, так как им известна только слабая сторона её подлинных возможностей, и у неё нет нужды перевоплощаться, чтобы быть способной к неограниченным продолжениям; но в другом смысле, они придают ей чрезмерную важность, так как они принимают её за существо, бесконечно малым элементом которого она со всеми своими возможными продолжениями лишь является. Впрочем, это двойное заблуждение не является особенностью спиритов, оно также присуще почти всему западному миру; человеческий индивид одновременно намного более или намного менее, чем полагают, и если бы не принимать неверно этого индивида или, скорее, ограниченную часть этого индивида за полное существо, никогда бы не возникло преставлений, что оно есть нечто, что «эволюционирует». Можно сказать, что индивид «эволюционирует», если под этим понимать просто то, что он совершает определённое циклическое развитие; но в наши дни тот, кто говорит: «эволюция», хочет сказать: «прогрессивное развитие», и это спорно если не для определённых фаз цикла, то по крайней мере для его целокупности; даже в относительной сфере как эта, идея прогресса приложима лишь внутри строго ограниченных рамок, и, кроме того, она обладает смыслом лишь если уточнить, в каком отношении её собираются прилагать: это верно как для индивидов, так и для общностей. Впрочем, тот, кто говорит о прогрессе, неизбежно говорит о последовательной смене: для всего того, что не может быть рассматриваемо в образе преемственности, это слово, стало быть, ничего не обозначает; если человек вкладывает в него смысл, то потому что как индивидуальное существо он подвластен времени, и если он понимает этот смысл самым неверным образом, то дело в том, что он не представляет находящееся вне времени. Для всех состояний существа, которые не являются обусловленными временем или каким-либо другим видом деятельности, не может быть

и речи о чём-либо подобном, даже на условиях относительности либо самой малой случайности, так как отсутствует возможность этих состояний; с тем большим правом, если речь идёт о по-настоящему полном существе, объединяющем в себе неограниченное множество всех состояний, в таком случае нелепо говорить не только о прогрессе или эволюции, но и о каком-либо развитии; вечность, исключая любую последовательную смену и любое изменение (или скорее, не имея отношений с ними), неизбежно подразумевает полное отсутствие изменений.

Перед тем как закончить это обсуждение, мы хотим привести ещё несколько цитат, взятых у писателей, пользующихся среди спиритов непререкаемым авторитетом; и прежде всего, г-н Леон Дени говорит почти как Аллан Кардек:

> Необходимо работать с пылом над нашим развитием. Высшая цель — это совершенство; путь, ведущий к нему, это прогресс. Этот путь долог и проходит шаг за шагом. Отдалённая цель кажется, ещё более удаляется по мере приближения к ней, но на каждом пройденном этапе существо пожинает плоды трудов своих; оно обогащает свой опыт и развивает свои способности [...] Между душами существует разница лишь в степенях, различиях, которые они вольны покрыть в будущем[230].

Как мы видим, ничего нового. Но тот же автор касательно того, что он называет «периспритальной эволюцией», делает некоторые уточнения, которые явно вдохновлены определёнными научными или псевдонаучными теориями, успех которых является одним из самых неоспоримых признаков интеллектуальной слабости наших современников:

> Вековые связи между людьми и духами[231], подтвержденные и объясненные при помощи недавних опытов спири-

[230] *Après la mort*, стр. 167-168.

> тизма, доказывают, что существо продолжает жить во флюидической, более совершенной форме. Эта неуничтожимая форма, сопровождающая душу и служащая ей, свидетель её борьбы и страданий, участвует в её странствиях, возвышается и очищается вместе с ней. Будучи сформулированным в низших областях, периспритальное существо медленно восходит по лестнице существований. Вначале это только примитивное существо, неполная заготовка. Достигнув человеческого уровня, оно начинает отражать более возвышенные чувства; дух блистает большим могуществом, и перисприт просвещается новыми проблесками. Жизнь за жизнью, по мере того как способности расширяются, устремления очищаются и познания возрастают, оно обогащается новыми чувствами. Всякий раз, когда воплощение завершается, подобно тому как бабочка вылетает из своей куколки, душа избавляется от лохмотьев плоти. Душа снова обнаруживает себя целой и свободной и, рассматривая эту флюидическую оболочку, которая её покрывает, в её великолепном или жалком обличье, определяет своё собственное продвижение[232].

Вот то, что можно назвать «психическим трансформизмом», и некоторые спириты, если не все, примешивают сюда веру в трансформизм, понимаемый в его самом обычном значении, хотя эта вера почти не совместима с теорией, которую проповедовал Аллан Кардек, согласно которому «зародыши всех живых существ, содержащиеся в земле, оставались там в скрытом и пассивном состоянии вплоть до благоприятного момента для появления важного вида»[233]. Как бы то ни было, г-н Габриэль Делан, который хочет быть «самым научным» из спиритов-кардекианцев, целиком признает трансформистские теории; но он намеревается дополнить «телесную эволюцию» «душевной»:

---

[231] Незадолго до этого автор упомянул в качестве примеров медиумов, «связанных с высшими личностями космоса» (*sic*) «римских весталок, греческих сивилл, друидесс с острова Сены», … и Жанну д'Арк!

[232] *Après la mort*, стр. 229-230.

[233] *Le livre des Esprits*, стр. 18.

> Это один и тот же бессмертный принцип, оживляющий все создания. Сначала проявляясь лишь в простых видах на последних стадиях жизни, он мало-помалу совершенствуется, по мере того как поднимается по лестнице существ; в ходе своей долгой эволюции он развивает способности, заключенные в нём в зародышевом состоянии, и проявляет их в более или менее аналогичном нашему образе, по мере того как приближается к человеческому уровню [...] Мы не в состоянии понять, отчего Бог создал существа, восприимчивые к страданию, не придавая им в то же время способности пользоваться усилиями, которые они прилагают для самосовершенствования. Если бы принцип интеллекта, который их одушевляет, был обречен на то, чтобы вечно занимать это низшее положение, Бог не был бы справедлив, благоприятствуя человеку за счёт других существ. Но разум говорит нам, что дело не может обстоять таким образом, и наблюдение показывает, что есть сущностное единство между душой животных и нашей, что всё следует друг за другом и тесно связано во вселенной, начиная от самого малого атома и до гигантского солнца, затерянного в ночи пространства, начиная от амёбы и до высшего духа, парящего в свободной от суеты сфере[234].

Взывание к божественной справедливости здесь неизбежно; мы говорили выше, что было бы нелепым интересоваться, почему один животный вид не равен другому, но надо, однако, полагать, что это неравенство, или скорее это разнообразие задевает чувствительность спиритов почти также, как и разнообразие условий, в которых живут люди; «моралізм» в самом деле восхитительная вещь! Что также весьма любопытно, так это следующая страница, которую мы воспроизводим полностью, чтобы показать, до чего у спиритов может дойти «научный» дух вместе с его привычным набором; яростная ненависть ко всему тому, что имеет религиозный и традиционный характер:

> Каким образом произошло это рождение души, через какие метаморфозы прошел принцип интеллекта перед тем,

как достичь человеческого уровня? Именно этому трансформизм учит нас с честной очевидностью. Благодаря гению Ламарка, Дарвина, Уоллеса, Геккеля и всей армии ученых-естествоиспытателей наше прошлое было извлечено из недр земли. Эти архивы сохранили останки исчезнувших рас, и наука реконструировала нашу восходящую линию, от нынешней эпохи и до периодов, в тысячу раз более древних, когда жизнь появилась на нашей планете. Человеческий дух, освобожденный от пут невежественной религии, отправился в свой свободный полёт и, избавившись от суеверных страхов, препятствовавших исследованиям наших отцов, осмелился взяться за проблему нашего происхождения и отыскать её решение. Это факт первостепенной важности, нравственные и философские последствия которого неисчислимы. Земля не является более тем таинственным миром, который однажды появился по мановению волшебной палочки, целиком покрытый растениями и населяемый животными и готовый получить человека, который будет его царём, просвещённый разум даёт нам нынче понять, до какой степени эти сказки свидетельствуют о невежестве и гордыне! Человек это не павший ангел, оплакивающий воображаемый потерянный Рай, он не должен рабски склоняться в полном подчинении у представителя пристрастного, капризного и мстительного Бога, у него нет никакого первородного греха, оскверняющего его с самого рождения, и его участь не зависит от другого. Настал день интеллектуального освобождения; час обновления пробил для всех существ, которых держит ещё под своим игом деспотизм страха и догмы. Спиритизм осветил своим факелом наше будущее, разворачивающееся в безграничных небесах; мы чувствуем, как бьется сердце наших братьев, других небесных человечеств; мы возвращаемся в густую тьму прошлого, чтобы изучать нашу духовную юность, и нигде мы этого взбалмошного и грозного тирана, столь страшное описание которого даёт нам Библия. Во всем творении ничто произвольное или нелогич-

[234] *L'Évolution animique*, стр. 102-103.

ное не разрушит грандиозную гармонию вечных законов[235].

Эти напыщенные заявления, совершенно сходные с заявлениями г-на Камиля Фламмариона, представляют главным образом интерес, что они устанавливают сходство спиритизма со всем тем, что есть самого отвратительного в современном мышлении; спириты, опасающиеся без сомнения, что никогда так и не покажутся достаточно «просвещёнными», перещеголяют ещё крайности учёных или называемых таковыми, чью благосклонность они весьма хотели бы снискать, и они проявляют неограниченное доверие в отношении самых рискованных гипотез:

> Если теория эволюции нашла столько противников, то это потому, что религиозные предрассудки оставили глубокие следы в умах, естественно противящихся, к тому же, всему новому […] Трансформистское учение дало нам понимание того, что нынешние животные являются только последними продуктами долгой разработки переходных форм, которые исчезли в ходе веков, позволяя лишь существовать тем, которые есть ныне. Палеонтологи исследователи каждый день обнаруживают останки доисторических животных, образующие кольца этой бесконечной цепи, чьё начало сливается с началом жизни. И, как если бы не было достаточно показать эту родственную связь через ископаемые, природа взяла на себя задачу предоставить нам поразительный пример этого, при рождении каждого существа. Всякое животное, приходящее в мир, воспроизводит с первых моментов своей эмбриональной жизни все предыдущие типы, через которые прошла раса, перед тем как достичь нынешнего состояния. Это краткая история эволюции его предков, она неопровержимо устанавливает родство человека с животными, вопреки всем более или менее относящимся к делу возражениям […] Любой непредвзя-

[235] Там же, стр. 107-108.

> тый мыслитель вынужден признать с ясной очевидностью происхождение человека от животных[236].

И естественно, мы видим, как затем появляется эта другая гипотеза, отождествляющая первобытных людей с нынешними дикарями:

> Человеческая душа не может сделать исключения из этого общего и абсолютного закона (эволюции); мы отмечаем в отношении Земли, что она проходит через стадии, охватывающие самые разнообразные проявления, начиная от скромных и блеклых представлений, свойственных дикому состоянию, и до великолепного расцвета гения у цивилизованных народов[237].

Но достаточно примеров этой «примитивной» ментальности; о чём мы хотим прежде всего помнить, так это утверждение тесного единомыслия, существующего, хотим ли мы этого или нет, между формами эволюционизма.

Конечно, здесь не место для того, чтобы мы могли подвергнуть трансформизм подробной критике, потому что это слишком увело бы нас в сторону от темы спиритизма; но мы напомним по крайней мере то, что говорили выше: рассмотрение эмбрионального развития совершенно ничего не доказывает. Люди, которые торжественно утверждают, что «онтогенез следует филогенезу», похоже, и не подозревают, что они принимают за закон то, что было заявлено как простая гипотеза; они совершают настоящее предвосхищение основания, так как следовало бы вначале засвидетельствовать, что «филогения» существует, и наверняка, это не наблюдение, которое когда-либо показывало им, как один вид превращается в другой. Развитие индивида это единственное, что можно прямо зафиксировать, и для нас различные формы, которые он проходит, не имеют другого основания для существования, чем это; дело в том, что этот индивид

---

[236] Там же, стр. 113-115.

[237] Там же, стр. 117.

должен реализовать, в соответствии со свойствами, отвечающими его собственной природе, различные возможности состояния, к которому он принадлежит; для этого ему достаточно, впрочем, одно-единственное существование, и так надо, потому что он не может два раза пройти через одно и то же состояние. Впрочем, с точки зрения метафизики, к которой нам следует постоянно возвращаться, важна именно одновременность, а не последовательная смена, представляющая в высшей степени относительный аспект вещей; стало быть, можно было бы полностью потерять интерес к теме, если трансформизм для того, кто понимает истинную природу вида, был бы не только бесполезен, но и невозможен. Как бы то ни было, в этом нет не для чего более пользы, кроме пользы для истины; те, кто говорит о «корыстных возражениях», вероятно, приписывают своим противником свою собственную озабоченность, связанную прежде всего с этим сентиментализмом под маской рациональности, на что мы указывали и что не чуждо также определённых политических махинаций самого низкого пошиба, которым многие среди них, впрочем, могут поддаваться совершенно бессознательным образом. В наши дни трансформизм, кажется, отжил своё время и уже потерял во многом свою базу, по меньшей мере в хоть немного серьёзных научных кругах; но он может ещё отравлять сознание масс, если только не найдется какой-либо другой военной машины, которая будет способна его заменить; мы нисколько не думаем, что теории этого рода распространяются спонтанно или то, что те, кто берёт на себя обязанность их пропагандировать, следует в этом интересам интеллектуального порядка, так как они вкладывают в это слишком много страсти и озлобления.

Но оставим здесь эти истории о «происхождении», которые обрели такую значимость лишь потому они способны живо поразить воображение обычного человека, и вернёмся к мнимой эволюции определённого существа, поднимающей, в сущности, более серьёзные вопросы. Напомним то,

что мы говорили прежде по поводу гипотезы, согласно которой существо якобы должно проходить последовательно все формы жизни: эта гипотеза, представляющая собой в итоге ничто иное, как «душевную эволюцию» г-на Делан, прежде всего, неверна, как мы показали; затем, она бесполезна и даже двояким образом. Она бесполезна, в первую очередь, потому что существо может содержать в себе одновременно эквивалент всех этих форм жизни; и речь здесь идёт только об индивидуальном существе, потому что все эти формы принадлежат к одному и тому же состоянию бытия, которое является состоянием человеческой индивидуальности; стало быть, эти формы суть возможности, заключенные в её сфере, при условии рассмотрения её в её целостности. Это только для индивидуальности, ограниченной одной лишь телесной формой, как мы уже отмечали, одновременность заменяется последовательной сменой в эмбриональном развитии, но это касается только весьма незначительной части возможностей, о которых идёт речь; для индивидуальности в её целокупности перспектива последовательной смены уже исчезает, и однако она это только уникальное состояние существования, среди неограниченного множества других состояний; если угодно во что бы то ни стало говорить об эволюции, благодаря этому видно, насколько узкими оказываются рамки, в которых будет применима эта идея. Во вторую очередь, гипотеза, о которой мы говорим, бесполезна в отношении конечного предела, которого существо должно достигнуть, каковыми бы, впрочем, не были представления, составленные о нём, и мы полагаем необходимым объяснить здесь это слово «совершенство», которое спириты используют столь неверным образом. Очевидно, для них не может идти речь о метафизическом совершенстве, которое одно по-настоящему заслуживает этого названия и которое тождественно Безграничному, то есть универсальной Возможности во всей её тотальной полноте; до этого им как до луны, и они не имеют о ней никаких представлений; но допустим то, что можно сказать аналогичным образом о со-

вершенстве в относительном смысле для какого-либо существа; для этого существа оно будет являться полной реализацией всех его возможностей. Между тем, достаточно, чтобы эти возможности были безграничными, не важно, до какой степени, чтобы понимаемое таким образом совершенство не могло быть достигнуто «постепенно» и «прогрессивно», следуя выражениям Аллана Кардека; существо, которое бы проходило одно за другим последовательным образом отдельные возможности, предстающие в неограниченном количестве, не стало бы к нему ближе. Математическое сравнение может помочь пониманию того, что мы имеем в виду: если следует сделать сложение неограниченного множества элементов, это никогда не удастся, если прибавлять эти элементы один к одному; сумма может быть получена только благодаря одной операции, которая есть интегрирование; и таким образом, надо, чтобы все элементы были взяты одновременно: вот опровержение этого ложного представления, столь распространенного на Западе, согласно которому синтеза можно было бы достичь только посредством анализа, в то время как, напротив, если речь идёт о подлинном синтезе, его невозможно достичь этим образом. Можно ещё представить вещи так: если имеется безграничная серия элементов, окончательным пределом или суммированием ряда не будет ни один из этих элементов; он не может находится в ряду так что его никогда не отыскать, проходя её аналитически; напротив, можно достичь этой цели одним махом, посредством интегрирования, но для этого не имеет большого значения, что уже проходили ряд до одного или другого из его элементов, потому что не существует никакой общей меры между любым частичным результатом и общим результатом. Даже для индивидуального существа применимо это рассуждение, поскольку это существо обладает способностями, могущими безгранично развиваться; ему вовсе не надо «огромного промежутка времени», так это развитие, если угодно, пусть оно будет последовательным, никогда не закончится, но так как оно может быть одновре-

менным, более нет никакого затруднения; однако, в таком случае это отрицание эволюционизма. Теперь, если речь идёт о полном существе, а не только об индивиде, ситуация ещё более очевидна, вначале потому что нет более никакого места для принятия во внимание времени или какого-либо другого аналогичного условия (поскольку целостность существа является необусловленным состоянием), и затем потому что в таком случае следует рассматривать совершенно иную вещь, чем простая безграничность возможностей индивида, поскольку в их целостности они являются лишь безгранично малым элементом в бесконечном ряду состояний существа. Дойдя до этого момента (конечно, это адресовано более не спиритам, слишком неспособным это понять), мы не можем вновь ввести идею метафизического совершенства и сказать следующее: даже если бы допустить, что существо прошло отчётливо или аналитически безграничность возможностей, всю эту эволюцию, если угодно называть её так, оно всегда могло бы быть всегда строго равным нулю по отношению к совершенству, так как неопределённое происходя от конечного и будучи производимым им (как это ясно показывает в особенности образование чисел), а значит, пребывая в нём в потенции, в итоге является лишь развитием потенциальностей конечного и, как следствие не может иметь никакой связи с бесконечным, а это равнозначно утверждению, что рассматриваемое с позиции бесконечного или тождественного ему совершенства, оно может быть только нулём. Аналитическая концепция, которую представляет эволюционизм, если рассматривать её в универсальном, стало быть, равнозначна даже не добавлению бесконечных количеств одного к другому, а строго говоря, бесконечному добавлению нуля к нему самому, из-за бесконечности отдельных и последовательных добавлений, окончательный результат которых всегда будет нулём; из этого бесплодного ряда аналитических операций можно выйти только посредством интегрирования (которое будет здесь многократным интегрированием и даже бесконечно многократным), и мы

настаиваем на этом, оно производится за один раз, через непосредственный и трансцендентальный синтез, которому логически не предшествует никакой анализ.

Эволюционисты, у которых нет никакого представления о вечности, а также обо всем том, что относится к метафизическому уровню, охотно называют этим словом неограниченную длительность, то есть продолжительность, тогда как вечность по сути своей является «недлительностью»; эта ошибка того же рода, что и состоящая в вере, что пространство безгранично, и к тому же одно почти не обходится без другого; причина этого всегда заключается в путанице допустимого и воображаемого. В действительности, пространство неопределено, но, как и всякая другая отдельная возможность, оно совершенно ничто по отношению к бесконечному; также длительность, даже постоянная, это ничто по отношению к вечности. Но самое странное это следующее; для тех, кто будучи эволюционистами того или иного толка, помещают любую реальность в становление, так называемую временную вечность, состоящую из последовательно сменяющих друг друга длительностей и, стало быть, делимую, она, кажется, делима на две половины: прошлое и другое будущее. Вот, на правах примера (можно было дать много других) любопытный отрывок, который мы взяли из астрономического труда г-на Фламмариона:

> Если бы миры умирали навсегда, если бы солнца, один раз потухшие, не вспыхивали бы снова, вероятно, не было мы больше звезд на небе. И почему? Потому что творение такое древнее, что мы не можем рассматривать его как вечное в прошлом. С эпохи своего образования бесчисленные солнца имели много времени, чтобы погаснуть. Относительно прошедшей вечности (*sic*) светят только молодые солнца. Первые погасли. Стало быть, идея последовательной смены сама появляется в нашем уме. Каковой бы не была сокровенная вера, которую каждый из нас обрел в отношении природы ной, невозможно допустить древнее представление о творении, совершенно один раз для всех.

> Разве сама идея Бога не синонимична идее Творца? Раз Бог существует, он творит; если бы он творил только один раз, не было бы больше ни солнц в безграничном пространстве, ни планет, черпающих вокруг них свет, тепло, электричество жизни. Крайне необходимо, чтобы творение было постоянным. И если бы Бог не существовал, древность, вечность ной заставляла бы признавать себя с ещё большей силой[238].

Почти излишне обращать внимание на количество чистых гипотез, которые собраны в этих нескольких строках и которые являются даже не очень связными: надо, чтобы были новые солнца, потому что первые погасли, но новые это только древние, зажигаемые снова; надо полагать, что возможности быстро исчерпываются; что же говорить об этой «древности», приблизительно равнозначной вечности? Было бы также совершенно логично рассуждать таким образом: если бы люди, один раз умершие, не перевоплощались бы, вероятно, их бы не было больше на земле, так как, после того как они были, у них было «много времени» умереть всем; вот аргумент, который мы с большой охотой предлагаем приверженцам реинкарнации, чью теорию он почти не укрепит. Слова «эволюция» нет в только что процитированном нами отрывке, но здесь налицо это представление, основанное исключительно на «идее преемственной смены», которая должна заменить «старинное учение о творении, совершенном один раз и навсегда», объявленное невозможным в силу простого «верования» (это слово здесь присутствует). Впрочем, для автора сам Бог подчинен преемственной смене или времени; творение — это временный акт: «раз Бог существует, он творит», стало быть, у него есть начало, и вероятно, он должен быть также расположен в пространстве, как предполагается, безграничном. Сказать, что «идея Бога синонимична идее Творца» это значит выразить более чем спорное утверждение: осмелится ли кто-либо

---

238 *Astronomie populaire*, стр. 380-381.

заявлять, что все народы, у которых нет идеи творения, то есть в итоге все те, чьи представления не берут начало от иудеев, в силу этого же не обладают никакой идеей, соответствующей идее божественности? Это явно нелепо; и заметно, что, когда здесь речь идёт о творении, этим словом обозначается только всегда телесный мир, то есть содержимое пространства, которое астрономы обладают возможностью исследовать при помощи своих телескопов; ная в самом деле очень маленькая для этих людей, утверждающих безграничное и вечность повсюду, где о них не может быть и речи! Если понадобилась вся «прошедшая вечность», чтобы суметь произвести телесный мир таким, как мы его видим сегодня, с существами наподобие человеческих индивидов, с целью представить наивысочайшее выражение «универсальной и вечной жизни», надо согласиться, что перед нами жалкий результат[239]; и конечно, не понадобится слишком всей «будущей вечности», чтобы достичь «совершенства», столь относительно, однако, о котором мечтают наши эволюционисты. Это напоминает нам причудливую теорию не помним какого современного философа (если наши воспоминания точны, это должен быть Гийо), представлявшего себе вторую «половину вечности» как должную пройти для исправления ошибок, накопленных в течение первой половины; вот «мыслители», считающие себя «просвещенными» и позволяющие себе подвергать насмешке религиозные представления!

Эволюционисты, скажем сразу, помещают всякую реальность в становление; именно поэтому их взгляды представляют собой полное отрицание метафизики, имеющей по сути своей областью то, что постоянно и неизменно, то есть то, утверждение чего несовместимо с эволюционизмом. Сама идея Бога в этих обстоятельствах должна быть подчи-

[239] М-ль Маргарита Вольф, о которой мы уже говорили, уверяла, что «Бог ошибался, творя мир, потому что это был первый раз и ему не хватало опыта»; и она добавляла, что «если бы он начал снова, он, конечно бы, сделал намного лучше!»

нена становлению, как и всё прочее, и перед нами более или менее явные идеи если не всех эволюционистов, то, по крайней мере, тех, кто хочет быть последователен. Это представление об эволюционирующем Боге (и который, начав в мире или, по меньшей мере, с миром, не может быть его первопричиной и представляет таким образом совершенно бесполезную гипотезу) вовсе не является исключительной собственностью нашей эпохи; она встречается не только у философов типа Ренана, но также у некоторых более или менее странных сект, чьё начало естественно, не выходит за рамки прошлого века. Вот, например, то, чему мормоны учат на тему их Бога:

> Его происхождение было вызвано слиянием двух частиц элементарной материи и благодаря прогрессивному развитию он достиг человеческой формы [...] Бог, само собой разумеется (*sic*), начал с того, что был человеком и, следуя пути непрерывного последовательного развития, стал тем, кем является, и он может развиваться вечно и бесконечно таким же образом. Человек также может возрастать в сознании и могуществе, столь далеко, сколь ему понравится. Стало быть, если человек наделён способностью к вечному развитию, несомненно, настанет время, когда он будет знать столько, сколько Бог знает сегодня[240].

Также:

> Самое слабое дитя Бога, которое существует ныне на земле, будет обладать в своё время большей властью, могуществом и славой и большим количеством подданных, чем ныне владеют Иисус Христос или его Отец, в то время как их мощь и величие возрастет в такой же пропорции[241].

Эти нелепости не более значительны, чем обнаруживаемые в спиритизме, от которого мы слишком удалились лишь в виду, потому что полезно указать на некоторые сход-

---

[240] *L'Étoile Millénaire*, орган президента Брайема Янга, 1852.

[241] Извлечение из проповеди Джозефа Смита, основателя мормонизма.

ные моменты: «вечное развитие» человека, о котором только что шла речь, совершенно тождественно представлениям спиритов на эту же тему; а что касается эволюции божества, если все до этого ещё не дошли, то это, однако, логическое завершение их теорий, и среди них есть действительно некоторые, которые не остановятся перед подобными выводами и провозгласят их даже столь же явным, столь и сумасбродным образом. Именно так г-н Жан Безья глава «фратернистской» секты, написал несколько лет назад статью, предназначенную доказать, что «Бог представляет собой постоянную эволюцию», дав ей такой заголовок: «Бог не является неизменным; Сатана, вот Бог-Вчера; достаточное представление об этой статье можно составить благодаря нескольким извлечениям:

> Бог не кажется нам всемогущим в рассматриваемый момент, потому что идёт борьба между добром и злом, и добро не является совершенным […] Точно также как холод является меньшей степенью тепла, зло это также лишь меньшая степень добра, и дьявол или зло это меньшая степень Бога. Невозможно опровергнуть эту аргументацию. Значит, есть просто-напросто только тепловые вибрации, как и вибрации более или менее положительные или божественные. Бог это эволютивное намерение в непрерывном подъеме. Разве не выходит, что Бог вчера был менее продвинувшимся, чем Бог-Сегодня, а Бог-Сегодня, а Бог-Сегодня менее продвинувшимся чем Бог-Завтра? Стало быть, те, кто вышел из собственного лона вчера, мене божественны, чем те, кто вышел из лона нынешнего Бога, и так далее. Вышедшие от Бога-Вчера, естественно, менее добры, чем вышедшие от Бога-Сейчас, и именно по заблуждению, просто-напросто, Сатаной называют того, кто также является Богом, но только Богом-Прошедшим, а не богом-Нынешним[242].

Подобные выдумки, конечно, не заслуживают, чтобы остановиться на их подобном опровержении; но надо под-

черкнуть их специфически «морализаторскую» отправную точку, потому что речь здесь идёт только о добре и зле, и также заметить, что г-н Безья приводит доводы против представления о Сатане как буквально противоположном Богу, что есть ничто иное, чем «дуализм», который обычно приписывают и, возможно неверно, манихеям; в любом случае, совершенно безосновательно он приписывает это представление другим, кому она полностью чужда. Это прямо подводит нас к теме сатанизма, теме сколь деликатной, столь и сложной, и принадлежащей к числу тех, которые мы не намереваемся целиком рассматривать здесь, но по крайней мере на некоторые аспекты которой мы не можем себе позволить не указать, хотя для нас это весьма малоприятная задача.

[242] *Le Fraterniste*, 27 марта 1914.

Глава X. Вопрос о сатанизме

Принято, что нельзя говорить о дьяволе, не вызывая со стороны всех тех, кто претендует на то, чтобы быть более или менее «современным», то есть огромного большинства наших современников, презрительных улыбок или ещё большего пренебрежительного пожимания плечами; есть люди, которые, обладая определёнными религиозными убеждениями, не последние в том, чтобы занять подобную позицию, возможно, из-за простого страха прослыть «отсталыми», возможно, также вполне искренне. Они-то обязаны признавать в принципе существование демона, но сильно теряются перед необходимостью констатировать его реальную деятельность; это слишком бы нарушило ограниченный круг предрассудков, в котором они привыкли вращаться. Налицо пример того «практического позитивизма», на который мы уже намекали прежде: религиозные представления это одно, а «повседневная жизнь» это другое, и между ними стараются установить столь непроницаемую перегородку, сколь это возможно; иными словами, будут вести себя на деле как обычный неверующий, по крайней мере, с его логикой; но есть ли способ действовать иначе в обществе столь «просвещенном» и столь «терпимом», как наше, без того чтобы тебя не назвали по крайней мере «одержимым»? Без сомнения, некоторая осторожность часто необходима, но осторожность не означает безрассудного отрицания *a priori*; однако, следует сказать в оправдание некоторых католических кругов, что память о нескольких слишком известных мистификациях, как, например, Лео Таксиля, не чужда этому отрицанию: бросились из одной крайности в другую; если это ещё и уловка дьявола, чтобы побудить к отрицанию своего существования, то надо согласиться, что

он в этом неплохо преуспел. Если мы не приступаем к этой теме сатанизма без какого-либо отвращения, то это вовсе не по причинам из рода тех, на которые мы только что указали, так как комичное этого типа, если таковое имеется, нас касается очень мало, и мы занимаем достаточно ясную позицию против современного духа во всех его формах, чтобы не пришлось прибегать к определённым мерам предосторожности; но почти невозможно рассматривать эту тему, не будучи вынужденным ворошить вещи, которые лучше бы оставить в тени; однако необходимо смирится с тем, чтобы делать это в определённой мере, так как полное молчание на этот счёт вызвало бы опасность быть очень плохо понятым.

Мы не думаем, чтобы сознательные сатанисты, то есть настоящие почитатели дьявола, были бы когда-либо очень многочисленны; упоминают секту йезиди, но здесь исключительный случай, и ещё не обязательно, что он правильно истолковывается; во всяком другом месте встретились бы только одиночки, которые представляют собой колдунов низшего пошиба, так как не следовало бы полагать, что даже все колдуны или и более или менее явные «чёрные маги» также отвечают этому определению, и среди них может быть много тех, кто совершенно не верит в существование дьявола. С другой стороны, есть также вопрос о люциферианцах: они были, конечно, и помимо фантастических рассказов Лео Таксиля и его сотрудника д-ра Акса, и, возможно, есть ещё в Америке и других местах; если они составляли организации, это могло бы показаться противоречащим тому, что мы только что сказали; но ничего подобного, так как, если люди призывают Люцифера и совершают ему поклонение, то дело в том, что они нисколько не считают его дьяволом, и что в самом деле в их глазах он является «свето-

носцем»[243], и мы даже слышали, что они доходят до того, что называют его «великим творческим разумом». Это вполне настоящие сатанисты, без сомнения, но, сколь бы странным это не могло показаться тем, кто не углубляется в суть вещей, это только бессознательные сатанисты, потому что они ошибаются в отношении сущности, которой они адресуют своё поклонение, и для того, чем является в различных степенях бессознательный сатанизм, это далеко не редкость. По поводу люциферианцев мы хотим указать на странное заблуждение: нам приходилось слышать утверждения, что первые американские спириты признавали, что состоят в связи с дьяволом, которого они называли Люцифер; в действительности, люциферианцы никоим образом не могут быть спиритами, потому что спиритизм заключается главным образом в вере в общение с «развоплощёнными» людьми, и даже случалось, что люциферианцы используют методы, аналогичные методами спиритизма, из-за чего они не делаются больше спиритами; вещь вполне возможная, хотя задействование собственно приёмов магии вообще более вероятно. Если спириты, со своей стороны, получают «послание», подписанное «Люцифер» или «Сатана», они не колеблются ни миг, чтобы отнести его на счёт какого-нибудь «духа-шутника», потому что они открыто заявляют, что не верят в демона, и даже отрицают его существование с настоящей яростью; говоря им о дьяволе, рискуешь вызвать у них не только презрение, но скорее раздражение, что, впрочем, достаточно плохой знак. Что у люциферианцев есть общего со спиритами, так это их достаточная интеллектуальная ограниченность и подобным образом закрытость для любой истины метафизического порядка; но они ограничены другим образом, и существует несовместимость между двумя

[243] Г-жа Блаватская, давшая это название «Люцифер» основанному ей в Англии к концу жизни журналу, использовала его также в этом этимологическом значении «светоносца» или, как она говорила «носителя факела истины»; но она видела только чистый символ, в то время как для люциферианцев это реальное существо.

теориями; это не означает, естественно, что в обоих случаях не могут находиться в игре одинаковые силы, но представления об этих силах, которые составляют те и другие, совершенно различны.

Бесполезно воспроизводить бесчисленные заявления спиритов, также как оккультистов и теософистов, относительно отрицания существования дьявола; из них легко можно было бы составить целый том, который, впрочем, был бы очень мало разнообразен и не представлял большего интереса. Аллан Кардек, как мы уже видели, учит, что «плохие духи» будут постепенно становиться лучше; для него ангелы и демоны равным образом человеческие существа, но находящиеся на противоположных концах «лестницы духов»; и он добавляет, что Сатана — это только «персонификация зла в аллегорической форме»[244]. Оккультисты, со своей стороны, обращаются к символизму, который они почти не понимают и который приспосабливают к своей фантазии; кроме того, они, как правило, отождествляют демонов скорее с «элементалами», нежели чем с «развоплощёнными»; по крайней мере, они допускают бытие существ, не принадлежащих к человеческому виду, и это уже нечто. Но вот мнение, выбивающееся немного из общего ряда, не по сути, но по видимости учёности, в которую оно облачено: это мнение г-на Шарля Ланселена, о котором мы уже вели речь; он вкратце излагает в следующих словах «результат своих исследований» по вопросу о существовании дьявола, которому он к тому же посвятил две специальные работы[245]:

> Дьявол — это только призрак и символ зла. Он не был известен первоначальному иудаизму; к тому же, тиранический и кровожадный еврейский Иегова не нуждался в таком противнике. Легенда о падении ангелов содержится в Книге Еноха, давно признанной апокрифом и написанной го-

---

[244] *Le livre des Esprits*, стр. 54-56. О Сатане и аде ср. Леон Дени, *Christianisme et Spiritisme*, стр. 103-108; *Dans l'invisible*, стр. 395-405.

[245] *Histoire mythique de Shatan* и *Le ternaire magique de Shatan*.

раздо позднее. Во время вавилонского плена на иудаизм наложили отпечаток представления о злых божествах, существующие в восточных религиях, но эта идея остается популярной, не проникая в догмы. И Люцифер здесь ещё и утренняя звезда, и Сатана — это ангел, сын Божий. Позже, если Христос говорит о Зле и демоне, это чистое приспособление к популярным представлениям своего времени; но для него дьявол не существует [...] В христианстве мстительный Иегова евреев становится Отцом доброты; с тех пор другие божества рядом с ним оказываются божествами зла. В процессе своего развития христианство вступило в соприкосновение с эллинизмом и заимствовало у него представление о Плутоне и о фуриях и, прежде всего, о Тартаре, которые оно приспособило к своим собственным идеям, неясным образом включая сюда все злые божества греко-римского язычества и других религий, с которыми оно сталкивалось. Но только в средние века по-настоящему рождается дьявол. В этот период беспрерывных потрясений, когда не было ни закона, ни ограничений, духовенство было вынуждено, чтобы обуздать власть имущих, превратить дьявола в жандарма общества; оно снова взяло идею Зла и божеств зла, объединило всё это в личности Дьявола и превратило его в пугало для монархов и народов. Но эта идея, чьим представителем он являлся, дала ему бесспорную власть; поэтому духовенство быстро попалось в свою собственную ловушку, и с тех пор дьявол существовал; в ходе современной эпохи он прошел этап становления личности и в XVII в. он властвовал как хозяин. Вольтер и энциклопедисты начали противоположное действие; представление о демоне пришло в упадок, и ныне многие просвещенные священники рассматривают её как простой символ...[246]

Само собой разумеется, эти «просвещенные» священники просто-напросто модернисты, и воодушевляющий их дух странным образом подобен тому, который сквозит в этих строках; эта более чем чудаческая манера написания исто-

[246] *Le Monde Psychique*, февраль 1912.

рии является достаточно любопытной, но она вполне стоит, в общем, той, что присуща официальным представителям мнимого «научного религиоведения»: она явно вдохновляется теми же самыми «критическими» методами, и результаты ощутимо не отличаются; надо быть очень наивным, чтобы принимать всерьёз этих людей, передающих текстами всё то, что они хотят, и всегда находящих средство истолковывать их согласно своим собственным предрассудкам.

Но вернёмся к тому, что мы называем бессознательным сатанизмом, и чтобы избежать любой ошибки, скажем сразу, что сатанизм этого рода может быть сугубо умственным и теоретическим, не подразумевая какой-либо попытки вступить в отношения с какими бы то ни было сущностями, чьё бытие во многих случаях даже не рассматривается. Именно в этом смысле можно, например, считать в определённой мере сатанинской всякую теорию, которая значительно искажает идею божества; и здесь следовало бы отнести на первое место представления об эволюционирующем Боге и представления об ограниченном Боге; впрочем, одни являются только особым случаем других, так как, чтобы предположить, что существо может эволюционировать, следует, очевидно, представлять его ограниченным; мы говорим существо, так как Бог в этих условиях не является универсальным Сущим, но существом отдельным и индивидуальным, и это почти не обходится без некоторого «плюрализма», где Сущее в метафизическом смысле не может иметь место. Всякий «имманентизм» более или менее открыто подчиняет божество становлению; это может быть неявным в самых старинных формах, как, например, в пантеизме Спинозы, и быть может, даже это следствие противоположного его намерениям (не бывает философской системы, которая бы не содержала, по крайней мере, в зародыше, какого-либо внутреннего противоречия); но, в любом случае, это очень заметно начиная с Гегеля, то есть, в итоге с тех пор как появился эволюционизм, и в наши дни концепции современных философов особенно показательны в этом отно-

шении. Что касается идеи ограниченного Бога, в нынешнюю эпоху у неё также есть много приверженцев, будь ли то в сектах наподобие тех, о которых мы говорили в конце предыдущей главы (мормоны доходят до утверждений, что Бог это телесное существо, в качестве местопребывания которому они назначают определённое место, выдуманную планету под названием Колоб), будь ли то в определённых течениях философской мысли, от «персонализма» Ренувье до представлений Уильяма Джеймса, которые старается популяризовать романист Уэллс[247]. Ренувье отрицал метафизическую бесконечность, потому что он путал её с математической псевдобесконечностью; для Джеймса это совершенно иная вещь, и его теория своей отправной точкой имеет сугубо англосаксонское «морализаторство»; более выгодно с сентиментальной точки зрения представлять себе Бога на манер индивида, обладающего качествами (в нравственном смысле), сравнимыми с нашими; стало быть, именно эти антропоморфические представления следует считать верными, следуя «программистскому» подходу, состоящему по сути в том, чтобы полезностью (моральной и материальной) заменить истину; к тому же Джеймс, в соответствии с присущими протестантскому духу склонностями, смешивает религию с простой религиозностью, то есть он не видит здесь ничего иного, кроме как сентиментального элемента. Но в случае Джеймса есть ещё нечто другое более серьёзное, и именно это побудило нас прежде всего произнести по его поводу эти слова «бессознательный сатанизм», которые, кажется, вызвали столь живое возмущение у некоторых из почитателей Джеймса, особенно в протестантских кругах, чья ментальность совершенно склонна к усвоению подобных

[247] *Dieu, l'Invisible Roi.*

представлений[248]: это его теория «религиозного опыта», позволившая ему увидеть в «подсознании» средство для человека вступить в действительное общение с божественным; отсюда потребуется только один шаг, чтобы одобрить практики спиритизма, придать им в высшей степени религиозный характер и рассматривать медиумов как самые лучшие инструменты для этого общения. Среди достаточно разнообразных элементов «подсознание» содержит бесспорно всё то, что в человеческой индивидуальности составляет следы или останки низших состояний существования, и это побуждает в высшей степени несомненно человека вступать в контакт со всем тем, что в нашем мире представляют эти самые низшие состояния. Таким образом, утверждать, что это есть общение с Богом, означает в действительности помещать Бога в низшие состояния существования, *in inferis* в буквальном смысле этого выражения[249]; здесь же в сущности «инфернальная» доктрина, опрокидывание универсального порядка, и как раз это мы называем «сатанизмом»; но, поскольку ясно, что это совершенно не намеренно и что те, кто выражает или принимает такие теории, вовсе не отдают себе отчет в их вздорности, это является только бессознательным сатанизмом.

Впрочем, сатанизм, даже сознательный, всегда характеризуется опрокидыванием естественного порядка; он делает прямо противоположное ортодоксальным доктринам, он умышленно переворачивает определённые символы и выражения; колдовские практики во многих случаях представляют собой только религиозные практики, совершаемые в обратном порядке. Есть немало весьма любопытного что

---

[248] С той же стороны нас упрекали в том, что посчитали возможным назвать «антипротестантскими предубеждениями»; наша позиция в этом отношении полностью противоположна предубеждениям, поскольку мы дошли до этого совершенно осмысленным образом, в качестве заключения неоднократных размышлений, на которые мы уже указывали в различных отрывках нашей работы: «Общее введение в изучение индусских учений».

[249] Противоположность это *in excelsis*, в высших состояниях существа, представленных небесами, также как земля представляет человеческое существо.

рассказать об опрокидывании символов; но сейчас мы не можем рассмотреть этот вопрос, но хотим указать, что налицо признак, который редко обманывает; только в соответствии с тем, является ли опрокидывание намеренным или нет, сатанизм может быть сознательным или бессознательным[250]. Так, в секте «кармельенов», основанной когда-то Винтра, использование перевёрнутого креста является признаком, который сразу же кажется в высшей степени подозрительным; правда, этот признак интерпретировали как указующий на то, что царство «страдающего Христа» отныне уступит место царству «славного Христа»; поэтому весьма вероятно, что сам Винтра был только совершенно бессознательным сатанистом, вопреки всем совершавшимся вокруг него и явно связанным с «дьявольской мистикой» феноменам; но, возможно, этого нельзя было бы сказать о стольких определённых его учениках и более или менее законных последователях; впрочем, этот вопрос потребовал бы специального исследования, которое бы весьма поспособствовало объяснению множества «сверхъестественных» явлений, зафиксированных на протяжении всего XIX в. Как бы то ни было, существует, конечно, более чем нюанс между «псевдорелигией» и «контррелигией»[251], и необходимо позаботится о том, чтобы воздерживаться от неоправданных отождествлений; но и в одном, и в другом случае имеется много степеней, прохождение через которые осуществляется почти неощутимо и незаметно: в этом одна из особых опасностей, присущих всякому посягательству, даже неволь-

[250] Некоторые хотели увидеть обратные символы в образе «виноградной лозы, нарисованной духами», которую Алан Кардек поместил по их приказу в начало «Книги духов»; расположение деталей на деле является достаточно странным, чтобы дать повод для такого предположения, но у этого нет достаточной ясности, чтобы мы на это указали, и мы делаем указание только в качестве документа.

[251] В колдовстве осознанная «контррелигия» накладывается на магию, которую, однако, следует отличать от контрелигии, которая даже когда она принадлежит к самому низкому уровню, не обладает сама по себе этим характером; нет никакой прямой связи между сферой магии и сферой религии.

ному, на собственно религиозную сферу; когда вступают на путь наподобие этого, почти невозможно знать точно, где остановиться, и очень трудно взять себя в руки, перед тем как будет слишком поздно.

Наше объяснение, касающееся сатанинского характера некоторых концепций, которые обычно совершенно не считаются таковыми, требует ещё дополнения, что мы полагаем необходимым, потому что слишком много людей не умеют проводить разницу между сферами, которые, однако, являются по сути глубоко отдельными. Естественно, в том, что мы говорили, содержится намёк на метафизическую теорию множественных состояний существования, и что оправдывает использованный нами язык, так это следующее: всё то, что с теологической точки зрения говорится об ангелах и демонах, с точки зрения метафизики может быть также сказано о высших и низших состояниях существования. Это по крайней мере очень примечательно, и здесь содержится «ключ», как сказали бы оккультисты; но тайны, которые открывает этот ключ, нисколько для них не предназначены. Налицо пример того, о чём мы говорили в другом месте[252], что всякая теологическая истина может быть переведена в термины метафизики, но без того чтобы обратное было верным, так как есть истины метафизики, которые не могут быть переведены на язык теологии. С другой стороны, здесь всегда налицо лишь соответствие, а не тождественность и даже не равнозначность; разница в языке отмечает действительное различие точек зрения, и так как вещи не рассматриваются в одном и том же аспекте, они не принадлежат более к одной и той же сфере; всеобщий характер, присущий единственно метафизике, никоим образом не встречается в теологии. Что должна собственно рассматривать метафизика, так это возможности существования, всего существования во всех состояниях, конечно, в высших и низших состояниях; также как в нынешнем состоянии, здесь

[252] «Общее введение в изучение индусских учений», стр. 112-115.

могут иметься нечеловеческие существа или, точнее, существа, в возможности которых не входит специфически человеческая индивидуальность; но это, что покажется представляющим особый интерес для теолога, не имеет такой же важности для метафизика, которому достаточно признать, что дело должно обстоять таким образом, так как это действительно возможно, и потому что никакое произвольное ограничение не сравнимо с метафизикой. Впрочем, если есть явление, первопричина которого заключена в определённом состоянии, неважно что это явление должно быть отнесено к одному существу скорее, чем к другому, среди тех, кто пребывает в этом состоянии. И даже, по правде говоря, может сделаться, что здесь не будет повода отнести его особо к какому-либо определённому существу; это единственное состояние, которое надлежит рассматривать, насколько мы воспринимаем в том или ином состоянии, в котором пребываем, нечто являющееся наподобие его отражения или следа, в соответствии с тем, идёт ли речь о высшем или низшем по отношению к нашему состоянию. Следует остановиться на этом моменте, что такое проявление, какую бы природу оно не имело, всегда лишь косвенно выражает то, что принадлежит к другому состоянию; именно поэтому мы говорим, что она имеет в этом свою первопричину, нежели чем непосредственную причину. Эти замечания позволяют понять то, что мы говорили по поводу «блуждающих влияний», некоторые из числа которых могут действительно считаться «сатанинскими» или «демоническими», рассматривать ли их к тому же как просто силы или как средство действия определённых существ в собственном значении этого слова[253]: и то, и другое может быть верным в зависимости от случая, и нам следует оставлять поле открытым для всех возможностей; впрочем, это ничего не меняет

[253] По утверждению различных оккультистов, то, что нам кажется силами, в действительности является индивидуальными существами, более или менее сравнимыми с людьми; эти антропоморфические представления во многих случаях представляют собой полную противоположность истины.

в природе, присущей влиянием, о которых идёт речь. Благодаря этому следует видеть, до какой степени мы собираемся оставаться вне всякой дискуссии теологического порядка; мы добровольно воздерживаемся от того, чтобы вставать на эту точку зрения, что не означает, что мы совершенно отказываем ей в легитимности, и хотя мы используем некоторые термины, заимствованные из языка теологии, но в общем и целом лишь берём средства выражения (основываясь на реальных соответствиях) которые способны дать возможность наиболее легко нас понять, что вполне наше право. Хотя это сказано, чтобы выяснить положение дел и предупредить, насколько это возможно, путаницу, происходящую от невежественных или злонамеренных людей, это тем не менее верно, что теологи смогут, если они посчитают уместным, извлечь выгоду, с их точки зрения, из размышлений, которые мы здесь излагаем; для других, если есть такие, которые опасаются слов, им надо будет лишь называть иначе то, что мы будем продолжать, что касается нас, именовать дьяволом или демоном, потому что мы не видим здесь никакого серьёзного неудобства и также потому что мы будем, вероятно, лучше поняты таким образом, чем если бы мы ввели более или менее необычную терминологию, которая была бы только совершенно бесполезным усложнением.

Дьявол не только ужасен, он зачастую смешон; пусть каждый воспримет это, как поймет, в соответствии с представлениями, которые он составил о нём; но пусть те, кого такое утверждение могло бы удивить или даже возмутить, согласятся обратиться к нелепым подробностям, которые неизбежно обнаруживаются во всяком случае колдовства, а затем сопоставить их со всеми этими несуразными явлениями, которые спириты имеют несознательность приписать «развоплощённым». Вот пример из тысяч:

> Читаем молитву духам, и все кладут руки на стол, и затем наступает тьма […] Стол немного качается — так заявляет о своем присутствии Матурэн. […] Внезапно яростный скрежет, как если бы стальной коготь царапал бы стол под

нашими руками, заставляет нас всех вздрагивать. И так, феномены начались. Яростные удары посыпались на пол возле окна, место, недоступное для нас, а затем материализованный палец сильно царапает мое предплечье; ледяная рука дотрагивается то до одной, то до другой моей руки. Эта рука становится теплой; она похлопывает мою правую руку и пытается снять с меня мое кольцо, но ей это не удается [...] Она похищает мою манжету и бросает её на колени человека, сидящего передо мной; я нашёл её только в конце сеанса. Невидимая рука большим и указательным пальцами зажимает моё запястье; мой пиджак тянут за низ; неоднократно пальцы стучат по моему правому бедру. Палец влезает на мою правую руку, покоящуюся целиком на столе и находит средство, не знаю, как, царапать мне ладонь [...] При каждом из этих свершений, Матурэн, который, кажется, очарован сам собой, совершает на столе, прямо напротив наших рук, серию движений. Неоднократно он требует петь; он показывает даже постукиванием, какие произведения он предпочитает; их поют. До сеанса на обеденный стол возле окна поставили стакан с сахаром, графин с водой, стакан, графинчик с ромом и положили ложечку. Мы прекрасно слышим, как сущность приближается к ним, наливает воду, а затем ром в стакан и открывает сахарницу. Перед тем как положить сахар в готовящийся грог, сущность берёт два кусочка, производя любопытные искры, и растирает их посреди нас. Затем она поворачивается к грогу, бросив на стол обтертые куски и черпает в сахарнице, чтобы положить сахар в стакан. Мы слышим, как вертится ложка, и удары возвещают о том, что мне предлагают пить. Чтобы увеличить трудность, я отвожу голову, так чтобы Матурэн, если он ищет мой рот, нашёл бы только ухо. Но я недооценил моего гостя: стакан ищет мой рот без колебаний, и грог отправлен мне скорее резким, но безупречным образом, так что не теряется ни единой капли [...] Таковы явления, которые, скоро уже пятнадцать лет,

воспроизводятся каждую субботу с некоторыми вариациями [...][254].

Трудно было бы представить себе нечто более ребяческое; чтобы полагать, что мёртвые возвращаются с целью заниматься этими шутками дурного вкуса, нужна, конечно, более чем наивность; и что подумать об этой «молитве духам», открывающей такой сеанс? Этот нелепый характер, очевидно, является признаком чего-то весьма низкого порядка; даже когда источник этого заключается в человеческом существе (и мы понимаем, что в этом случае сущности образованы искусственно и более или менее устойчивы), это берёт начало, конечно, из самых низких областей «подсознания»; и на весь спиритизм, объединяя сюда практики и теории, в более или менее резкой форме наложил отпечаток этот характер. Мы не делаем исключения для того, что есть более «высокого», говоря языком спиритов, в «сообщениях», которые они получают: те, которые обладают претензиями на выражение идей, являются нелепыми или неразборчивыми или банальными, что только совершенно необразованные люди не могут увидеть; что касается остального, это самая смешная сентиментальность. Конечно, нет необходимости примешивать сюда специально дьявола, чтобы объяснить подобные представления, которые совершенно по силам человеческому «подсознанию»; если бы он согласился вмешаться, ему бы, конечно, не составило никакого труда сделать намного лучше, чем это. Говорят даже, что дьявол, когда он хочет, бывает очень хорошим теологом; правда, однако, он не может удержаться от того, чтобы всегда проморгать какую-либо глупость, которая словно подпись; но мы добавим, что есть только одна область, которая строго запре-

[254] *Le Fraterniste*, 26 декабря 1913 (статья г-на Эжена Филиппа, адвоката Апелляционного суда Парижа, вице-президента Французского общества исследований психических феноменов). Рассказ о примерно похожем сеансе, с теми же медиумами (г-жой и мадемуазель Валле) и той же «сущностью» (которая здесь даже именуется «духовным проводником»), изложен в *L 'Initiation*, октябрь 1911.

щена для него, и это чистая метафизика; здесь не место, чтобы указать на причины этого, хотя те, кто поймут предыдущие объяснения, могут частью догадаться без особого труда. Но вернёмся к бредням «подсознания»: достаточно, чтобы оно содержало в себе «демонические» элементы в значении, о котором мы говорили, и чтобы оно было способно поставить человека в невольные отношения с влияниями, которые, даже если сами по себе являются простыми бессознательными силами, тем не менее также выступают «демоническими»; этого достаточно, скажем мы, чтобы этот же характер нашёл своё выражение в некоторых из «сообщений», о которых идёт речь. Эти «сообщения» не обязательно принадлежат к числу тех, которые, как это часто бывает, отличаются грубостью своего языка; возможно, что к таковым относятся и те, перед которыми спириты падают в восхищении. В этом отношении существуют признаки, которые, на первый взгляд, достаточно трудно выделить: это может быть простая подпись, так сказать, составленная по самому тону целого, или каким-либо особым выражением и определённой фразеологией; существуют эти слова и эти выражения, которые обнаруживаются понемногу повсюду, выходя за рамки среды одной либо другой отдельной группы, и кажется, навязываются какой-то волей, производящей более общее действие. Мы просто констатируем, не желая делать на основе этого категоричный вывод; мы предпочитаем оставить рассуждения на эту тему, вместе с заблуждением, что это подтверждает их тезис, приверженцам «третьей мистики», этой «человеческой мистики», которую придумал плохо обращенный протестант, каким был Геррес (мы имеем в виду, что его образ мышления остался протестантским и «рационалистским» в некоторых отношениях); что касается нас, если бы нам следовало поставить вопрос в сфере теологии, он совершенно бы не ставился этим образом, так как речь идёт об элементах, являющихся собственно «недочеловеческими», а значит, представляющими другие состояния,

даже если они включены в человеческое существо; но повторим ещё раз, здесь это совсем не наше дело.

Вещи, на которые мы только что указали, встречаются прежде всего в «сообщениях» на темы морали, то, что, впрочем, является самым частым случаем; многие люди не упустят возможности повозмущаться, что сюда примешивают дьявола, сколь бы косвенным это не было, и думают, что модно было проповедовать нравственность; это даже аргумент, на который спириты часто ссылаются против тех из своих противников, которые поддерживают «демоническую» теорию. Вот, например, в каких словах выразился на эту тему один спирит, бывший одновременно протестантским пастором, чьи высказывания по причине его двоякой роли заслуживают некоторого внимания:

> В церквях говорят, что эти духи, которые являются, суть демоны, и опасно вступать в контакт с дьяволом». Дьявол, я не имею чести его знать (*sic*); но всё-таки предположим, что он существует: что мне известно о нём, так это то, что у него твердо устоявшаяся репутация, репутация существа очень умного, очень злого, и одновременно он не является по сути добрым и милосердным персонажем. Между тем, если сообщения приходят к нам от дьявола, то каким образом может статься, что очень часто они обладают столь возвышенной, столь прекрасной, столь тонкой природой, что они могли бы наилучшим образом звучать в соборах и в проповедях самых красноречивых религиозных ораторов? Как происходит, что этот дьявол, который столь зловреден и столь умён, старается в стольких обстоятельствах предоставлять тем, кто общается с ним, самые утешительные и нравоучительные указания? Стало быть, я не могу верить, что нахожусь в общении с дьяволом[255].

Этот аргумент не производит на нас никакого впечатления, сначала потому что, если дьявол может быть теологом, когда ему это выгодно, он может также и *a fortiori* быть мо-

[255] Речь пастора Альфреда Бенежера на Спиритическом конгрессе в Женеве в 1913 г.

ралистом, что вовсе не требует столько ума; можно было бы даже допустить, с некоторой видимостью основания, что это маскировка, которую он принимает, чтобы лучше обманывать людей и побуждать их принимать ложные учения. Затем, эти «утешительные» и «нравоучительные» вещи как раз на наш взгляд принадлежат к самому низшему уровню, и надо быть ослепленным определёнными предрассудками, чтобы находить их «возвышенными» и «тонкими»; ставить мораль превыше всего, как это делают протестанты и спириты, означает ещё переворачивать естественный порядок вещей; а значит, это даже является дьявольским, из чего не следует, что все те, кто думает таким образом, из-за этого действительно состоят в общении с дьяволом.

По этому поводу следует сделать ещё одно замечание: дело в том, что круги, где испытывают потребность проповедовать мораль при любых обстоятельствах, часто на практике оказываются самыми безнравственными; пусть объясняют это как пожелают, но это факт; для нас объяснение совершенно не представляет сложности, поскольку всё то, что прикасается к этой области, неизбежно вводит в игру то, что есть самого низкого в человеческой природе; и это причина, почему моральные понятия добра и зла неотделимы одно от другого и могут существовать только благодаря их противопоставлению. Но пусть почитатели морали, если предвзятое мнение необратимым образом не закрыло им глаза, согласятся увидеть в спиритических кругах много вещей, которые могли бы возбудить это негодование, столь легко являемое ими; если верить людям, часто посещавшим эти круги, там находятся весьма нечистоплотные отбросы. Отвечая на нападки, появившиеся в различных спиритических органах[256], Ф. К. Габорио, в ту пору бывший редактором «Лотоса» (и чуть позже оставивший Теософское общество), писал следующее:

> Труды по спиритизму проповедуют и неизбежно вызывают пассивность, то есть ослепление, нравственную и физи-

> ческую деградацию несчастных существ, чьи нервную и физическую системы мнут и дробят на сеансах, где получают воплощение все дурные и нелепые страсти [...] Мы могли бы из мести, если бы месть была позволена в теософии, опубликовать серию статей о спиритизме, излагая в «Лотосе» все нелепые или безобразные истории, которые нам известны (не забывайте, что мы, феноменалисты, почти все вышли из одной шинели), показать нутро всех известных медиумов (что только лишает их святости и достоверности), безжалостно проанализировать публикации Береля[257], пересказать, с объяснением, всё то, что содержится в книге Юше *La Spirite*, вернуться к истории закулисной стороны спиритизма, перепечатать спиритические объявления домов терпимости из журналов американских спиритов, поведать в подробностях ужасы любого рода, которые происходили и происходят ещё на непонятных сеансах, сопровождаемых материализациями, в Америке, Англии, Индии и во Франции, одним словом, провести, возможно, полезное дело дезинфекции. Но мы предпочитаем молчать и не вносить смятение в и так уже достаточно потрясенные умы[258]

Вот, несмотря на эту оговорку, весьма ясное свидетельство, в котором нельзя сомневаться: это свидетельство «неоспиритуалиста», который, пройдя через спиритизм, был хорошо информирован. Мы располагаем и другими свидетельствами этого рода, и более недавними, как например, свидетельство г-на Жоливье-Кастелло, оккультиста, занимавшегося преимущественно алхимией, но также и психизмом и к тому же давно порвавшего со школой Папюса, к ко-

---

[256] А именно в: *Revue Spirite*. 1887, 17 сентября.

[257] Речь идёт о медиуме по имени Жюль-Эдуард Берель, который скромно назвал себя «секретарем Бога» и который недавно выпустил огромный том, наполненный сумасбродствами худшего рода. Другой аналогичный случай патологии, хотя и вне рамок спиритизма в собственном значении этого, слова, это случай некоего г-на Поля Овара, написавшего «под диктовку Бога» книгу под заглавием «Священный диктант», в которой есть все, за исключением разумных вещей.

[258] *Le Lotus*, 1887, октябрь.

торой он вначале принадлежал. Именно во время, когда в прессе поднялся определенный шум вокруг бесспорных фактов мошенничества, обнаруженных в опытах по материализации, которые г-жа Жульет Александр-Биссо, вдова известного водевилиста, и д-р фон Шренк-Ноцинг проводили с медиумом, обозначаемым лишь таинственным наименованием Ева К..., г-н Жоливье-Кастело вызвал на себя ярость спиритов, сообщив в письме, которое было опубликовано в «Матэн», что данная Ева К... или Карьер, звавшая также Роза Дюпон, в конце концов никто иная, как Марта Беро, прежде уже вводившая в заблуждение д-ра Рише, на вилле Кармен в Алжире (и именно с этой же самой личностью другие официальные ученые ныне хотят ставить эксперименты в лаборатории Сорбонны)[259]. Г-н Шеврёй, в особенности, покрыл оскорблениями г-на Жоливе-Кастело[260], который, выведенный из себя, в достаточной жестокой форме разоблачил постыдные нравы некоторых спиритических кругов, «садизм, который примешивается к обману, легковерию, непостижимой глупости, у многих медиумов [...] и экспериментаторов»; он даже использовал слишком неприличные слова, чтобы мы их здесь воспроизвели, и мы приведём только эти строки:

> Несомненно, что источник часто является нечистым. Эти обнаженные медиумы, эти исследования маленьких «тайников», эти настырные ласки материализованных фантомов выражают скорее эротизм, нежели чудо спиритизма и психизма! Я придерживаюсь идеи, что если бы духи возвращались, то они делали бы это другим образом![261].

В ответ на это г-н Шеврёй написал:

---

[259] Данные опыты, завершившиеся после того, как это было написано, дали целиком отрицательный результат; надо полагать, что на этот раз были приняты более действенные меры предосторожности.

[260] *Le Fraterniste*, 9 января, l и 6 февраля 1914.

[261] *Les Nouveaux Horizons de la Science et de la Pensée*, февраль 1914, стр. 87.

> Я не хочу более произносить имени автора, который ослепленный Ненавистью (*sic*), утонул в грязи; его имени больше не существует для нас[262].

Но это негодование, скорее комичное, не могло заменить опровержение; обвинения остаются непоколебимыми, и у нас есть все основания полагать, что они обоснованы. В это время у спиритов обсуждался вопрос, следовало ли допускать на сеансы детей: кажется, что во «Фратернизме» они исключаются из собраний, где ставят опыты, но зато учредили «двор доброты» (*sic*) для них[263]; с другой стороны, на лекции, прочитанной перед «Французским обществом исследований психических феноменов», г-н Поль Бодье ясно заявил, что «возможно, не было бы ничего более вредного, чем приглашать детей на экспериментальные сеансы, проводящиеся понемногу повсюду», и что «экспериментальный спиритизм должен быть предназначен только для взрослых»[264]. Стало быть, хоть немного разумные спириты опасаются негативного влияния, которое их практики не могли бы не оказать на детские души; но не составляет ли это признание подлинное осуждение этих практик, чьё влияние на взрослых является почти не менее плачевным? На деле спириты всегда настаивали, чтобы изучение феноменов, также, как и теория, посредством которой они их объясняют, было доступным для всех без разбора; ничто более не противно их взглядам, чем рассматривать его как предназначенное для определённой элиты, которая могла бы быть лучше ограждена от его опасностей. С другой стороны, недопущение детей, которое может удивить тех, кому известны пропагандистские тенденции спиритизма, как нельзя лучше объясняется, когда вспомнишь все эти более чем сомнительные вещи, происходящие на некоторых сеансах, в отноше-

---

[262] *Le Fraterniste*, 13 февраля 1914.

[263] Там же, 12 декабря 1913.

[264] *Revue Spirite*, март 1914, стр. 178.

нии которых мы только что привели неопровержимые свидетельства.

Другой вопрос, который бы необычным образом осветил нравы, царящие в некоторых кругах спиритов и оккультистов, и который к тому же более прямо связан с темой сатанизма, это вопрос о инкубах и суккубах, на которой мы намекали, говоря об анкете, куда его скорее неожиданным образом включили по поводу «пола духов». Публикуя ответ г-на Эрнеста Боска на эту тему, редакция «Фратерниста» добавила в примечании:

> Г-н Легран из Института №4 Амьена (это обозначение фратернистской» группы) назвал нам в начале текущего марта (1914) случай невинной девушки восемнадцати лет, которая начиная с двенадцатилетнего возраста каждую ночь становится объектом страсти инкуба. С ней были проведены обстоятельства и ошеломляющие доверительные беседы[265].

К сожалению, нам не сообщают, посещала ли эта девушка, вопреки правилу, спиритические сеансы; в любом случае, она явно находилась в среде, благоприятной для таких проявлений; мы вовсе не берёмся решать, является ли это только сумасшествием и галлюцинацией или же здесь следует видеть нечто иное. Но этот случай не является единичным: г-н Эрнест Боск, не переставая обоснованно утверждать, что здесь речь вовсе не идёт о «развоплощённых», уверял, что «вдовы, как и девушки, делали ему совершенно потрясающие признания», только он осторожно добавлял:

> «Но мы не могли бы рассказать о них здесь, так как это составляет настоящую эзотерическую тайну, не подлежащую разглашению».

Это последнее утверждение просто-напросто отвратительно: по-настоящему не подлежащие разглашению тайны, заслуживающие названия «мистерии» в собственном смысле

---

[265] *Le Fraterniste*. 1914, 13 марта.

этого слова, обладают совершенно другой природой, и они являются таковыми лишь потому, что никакое слово не способно их выразить; подлинный эзотеризм не имеет совершенно ничего общего с этими грязными вещами[266]. Есть и другие оккультисты, которые в этом отношении далеко не столько сдержанны, как г-н Боск, поскольку нам известен один, дошедший до того, что в форме брошюры опубликовал «практический метод по инкубату и суккубату», где речь, правда, о простом самовнушении; мы не настаиваем, но если бы возможные оппоненты потребовали от нас уточнений, мы бы их по-дружески предупредили, что они могли бы только раскаяться в этом; нам слишком много известно насчёт некоторых персонажей, выступающих ныне в роли «великих наставников» тех или иных псевдоинициатических организаций, которые сделали бы намного лучше, если бы оставались в тени. Темы этого порядка не принадлежат к числу тех, на которые охотно распространяются, но мы не можем счесть возможным не констатировать, что есть люди, испытывающие болезненную потребность смешивать эти вещи с оккультистскими и так называемыми мистическими исследованиями; полезно сказать об этом, хотя бы чтобы сделать известной их ментальность. Естественно, не следует обобщать, но эти случаи слишком многочисленны в «неоспиритуалистических» кругах, чтобы это было чистой случайностью; это ещё одна опасность, на которую следует указать, и кажется в самом деле, что эти круги склонны производить все виды сумасшествия; даже если бы имелось только это, можно ли было сказать, что эпитет «сатанинский», взятый, если угодно, в образном значении, является слишком жестким для характеристики нечто столь пагубного?

Есть и ещё одно дело, особенно серьёзное, о котором необходимо сказать в нескольких словах: в 1912 г. шевалье Ле Клеман де Сен-Мар, тогда президент «Спиритической феде-

[266] Следовало поговорить также о некоторых делах, связанных с «вампиризмом», относящемся к колдовству низшего рода; даже если сюда не вмешивается никакая надчеловеческая сила, всё это едва ли лучше этого.

рации Бельгии» и «Международного бюро спиритизма», опубликовал под видом «исторического исследования» гнусную брошюру, озаглавленную «Причастие», которую он посвятил Эммануилу Воше, бывшему сотруднику Жана Масе во «Французской лиге просвещения». В письме, помещённом в начало этой брошюры, Эммануэль Воше утверждал «со стороны высших духов», что Иисус вовсе не горд ролью, которую ему приписали клерикалы; поэтому можно судить об особой ментальности этих людей, которые, одновременно являясь видными спиритами, выступают руководителями ассоциаций свободомыслящих. Памфлет распространялся бесплатно как пропагандистский в тысячах экземплярах; автор приписывал католическому духовенству и даже духовенству всех религий практики, чью природу невозможно уточнить и которые он не собирался, впрочем, порицать, но в которых он видел тайну высочайшей важности с религиозной и даже политической точки зрения; это может показаться совершенно неправдоподобным, но это так. В Бельгии разразился большой скандал[267]; многие спириты сами были возмущены, и многочисленные группы покинули федерацию; требовали отставки президента, но комитет заявил о своей солидарности с ним. В 1913 г. г-н Ле Клеман де Сен-Мар предпринял в различных центрах турне с лекциями, в ходе которых он должен был изложить все свои идеи, но они только обострили ситуацию; вопрос был передан на рассмотрение Международного спиритического конгресса в Женеве, который категорически осудил брошюру и её автора[268]. Как следствие, он вынужден был уйти в отставку, и с теми, кто последовал за ним, он создал новую секту под названием «Синсеризм», программу которой он сформулировал в следующих словах:

---

[267] В этой стране происходили иные по-настоящему необычные вещи в этом роде, как например, истории *Black Flag*; они не имеют отношения к спиритизму, но среди всех этих сект больше разветвлений, чем представляют.

[268] Речь, произнесенная 23 ноября 1913 г. на Национальном конгрессе бельгийских спиритов в Намуре президентом г-ном Фрекером.

> Подлинная мораль это искусство улаживать конфликты: религиозный мир, посредством распространения мистерий и смягчения догматического характера учения Церквей; международный мир, через федеративный союз всех цивилизованных народов мира под эгидой выборной монархии; промышленный мир, через участие в управлении предприятиями капитала, труда и общества; социальный мир через отказ от роскоши и передачу излишек доходов на дело благотворительности; индивидуальный мир, через защиту материнства и подавление любого проявления чувства ревности[269].

Брошюра о «Причастии» уже позволила в достаточной мере увидеть, в каком смысле следовало понимать «распространение мистерий», что касается последнего пункта программы, то она была представлена в намеренно двусмысленных выражениях, но его без труда можно понять, вспомнив теории приверженцев «свободного союза». Именно во «Фратернизме» г-н Ле Клеман де Сан-Мар отыскал самых своих пылких защитников; однако, не осмелившись доходить до того, чтобы одобрить его идеи, один из глав этой секты, г-н Поль пило, сослался на отсутствие ответственности и нашёл следующее оправдание:

> Я должен заявить, что, будучи психологом, я не верю в ответственность г-на Ле Клемана де Сен-Мара, очень удобного инструмента для различных психозов, точно также как и любой другой человек. Находясь под влиянием, он должен был написать и опубликовать эту брошюру; в то же время как именно в осязаемой и зримой стороне следует искать причину; следует увидеть полезное действие содержания брошюры, которую ему ставят в вину[270].

Необходимо сказать, что «Фратернизм», в сущности, являющийся только спиритизмом с ярко выраженными протестантскими чертами, даёт своему особому учению название

---

[269] *Le Fraterniste*, 28 ноября 1913.

[270] Там же, 12 декабря 1913.

«психозии» или «философского психозийного»: «психозы» это незримые влияния (даже используются варварское слово «инфлюэнсизм»), они бывают хорошие и дурные, и все сеансы начинаются с воззванием к «Доброму психозу»[271]; эта теория зашла так далеко, что на деле ей случается почти полностью отрицать свободную волю человека. Несомненно, что свобода индивидуального существа это вещь относительная и ограниченная, каковым является и само это существо, но не следует всё-таки преувеличивать; в определённой степени и особенно в случаях как тот, о котором идёт речь, мы охотно допускаем действие влияний, которые могут иметь много видов и которые, впрочем, вовсе не являются тем, чем их считают спириты но всё-таки г-н Ле Клеман де Сен-Мар не медиум, что нам известно, чтобы он играл роль чисто пассивного и бессознательного орудия. Впрочем, мы видели, все даже среди спиритов не оправдывали его так легко; со своей стороны, бельгийские теософисты, следует воздать им должное, были среди первых выступивших с бурными возражениями; к несчастью, эта позиция не была совершенно бескорыстной, так как это происходило во время скандального процесса в Мадрасе[272], а г-н Ле Клеман де Сен-Мар посчитал за благо призывать в поддержку своих взглядов теории, в которых упрекали г-на Ледбитера, а значит, было необходимо отречься от столь компрометирующего сходства во взглядах. Напротив, другой теософист, г-н Теодор Ройсс, великий магистр «Ордена восточных тамплиеров» написал гну Ле Клеману де Сан-Мару эти показательные строки (мы тщательно воспроизводим его тарабарщину):

---

[271] Принимая в расчёт первый Конгресс фратернистов в Лилле 25 декабря 1913 г.: *Le Fraterniste*, 9 января 1914. Ср. Там же, 21 ноября 1913.

[272] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 207-211.

> «Мы отсылаем вам две брошюры “Орифламмы”»[273], в которых вы найдете, что Орден восточных тамплиеров придерживается тех же взглядов, что содержится в брошюре «Причастие».

В «Орифламме» мы действительно найдем такое заявление, опубликованное в 1912 г. и проясняющее вопрос:

> Наш Орден обладает ключом, открывающим все масонские и герметические мистерии: это учение о сексуальной магии, и это учение объясняет, не оставляя ничего туманного, все тайны природы, весь масонский символизм, все религиозные системы.

По этому поводу нам следует сказать, что Ле Клеман де Сен-Мар является одним из высших иерархов бельгийского масонства; и один из его соотечественников, г-н Эрман Буланже, написал в католическом органе:

> Проявляло ли масонство до сих пор беспокойство по поводу присутствия в своих рядах столь необычного экзегета? Мне это неизвестно. Но, так как он заявляет, что учение представляет собой также тайну секты (и право же, если бы мне не были известны его методы работы с материалом, я бы мог подумать, что кому как не ему знать это), его присутствие там является ужасно компрометирующим, прежде всего для тех членов масонства, кто публично выступал против подобных заблуждений[274].

Едва ли нужно говорить, что в претензиях г-д Ле Клемана де Сен-Мара и Теодора Ройсса нет совершенно ничего обоснованного; по-настоящему неприятно, что некоторые католические писатели полагали должным допускать тезис, аналогичный их тезису, будь ли в отношении античных мисте-

---

[273] *L’Oriflamme*, небольшой журнал, издаваемый на немецком, представляет собой официальный орган различных групп «иррегулярного» масонства, находившихся под руководством г-на Теодора Ройсса, о котором мы говорили, излагая историю теософизма («Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 39 и 243-244).

[274] *Le Catholique*, декабрь 1913.

рий, не замечая, что таким образом они могут лишь ослабить свою позицию (точно также когда они принимают надуманное отождествление магии и спиритизма); в этом следовало видеть лишь бредни некоторых больных умов, возможно, более или менее «психозированных», как говорят «фратернисты», или «одержимых», как бы мы проще сказали. Только что указывалось на «методы работы с материалом» г-на Ле Клеманта де Сен-Мара; эти методы, отличающиеся самой жуткой недобросовестностью, стоили ему определённого количества опровержений со стороны тех, кто ранее ими неосторожно воспользовался. Именно таким образом он кичился поддержкой «католического священника, ещё занимавшего должность», приводя вырванную из контекста фразу, придавая ей значение, совершенно отличное от того, которое оно содержит, и называя это «важным подтверждением»[275]; священником, о котором идёт речь, был аббат Ж.-А. Пети, о котором мы прежде говорили. Аббат Пети поторопился исправить, и он сделал это в следующих выражениях:

> Фраза такова: «Ваш тезис основывается на примордиальной истине, на которую вы первый, как мне известно, указали широкой публике». Представленная в таком виде, фраза будто бы одобряет тезис, поддерживаемый г-ном шевалье де Сен-Маром. Главным образом надо, чтобы всякая двусмысленность исчезла. Какова эта примордиальная истина? Католики утверждают, что в причастии именно тело самого Христа, рожденного Девой Марией и распятого, присутствует под видом хлеба и вина. Г-н Шевалье де Сен-Мар утверждает: нет, и по моему мнению, он прав. Христос не мог утверждать, что поместил в неё своё тело, распятое прежде всего, потому что учреждение причастия предшествовало распятию на кресте. Христос присутствует в причастии посредством жизненного принципа, воплотившегося в Деве: именно на это шевалье де Сен-Мар первым, как мне известно, указала широкой публике, и имен-

[275] Там же, октябрь 1913.

> но это я называю «примордиальной истиной». Касательно этого пункта мы придерживаемся одного мнения, но этим и ограничивается сходство наших идей. Г-н де Сен-Мар включил человеческий элемент, а я — духовный элемент со всем значением, которое апостол Павел придает этому слову[276], так что мы являемся антиподами друг друга [...] Я являюсь его открытым противником также, как и он выражает неприятие того, на основе чего я сделал мою маленькую брошюру[277].

Личная интерпретация со стороны аббата Пети в данном случае кажется нам едва ли только меньшей ересью, когда он утверждает, что «воскресение плоти» означает реинкарнацию; и может ли он быть совершенно искренним, вводя слово «распятый», как он делает это по поводу тела Христа, присутствующего в причастии? В любом случае он очень охотно заявил о своем согласии, даже по этому особому пункту, с г-ном Ле Клеманом де Сен-Маром, для которого Иисус — это только человек; но его ответ тем не менее содержит категорическое опровержение. С другой стороны, монсеньер Лядёз, ректор университета в Лувене, направил в *Revue Spirite Belge* (19 апреля 1913 г.) следующее письмо:

> Мне передали ваш номер от 1 марта 1913 г., где указывается на отрывок из брошюры «Причастие» Ле Клемана де Сен-Мара, в которой тот упоминает один из моих трудов, чтобы засвидетельствовать существование отвратительных практик, якобы составляющих таинство причастия. Я не унижусь до того, чтобы вступить в дискуссию с г-ном Ле Клеманом де Сен-Маром на столь гнусную тему; я только прошу вас указать вашим читателям [...] что, дабы истолковывать мой текст таким образом, как он это делает, надо быть или совсем недобросовестным, или круглым невеждой в латинском языке вплоть до его полного незнания. Автор заставляет меня сказать, например (я выбираю

---

[276] 1Кор. 15:44.

[277] *Le Catholique*, декабрь 1913. Опровержение, о котором идёт речь, было опубликовано в: *La Vie Nouvelle* (Бове).

этот пример, потому что возможно говорить об этом, не пачкаясь, так как автор не наполняет мои слова тошнотворной теорией, о которой идёт речь): «Ложь нельзя никогда допускать, если это не с целью избежать самое великое мирское зло». В действительности, в рассматриваемом отрывке я сказал: «Ложь нельзя никогда допускать, даже чтобы избежать самое великое мирское зло». Вот латинский текст: *Dicendum est illud nunguam, ne ad maxima quidem temporakia mala vitanda, fieri posse licitum*. Ученик четвёртого класса не смог бы ошибиться в отношении смысла этого текста.

После этого обозначение «Синсеризм» приобретает скорее ироничный оттенок, и мы можем закончить здесь то, что г-н Эрман Буланже назвал скабрезной историей, в которой читатель, немного сведущий в данных мистической теологии, мог признать в открывшихся перед ним фактах традиционные черты дьявольского влияния[278]. Мы добавим только, что конфликт, возникший в среде бельгийских спиритов по случаю этого дела, не продолжался долго: 26 апреля 1914 г. в Брюсселе состоялась торжественное открытие «Дома спиритов»; «Кардекистская лига» и «Синсеристская федерация» были приглашены одна и другая; были произнесены две речи, одна принадлежала г-гу Фрекену, новому президенту «Спиритической федерации», а вторая — г-ну Ле Клеману де Сен-Мару; а значит, было достигнуто примирение[279].

Мы хотели только привести здесь некоторые факты, которые каждый будет волен оценивать по своему вкусу; теологи увидят здесь нечто большое и иное, чем то, что смогут здесь отыскать простые «моралисты». В том, что касается нас, мы не хотим доводить вещи до крайности, и это не нам надлежит ставить вопрос о прямом и «личном» действии Сатаны;

---

[278] Там же, 1913, декабрь.

[279] Г-н Ле Клеман де Сен-Мар из-за этого никогда не отказался от своих особых взглядов; совсем недавно он даже опубликовал новую брошюру, в которой он высказывает к тому же те же идеи.

но нам это мало важно, так как, когда мы говорим о «сатанизме», дело не обязательно обстоит таким образом, как мы понимаем. В сущности, вопросы о персонификации, если можно так выразится, совершенно лишены значения с нашей точки зрения; то, что мы в действительности имеем в виду, полностью не зависит от этой частной интерпретации, как и от любой другой, и мы не намерены исключать никакую интерпретацию, при единственном условии, что она отвечает возможности. В любом случае, что мы видим во всём этом и более широко в спиритизме и других аналогичных движениях, так это влияния, бесспорно происходящие из того, что некоторые называют «царством Антихриста»; это обозначение может быть принято символически, но это в действительности ничего не меняет и не делает эти влияния менее пагубными. Конечно, те, кто участвует в таких движениях и даже те, кто мнит себя их руководителями, могут ничего не знать об этих вещах; и именно в этом и заключается самая большая опасность, так как многие среди них с ужасом бежали бы прочь, если бы они могли отдать себе отчет, что они становятся служителями «силы тьмы»; но их ослепление часто оказывается неисцелимым, и даже их добросовестность способствует тому, чтобы привлекать другие жертвы; не позволяет ли это сказать, что высшее умение дьявола, в том образе, как его представляют, заключается в том, чтобы заставить отрицать его существование?

Глава XI. Ясновидящие и целители

Известно, что спириты признают различные виды медиумов, которых они распределяют по категориям и определяют в соответствии с особой природой их способностей и явлениям, которые те производят; естественно, предлагаемые ими перечни достаточно различаются, так как делить и классифицировать что-то можно неограниченно долго. Вот один из этих перечней, который является достаточно полным:

> Есть медиумы, производящие физические действия, эти медиумы вызывают материальные феномены, такие как шумы или постукивания по стенам, явления[280], бесконтактное перемещение предметов, аппорты и т.д.[281]; медиумы-сенситивы, благодаря смутным ощущениям чувствующие присутствие духов; слуховые медиумы, слышащие голоса «развоплощённых», то ясные, отчётливые, подобно голосам живых людей, то словно сокровенный шепот в глубине души; говорящие медиумы[282] и пишущие медиумы, передающие через слово и письмо, и всегда совершенно пассивно, сообщения с того света, ясновидящие медиумы, которые в состоянии бодрствования видят духов, медиумы-музыканты, медиумы-рисовальщики, медиумы-поэты, медиумы-целители и др., чьи названия в достаточной мере обозначают преобладающую способность[283].

---

[280] Этот случай, являющийся случаем «медиумов, проводящих материализации», часто отделяем от других, рассматриваемых как самые общие и не требующих столь развитых способностей.

[281] К тому списку следовало бы присоединить феномены левитации.

[282] Именно это чаще всего называют «медиумами, проводящими инкарнации».

[283] Феликс Фабар, *Histoire philosophique et politique de l'Occulte*, стр. 133.

Следует добавить, что несколько видов медиумичности могут сочетаться в одном и том же индивиде и также что образцовая медиумичность это та, которую называют «производящей физические действия»; почти все прочее отождествимо с простыми гипнотическими состояниями, так как это мы уже объясняли, но есть сколько категорий, о которых следует поговорить особо, тем более что некоторые придают им большую важность.

Сенситивных, ясновидящих и слуховых медиумов, которых можно объединить в одну группу, спириты называют медиумами лишь из-за своих предвзятых идей; это индивиды, которые, как предполагают, наделены определёнными «гиперфизическими чувствами», если взять использовавшееся некоторыми выражение; есть такие, кто называет это «шестым чувством», не делая больше различий, в то время как другие перечисляют столько, сколько есть различных чувств, «ясновидение», «яснослышание» и так далее. Есть школы, которые утверждают, что человек помимо своих пяти внешних чувств обладает семью внутренними чувствами[284]; по правде говоря, налицо несколько чрезмерное расширение понятия «чувство», и мы не видим, как можно иначе рассматривать «внутреннее чувство», чем то, которое ранее называлось *sensorium commune*, то есть, в итоге, «ментальное» в своей централизующей и координирующей данные органов чувств роли. Мы весьма охотно признаём, что человеческая индивидуальность обладает определёнными сверхтелесными способностями, которые у всех находятся в спящем состоянии, но у некоторых могут получить боль-

[284] Мы намекаем здесь на несколько организаций, именующих себя «розенкрейцеровскими», но не имеющих ни малейшей исторической или теоретической связи с настоящим розенкрейцерством, как нам представился случай заметить это в другом месте («Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 40 и 222), это обозначение принадлежит к числу тех, которым чаще всего злоупотребляют в нашу эпоху; оккультисты любой школы не имеют совершенно никакого права ссылаться на розенкрейцерство, также и на всё то, что в каком бы то ни было отношении представляет по-настоящему традиционный, эзотерический или инициатический характер.

шее или меньшее развитие; но эти способности в действительности вовсе не составляют чувств, и если о них говорят по аналогии с телесными чувствами, то дело в том, что, возможно, трудно было бы говорить о них иным образом; это уподобление, когда его принимают буквально, подразумевает большей частью иллюзию, происходящую из того, что те, кто наделен этими способностями, для выражения воспринимаемого ими таким образом вынуждены пользоваться терминами, созданными для обозначения в обычных условиях понятий, относящихся к телесному уровню. Но у этой иллюзии есть и ещё одна причина, более полная и более серьёзная: дело в том, что в кругах спиритов и в других «неоспиритуалистических» школах охотно стараются приобретать и развивать способности этого рода; не говоря об опасностях, свойственных этим «психическим тренировкам», весьма способным свести с ума тех, кто ими занимается, очевидно, что в этих условиях за настоящее «ясновидение» очень часто выдавали то, что является лишь следствием простого внушения. В кое-каких школах, как например, в теософизме, обретение способности к «ясновидению» даже, кажется, рассматривается в некотором роде как высшая цель; важность, придаваемая этим вещам, служит ещё одним свидетельством, что в школах, о которых идёт речь, вопреки их претензиям нет совершенно ничего «инициатического», так как здесь это только случайные обстоятельства, кажущиеся совершенно не заслуживающими внимания всем тем, кто обладает знанием более высокого порядка; это, самое большое, «рядом», от специальных исследований чего они строго воздерживаются и что в большинстве случаев представляют скорее препятствие, чем преимущество. Спириты, развивающие эти способности, воображают себе, что то, что они видят и слышат, так это и есть «духи», и именно поэтому они рассматривают это как медиумичность; в других школах полагают, что видят и слышат совершенно иные вещи, чья природа, однако, является почти не менее вымышленной. В итоге, это всегда изложение теорий

школы, где происходят эти явления, и это достаточная причина для того, чтобы иметь возможность утверждать без боязни ошибиться, что внушение играет здесь главенствующую, если не исключительную роль. Можно больше доверять тому, что рассказывают самопроизвольные «ясновидящие-одиночки», не принадлежащие ни к какой школе и никогда не занимавшиеся никакими тренировками; но и здесь есть много причин для ошибки: прежде всего, это неизбежное несовершенство способа выражения, который они используют; это также интерпретации, которые они примешивают к своим видениям невольно и не отдавая себе в этом отчета, так как никогда не обходилось без того, чтобы у них не было по крайней мере нескольких предвзятых идей; следует добавить, что эти «ясновидящие» не располагают, как правило, никакими данными теоретического и доктринального порядка, которые позволили бы им разбираться здесь самим и воспрепятствовали бы им искажать явления, примешивая сюда воображение, которое, к несчастью, у них зачастую сильно развито. Когда «ясновидящие» бывают ортодоксальными мистиками, их естественное стремление к бредням оказывается в некотором роде подавлено и сведено к минимуму; почти всегда в других случаях ему дается свободный ход, и результатом этого часто выступает почти непролазный хаос; самые бесспорные и самые известные «ясновидящие», как например, Сведенборг, были далеко не лишены этого недостатка; и никогда не будут лишними меры предосторожности, если хотите извлечь то, что эти труды могут содержать по-настоящему интересного; хотя лучше обратиться к более чистым источникам, так как, в конечном счёте, у ясновидящих нет ничего, чего нельзя обнаружить в других местах, в менее хаотичном состоянии и в более вразумительных формах.

Только что указанные нами недостатки достигают своей наивысшей степени у «ясновидящих» безграмотных и предоставленных самим себе, без малейшего руководства, как тот крестьянин из Вара, Луи Мишель де Фиганьер, чьи

писания[285] вызывают восхищение французских оккультистов. Они видят в них самые необычные «откровения», и именно там следует искать в значительной степени источник происхождения «живой науки», одной из их основных идей-фикс; между тем, эти мнимые «откровения» выражают на отвратительном жаргоне концепции или скорее представления, самые грубо антропоморфические и материалистические, которые когда-либо составляли о Боге, который здесь именуется «великим безграничным человеком» и «президентом жизни» (*sic*) и вселенной, которую посчитали нужным назвать «омниверсом»[286]; здесь идёт речь только о «путях сообщения», «стройках», «пищеварении», «ароматах», «флюидах» и так далее. Вот то, что оккультисты превозносят нам как тонкую космогонию; здесь среди прочих удивительных вещей содержится история образования Земли, которую Папюс принял и распространял изо всех сил; не желая задерживаться на этой теме, но желая, однако, дать представление об этих измышлениях, приведём только краткое изложение, составленное бельгийским спиритом Иобаром[287], с сохранением особого языка оригинала:

> Наша планета относительно молода; она создана из старых материалов, собранных на великой свалке омниверса, из древних обломков планет, объединённых привлечением, инкарнацией, объединением в одно целое четырёх спутников предшествующей планеты, которая, достигнув состояния зрелости, была сорвана великим Садовником, чтобы быть сохраненной в его амбарах и служить для его материального питания. Ибо, подобно тому как человек срывает зрелые плоды в своем земном саду, великий бесконечный человек собирает зрелые плоды в своем омниверсном саду, равным образом служащие ему для пита-

---

[285] *Clé de la Vie*; *Vie universelle*; *Réveil des peuples*.

[286] Различные части «омниверса» именуются «универсом, биниверсом, триниверсом, квадриверсом» и т.д.

[287] Это краткое изложение содержится в одной из статей, воспроизведённых в начале книги *Clé de la Vie*.

ния. Именно это объясняет исчезновение определённого количества светил с великого цветника небес, наблюдаемое на протяжении двух веков. Что есть растворение зрелого плода в желудке земной деикулы[288], если не пробуждение и уход гоминикулярного населения, впавшего в каталепсию или блаженный экстаз, на мондикулы, которые они (*sic*) создали и привели в гармонию посредством своей разумной деятельности? […] Вернёмся к образованию нашей инкрустативной планеты путём одновременного поглощения четырёх древних спутников: Азии, Африки, Европы и Америки, введенных в магнетическую каталепсию коллективной небесной душой нашей Земли, которой и была поручена эта операция, столь же трудная, как и объединение нескольких маленьких государств в одно большое. Не обошлось без длинных переговоров с коллективными духовными душами, чтобы это слияние могло осуществится. Только Луна, пятый спутник, самый сильный, как и самый злой, противилась всем просьбам и таким образом одновременно нанесла вред себе и земному объединению, где место посередине Тихого океана оставалось свободным[289]. Но души небесных светил, добрые или дурные, подобно человеческому существу обладают свободой воли и располагают своей участью к добру или ко злу […] Чтобы сделать эту тонкую и ощутимую операцию инкрустации менее болезненной, небесная душа Земли, или добрый флюидический зародыш инкрустативного черенка охотно начал, скажем мы, подвергать магнетической каталепсии то, что двигалось по поверхности (*sic*) четырёх древних спутников. Азия представляла хорошую материальную рассаду, намного более развитую, чем три остальные, потому что она прожила уже доброе количество лет

[288] То есть человек: если Бог — это «большой человек», человек это «деикула»; если находят выражения этого рода в других местах, у Сведенборга, например, они могут по крайне мере понимаемы символически, в то время как здесь все следует воспринимать буквально.

[289] Другие ещё переплюнули эту историю утверждая, что Луна, после того как она заняла вначале своё место как другие спутники, чуть позже убежала, но не смогла полностью избежать притяжения земли, вокруг которой она была осуждена вращаться в наказание за свой бунт!

> с совершенно пробужденными существами на её поверхности, в то время как существа на других планетах частично ещё дремали. Люди, животные и все зародыши жизни были введены в состоянии полной анестезии, во время этой тонкой операции над четырьмя планетами соединяющей под давлением рук Бога его великих Посланников, их недра, их кору, их поверхность, их воды, их атмосферы, их коллективные души.

Мы можем на этом остановиться; но эта цитата не бесполезна для того, чтобы показать, откуда оккультисты черпают свою псевдотрадицию и свой никудышный эзотеризм. Добавим, что Луи Мишель ни один ответственен за бредни, публиковавшиеся под его именем: он не писал, но диктовал то, что ему внушал «высший дух», и его откровения были собраны и упорядочены его учениками, главным образом из которых был некий Шарль Сарду; естественно, среда, где всё это было разработано, была сильно инфильтрована спиритизмом[290].

У «ясновидящих» часто присутствует стремление к образованию школ, или даже иногда она создаются вокруг них без какого-либо желания с их стороны; в этом последнем случае бывает, что они оказываются настоящими жертвами своего окружения, сознательно или неосознанно их эксплуатирующего, как это делают спириты в отношении всех тех, в ком они обнаруживают какие-либо медиумические способности; когда мы говорим здесь об эксплуатации, это следует понимать прежде всего в психическом смысле, но последствия этого не менее бедственны. Чтобы «ясновидящий» мог объявить себя «главой школы» в действительности, а не только с виду, недостаточно только его желания; необходимо также, чтобы он обладал над своими «учениками» некоторым другим родом превосходства, чем то, которым его наделили его сверхъестественные способности; это не случай Луи Мишеля, но это бывало иногда у спиритов.

---

[290] Фантазии Луи Мишеля были также значительно развиты в многочисленных работах Артюром Англемоном.

Таким образом, когда-то во Франции была спиритическая школа достаточно особого рода, основанная и руководимая «ясновидящей» г-жой Люси Гранж, которую называли мистическим» именем Авимелех или Ав в сокращении; кажется это имя было дано ей самим Моисеем. В этой школе испытывали особое почтение перед знаменитым Винтра, которого там называли «пророком»[291], и орган группы, «Ля Люмьер», начавший выходить в 1882 г., имел среди своих сотрудников, в большинстве случаев скрывавшихся под псевдонимами, ни одну подозрительную личность. Г-жа Гранж много занималась «качествами», и она рассматривала в качестве таковых сообщения, которые она получала; она объединила в одном томе достаточно большое число[292] этих «продуктов психографии, психофонии и природного ясновидения», так как она называла их для того, чтобы указать на различные виды медиумичности, которыми она обладала (письмо, слышание и видение) Эти «сообщения были подписаны именами Христа, Девы Марии, архангелов Михаила и Гавриила[293], главных святых Ветхого и Нового Завета, знаменитых людей древней и современной истории; несколько подписей ещё более любопытны, т. к. они принадлежат «сивилле Пасифее из пещеры Круассан» или «Рафане, душе планеты Юпитер». В одном из «сообщений» святой Людовик сообщает нам, что являлся перевоплощенным царем Давидом, и что Жанна д'Арк была Фамарью, дочерью Давида; и Ав добавляет это примечание:

> Показательное сопоставление: Давид был основателем избранного богом рода, и он был родоначальника наших по-

---

[291] См. брошюру *Le Prophéte de Tilly*.

[292] *Prophètes et Prophéties*.

[293] Мадамуазель Куэдон, «ясновидящая» с улицы Паради, имевшая свой звездный час, считала себя вдохновляемой архангелом Гавриилом: её способность появилась благодаря посещению спиритических сеансов, проводимых у некой г-жи Орса; естественно, чистые спириты рассматривали так называемого архангела Гавриила как простого «развоплощенного», а саму мадемуазель как «медиума-инкарнациониста».

следних королей. Святой Людовик председательствовал на первых спиритических уроках и во имя бога сделался Отцом возрожденного Христианства благодаря своему особому покровительству, оказываемому Алану Кардеку.

Такие сопоставления особенно показательны в отношении ментальности тех, кто их делает, но они обладают достаточно ясным смыслом для тех, кому известна политико-религиозная подноготная определённых кругов: там весьма были обеспокоены темой «выживания» Людовика XVII; с другой стороны, там заявлялось о большей или меньшей близости второго пришествия Христа; а стало быть, хотели внушить, что он перевоплотился в новом «племени Давида» и, возможно, он будет «великим Монархом», возвещенным «пророчеством Орваля» и несколькими другими более или менее аутентичными предсказаниями? Впрочем, мы не хотим сказать, что эти предсказания сами по себе совершенно лишены ценности; но, так как они сформулированы в малопонятных выражениях, каждый истолковывает их на свой манер, и есть весьма странные вещи в пользе, которую некоторые претендуют из них извлечь. Позже г-жа Гранж была «ведома» так называемым египетским «духом», представлявшимся под составным именем Салем-Гермес, который продиктовал ей целый том «откровений»; но это гораздо менее интересно, чем явления, имеющие более или менее прямую связь с делом Людовика XVII, список которых, начиная с первых лет XIX в., был бы весьма длинным, но также очень поучительным для тех, кем владеет вполне законное любопытство исследовать вещи, скрытые под определёнными фантасмагориями.

Поговорив о «ясновидцах», нам следует также сказать несколько слов о «медиумах-целителях»: если верить спиритам, то это одна из самых высоких ступеней медиумичности; вот, например, что пишет г-н Леон Дени, после утверждения, что великие писатели и великие артисты почти все были «вдохновлёнными» и «слышащими медиумами»:

> Способность исцелять взглядом, прикосновением, наложением рук также является одной из форм, благодаря которым осуществляется спиритуальное влияние на мир. Бог, источник жизни, является источником физического здоровья, также как он является источником нравственного совершенства и высшей красоты. Некоторые люди посредством молитвы и магнетического устремления притягивают к себе этот флюид, это излучение божественной силы, отгоняющий нечистые флюиды, причины стольких страданий. Дух милосердия, преданность, доведенная до жертвы самозабвения, выступают необходимыми условиями для приобретения и сохранения этой силы, одной из самых чудесных сил, которой Бог наделяет человека [...] Ещё и сейчас множество более или менее успешных целителей лечат при помощи духов [...] Над всеми человеческими Церквями, вне всяких обрядов, всех сект, всех ритуальных слов, существуют высший центр, который душа может достичь посредством устремлениями веры [...] В действительности магнетическое исцеление не требует ни пассов, ни особых слов, но только пылкого желания помочь другому, искреннего и глубокого обращения души к Богу, первоначалу и источнику всех сил[294].

Этот энтузиазм легко объяснить, если вспомнить гуманитарные устремления спиритов; и тот же самый автор ещё пишет:

> Как Христос и апостолы, как святые, пророки и маги, каждый из нас может налагать руки и исцелять, если у него есть любовь к своим ближним и пылкое желание им помогать [...] Соберитесь молча, наедине с пациентом; обратитесь к добрым духам, взирающим на человеческие страдания. Тогда вы почувствуете, что свыше на вас нисходит флюид и от вас переходит к субъекту. Несущая возрождение волна сама проникнет вплоть до причины зла, и про-

[294] *Dans l'invisible*, стр. 453-455.

должая и обновляя вашу деятельность, вы поспособствуете облегчению земных скорбей[295].

Кажется, здесь отождествляют деятельность «медиумов-целителей» с магнетизмом в собственном значении этого слова; однако есть разница, которую следует принимать во внимание: дело в том, что обычный магнетизёр действует по своему собственному усмотрению, никоим образом не привлекая вмешательство какого-либо «духа», но спириты скажут, что это бессознательный медиум, и что намерение исцелять соответствует у него нечто вроде неявной эвокации, даже если он совершенно не верит в «духов». На деле, верным является как раз противоположное: именно «целитель»-спирит является бессознательным магнетизёром; и вне зависимости от того, пришли ли его способности к нему самопроизвольно или были развиты путём упражнений, они предоставляют собой ничто иное, как гипнотические способности; но на основании своих особых представлений он воображает, что следует обращаться к «духам» и что именно они действуют через него, в то время как, действительности только из него самого происходят все производимые явления. Этот вид мнимой медиумичности менее вреден, чем остальные, для тех, кто им наделен, потому что, не подразумевая той же самой степени пассивности (и даже пассивность здесь является скорее воображаемой), она не влечёт равной неуравновешенности; однако, было бы излишним полагать, что практика магнетизма, в этих условиях или в обычных (разница скорее заключается в истолковании, чем в явлениях), лишена всякой опасности для того, кто ей занимается, особенно если он делает это на постоянной, в некотором роде «профессиональной» основе. Что касается последствий магнетизма, в некоторых случаях они весьма реальны, но неё следует преувеличивать их действенность: мы не считаем, что можно исцелять или хотя бы облегчать все болезни без разбора, и есть натуры, которые

[295] Там же, стр. 199.

совершенно не поддаются магнетизму; к тому же, некоторые исцеления следует отнести на счёт внушения или даже самовнушения, скорее, чем на счёт магнетизма. Что касается относительной ценности того или иного образа действия, это может обсуждаться (и различные магнетические школы не отказываются от этого, помимо гипнотизёров, которые почти не согласны)[296]; но это, возможно, также совершенно не отличается от того, что утверждает г-н Леон Дени, если только не имеют дело с магнетизёром, обладающим особенно мощными способностями, составляющими нечто вроде природного дара; этот случай, как раз создающий иллюзию медиумичности (в случае если знают и принимают теории спиритов), потому что он не даёт повода для какого-либо осознанного усилия, является вероятно, случаем самых известных «целителей», за исключением, конечно, когда их репутация незаслуженная и примешивается шарлатанство, так как это также иногда заметно. Наконец, что касается объяснения магнетических феноменов, нам не следует здесь этим заниматься; но, само собой разумеется, «флюидическая» теория, которую разделяет большинство магнетизёров, неприемлема; мы уже замечали, что именно от магнетизёров спириты позаимствовали концепцию «флюидов» всех видов: это лишь только грубый образ, и вмешательство «духов», которое добавляют сюда спириты, является нелепостью.

---

[296] Мы не хотим затрагивать спорного вопроса об отношениях между гипнотизмом и магнетизмом: исторически первый происходит от второго, но врачи, которые ранее отрицали магнетизм, не могли здраво рассуждая принять его, не дав ему новое название; с другой стороны, магнетизм это более широкое понятие, чем гипнотизм, в том смысле, что он часто воздействует на субъектов в состоянии бодрствования, и что он в меньшей степени использует внушение. В качестве примеров дискуссий, на которые мы намекаем, можем упомянуть у магнетизеров споры между приверженцами и противниками «полярности»; у гипнотизеров ссоры между школами Салтетрие и Нанси; с одной стороны и с другой, достигнутые экспериментаторами результаты в отношении их субъектов всегда совпадают с теориями каждой школы — свидетельство того, что внушение играет здесь основную, хотя часто и непроизвольную, роль.

Представления спиритов относительно «медиумов» целителей» особенно отчётливо проявляются во «Фратернизме», где медиумы этой категории занимают первое место; кажется, даже, что эта секта обязана им своим происхождением, если верить тому, что написал в 1913 г. г-н Поль Пило:

> Едва только пять лет назад я пробовал свои силы у себя в Оби, в моем маленьком бюро и иногда дома, в качестве целителя. Способности к целительству обнаружил у меня наш дорогой брат космоса Жюль Медо, и он побудил меня заняться практикой. Я очень много раз добивался успеха в лечении самых разнообразных болезней, начиная от слепоты и заканчивая простой зубной болью. Довольный полученными результатами, я решил побудить наиболее возможное число мне подобных воспользоваться этим. Именно в ту пору наш директор Жан Безья объединился со мной, чтобы основать в Сен-лё-Нобль (возле Дуе) Генеральный институт психологии, из которого возникли Институт психозийных сил №7 и (в 1910 г.) наш орган «Ле Фратернист»[297].

Не переставая заниматься исцелениями, вскоре они обрели более широкие интересы (мы не можем сказать, более возвышенные, так как это представляет собой лишь гуманитарное «морализаторство»), как показывает это заявление г-на Безья:

> Мы побуждаем учёных заниматься исследованиями в области спиритизма, и если наконец благодаря нам наука ими займется, то она преуспеет. И когда она преуспеет и докажет, это все человечество обретет счастье. Таким образом, «Фратернист» это не только самая интересная, но и самая полезная газета в мире. Именно она принесёт человечеству мир и радость. Когда будет доказана обосно-

[297] *Le Fraterniste*, 26 декабря 1913.

ванность спиритизма, социальный вопрос будет почти разрешен[298].

Если это искренне, то это по-настоящему потрясающее безрассудство; но вернёмся к теории «психозийных флюидических исцелений»; она была изложена перед судом в Бетюне. 17 января 1914 г. по случаю процесса по делу о незаконном лечении против двух «целителей» этой школы, г-д Лесажа и Леконта, которые, впрочем, были оправданы, потому что не выписывали лекарств. Вот суть их заявлений:

> Они лечат болезни наложением рук, пассами, одновременно мысленно призывая добрые силы астрала[299]. Они не дают никаких лекарств, ни рецептов; нет ни лечения в медицинском смысле этого слова, ни массажа, но уход посредством флюидической силы, не являющийся использованием обычного магнетизма, но того, что можно было бы назвать спиритическим магнетизмом (психизмом), то есть улавливанием целителем сил, приносимых добрыми духами, и передачи этих сил больному, чувствующему значительное улучшение или достигающему своего полного исцеления, в зависимости от случая, и также через весьма варьирующийся промежуток времени [...] В ходе допросов г-н Председатель требует объяснений на тему лаборатории, где находятся тазы с магнетизированной водой, приготовленной целителями [...] С точки зрения исцеления магнетированная вода обладает только относительной ценностью: не она исцеляет; она помогает удалению дурных флюидов; но именно спиритическое лечение прогоняет зло[300]

К тому же стремятся убедить самих врачей, что если им удается вылечить их больных, то это также благодаря «пси-

---

[298] Там же, 19 декабря 1913. Укажем, что пацифизм и феминизм особо внесены в программу этой газеты.

[299] Заметим, что «фратернисты», будучи достаточно «эклектичны», иногда делают заимствования из терминологии «оккультистов».

[300] Там же, 23 января 1914.

хозам», которым они обязаны, не подозревая об этом; об этом торжественно заявляют в следующих выражениях:

> Это Психоз исцеляет, господин; целитель является просто его орудием. Вы также являетесь объектом для психозов; только ваша польза заключается в том, что добро приходит с вашей стороны, также как она приходила с нашей[301].

Ещё отметим это любопытное объяснение г-на Безья:

> Мы можем утверждать, что болезнь, какой бы она ни была, является одной из многочисленных разновидностей Зла, с заглавной буквы. Между тем целитель своим флюидом, который он вливает в пациента, своими добрыми намерениями умерщвляет Зло вообще. Стало быть, из этого вытекает, что заодно он уничтожает разновидность, то есть болезнь. Вот и весь секрет[302].

Это очень просто на деле, по меньшей мере с виду, или скорее, очень «упрощенчески»; но есть и другие «целители», которые находят ещё более простым отрицать зло: это случай американских сект, таких как «Духовные ученые» и «Христианские ученые», и этого мнения придерживаются также антуанисты, о которых мы позже поговорим. «Фратернисты» доходят даже до того, что примешивают «божественную силу» в их исцеления, и именно г-н Безья провозглашает «возможность исцелять болезни использованием незримых астральных энергий, взывая к великой универсальной силе-дарительнице, которая есть Бог»[303]; если дело обстоит таким образом, то можно было бы их спросить, почему они испытывают нужду взывать к «духам» и к силам «астрала», вместо того чтобы прямо и исключительно обращаться к Богу. Но мы уже видели, что представляет собой эволюционирующий Бог, в которого верят «фратернисты»; ещё по этому поводу есть очень показательная вещь, о кото-

---

[301] *Le Fraterniste*, 19 декабря 1913.

[302] Там же, 19 декабря 1913.

[303] Там же, 10 апреля 1914.

рой мы хотим сообщить: 9 февраля 1914 г. Себастьян Фор прочитал в Аррасе лекцию о «двенадцати доказательствах несуществования Бога», которую он повторял повсюду; г-н Безья взял слово после него, заявляя, что «в сущности он преследует ту же цель», адресуя ему «свои самые искренние поздравления» и призывая всех присутствующих искренне присоединиться к нему в осуществлении его столь человеколюбивой программы». К отчету об этом собрании, который дала его газета, г-н Безья добавил эти размышления:

> Те, кто подобно Себастьяну Фору отрицает Бога-Творца Церкви, тем более, по нашему мнению, приближаются к истинному Богу, являющемуся универсальной силой, движущей миры [...] Поэтому мы не боимся указывать на этот парадокс, что если Себастьян Фор не верит более в Бога клерикалов, то это потому что он более, чем другие, верит в настоящего Бога. Мы утверждаем, что на нынешнем этапе общественного развития, эти отрицатели более божественны, чем остальные, потому что они хотят больше справедливости и счастья для всех [...] Я пришел к выводу, что если Себастьян Фор не верит больше в Бога, то исключительно потому, что ему удалось узнать его больше или в любом случае ощутить ещё больше, поскольку он хочет блюсти добродетель[304].

С тех пор с Себастьяном Фором случались злоключения, как нельзя лучше показывающие, как он понимает «блюсти добродетель»; у «фратернистов», защитников г-на Ле Клемана де Сен-Мара, определенно, странные друзья. Существовало много других более или менее независимых спиритических школ, основанных или руководимых «медиумами-целителями»: упомянем, например г-на А. Бувье из Лиона, объединившего в своих теориях магнетизм и кардекианство и имевшего орган под названием «Ля Пе Универсаль» («Всеобщий мир»), где был начат этот чудаческий проект с «Конгрессом человечества», о котором мы говорили

[304] Там же, 20 февраля 1914.

в другом месте[305]. В заглавии этого журнала фигурировали два следующих изречения:

> «Точное знание самого себя порождает любовь к своему ближнему. Нет в мире культа более высокого, чем культ истины».

Небесполезно заметить, что второе является лишь почти дословной передачей (за исключением того, что слово «религия» здесь заменено «культом») девиза Теософского общества. С другой стороны, г-н Бувье, который в конце концов присоединился к «Фратернизму», был, в противоположность тому, что чаще всего имеет место, в очень хороших отношениях с оккультистами; правда, к «целителями» они испытывают по меньшей мере столь же чрезмерное почтение, что и спириты. Знаменитый «Неведомый учитель» папюсовской школы, о котором мы уже упоминали, был в итоге лишь никто иной как «целитель», не обладавший никаким знанием теоретического уровня; но возможно он прежде всего жертва навязано ему роли: истина заключается в том, что Папюс нуждался в «учителе», не для себя, так как он этого не хотел, но в ком-либо, кого он мог представить в качестве такового, чтобы придать своим организациям видимость серьёзной базы и заставить поверить, что за ним стоят «высшие силы», чьим официальным представителем он является; вся эта вымышленная история о «посланниках Отца» и «духах из обители Христа» никогда не имела в сущности никакого другого смысла существования, чем этот. В этих условиях нет ничего удивительного, что простаки, которые очень многочисленны среди оккультистов, посчитали возможным включить в число «двенадцати неведомых великих учителей Розы и Креста» других «целителей», столь же совершенно лишённых интеллектуальности, как «Отец Антуан» и эльзасец Фрэнсис Шлаттер; мы поговорим о них при одном случае[306]. Есть ещё и другие, которых, не помещая столь высо-

[305] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 171-173.

[306] Там же, стр. 260.

ко, много хвалят в той же самой школе; таков тот, по поводу которого Папюс вставил это примечание в одну из своих работ:

> Наряду со спиритами нам следует указать на адептов теургии и особенно на Зальцмана как на распространителей идеи реинкарнации. В своей прекрасной книге «Духовный магнетизм» Зальцман открывает великолепные горизонты перед всяким ищущим умом[307].

В действительности Зальцман это лишь немного инакомыслящий спирит, не имеющий ничего общего с адептом в подлинном значении этого слова; и то, что он называет «теургией» это совершенно не то, что под этим термином понимали древние, о чём он даже и не догадывается. Это побуждает нас вспомнить скорее забавную личность, когда-то бывшей парижской знаменитостью, которую звали зуавом Якобом: он также посчитал нужным дать это название «теургия» вульгарной смеси магнетизма и спиритизма. В 1888 г. он публиковал нечто вроде журнала, чьё название, несмотря на свою длину, заслуживает того, чтобы быть приведённым полностью:

> «Теургический, научный, психологический и философский журнал, особо касающийся гигиены и исцеления посредством флюидов и опасностей медицинских, клерикальных, магнетических, гипнотических и др. практик, под руководством зуава Якоба»;

это уже даёт достаточно ясное представление о его ментальности. В дополнение мы ограничимся воспроизведени-

---

[307] Папюс, *La réincarnation*, стр. 173. Мы могли бы также поговорить о группе, достаточно недавно учрежденной одним оккультистом, претендующим на то, чтобы запереться в «христическом» мистицизме, как он говорит, в котором так называемое «теургическое» лечение больных, кажется, также составляет один из господствующих интересов. Ещё в том же плане есть вспомогательная организация мартинистов, созданная в Германии д-ром Теодором Краусом (Сатурнусом) под названием «терапевтический, алхимический и филантропический Орден неизвестных самаритян»; и напомним наконец, что среди многочисленных филиалов Теософского общества существует «Орден целителей».

ем на эту тему этой личности оценки со стороны автора, совершенно благосклонного к спиритизму:

> Зуав-целитель производил фурор. Я установил с ним контакт, но у меня не было повода считать себя счастливым. Он утверждал, что действует посредством влияния духов, и когда я отважился на какое-то возражение, он разразился оскорблениями и грубостями, достойными скомороха; плохие доводы в устах апостола. Я пишу апостол, т. к. он называл себя посланником Бога, чтобы исцелять людей физически, также как Христос был послан исцелять их в нравственном отношении!» Многие люди будут вспоминать эту типичную фразу. Правда я был свидетелем удивительных улучшений, произошедших мгновенно у некоторых больных, от которых отказались врачи. Среди прочих случаев я видел паралитика, которого внесли на спине рассыльного, потому что он более не мог двигать ни руками, ни ногами, принявшегося самостоятельно ходить без поддержки и костыля [...] ровно до того, как покинуть комнату целителя, то есть пока он оставался в его присутствии. Переступив через порог, несчастный снова упал недвижимо и его пришлось выносить также, как и принесли. Приходилось слышать и видеть, что исцеления у знаменитого зуава были лишь псевдоисцелениями, и его клиенты, возвратившись к себе домой, неизменно обнаруживали у себя все хвори, от которых он их избавил, с прибавлением ещё одной: упадка духа. В любом случае ему не удалось исцелить у меня то, что он назвал «нравственной слепотой», и сейчас я продолжаю считать, что тайна его воздействия на больных заключается не в помощи духов, как он это утверждал, но в жалком воспитании, которое он демонстрировал. Он пугал клиентов бешеными взглядами, к которым при случае добавлял непристойные эпитеты. Возможно, он был укротителем, но нисколько не чудотворцем[308].

В итоге, в этом наряду с определённой силой внушения присутствовала значительная доля шарлатанства; мы най-

дем нечто достаточно схожее в истории антуанства, которой, по нашему мнению, нужно посвятить специальную главу, учитывая значительное распространение этой секты, а также потому что здесь по-настоящему типичный случай, вполне подходящий для того, чтобы судить о душевном состоянии некоторых наших современников. Мы не хотим сказать, что все целители таковы: среди них ест такие, конечно, чья искренность заслуживает большого уважения и чьи реальные способности мы не оспариваем, не переставая сожалеть, что почти все стремятся объяснить их посредством более чем подозрительных теорий; достаточно любопытно также констатировать, что эти способности в развитом состоянии обнаруживаются прежде всего у людей небольшого ума. Наконец, те, кто использует лишь внушение, могут достигнуть более прочных результатов, чем исцеление у зуава Якоба, и дело не доходит до соответствующей сцены, неспособной в действительности воздействовать на определённых больных; можно даже поинтересоваться, не внушают ли самые явные шарлатаны, в конце концов, сами себе и не верят более или менее в необычные силы, которые им приписывают. Как бы то ни было, мы хотим повторить ещё раз, что всё это, являющееся феноменом, не свидетельствует совершенно ни о чём с теоретической точки зрения: совершенно напрасно ссылаться в пользу доктрины на исцеления, достигнутые людьми, которые эту доктрину исповедуют, и к тому же таким образом можно было бы поддерживать самые противоречивые мнения, что достаточно показывает, что эти аргументы лишены ценности; когда речь идёт об истинности или ложности идей, всякие вне интеллектуальные соображения следует считать недействительными.

---

[308] Феликс Фабар, *Histoire philosophique et politique de I'Occulte*, стр. 173-174.

Глава XII. Антуанизм

Луи Антуан родился в 1846 г. в провинции Льеж в семье шахтеров; вначале он сам был шахтером, а затем сделался рабочим металлургом; после пребывания в течение нескольких лет в Германии и в Польше он возвратился в Бельгию и поселился в Жемеп-сюр-Мёз. Потеряв своего единственного сына, Антуан и его жена обратились в спиритизм; и вскоре бывший шахтёр, хотя почти безграмотный, оказался во главе группы, именуемой «Виноградари Господа», в которой работало настоящее бюро по общению с умершими (мы увидим, что это учреждение не является уникальным в своем роде); он издал также нечто вроде спиритического катехизиса, состоящего, впрочем, целиком из заимствований из работ Алана Кардека. Чуть позже Антуан добавил к своему предприятию, чей характер не кажется совершенно лишённым интереса, кабинет консультаций «для лечения всех нравственных и физических болезней и скорбей», поставленный под руководство «духа», ставшего именоваться д-р Карита. Ещё через несколько лет он открыл в себе способности «целителя», позволившие ему отказаться от каких-либо эвокаций и «действовать» прямо самому; за этой переменой почти сразу последовала ссора со спиритами, чьи мотивы не совсем ясны. И всё-таки из этого раскола и вышел антуанизм; на конгрессе в Намюре в ноябре 1913 г. гн Фрекен, президент «Бельгийской спиритической федерации», дословно заявил:

> «Антуанизм по не вполне благовидным причинам отказался идти вместе с нами»,

позволительно предположить, что эти «не вполне благовидные причины» носили прежде всего коммерческий ха-

рактер, если хотите, и Антуан нашёл более выгодным действовать целиком на свой страх и риск, вне какого-либо более или менее неудобного контроля. Для больных, которые не могли прибыть к нему в Жемеп, Антуан изготовлял лекарство, которому он дал название «ликёр Кун» и которому он приписывал способность исцелять без разбора от всех болезней; это стоило ему процесса по обвинению в незаконном занятии медициной, и он был приговорен к небольшому штрафу; тогда он заменил свой ликёр магнетизированной водой, которую нельзя было определить как лекарство, и более легкой для транспортировки. Однако больных, прибывавших в Жемеп, становилось столь много, что пришлось отказаться от их индивидуального лечения посредством пассов или даже простого наложения рук и учредить практику коллективных «операций». Именно в этот момент Антуан, до сих пор говоривший лишь о «флюидах», примешал «веру» как существенный фактор в проводимые им исцеления, и начал учить, что воображение представляет собой единственную причину всех физических болезней; как следствие, он запретил своим ученикам (так как отныне он выступал в роли главы секты) обращаться к услугам врачей. В книге, которую он озаглавил «Откровение», в случае если ученик обращается к нему с этим вопросом:

> Кто-нибудь, у кого была мысль проконсультироваться у врача, приходит к вам, говоря: «Если мне не станет лучше после этого визита, я пойду к такому-то врачу», вы констатируете его намерения и советуете ему последовать своей идее. Почему вы так делаете? Я видел больных, которые, выполнив этот совет, вынуждены были возвращаться к вам.

Антуан отвечает в следующих выражениях:

> У некоторых больных действительно могла быть мысль пойти к врачу перед тем, как проконсультироваться у меня. Если я чувствую, что у меня больше доверия к врачу, это мой долг направить их туда. Если они не находят

> там исцеления, то дело в том, что владеющая ими мысль о возвращении ко мне устанавливает препятствие в работе врача, также как мысль о том, чтобы пойти к врачу, могла сделать препятствие в моей работе. Другие больные ещё спрашивают меня, не могло бы ли им помочь такое-то лекарство. Эта мысль в миг фальсифицирует любую мою операцию; она свидетельство того, что они не обладают достаточной верой, уверенностью, что без лекарств я могу им дать то, что они требуют […] Врач может им дать только результат своих исследований, а они имеют своей основой материю. Стало быть, остается причина, и болезнь вернется, ибо все, что есть материя, могло бы исцелить лишь временно.

В других местах ещё читаем:

> Именно благодаря вере в целителя больной находит своё исцеление. Доктор может верит в эффективность лекарств, в то время как они совершенно не нужны тому, у кого есть вера […] Вера — это единственное и универсальное лекарство, она наполняет того, кого хотят защитить, хоть бы он находился за тысячи лье.

Все «операции» (это общепризнанный термин) заканчиваются этой формулой:

> «Люди, у которых есть вера, исцелены, или им стало лучше».

Всё это очень напоминает теории «Христианской науки», основанной в Америке в 1866 г. г-жой Бейкер Эдди; антуанисты, как и «Христианские ученые», имели иногда неприятности с законом из-за того, что позволяли больным умереть, не делая ничего, чтобы оказать им помощь; даже в Жемепе муниципалитет несколько раз отказывал в разрешении на погребение. Неудачи не обескуражили антуанистов и не помешали секте процветать и распространяться, не только в Бельгии, но также и на севере Франции. «Отец Антуан» умер в 1912 г., оставив наследство вдове, которую называли «матерью», и одному из своих учеников, «Брату» Дереньоку-

ру (который сам с тех пор умер); оба к концу 1913 г. прибыли в Париж, чтобы торжественно открыть антуанистский храм, а затем отправились в Монако, чтобы открыть другой храм. В момент, когда разразилась война, «антуанистский культ» собирались официально признать в Бельгии, что должно было иметь следствием содержание его служителей за счёт государства; прошение, поданное по этому делу, было особо поддержано социалистической партией и двумя главами бельгийского масонства, сенаторами Шарлем Магеттой и Гобле д'Альвиэллой. Любопытно отметить, какую поддержку, объясняемую прежде всего политическими причинами, нашёл антуанизм, чьи приверженцы набирались почти исключительно из числа рабочих; с другой стороны, мы приводили в другом месте[309] доказательство симпатии, которую засвидетельствовали в его отношении теософисты, в то время как «ортодоксальные» спириты, кажется, скорее видят в нём элемент беспокойства и разделения. Добавим ещё, что во время войны рассказывали странные вещи об уважительной манере, в которой немцы относились к антуанистским храмам; естественно, члены секты приписывали эти факты посмертной защите «Отца», тем более что тот торжественно заявил:

> «смерть — это жизнь, она не может отдалить меня от вас, и напротив, она не будет в силах помешать приблизиться ко мне всем тем, кто доверяет мне».

Что примечательно в случае Антуана, так это не его карьера «целителя», представляющая больше чем сходство с карьерой зуава Якоба: что у одного, что у другого было почти столько же шарлатанства, и если иногда им удавались настоящие исцеления, то они весьма вероятно были обязаны внушению, нежели чем особым способностям; без сомнения, именно для этого столь необходима была «вера». Большей степени заслуживает внимания то, что Антуан играл роль основателя религии, и он преуспел в этом отношении

[309] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 259-260.

по-настоящему необычайным образом, вопреки ничтожеству своего «учения», представляющего собой только неопределённую смесь спиритических теорий и протестантского «морализма» и к тому же передаваемого на почти невнятном жаргоне. Один из самых характерных отрывков это нечто вроде декалога, озаглавленного «десятью фрагментами в прозе учения, открытого Антуаном Целителем»; хотя и заботятся о том, чтобы предупредить нас о том, что этот текст «в прозе», он построен как «верлибр» некоторых поэтов-«декадентов», и даже можно обнаружить то там, то здесь несколько рифм; это заслуживает труда быть воспроизведённым[310]:

> Бог говорит: *Первый принцип*: Если вы меня любите, вы не будете никого учить этому, поскольку вам известно, что я пребываю только в человеке. Вы не можете свидетельствовать, что существует высшая доброта, в то время как вы изолируете меня от ближнего. *Второй принцип*: Не верьте тому, кто вам говорит обо мне, чьё намерение заключалось бы в вашем обращении. Если вы уважаете всякую веру и того, у кого её нет, вы знаете, несмотря на ваше невежество, больше, чем он мог бы вам сказать. *Третий принцип*: вы не можете никому читать нотацию, что бы свидетельствовало, что вы не делаете добро, потому что морали учат не словом, а примером, и ни в чём не видят зла. *Четвёртый принцип*: Никогда не говорите, что вы подаете милостыню кому-либо, кто кажется вам пребывающем в нужде, это было бы равносильно сказать, что я равнодушен, что я хороший, что я плохой отец, что я, скупец, оставляющий голодным своё чадо. Если вы поступаете по отношению вашему ближнему как настоящий брат, вы подаете милостыню только вам самим, вам следует это знать. потому что ничто не является благом, если нет солидарности, и по отношению к нему вы только выполняли ваш долг. *Пятый принцип*: Всегда стремитесь любить того,

[310] Чтобы избежать красной строки, мы отмечаем купюры в тексте при помощи простых тире.

кого вы называете «вашим врагом»: вам следует знать, что это я помещаю его на вашем пути, но видьте зло скорее в себе, чем в нём: это будет могущественным лекарством. *Шестой принцип*: Когда вы захотите узнать причину ваших страданий, которые вы обоснованно терпите, вы найдете её в несовместимости — ума с совестью, которая устанавливает между ними отношения сравнения. Вы не можете чувствовать малейшего страдания — на которые для вас не следует указывать — ум противоположен совести; — именно об этом не следует указывать — ум противоположен совести; — именно об этом не следует забывать. *Седьмой принцип*: Постарайтесь постигнуть это, так как малейшее страдание обязано вашему — уму, который всегда желает больше обладать; — он делается подножием милосердия, желая, чтобы все было ему подчинено. *Восьмой принцип*: Не позволяйте вашему уму господствовать над вами — который стремится лишь к постоянному росту — больше и больше — он топчет ногами совесть, — утверждая, что именно материя наделяет — добродетелями, в то время как она содержит лишь тяготы — души, которые вы называете «оставленными» — которые действовали только для удовлетворения — своего ума, и сбившего их с пути.*Девятый принцип*: Всё, что вам полезно, для настоящего, как и для будущего, — если вы не сомневаетесь ни в чём, — будет вам дано, сверх того. — Развиваете себя, вспоминайте прошлое, — у вас будут воспоминания — что вам было сказано: «Стучите, и я вам открою. — Я пребываю в знании — тебя […] *Десятый принцип*: Не думайте, что всегда делаете благо — когда оказываете помощь брату, — вы могли бы делать противоположное — препятствовать его развитию. — Знайте, что великое испытание — оно будет вашей наградой, — если вы унижаете его и навязываете ему уважение. — Когда вы хотите действовать, — никогда не опирайтесь на вашу веру, — потому что она может ещё сбить вас с пути; основывайтесь всегда на совести — которая может руководить вами, она не может вас обманывать.

Эти мнимые «откровения» совершенно напоминают спиритические «сообщения», как по стилю, так и по содержа-

нию; конечно, совершенно бесполезно стремиться дать этому логичный комментарий или подробное объяснение; даже нельзя быть вполне уверенным, что «Отец Антуан» всегда сам себя понимал, и его темнота, возможно, является одной из причин его успеха. Что надлежит прежде всего отметить, так это противопоставление, которое он устанавливает между умом и совестью (это последний термин следует, вероятно, понимать в нравственном смысле), и манеру, в которой он намеревается отождествить ум с материей; это порадовало бы приверженцев г-на Бергсона, хотя в таком сближении, в сущности, достаточно мало лестного. Как бы то ни было, достаточно понятно, что антуанизм открыто заявляет о своём неприятии разума и даже разоблачает его как причину всех зол: он представляет демона в человеке, также как совесть представляет в нём Бога; но, благодаря революции, все в конце концов станет на свои места: «Благодаря нашему прогрессу мы снова отыщем в демоне истинного Бога, а в разуме — свет совести». В действительности, зла не существует; что существует, так что это «вид зла», а это означает: разум порождает зло здесь и его видит; единственным символом антуанистского культа является нечто вроде дерева, называемого «деревом познания видимости зла». Вот почему не следует «видеть зло ни в чём», поскольку оно прекращает отныне существование; в особенности, его не следует видеть в поведении своего ближнего, и именно так следует понимать запрет «читать кому-либо нотации», принимая это выражение в его совершенно популярном смысле; очевидно, что Антуан не мог запретить проповедовать мораль, потому что сам он ничего другого почти и не делал. Он добавлял сюда предписания гигиены, что, впрочем, соответствовало его роли «ценителя»; напомним по этому поводу, что антуанисты являются вегетарианцами, как и теософисты и члены прочих разнообразных сект с филантропическими устремлениями; однако их нельзя рассматривать в качестве «зоофилов», так как им строго запрещено содержать у себя животных:

> Нам следует знать, что животное существует лишь с виду; оно только экскременты нашего несовершенства (*sic*) [...] Насколько мы впадаем в заблуждение, привязываясь к животным; это большой грех (на валлонском наречии, на котором он обычно разговаривал, Антуан говорил «сомнение»), потому что животное недостойно обитать там, где живут люди.

Сама материя также существует только с виду, она лишь иллюзия, производимая разумом: «Мы утверждаем, что материя не существует, потому что мы преодолели её воображение»; она также отождествляется со злом: «атом материи для нас — это страдание»; и Антуан доходит до заявлений: «Если материя существует, то Бог не может существовать». Вот как он объясняет сотворение земли:

> Ничто иное, чем индивидуальность Адама создала этот мир (*sic*). Адам был принесен, чтобы образовывать атмосферу и создать своё обиталище, земной шар, таким, как хотел его видеть.

Приведём также несколько афоризмов, касающихся разума:

> Знания не означают «знать», они касаются только материи [...] Разум, рассматриваемый человечеством как самая завидная способность со всех точек зрения, есть только вместилище нашего несовершенства [...] Я открыл вам, что в нас существует две индивидуальности, «я» совестливое и «я» разумное; одно реальное, а другое кажущееся [...] Разум это ничто иное как пучок молекул, который мы называем мозгом [...] По мере того как мы развиваемся, мы разрушаем «я» разумное, чтобы возродить «я» совестливое.

Всё это достаточно бессвязно; единственную вытекающую из этого идею, если только можно назвать это идеей, можно было бы сформулировать так: следует отказаться от разума в пользу совести, то есть сентиментальности. Французские оккультисты в последнее время дошли до почти подобной позиции; хотя у большинства нет оправдания в виде необра-

зованности, но следует заметить, что влияние ещё одного «целителя» сыграло здесь свою роль.

Чтобы быть последовательным, Антуан вынужден был бы ограничиться провозглашением моральных предписаний вроде тех, которые начертаны в его храмах:

> Единственное лекарство может исцелить человечество: вера. Это из веры рождается любовь: любовь, показывающая нам в наших врагов самого Бога. Не любить своих врагов означает не любить Бога, так как лишь любовь, испытываемая нами к нашим врагам, делает нас достойными служить ему; это единственная любовь, побуждающая нас по-настоящему любить, поскольку она чиста и истинна.

В этом, возможно, суть антуанистской морали; в добавок она кажется скорее гибкой:

> Вы свободны, и действуйте, как найдете удобным, тот, кто творит добро, найдет добро. На деле мы до такой степени пользуемся свободой воли, что Бог позволяет нам делать то, что мы хотим.

Но Антуан посчитал своим долгом также сформулировать несколько идей другого порядка, и именно здесь он становится особенно смешон; вот пример этого, взятого из брошюры под заглавием «Сияние совести»:

> Сейчас я скажу вам, как вы должны понимать божественные законы и каким образом они могут действовать нас. Вам известно, что признано: жизнь повсюду; если бы имело свою причину для существования. Вещь, которую я могу ещё утверждать, это то, что любовь существует также повсюду, и также что есть любовь, есть разум и совесть. Любовь, разум и совесть вместе образуют великую тайну, Бога. Чтобы дать вам возможность понять то, чем являются законы, я должен возвратиться к тому, что я уже повторял в отношении флюидов: они существуют также, как и мысли; мы обладаем способностью управлять ими и устанавливать их законы, посредством мысли, в соответствии с нашим желанием действовать. те флюиды, которые мы пере-

даем нашим ближним, они также передают нам. Таковы внутренние законы, именуемые обычно законам Бога. Что касается внешних законов, называемых законами природы, то они инстинкт жизни, проявляющийся в материи, облекающей бесчисленные формы, в соответствии с природой зародыша окружающих флюидов. Таково положение всех вещей, все обладают своим инстинктом, даже парящие в безграничном пространстве звезды управляются соединением флюидов и инстинктивно описывают свою орбиту. Если бы Бог установил законы, чтобы идти к нему, они явились бы путами для нашей свободной воли; будь ли они относительными или абсолютными, эти законы оказались бы обязательными, поскольку мы не могли бы освободиться от них для достижения цели. Но Бог оставляет за каждым способность установить свои законы, согласно необходимости; это ещё одно доказательство его любви. Любой закон должен лишь иметь своей основой совесть. А значит, мы не скажем «законы Бога», но скорее «законы совести». Это откровение происходит от самих основ любви, этой любви, что наполняет всё, которая оказывается, как в недрах звезд, как в глубинах океанов, благоухание которой разносится повсюду, что питает все царства природы и поддерживает равновесие и гармонию во всей вселенной.

На вопрос: «Откуда происходит жизнь?» Антуан затем отвечает:

Жизнь вечна, она повсюду. Также и флюиды существует в бесконечности и вечности. Мы обволакиваемы жизнью и флюидами, как рыба — водой. Флюиды цепляются друг за друга и оказываются все более и более бесплотными; они отличаются по степени любви; повсюду, где существует любовь, есть и жизнь, так как без жизни у любви нет более основания для существования. Достаточно, чтобы два флюида находились в контакте благодаря определённой степени солнечной теплоты, чтобы два их зародыша жизни были склонны вступить в связь. именно таким образом жизнь образует индивидуальность и становится активной.

Если бы автора этих измышлений попросили бы объясняться в чуть более понятной манере, он бы без сомнения ответил этой фразой, которую он повторял по любому поводу: «Вы видите лишь следствие, ищите причину». Не забудем добавить, что Антуан тщательно сохранял от спиритизма Кардека, благодаря которому он дебютировал, не только эту теорию «флюидов», которую, как мы только что видели, выражал в своей манере, но также наряду с идеей прогресса идею реинкарнации:

> Несовершенная душа остается воплощенной до тех пор, пока она не превзойдет своё несовершенство [...] Перед тем как оставить гибнущее тело, душа готовит себе другое для перевоплощения [...] Так называемые дорогие для нас ушедшие существа оказываются таковыми лишь с виду; мы не на миг не перестаём видеть их и общаться с ними. Телесная жизнь — это только иллюзия.

В глазах антуанистов, то, что наиболее важно в «учении» их «Отца», так это «морализаторская» сторона; все остальное только дополнение. Мы располагаем свидетельством этого в пропагандистской газете, носящей это заглавие:

> «Откровение отца Антуана, великого целителя человечества, для того, кто имеет веру»,

которое мы приводим дословно:

> Учение Отца имеет своей основой любовь, он открывает нравственный закон, совесть человечества; он напоминает человеку об обязанностях, которые тот должен выполнять по отношению к своим ближним; будь ли он даже таким отсталым, что не в состоянии это понять, он сможет в контакте с теми, кто его распространяет, проникнуться исходящей от него любовью; это учение наполнит его лучшими побуждениями и породить в нём более благородные чувства. Религия, утверждает Отец, это выражение любви, подчерпнутой в царстве Бога, который побуждает любить всех без разбора. Давайте никогда не упускать из вида нравственный закон, так как лишь благодаря ему мы чувству-

ем необходимость самосовершенствования. Мы не все достигли одинаковой степени интеллектуального и нравственного развития, и Бог всегда помещает слабых на наш путь, чтобы дать нам возможность приблизиться к Нему. Среди нас находятся существа, лишённые всякой способности и нуждающиеся в нашей поддержке, долг обязывает нас прийти им на помощь в той степени, в которой мы верим в доброго и милосердного Бога. Их развитие не позволяет им практиковать религию, учение которой находится выше их понимания, но наша манера действовать в их отношении напомнит им о почтительности, которую они должны испытывать к Богу и побудит их искать наиболее благоприятную среду для своего развития. Если мы хотим привлечь их к себе посредством морали, основывающейся на законах, недоступных для их понимания, мы их возмутим и подорвем их дух, и любое наставление в морали будет для них невыносимым; в конце концов, они не будут более ничего воспринимать; усомнившись таким образом в религии, тогда они обратятся к материализму. Вот причина, по которой наше человечество все время теряет истинную веру в Бога в пользу материи. Отец открыл, что ранее было столь же трудно встретить материалиста, как в наши дня — истинного верующего[311]. Сколь долго мы будем игнорировать нравственный закон, определяющий наше поведение, столь долго мы будем игнорировать нравственный закон, определяющий наше поведение, столь долго мы будем его преступать. Учение Отца подводит рациональную основу под этот нравственный закон, вдохновляющий все сердца, преданные возрождению человечества; оно касается не только тех, кто имеет веру в Бога, но всех людей без различия, верующих и неверующих, на какой ступени они не стояли. Не верьте, что Отец требует установления религии, ограничивающей своих адептов, обязывающей их практиковать свою доктрину, соблюдать определённые обряды, уважать определённую форму, следовать какому-либо мнению, оставить свою ре-

[311] На самом деле, нет нужды для этого в «откровении»; но антуанисты не знают, что материализм возник только в XVIII в.

> лигию, чтобы прийти к Нему. Нет, дело обстоит не так: мы наставляем тех, кто обращается к нам, в том, что мы поняли из учения Отца, и мы увещеваем их искренне практиковать религию, в которую они верят, чтобы они могли обрести нравственные основы в связи с их пониманием. Нам известно, что вера может основываться только на любви; но нам следует всегда стараться любить, а не заставлять себя любить, так это худшее из бедствий. Когда мы наполнимся учением отца, не будет более разногласий между религиями, потому что не будет более равнодушия, и мы все будем любить друг друга, потому что наконец-то поймем закон прогресса, мы будем с одинаковым отношением относиться ко всем религиям и даже к неверию, убеждённые, что никто не смог бы причинить нам малейшее зло, и что, если мы хотим быть полезны нашим ближним, то должны показать им, что мы исповедуем добрую религию, уважая их религию и желая им добра. Тогда мы обретем убеждение, что любовь рождается из веры, которая есть истина; но мы обретем убеждение, что любовь рождается из веры, которая есть истина; но мы будем обладать ей лишь тогда, когда не будем претендовать на это.

И этот документ заканчивается фразой, выделенной жирным шрифтом:

> «Учение Отца — это учение Христа, открытое в эту эпоху посредством веры».

Этим же невероятным отождествлением заканчивается статья, взятая из теософистского органа, которую мы цитировали в другом месте:

> «Отец претендует только на обновление учения Иисуса из Назарета, сделанное слишком материалистическим в нашу эпоху религиями, ссылающимися на эту великую сущность»[312].

Эта претензия столь наглая, что лишь бессознательное состояние может её оправдать; учитывая передаваемое ей со-

стояние духа, царящее среди антуанистов, нет повода сверх меры удивляться, что они дошли до настоящего обожествления своего основателя, и это даже при его жизни; мы нисколько не преувеличиваем, располагая свидетельством этого в виде извлечения из одного из их изданий:

> Сделать из г-на Антуана великого господа не будет ли скорее принизить его? Вы допустите, я предлагаю, что у нас, его адептов, находящихся в курсе его работы, совсем другие мысли в его отношении. Вы толкуете слишком интеллектуально, то есть слишком материально, нашу манеру видения, и судя таким образом без знания причины, вы не можете понять воодушевляющее нас чувство. Но всякий, кто имеет веру в нашего доброго Отца, по достоинству оценит то, чем он является, потому что он смотрит на него с точки зрения нравственности. Мы можем попросить Его обо всем, что мы хотим, и он бескорыстно даёт нам это. Тем не менее мы вольны действовать по собственному усмотрению, совершенно не обращаясь к Нему, так как он испытывает самое большое уважение к свободной воле; он никогда что бы то ни было нам не навязывал. Если мы хотим спросить у него совета, то это потому, что мы убеждены: ему известно все, в чём мы нуждаемся и о чём мы не знаем. Не было бы безгранично предпочтительнее осознать его мощь, прежде чем порочить его манеру действовать в его отношении? Как добрый отец он заботится о нас. Когда, ослабевшие из-за недуга мы приходим к Нему, полные доверия, он помогает нам, нас лечит. Если мы падаем под ударом самых тяжелых нравственных мучений, он поднимает нас и возвращает надежду в наши измученные души. Потеря дорогого существа оставляет в нашем сердце огромную пустоту, его любовь заполняет эту пустоту и наполняет нам о долге. Он обладает самым лучшим бальзамом, истинной любовью, сглаживающей любую трудность, преодолевающей любое препятствие, исцеляющей любую рану, и он расточает её всему человечеству, так как он скорее врач души, нежели чем тела. Нет, мы не хотим строить

[312] *Le Théosophe*, 1 декабря 1913.

> из Антуана Целителя важного барина, мы делаем из него нашего спасителя. Он скорее наш Бог, потому что он хочет быть только нашим служителем.

Но достаточно рассматривать, совершенно лишённую интереса тему; но что ужасно, так это легкость, с которой это безумие распространяются в нашу эпоху: за несколько лет антуанизм собрал тысячи последователей. В сущности, причина этого успеха, как и успеха всех подобных течений, заключается в том, что они соответствуют некоторым тенденциям, присущим современному духу; но именно эти тенденции являются тревожащими, потому что они представляют собой даже отрицание всякой интеллектуальности, и невозможно скрыть, что в наши дни они находят почву. Случай антуанизма, как мы сказали, совершенно типичен; среди многочисленных псевдорелигиозных сект, образовавшихся в течение примерно полувека, есть аналогичные, но особенность этой заключается в том, что она возникла в Европе, в то время как родиной других, тех, которые по крайней мере преуспели, является Америка. Впрочем, есть и такие, что сумели укорениться в Европе и даже во Франции в эти последние годы[313]; налицо ещё один симптом осложнения умственного расстройства, отправную точку которого в некотором роде обозначает появление спиритизма, как в случае антуанизма, проявляющиеся здесь тенденции, конечно, в значительной мере те же самые.

[313] Ср. «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 259.

Глава XIII. Пропаганда спиритов

Мы уже указывали на стремление спиритов заниматься пропагандой своего учения; небесполезно привести свидетельства этого, так как эти тенденции, всегда тесно связанные с озабоченностью «морализаторством», наполняют все их издания. Впрочем, как мы уже говорили, эта позиция намного лучше понятна у спиритов, чем у других «неоспиритуалистических» школ, имеющих претензии на эзотеризм: прозелитизм и эзотеризм явно противоречат друг другу; но спириты, исполненные чисто демократического духа, в этом намного более последовательны. Мы не хотим к этому ещё возвращаться, но следует отметить некоторые особые черты пропаганды спиритов и показать, что эта пропаганда умеет при возможности делаться столь вкрадчивой, как и пропаганда сект более или менее открыто протестантского толка: в сущности, всё это происходит из одной и той же ментальности.

Спириты полагают, что способность вызывать распространение их доктрины является доказательством её истинности; Аллан Кардек даже писал:

> Те, кто говорит, что спиритические верования угрожают захватить мир, даже этим самым провозглашают их могущество, так как идея без основы и лишённая логики не смогла бы стать универсальной; стало быть, если спиритизм укореняется повсюду, если он пополняет ряды своих приверженцев прежде всего за счёт просвещенных классов, так как это признает каждый, то дело в том, что он основывается на истине[314].

Налицо аргумент, дорогой сердцу некоторых современных философов, обращение к мнимому «всеобщему согласию» для доказательства истинности идеи; ничто не может быть более бессодержательным: прежде всего, единодушие, без сомнения, никогда не будет достигнуто, и даже если бы это произошло, не было бы никакого средства это зафиксировать; а значит, на деле это просто равнозначно утверждению, что большинство должно быть право; между тем, в интеллектуальной сфере много шансов на то, чтобы это было как раз наоборот, что чаще всего и имеет место, так как люди посредственного ума, конечно, наиболее многочисленны, и к тому же по любому вопросу некомпетентные люди образуют огромное большинство. Опасаться распространения спиритизма, стало быть, означает признавать за ним никакой другой силы, кроме как силы множества, то есть силы слепой и грубой; чтобы идеи столь легко распространялись, требуется, чтобы они были весьма низкого качества, и если они принимаются, то это не потому, что они обладают малейшей логической силой, а исключительно потому что им придают какой-либо сентиментальный интерес. Что касается утверждения, что спиритизм «пополняет ряды своих приверженцев прежде всего за счёт просвещенных классов», то это, конечно, ложь; правда, следовало бы, собственно говоря, знать, что под этим понимают, и что люди, именуемые «просвещенными», могут быть ими лишь совершенно относительным образом; нет ничего плачевнее, чем результаты полуобразования. Впрочем, мы уже говорили, что даже присоединение к спиритам некоторых ученых, являющихся в большей или меньшей степени «специалистами», в наших глазах не является большим свидетельством истинности спиритизма, потому что в областях, где им не хватает компетентности, они могут оказаться на точно таком же уровне, как и обычный человек; и к тому же это только исключительные случаи, так как умственный уровень по-

[314] *Le livre des Esprits*, стр. 454.

давляющего большинства клиентуры спиритов крайне низок. Конечно, теории спиритизма доступны всем, и есть такие, кто хочет видеть в этой черте признак превосходства; вот, например, то, что мы читаем в статье, на которую прежде ссылались:

> Положите перед рабочим, который не имел счастья получить глубокое образование, главу метафизического трактата о существовании Бога, со всем набором онтологических, физических, моральных, эстетических доказательств[315]. Что он поймет? Ничего. С подобными знаниями он обречен навсегда оставаться во тьме полного неведения [...] Напротив, если ему позволили присутствовать на спиритическом сеансе, если даже ему рассказали о нём, если он читает в журнале то, что там происходит, он сразу поймет без какого-либо затруднения, без необходимости объяснения [...] Благодаря его простоте, позволяющей ему распространяться повсюду, спиритизм соберет многочисленных почитателей [...] Добро будет вечно распространяться, если все поймут истинность спиритической доктрины[316].

Эта простота, которой хвастаются и которую находят восхитительной, со своей стороны мы называем посредственностью и интеллектуальной нищетой; что касается рабочего, которого считают полезным вывести на сцену, за неимением элементарного религиозного образования, от рассмотрения возможности которого осторожно воздерживаются, мы полагаем, что даже полное невежество ещё намного лучше для него, чем заблуждения и бредни спиритизма: тот, кто ничего не знает по какому-либо вопросу, и тот, кто обладает только ложными представлениями, одинаково невежественны, но ситуация первого предпочтительнее по отноше-

---

[315] Всё это, естественно, не имеет ни малейшего отношения к подлинной метафизике; то, что автор называет этим именем, представляет собой банальность университетской психологии, и легко увидеть, до чего доходят у него «углубленные исследования»: учебник бакалавра представляет в его глазах наивысшую мыслимую степень интеллектуальности!

[316] Rapicault J., *Spiritisme et Métaphysique*, в *Le Monde Psychique*, январь 1912.

нию к ситуации второго, даже не говоря об опасностях, присущих случаю, о котором идёт речь.

Спириты в их горячке прозелитизма выдают иногда совершенно ошеломительные претензии. Г-н Леон Дени восклицает:

> Новое откровение проявляется вне и поверх Церквей. Его учение обращено ко всем народам Земли. Повсюду духи провозглашают принципы, на которых оно основывается. Через все области планеты проходит великий глас, напоминающий человеку об идее Бога и будущей жизни[317].

Пусть спириты пойдут проповедуют свои теории восточным людям: они увидят, как их примут! Истина заключается в том, что спиритизм адресован исключительно людям современного Запада, и только среди них он может быть воспринят, потому что он представляет продукт их ментальности, и тенденции, которые он выражает, являются как раз теми, посредством которых эта ментальность отличается от любой другой: изучение «феноменов», вера в прогресс, сентиментализм и филантропическое «морализаторство», отсутствие всякой подлинной интеллектуальности; в этом и заключается вся причина его успеха, и даже именно сама его глупость составляет самую большую его силу (в смысле той грубой силы, о которой мы только что говорили), которая привлекала к нему столь большое количество приверженцев. К тому, же апостолы «нового откровения» особо настаивают на его сентиментальном, «утешительном» и «морализаторском» характере. Г-н Леон Дени пишет:

> Это учение может дать удовлетворение всем, как самым утонченным умам, так и самым скромным, но прежде всего оно обращено к тем, кто страдает, кто гнется под тяжестью задачи или мучительными испытаниями, к тем, кто нуждается в мужественной вере, которая бы поддерживала его на его пути, в его трудах и скорбях. Оно обращено к массе людей. Масса стала недоверчивой по отношению

[317] *Christianisme et Spiritisme*, стр. 277-278.

> к любой догме и любому религиозному верованию, так как она чувствует, что её обманывали на протяжении веков. Однако всегда в ней сохраняется смутное устремление к добру, врожденная потребность в развитии, свободе и свете, которая облегчит явление новой идеи и её несущее возрождение действие[318].

Так называемые «утонченные» умы, которых может удовлетворить спиритизм, в самом деле весьма нередки; но запомним, что именно к массе адресован прежде всего спиритизм, и отметим также попутно эту напыщенную фразеологию: «развитие, свобода, свет», являющуюся общей для всех сект одного и того же рода, которая в некотором роде одно из этих «родимых пятен», о которых мы говорили. Приведём ещё один отрывок этого же самого автора:

> Спиритизм открывает нам нравственный закон, намечает нашу линию поведения, и стремится сблизить людей на основе братства, солидарности и общности взглядов. Он указывает всем на более достойную и более возвышенную цель, чем ту, которую преследовали до сих пор. Он приносит с собой новое понимание молитвы, потребность любить, работать для других, обогащать наш ум и наше сердце [...] Придите утолить жажду из этого небесного источника, вы все, которые страдают, вы все, которые стремятся к истине. Благодаря ему ваши души испытают освежение и возрождение. Питаемые им, вы с большей веселостью будете переносить тяготы существования; вы сможете жить и умирать достойно[319].

Нет, вовсе не к истине стремятся люди, к которым обращены призывы наподобие этого, а к «утешениям», если они находят, что нечто является «утешительным», или если их в этом убеждают, они спешат в это поверить, и их разум не принимает в этом никакого участия; спиритизм эксплуатирует человеческие слабости, извлекает выгоду из того, что

---

[318] Там же, стр. 319-320.

[319] *Après la mort*, стр. 417-420.

они слишком часто обнаруживаются в нашу эпоху, лишённую всякого высшего руководства, и основывает свои завоевания на худшем из всех видов вырождения. В этих условиях мы особо не видим то, что даёт право спиритам делать заявления, чем они так охотно занимаются, против вещей, таких как, например, алкоголизм; ведь также есть люди, находящиеся в пьянстве облегчение или забвение своих страданий; если «моралистов» с их громкими и пустыми фразами о «человеческом достоинстве» возмутит такое сравнение, мы обяжем их провести перепись случаев безумия, вызванных, с одной стороны, алкоголизмом, а с другой, спиритизмом; принимая во внимание общее число алкоголиков и спиритов и устанавливая соотношение, нам как нельзя лучше известно, кого будет больше.

Демократический характер спиритизма подтверждается его пропагандой в рабочих кругах, потому что его «простота» делает его особенно доступной: именно среди рабочих такие секты, как «Фратернизм», привлекают почти всех своих приверженцев, и случай антуанизма также весьма примечателен и в этом отношении. К тому, же, надо полагать, что шахтеры Бельгии и севера Франции составляют более благоприятную почву, чем какая-либо другая; мы приведём ещё по этому поводу рассказ согласно тому, что находим в работе г-на Леона Дена:

> Это ободряющее зрелище видеть каждое воскресенье стекающимися в Жюме (Бельгия) со всех концов бассейна Шарлеруа многочисленные семьи шахтеров-спиритов. Они собираются в огромном зале, где после принятых приготовлений слушают внимательно наставления, которые их невидимые руководители дают им устами дремлющих медиумов. Именно через одного из них, простого рабочего-шахтера, малограмотного, выражающегося обычно на валлонском наречии проявляется дух каноника Ксавьера Муля, священника огромной важности и высокого достоинства, которому мы обязаны распространением магнетизма и спиритизма в шахтерских поселках бассейна.

> Муль после жестоких испытаний и суровых преследований оставил землю, но его дух всегда взирает на его дорогих шахтеров. Каждое воскресенье он вступает в обладание органами своего любимого медиума и, приведя с совершенно священническим красноречием цитаты из священных текстов, он развивает перед ними на чистом французском на протяжении часа избранную тему, говоря по сердцу и по уму своих слушателей, увещевая их следовать долгу и подчиняться божественным законам. Поэтому и впечатление, произносимое на этих добрых людей, велико; так дело обстоит во всех кругах, где спиритизм практикуется серьёзным образом смиренными этого мира[320].

Было бы небесполезно продолжить эту цитату, по поводу которой мы сделаем только простое замечание: известно, насколько яростен антиклерикализм спиритов; но достаточно, чтобы священник более или менее открыто выступал против церковных властей, чтобы спириты стремились чествовать его «огромную важность» и «высокое достоинство» и так далее. Именно таким образом г-н Жан Безья вступился когда-то за аббата Лемира[321]; было бы любопытно исследовать более чем сердечные отношения, которые все главы современных раскольников поддерживали с «неоспиритуалистами» различных школ.

С другой стороны, спириты, как и теософисты, стремятся распространить свою пропаганду даже на детей; без сомнения, как мы это видели, многие среди них не осмеливаются доходить до того, чтобы допускать детей на экспериментальные сеансы, но они изо всех сил стараются вбить им в голову теории, которые в итоге, являются тем, что составляет сам спиритизм. Мы уже упоминали «уроки доброты», учрежденные «фратернистами»; это название бесспорно от-

---

[320] *Christianisme et Spiritisme*, стр. 329-330.

[321] *Le Fraterniste*, 8 мая 1914.

дает протестантским человеколюбием[322]; в органе этой же секты мы читаем ещё следующее:

> Нам известно, что представление о детских секциях сырое, и мы пренебрежительно относились к фратернистскому образованию детей. Дать образование ребенку, как столь часто говорили и писали, это значит подготовить будущего фратерниста. Сам ребенок оказывается превосходным пропагандистом в школе и в своем окружении, он может сделать многое ради нашего дела. А значит, мы можем направить его на этот добрый путь и поощрить его благие наклонности[323].

Сопоставим эти слова с теми, которые были произнесены при других обстоятельствах редактором той же газеты гном Жаном Безья:

> Разве не является нетерпимым видеть в наши дни, как в головы детей вбивают религиозные представления и особенно, что намного более серьёзнее, им навязывают выполнение религиозных обрядов до того, как они целиком осознают то, что они делают, обрядов, о которых они позже будут глубоко сожалеть?[324].

Таким образом, детям не следует давать религиозное образование, но надо давать образование спиритическое: дух конкуренции, воодушевивший эти псевдорелигиозные секты, не может проявиться более очевидным образом. Кроме того, нам известно, что есть спириты, которые, несмотря на советы, которые им дают, побуждают участвовать детей в их опытах и, не удовлетворяясь этим, доходят даже до того, что развивают у них медиумичность и особенно «ясновидение»; понятно без труда, какие могут быть последствия у подоб-

---

[322] Мы упоминали в другой работе («Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 230) «Лиги доброты» явно протестантского толка, которые протестанты горячо поддерживают.

[323] *Le Fraterniste*, 19 июня 1914 (речь делегата группы *Anzin* на общем собрании фратернистов 21 мая 1914).

[324] Там же, 27 марта 1914 (лекция, прочитанная в Саломине 15 марта 1914 г.).

ных практик. Впрочем, «школы медиумов» даже для взрослых составляют настоящую опасность для общества; эти учреждения, действующие зачастую под прикрытием «исследовательских обществ», не столь редки, как можно было бы полагать, и поскольку спиритизм продолжает распространять свои опустошения, нас побуждают видеть в этом отношении мало внушающие доверия перспективы. Леон Дени:

> Практическая организация спиритизма в будущем будет включать создание специальных убежищ, где медиумы, встретившись, найдут наряду с материальными средствами существования удовольствия для ума и сердца, будут черпать вдохновение в искусстве и природе, всё то, что может придать их способностям характер чистоты и возвышенности, создавая вокруг них атмосферу мира и доверия[325].

Нам как нельзя лучше известно то, что спириты понимают под «чистотой» и «возвышенностью», и эти «специальные убежища» весьма рискуют стать убежищами сумасшедших; к несчастью, их обитатели не будут оставаться там заключенными на неопределенный срок, и рано или поздно отправятся распространять вовне своё в высшей степени заразное безумие. Такие предприятия по коллективному сходу с ума уже осуществлены в Америке[326] и с недавних пор существуют в Германии; во Франции были ещё только попытки более скромных размеров, но это также произойдет, если не следить тщательно.

Мы говорили, что спириты эксплуатирует все виды страданий и извлекает из них выгоду, чтобы приобрести приверженцев для своих доктрин; это верно даже для физических страданий, благодаря подвигам «целителей»: особенно фратернисты полагают, что «исцеления являются мощным

---

[325] *Dans l'invisible*, стр. 59.

[326] Мы имеем в виду не только Соединенные Штаты, но также и Бразилию, где «школа медиумов» была основана в 1902 г.

средством пропаганды»[327]. Известно, как это может происходить: больной, не зная больше, к кому обратиться, найдет «целителя»-спирита; состояние духа, в котором он тогда находится, естественно, предрасположит его без сопротивления воспринять «учение», за что его не забудут вознаградить и которые при необходимости представят ему как способное облегчить его исцеление. На деле, на процессе в Бетюне, о котором мы говорили, было заявлено следующее:

> «Хотя это и значительно облегчает исцеление, поскольку даёт им понимание их механизма, больные не обязаны подписываться на газету «Фратернист»[328];

но, если их не вынуждают к этому, можно, по крайней мере, дать им совет, и к тому же устная пропаганда ещё более эффективна. Если никакого улучшения не происходит, больного побудят прийти вновь, и удается убедить его, что если дело обстоит таким образом, то это потому что у него нет «веры»; возможно, обращение произойдет благодаря простому желанию исцеления, и это случится ещё более наверняка, если он испытает малейшее облегчение, которое, как ему верно или нет покажется, следует приписать действиям «целителя». Публикуя известия о случившихся исцелениях (всё-таки бывают некоторые, тем более что контроль малотребователен), привлекают других больных, и даже среди людей, обладающих хорошим здоровьем, находятся такие, кого впечатляют подобные рассказы, и кто, достаточно иметь ему уже некоторую симпатию к спиритизму, полагает, что нашёл в этом доказательство его истинности. Налицо следствие странной путаницы: предположение, что человек обладает столь бесспорными и столь могущественными способностями «целителя», сколь захотят, не имеет никакой связи с идеями, которые исповедуют этот человек, и объяснение, может быть совершенно ошибочным; чтобы быть вынужденным останавливаться на столь очевидных вещах,

---

[327] *Le Fraterniste*, 22 мая 1914.

[328] Там же, 23 января 1914.

нужна странная ментальность нашей эпохи, которая, будучи направленной исключительно вовне, хотела бы отыскать в чувственно воспринимаемых явлениях критерий всякой истины.

Но то, что привлекает больше всего людей к спиритизму, так это боль, вызванная потерей родственника или друга: насколько можно таким образом соблазнить идеей, что они смогут общаться с умершими? Мы напомним уже упомянутые случаи двух личностей столь различных, сколь это возможно, во всех прочих отношениях, сэра Оливера Лоджа и «Отца Антуана»: именно после потери сына один и другой стали спиритами; несмотря на внешние различия, сентиментальность, стало быть, являлась доминирующей чертой как у ученого, так и у невежды, каковой она является у огромного большинства современных западных людей. Впрочем, неспособность отдавать себе отчёт в нелепости теории спиритизма в достаточной мере свидетельствует, что интеллектуальность учёного представляет собой лишь псевдоинтеллектуальность; мы извиняемся за то, что столь часто возвращаемся к этой теме, но эта настойчивость необходима, чтобы противодействовать научному суеверию. Теперь пусть не хвастаются нам благими результатами мнимого общения с умершими: прежде всего, мы отказываемся признавать, что любое заблуждение само по себе предпочтительнее истины; затем, если это заблуждение рассеяно, он рискует лишь оставить у некоторых место для настоящего разочарования; наконец, до того как возник спиритизм, сентиментальные устремления находили удовлетворение в надежде, происходящей из религиозных представлений, и в этом отношении не было никакой нужды воображать что-либо другое. Идея вступить в контакт с умершими, особенно посредством методов, используемых спиритами, никоим образом не относится к человеческой натуре; она может прийти только в голову тем, кто подвержен влиянию спиритизма, чьи приверженцы не упускают случая вести в этом смысле посредством просвещения и слова самую на-

глую пропаганду. Самый типичный пример особой изобретательности, которую демонстрируют спириты, это учреждение этих бюро общения, куда каждый может обратится, чтобы получить новости от умерших, которыми он интересуется: мы говорили о бюро «Виноградарей Господа», которое явилось отправной точкой для антуанистского движения, но есть и другое намного более известное, действовавшее в Лондоне на протяжении трёх лет под вывеской «Бюро Джулия». Основатели этого последнего был английский журналист У.Т. Стед, бывший редактор *Pall Mall Gazette* и *Review of Reviews*, впоследствии погибший при крушении «Титаника» в 1912 г.; но, согласно ему, идея создать это бюро происходила от «духа» под названием Джулия. Вот сведения, которые мы находим в печатном органе, называющим себя «психическим», но в сущности являющимся прежде всего спиритическим:

> Джулия являлось именем мисс Джулии А. Эм; она участвовала в редакции *Union Signal* (Чикаго), органе *Women's Christian Temperance Union*, обществе христианской (то есть протестантской) и женской трезвости. Родившаяся в Иллинойе в 1861 г., Джулия была чистокровной англоамериканкой. В 1890 г. в ходе путешествия в Европу она повидала г-на Стеда; они стали превосходными друзьями. Осенью следующего года она вернулась в Америку, заболела в Бостоне и умерла в больнице этого города. Как многие другие благочестивые души, мисс Эм заключила соглашение со своей лучшей подругой, которой была для неё сестра на протяжении ряда лет. Было условлено, что она возвратится с того света и явится, чтобы представить доказательство загробной жизни души после смерти и возможности для умерших общаться с живыми. Многие приняли это обязательство, но не многие его сдержали; мисс Эм, по мнению г-на Стеда, была в числе этих последних[329]. Как раз спустя

[329] Напомним по этому поводу аналогичное обещание, данное Уильямом Джеймсом; что касается самого Стеда, едва только он погиб, различные медиумы начали получать его «сообщения» (*Le Monde Psychique*, июнь 1912).

малое время после смерти мисс Эм личность по имени «Джулия» предложила открыть «Бюро по общению» между этим миром, где мы находимся, и другим [...] В течение двенадцати лет и более г-н Стед оказывается совершенно не в силах осуществить это предложение[330]. Кажется, что это прежде всего «послания» его умершего сына подтолкнули его наконец-то открыть «Бюро Джулия» при содействии нескольких личностей, среди которых мы упомянем только теософиста Роберта Кинга, в настоящее время возглавляющего шотландскую ветвь «Старокатолической церкви»[331]. Мы позаимствовали из другого спиритического органа несколько этих подробностей, показывающих чисто протестантский характер церемониала, которым были сопровождаемы сеансы: После расстановок, которые Джулия сама проделала, каждый по очереди совершал «службу», заключавшуюся вначале в молитвах, за которым следовало чтение протокола дежурства, а затем запросов, адресованных Бюро, которые стекались со всех концов Земли. После одной или двух недель работы Джулия попросила, чтобы за молитвой за началом сеансов последовало короткое чтение Библии. Г-н Стед читал несколько параграфов из Ветхого и Нового Завета. Другие черпали вдохновение в сообщениях от Джулии или Стейнтона Мозеса[332], а третьи — от Фенелона и иных авторов [...] Утренние сеансы ограничивались исключительно маленьким кругом, образующим Бюро. Посторонних туда не допускали, за исключением очень редких случаев. Целью являлось формирование кружка, который, как объясняла это Джулия, состоя из группы личностей, симпатизирующих друг другу и избранных ей самой, станет очагом, чья психическая сила все время увеличивалась бы. Как говорила она, он образует чашу вдохновения (*sic*), чистый свет, вибрирующий сре-

---

330 *Le Monde Psychique*, февраль 1912.

331 «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 237-238.

332 Мы уже говорили в другом месте о преподобном Стейнтоне Мозесе, известном также под псевдонимом М.А. Оксон, и его отношениях с основателями Теософского общества.

ди семи лучей (намёк на семь человек, которые его составляли), которые формировали мистические объединения[333].

И вот ещё кое-что другое, что весьма показательно в отношении псевдорелигиозного характера этих явлений:

> В своих письмах Джулия советует использовать Четки, но Четки осовремененные. Вот что она под этим понимает. Запишите имена всех тех, умерших и живых, с которыми вы состояли в отношениях. Каждое из этих имён представляет зерно Четок. Каждый день обходите всех, посылая каждому из имён добрую мысль. Это излучение распространило бы мощное течение симпатии и любви, подобное божественной сущности человечества, пульсациям жизни, мысли, наполненной любовью, и ангелу Господа, приносящему душам благословение[334].

Теперь снова обратимся к тому, что следует затем в нашей первой цитате:

> Г-н Стед заявляет, что Джулия сама принялась руководить действиями изо дня в день: именно она будет незримым руководителем Бюро […] Любой, кто потеряет друга или любимого родственника, сможет обратиться в Бюро, которое ему даст только знать, в каких условиях может быть предпринята попытка общения. В случае одобрения будет получено согласие руководства (Джулии). В этом согласии будет отказано всем, кто приходит вовсе не для того, чтобы услышать любимые и ушедшие существа. По этому вопросу Джулия объясняется очень положительно […] Бюро Джулии, как она сама никогда не перестаёт повторять, должно ограничиться своей собственной сферой, то есть сводить дорогих друг другу людей, после того как перемена, вызванная смертью, разделила их.

И приводятся объяснения, данные Джулией, по поводу цели её учреждения:

---

[333] *Écho de la Doctrine spirite* (орган Ассоциации мистических исследований), ноябрь 1916.

[334] Там же, январь-февраль 1917.

> Целью Бюро, — утверждает она, — является прийти на помощь тем, кто хочет снова встретиться после перемены, которую называют смертью. Это разновидность почтового отделения для невостребованных писем, где разбирают корреспонденцию, снова осматривая её, чтобы распределить. Там, где нет ни дружеских, ни любовных сообщений, нет повода обращаться в Бюро. Уполномоченного служащего, занятого этой работой, можно сравнить с добрым полицейским, прилагающим все силы, чтобы отыскать потерявшегося в толпе ребенка и вернуть его плачущей матери. Как только он сделал это, его задача выполнена. По правде говоря, будут постоянные искушения пойти далее и превратить Бюро в центр исследования загробного мира. Но поддаться этому искушению могло бы быть только преждевременным. Я нисколько не возражаю против этих исследований. Это совершенно естественное, необходимое и одно из самых важных последствий вашей работы. Но Бюро, мое Бюро, не должно обременять себя этим. Оно должно ограничится своей первой обязанностью, заключающейся в том, чтобы перебросить мост, восстановить разорванные связи, установить общение между теми, кто его лишён[335].

Налицо исключительно сентиментальный и «пиетистский» спиритизм; но разве так легко провести отчетливую грань между ним и спиритизмом, имеющим претензии на «научность», или как говорят некоторые, между «спиритизмом-религией» и «спиритизмом-наукой», при том, что второй является зачастую простой маской первого? В начале 1912 г. «Институт психических исследований»; руководимый г-дами Лефраном и Ланселеном, чей орган предоставил нам самую большую часть предыдущих указаний, захотел учредить в Париже «Бюро Джулия» (это станет общим наименованием), но организованное на более научной базе, чем бюро в Лондоне; для этого сделали «окончательный выбор методов идентификации духов», среди которых фигури-

[335] *Le Monde Psychique*, февраль 1912. Ср. *L 'Initiation*, октябрь 1909 и март 1910.

ровали, на первом месте, «цифровая антропометрия частичной материализации умершего»; и доходили даже до того, чтобы дать образец карточки с данными о личности человека, с данными, предназначенными для фотографий и для отпечатков «духов»[336]; разве спириты, которые хотят играть в ученых, не являются по меньшей мере столь же нелепыми, как и другие? Одновременно открыли школу медиумов, имеющих своими целями: 1. наставлять и направлять в практической деятельности медиумов обоих полов; 2. развивать особые способности наиболее одаренных субъектов с целью помочь исследованию по идентификации духов «Бюро Джулии» в Париже, и добавляют:

> Каждый субъект получит необходимые теоретические и практические наставления по развитию своей особой медиумичности. Субъекты будут собираться два раза в неделю в определённые часы для своего развития. Эти курсы бесплатны»[337].

Это было по-настоящему одно из этих предприятий по коллективному сумасшествию, о котором мы говорили выше; мы не думаем, что оно имело большой успех, но следует сказать, что в ту пору спиритизм во Франции не имел такого значения, которое он приобрел в эти последние годы»[338].

Эти последние факты требуют некоторых комментариев: в действительности, нет двух спиритизмов, есть только один, но этот спиритизм имеет два аспекта, один псевдорелигиозный, а другой — псевдонаучный, и в соответствии с темпераментом людей, к которым будут обращаться, могут отдавать предпочтение одному или другому. В англосаксонских странах псевдорелигиозная сторона, кажется, более развита, чем где-либо ещё, в латинских странах кажется

---

[336] *Le Monde Psychique*, март 1912.

[337] Там же, февраль 1912.

[338] У Папюса с его стороны также была идея создать другое «Бюро Джулия», но ему не удалось это осуществить.

иногда, что в большей степени преуспевает псевдонаучная сторона; впрочем, это верно лишь общим образом; и ловкость спиритов заключается прежде всего в том, чтобы адаптировать свою пропаганду для различных кругов, которые они хотят затронуть; впрочем, каждый стремится таким образом самовыражаться в соответствии со своими личными предпочтениями; и различия намного более кажущиеся, чем реальные; все сводится, в итоге, к вопросу о целесообразности. Именно таким образом некоторые спириты могут при случае маскироваться под психистов, и мы не думаем, что следует видеть иное в этом «Институте психических исследований», чьи махинации мы проследили; поддержке этой тактики способствовало то, что ученые, которые пришли в спиритизм, начали с психизма; стало быть, этот последний способен составить средство пропаганды, которое удобно эксплуатировать. С нашей стороны это не простые предположения: в качестве свидетельства в поддержку нашего мнения мы располагаем советами, адресованными спиритам г-ном Альбером Жуне; он является оккультистом, но невероятно «эклектичным», в 1910 г. создавшим «Спиритуалистический альянс», в котором он мечтал объединить все «неоспиритуалистические» школы без исключения[339]. В этом же самом 1910 г. г-н Жуне присутствовал на Международном спиритическом конгрессе в Брюсселе, где произнес речь, из которой мы берём следующее:

> За неимением организации спиритизм не обладает тем влиянием на мир, которое заслуживает […] Эта организация, которая отсутствует, давайте попытаемся её создать. Она должна быть теоретической и социальной. Нужно, чтобы истины спиритизма объединялись и представлялись таким образом, чтобы стать более доступными для восприятия. Нужно, чтобы сами спириты объединялись и представляли себя так, чтобы стать неодолимыми в гла-

[339] Ранее у г-на П.Е. Айде (Поля Нора) была уже идея «Универсалистского эклектического общества», которое в действительности почти не существовало и в конце концов слилось с «Фратернизмом».

зах человечества [...] Я признаю, что для спиритов является горьким и унизительным видеть, что открытые и проповедуемые спиритизмом истины официальные круги и буржуазная публика воспринимают лишь тогда, когда их повторяет психисты. Однако, если бы спириты восприняли это унижение, это обеспечило бы их возвышение. Это явное отступление вызвало бы триумф. Но тогда, вы негодуете, следует поменять название, перестать быть спиритами, замаскироваться в психистов, оставить наших учителей, тех, которые в начале движения страдали и делали открытия? Вовсе не это я советую вам. Скромность — это вовсе не малодушие. Я никоим образом не призываю вас изменить название. Я не говорю вам: «Оставьте спиритизм ради психизма». Речь идёт не о замене, но о порядке представления. Я говорю вам: «Представляйте психизм перед спиритизмом», вы выдержали самую тяжелую борьбу. Теперь лишь следует закончить завоевание. Я советую вам высылать вперед, чтобы поскорее его закончить, некоторых жителей страны, примкнувших к вам, но которые говорят на языке страны. Уловка очень проста и носит первостепенную важность. В пропаганде и в полемике, в дискуссиях с неверующими и оппонентами, вместо заявлений, что с давних пор спириты учат такой-то истине и что сегодня наконец ученые-психисты её подтверждают, заявляйте, что ученые-психисты свидетельствуют в пользу такой-то истины, и показывайте лишь впоследствии, что с давних пор спириты извлекли её и проповедовали. Стало быть, формула, определяющая деятельность теоретической организации, это: сначала психизм, а затем спиритизм.

Вникнув в подробности «порядка представления», который он предлагал для разных классов феноменов, оратор продолжал в следующих словах:

Такая организация была бы способна придать экспериментальной загробной жизни (*sic*) всю интенсивность захвата, которую столь страстная уверенность должна была бы иметь, и столь значимые последствия. Распределенные по классам и открытые таким образом, спиритические исти-

> ны однажды бы пробили толстую стену предрассудков, сопротивление старых ментальностей. Это будет колоссальная трансформация человеческого мышления. Крупнейшие исторические перевороты, поглощение одних народов другими, миграция рас, появление религий, титаническое наводнение свобод, покажутся мелочью рядом с этим овладением душою людьми (*sic*). К теоретической организации добавится социальная, ибо, так же как и спиритические истины, крайне необходимо классифицировать и объединить самих спиритов. И ещё раз я повторю формулу: психизм вначале, спиритизм затем. Создайте Всемирную федерацию спиритов. Я целиком одобряю это дело. Но я бы хотел, чтобы в федерации спиритов была бы секция психистов, куда сначала можно было бы вступить. Она послужила бы передней. Не ошибитесь в отношении моего проекта. Название самого общества не поменялось бы. Оно осталось бы федерацией спиритов. Но была бы и секция психистов, одновременно дополнительная и предварительная. Я полагаю, что в социальной сфере не менее чем в теоретической эта диспозиция поспособствовала бы победе. Аналогичный порядок повторился бы у национальных обществ или федераций, являющихся членами Всемирной федерации спиритов[340].

Мы оценим всю важность этого текста, являющегося единственным, как нам известно, в котором так открыто осмелились превозносить подобную «уловку» (слово самого г-на Жуне); налицо тактика, которую необходимо разоблачить, так как она далека от того, чтобы быть безобидной, и она позволяет спиритам подчинять себе всех тех, без того чтобы они это замечали, кого привлекательность феноменов сближает с ними и кто побоялся бы однако называть сам себя спиритом: не идя им ни на какие действительные уступки, сделают так, чтобы их не спугнуть, а затем постараются незаметно привлечь их к «делу», как принято говорить в этих кругах. Что делает попытки этого рода особенно опасными,

---

[340] *L 'Alliance Spiritualiste*, ноябрь 1910.

так это влияние «научного» духа в нашу эпоху: именно к этому духу намереваются обращаться; в этой же самой речи, которой горячо аплодировали все участники Конгресса, г-н Жуне ещё сказал:

> Провозглашение бессмертия в этих условиях (то есть как следствие деятельности психистов) представляет собой революционный шаг, один из мощных переворотов, вызывающих изменение пути рода людского. Почему? Потому что здесь бессмертие души устанавливается не благодаря вере или абстрактным размышлениям, но благодаря опыту и наблюдению, науке. И благодаря науке, которой занимаются не спириты, а профессиональные ученые [...] Мы можем крикнуть неверующим: «Вы не хотите веры, вы не хотите абстрактной философии. Вот строго научный опыт и наблюдение». И мы можем им ещё крикнуть: «Вы не хотите спиритов. Вот ученые». Неверующим будет очень сложно ответить. Деятельность Майера и его школы («Общества психических исследований» (Лондон)) это бессмертие, входящее в сердце того, что существует самого современного в современном мире, в самое позитивистское из позитивистского. Это душа, укоренившаяся в методологии официальной науки и научном мире. Это спиритизм побеждающий и наставляющий, даже вне спиритизма. Признайте, что это неплохая тактика представлять вначале психизм.

Мы видели то, что надлежит думать о мнимом экспериментальном доказательстве бессмертия, но неверующих, о которых говорит г-н Жуне, вовсе не трудно убедить; достаточно призвать «науку» и «опыт», чтобы им «будет очень сложно ответить»! Спиритизм, пожинающий плоды позитивизма, вот то, что Огюст Конт, конечно, не предвидел; и однако, после всего, достаточно увидеть «целителей» и других медиумов, образующих духовенство «религии человечества» [...] Мы повторим здесь то, что уже говорили: психизму, если его верно понимать, следовало бы быть совершенно независимым от спиритизма; но спириты извлекают выгоду

из устремлений, объединяющих их с некоторыми психистами, и также из путаницы, которая в ходу среди широкой общественности. Мы желаем, чтобы серьёзные психисты поняли наконец весь вред, который им приносит такое сближение, и чтобы они отыскали средство для действенного реагирования: для этого им недостаточно возражать, что они не являются спиритами, надо, чтобы они осознали нелепость спиритизма и набрались смелости заявить об этом. Пусть не говорят нам, что в этом отношении следует соблюдать мнимую научную беспристрастность: колебаться отвергнуть гипотезу, когда обладаешь уверенностью в том, что она ложная, это позиция, в которой нет ничего научного в подлинном смысле этого слова: во многих других обстоятельствах учёным случается отбрасывать или отрицать теории, которые, однако, являются по крайней мере вероятными, в то время как гипотеза спиритов не принадлежит к числу таковых; нейтральная позиция по отношению к определённым заблуждениям очень близка к соучастию; и если они ни в коей мере не намерены солидаризоваться со спиритами, это было бы честнее, чем они признают спиритизм, даже привнося сюда все оговорки, которые им понравятся; знали бы по крайней мере, с кем имеют дело. Как бы то ни было, что до нас, мы достаточно охотно примирились с дискредитацией, постигшей психические исследования, так как их популяризация, вероятно, более опасна, чем полезна; и если есть те, кто хочет поставить их на более твердую основу, то пусть они тщательно берегутся от любого бесцеремонного вмешательства спиритов или оккультистов, пусть они не доверяют им во всех отношениях и отыскивают более адекватные методы экспериментирования, чем методы врачей и физиков; но те, кто обладает надлежащей квалификацией, для того, чтобы по-настоящему знать, что они делают в такой области, не особо многочисленны, и вообще феномены интересуют их лишь в умеренной форме.

Именно когда они обращаются к сентиментальным доводам, спириты в своей пропаганде лучше всего демонстриру-

ют свои сущностные устремления; но, поскольку они претендуют, что их теории основываются на феноменах, два указанные нами аспекта, вместо того чтобы противоречить друг другу, оказываются в действительности взаимодополняющими. Впрочем, изучение феноменов и сентиментализм вполне сочетаются, и в этом нет ничего удивительного, так как сфера чувственно воспринимаемого и сентиментальная сфера очень близки друг к другу; на современном Западе они объединяются, чтобы подавить любую интеллектуальность. Одной из излюбленных тем собственно сентиментальной пропаганды это концепция реинкарнации: тем, кто подчёркивает, что она помогает некоторым людям покорно вынести несчастье, мы могли бы ответить, повторяя почти всё то, что говорили только что в отношении мнимых благ общения с «ушедшими», и мы отсылаем их к тому же к главе, где рассказывали о некоторых нелепостях, которым даёт повод эта идея, пугающая ещё больше людей, чем их утешающая. В любом случае, один только факт, что настаивают прежде всего на том, чтобы вбивать эти теории в голову «тем, кто страдает», свидетельствует, что речь вполне идёт о подлинной эксплуатации человеческих слабостей: кажется, рассчитывают на состояние духовного или умственного упадка, чтобы побудить к их принятию, и это, конечно, не для их блага. В наши дни теория реинкарнации оказывается той, которую, кажется, более всего хотят распространять среди толпы, и чтобы добиться этого, все средства хороши; обращаются к уловкам литературы, и эта идея излагается нынче в произведениях некоторых романистов. Результат заключается в том, что многие люди, считающие себя весьма далёкими от спиритизма и «неоспиритуализма», тем не менее заражены исходящими из этих кругов нелепостями; эта непрямая пропаганда, возможно, является самой зловредной из всех, потому что она обеспечивает самое большое распространение теорий, о которых идёт речь, представляя их в приемлемой и соблазнительной форме, и потому что она почти не вызывает недоверия у широких слоев

общественности, которые не интересуются сутью вещей, что они видят, имеется весь «подземный мир», чьи ответвления распространяются во все стороны, перепутываясь тысячью разнообразных способов.

Всё это может помочь пониманию того, что число приверженцев спиритизма увеличивается по-настоящему ужасающим образом; и ещё к его приверженцам в собственном смысле этого слова необходимо добавить всех тех, кто подвергается более или менее непрямому его влиянию и внушению, и всех тех, кто устремляется сюда в неощутимых степенях, начав первый шаг с психизма или иным образом. Было бы очень трудно установить статистику, даже для одних только признанных спиритов; множественность групп, не говоря об одиночках, является главным препятствием, мешающим хоть немного точной оценке. В 1886 г. д-р Жибье написал уже, «что не считает преувеличенным утверждение, что в Париже насчитывается около ста тысяч спиритов»[341]; в то же самое время г-жа Блаватская оценивала количество спиритов во всем мире в двадцать миллионов[342], и только Соединенные Штаты должны были насчитывать более половины от этого числа, так как Руссел Уоллес говорил об одиннадцати миллионах для этой страны. Эти цифры должны были ныне существенно вырасти; Франция, где спиритизм был гораздо менее распространён, чем в Америке и в Англии, может быть, является страной, где он больше всего отыскал благоприятную почву в эти последние годы, благодаря состоянию беспокойства и общей смуты, вызванной войной; к тому же, кажется, что почти то же самое можно говорить о Германии. Опасность день ото дня становится все более угрожающей; чтобы не видеть это, надо быть совершенно слепым и ничего не знать о духовной атмосфере нашей эпохи, или скорее самому находиться под внушением, там больше неисправимым образом, чем менее догады-

[341] *Le Spiritisme*, стр. 35.

[342] Письмо Соловьеву за февраль 1886 г.

ваться об этом. Чтобы исправить подобное положение вещей, мы почти не верим в действенность вмешательства органов государственной власти, допуская, что они хотят в это влезть, то, что многие случаи соучастия и тайной симпатии делают весьма сомнительным; такое вмешательство могло бы затронуть только некоторые внешние проявления, и оно бы не оказало воздействия на состояние духа, которое и является подлинной причиной популярности спиритизма; скорее, каждому необходимо реагировать самому и по мере своих средств, как только он поймет необходимость этого.

Глава XIV. Опасности спиритизма

Мы уже указывали достаточно, по мере того как нам представлялся случай, на многочисленные опасности, которые несёт с собой спиритизм, и мы могли бы посчитать возможным не возвращаться к этому особо, если бы не хотели отметить некоторые свидетельства и признания. И прежде всего, заметим, что существуют даже чисто физические опасности, которые, хоть они и не самые серьёзные и самые обычные, тем не менее всё-таки не являются не заслуживающими внимания; в качестве доказательства мы приведём этот факт, о котором рассказал д-р Жибье:

> Трое *джентльменов* с целью удостовериться, являются ли верными некоторые утверждения спиритов, заперлись однажды вечером без света в комнате заброшенного дома, не без того, чтобы связать себя торжественным обещанием быть совершенно серьёзными и добросовестными. Комната была совершенно без обстановки, и намеренно они поместили туда только три стула и стол, вокруг которого они расположились. Было условлено, что как только произошло бы что-либо необычное, первый бы дал свет, зажег спичками свечи, которыми каждый запасся. Они неподвижно пребывали в молчании некоторое время, прислушиваясь к малейшим шорохам, к легчайшим содроганиям стола, на которой они поместили свои переплетенные руки. Не послышался ни один звук; стоял глубокий мрак, и возможно, трое неподготовленных вызывателей духов устали бы и потеряли бы терпение, когда внезапно пронзительный крик беды нарушил безмолвие ночи. тотчас же случился ужасный грохот, и град метательных снарядов принялся сыпаться в изобилии на стол, на пол и на людей. Наполненный страхом один из присутствующих зажёг свечу так, как было условлено, и когда свет рассеял мрак, двое

> из них увидели, что они одни, и с ужасом обнаружили, что их приятель отсутствует; его стул лежал опрокинутым в дальнем конце комнаты. Как только первый миг беспокойства минул, они нашли его на столе, бездыханным и с окровавленными лицом и головой. Что же случилось? Было установлено, что мраморный колпак камина вначале вышел из пазов и затем упал на голову несчастного и распался на тысячу частей. Жертва этого несчастного случая оставалась почти десять дней без сознания, между жизнью и смертью и только медленно приходит в себя после ужасного сотрясения мозга, которое она получила[343].

Папюс, который воспроизводит этот рассказ, признавал, что занятия спиритизмом через истерию ведут к неврастении», что «эти опыты тем более опасны, чем более мы бессознательны и безоружны», и что «ничто не препятствует одержимости, нервному истощению и самым тяжелым несчастным случаям», и добавляет:

> Мы лично располагаем набором очень поучительных писем от несчастных медиумов, со всей силой предававшихся экспериментированию, и которые ныне в опасной степени одержимы существами, представляющимися им под ложными именам, выдавая себя за умерших родственников[344].

Элифас Леви уже указал на эти опасности и предупредил, что те, кто занимается этими исследованиями, даже из простого любопытства, рискуют сойти с ума или умереть[345]; и оккультист папюсовской школы, Морис Декре, также написал:

> Опасность несомненна; некоторые сошли с ума в ужасных условиях, желая продвинуть слишком далеко свои опыты [...] Рискуешь не только своим здравым смыслом, но всем своим рассудком, своим здоровьем, жизнью и иногда даже

---

343 *Analyse des choses*, стр. 185.

344 *Traité élémentaire de Magie pratique*, стр. 505-507.

345 *La clef des grands mystères*.

> своей честью [...] Склон скользкий: от одного феномена переходят к другому и вскоре не в состоянии более остановиться. Это не без основания когда-то Церковь запрещала всякую дьявольщину[346]

Также спирит Барт говорил:

> Также не забывайте, что благодаря этим сообщениям мы попадем под прямое влияние неизвестных сущностей, среди которых есть столь хитрые, столь испорченные, что невозможно им слишком доверять [...] Мы располагали несколькими примерами серьёзных заболеваний, мозговых расстройств, внезапных смертей, вызванных лживыми откровениями, которые стали истинными лишь благодаря слабости и легковерию тех, кому они были сделаны[347].

По поводу этой последней цитаты нам следует привлечь внимание к особой опасности предсказаний, содержавшихся в некоторых «сообщениях» и действующих подобно настоящему внушению на тех, кто является их объектом; впрочем, эта опасность существует также для тех, кто вне спиритизма обращается к «искусству гадания»; но этими практиками, сколь бы подозрительными они ни были, нельзя заниматься столь постоянным образом, как и практиками спиритов, и таким образом они несут меньше риска стать жертвой идеи-фикс и одержимости. Есть несчастные, более многочисленные, чем можно было бы считать, которые не предприняли бы ничего, не посоветовавшись со своим столиком, и это даже в отношении самых малозначимых вещей, чтобы узнать, какая лошадь выиграет на скачках, какой номер выпадет в лотерею и так далее[348]. Если предсказания не сбываются, «дух» всегда находит оправдание; все должно было произойти именно как он говорил, но вмешалось одно или

---

[346] *La Main et ses mystères*, т. II, стр. 174.

[347] *Le livre des Esprits*, цит. в книге: Méric E., *L 'autre vie*, т. II, стр. 425.

[348] Г-н Леон Дени признает эти факты и возражает против таких «злоупотреблений», вызывающих то, что он называет «мистификациями загробного мира» (*Dans l'invisible*, стр. 410).

другое обстоятельство, которое невозможно было предвидеть, и все изменило; доверие несчастных людей нисколько от этого не страдает, и они начинают заново до тех пор, пока они не находят себя в конце концов разорившимися, ввергнутыми в нищету или доведенными до нечестных средств, которые «дух» не упустит случая им внушить; и всё это заканчивается обычно полным сумасшествием или самоубийством. Иногда случается ещё, что вещи усложняются иным образом, и что жертвы, вместо того, чтобы консультироваться сами у мнимого «духа», которым они могут быть слепо управляемы, обращаются к медиуму, который будет сильно искушаем использовать их легковерие; сам Данглас Хоум сообщает о примечательном примере этого, произошедшем в Женеве, и он пересказывает содержание беседы, состоявшейся 5 октября 1876 г. с бедной женщиной, чей муж сошел с ума вследствие этих событий:

> Это в 1853 г. достаточно странная новость пришла, чтобы отвлечь нас от наших обычных занятий. Речь шла о нескольких молодых девушках, которые у нашего общего друга развили необычную способность быть пишущими медиумами. Как говорили, отец также обладал даром вступать в контакт с духами посредством стола [...] Я побывала на одном сеансе, и так как всё то, что там произошло, показалось мне внушающим доверие, я взяла своего мужа туда с собой [...] А значит, мы пришли к медиуму, который сказал нам, что дух Бога говорит через его стол [...] Я побывала на одном сеансе, и так как всё то, что там произошло, показалось мне внушающим доверие, я взяла своего мужа туда с собой [...] А значит, мы пришли к медиуму, который сказал нам, что дух Бога говорит через его стол [...] Стол в конце концов заявил нам, что нам следует без промедления поселить у себя медиума и его семью и разделить с ними средства, которыми Бог нас в изобилии наделил. Сообщения, сделанные через стол, как предполагается, шли прямо от нашего Спасителя Иисуса Христа. Я сказала моему мужу: «Дадим им поскорее сумму денег; их вкусы и наши отличаются, и я не смогу жить счастливо с ними».

Тогда мой муж возразил мне: «Жизнь Того, кого мы чтим, была жизнью, наполненной самоотречением, и нам следует стремиться подражать ему во всех отношениях. Преодолей свои предрассудки, и эта жертва докажет Господу твою добрую волю, с которой ты должна ему служить». Я согласилась, и семья из семи человек добавилась в нашем доме. Вскоре для нас началась жизнь, полная безрассудных трат. Деньги бросали в мусор. Стол категорично требовал от нас купить другую повозку, четырёх других лошадей, а затем пароход. У нас было девять слуг. Картины стали украшать дом сверху донизу. Несколько раз меняли меблировку, и каждый раз мебель была более роскошной. Это с целью как можно более достойно принять Того, кто пришел повидать нас и принять внимание людей со стороны. Все, что от нас требовали, мы исполняли. Это стоили дорого, что мы держали открытый стол. Мало-помалу убеждённые люди прибывали в большом количестве, в большинстве своем молоды люди обоих полов, которым стол предписывал жениться, что они тогда делали за наш счёт, и если паре случалось иметь детей, их доверяли нам на воспитание. У нас было до одиннадцати детей дома. Медиум в свою очередь женился, и количество членов его семьи возрастало, и поэтому вскоре за столом мы насчитывали тридцать человек. Это продолжалось три или четыре года. Наши средства были уже почти исчерпаны. Тогда стол сказал нам отправляться в Париж и что наш Господь позаботится о нас. Мы послушались. Едва только прибыв в огромную столицу, мой муж получил приказ играть на бирже. Он потерял там немногое, что у нас оставалось. На этот раз это была нищета, беспросветная нищета, но у нас всегда была вера. Мы жили я не знаю, как. на протяжении многих дней я обходилась без пищи многих дней я обходилась без пищи, если не считать корки хлеба и стакана воды. Я забыла сказать, что в Женеве нам было приказано причащать верующих. Между тем иногда число причастников и причастниц доходило до четырёхсот. Монах из Аргау оставил свой монастырь, где он был настоятелем, и отрекся от католичества, чтобы присоединиться к нам. Таким образом,

> мы не были одиноки в нашем ослеплении. Наконец, мы смогли оставить Париж и вернуться в Женеву. Только тогда мы поняли весь масштаб нашего несчастья. Те, с кем мы делили наш хлеб, оказались первыми, кто показал нам спину.

И Хоум добавляет нечто вроде комментария:

> Вот человек, который за столом записывает серию кощунств долго достаточно для того, чтобы ввергнуть набожную и честную семью в чудаческий бред, из которого она вырвется лишь тогда, когда будет разорена. И даже тогда, когда они разорены, эти несчастные люди тем не менее не перестают быть менее слепыми. Что касается того, кто стал причиной их разорения, он не единственный, кого я встречал. Эти странные существа, наполовину лицемеры, наполовину фанатики, встречающиеся во все времена, не переставая ввергать в заблуждение других людей, в конце концов всерьёз принимают свою заимствованную роль и становятся более фанатичными, чем люди, которых они обманывают[349].

Без сомнения, скажут, что подобные несчастья могут приключиться только со слабыми людьми, и что те, кого спиритизм сводит с ума, должны иметь к этому предрасположенность; до определённого момента это может быть верным, но в более нормальных условиях эти предрасположенности никогда бы не смогли получить развития; люди, которые сходят с ума в результате какого-либо несчастного случая, также имели такие предрасположенности, и однако, если бы это несчастный случай не произошёл, они бы не потеряли рассудок; стало быть, это не является приемлемым оправданием. Впрочем, люди, которые достаточно вполне уравновешены, чтобы быть уверенными, что им нечего бояться ни при каких обстоятельствах, возможно, не очень многочисленны; мы даже бы охотнее сказали, что ни у кого нет такой уверенности, если только не быть защищенным от опре-

[349] *Les Lumières et les Ombres du Spiritualisme*, стр. 103-110.

делённых опасностей теоретическим знанием, делающим невозможным любое заблуждение и любое умственное головокружение; и как раз не у экспериментаторов встречается обычно такое знание. Мы говорили об ученых, которых психические опыты вынудили принять более или менее полностью спиритические теории, то, что в наших глазах является признаком наличия у них частичного психического расстройства; один из них, Ломброзо, заявил друзьям после сеанса Евзапии Паладино:

> «Теперь надо, чтобы я не ходил сюда, поскольку я чувствую, что сойду с ума; мне нужен отдых»[350].

Д-р Лаппони, приводя это значимое признание, обоснованно замечает, что

> чудесные феномены, когда они наблюдаются неподготовленными людьми в качестве сюрприза, могут иметь своим результатом расстройство нервной системы, даже у достаточно здоровых субъектов[351].

Тот же самый автор пишет ещё следующее:

> Спиритизм представляет для общества и для индивида все опасности, также как и все неприятные последствия гипнотизма; и он представляет ещё тысячи других более плачевных [...] У индивидов, выполняющих роль медиума, и у тех, кто присутствует при их действиях, спиритизм вызывает либо одержимость, либо болезненное возбуждение умственных способностей; он приводит к самым тяжелым неврозам, самым тяжелым органическим невропатиям. Общепризнанный факт, что большинство знаменитых медиумов и доброе число тех, кто прилежно занимался спиритическими практиками, умерли сумасшедшими или одолеваемыми тяжелыми нервными расстройствами. Но кроме этих опасностей и этих зол, являющихся общими для гипнотизма и спиритизма, последний представляет

---

350 *Oszervatore Cattolico*, 23-24 сентября 1892.

351 *L'Hypnotisme et le Spititualisme*, стр. 209.

> и другие, бесконечно более неприятные [...] И пусть не говорят, что спиритизм может, по крайней мере, представить какие-либо преимущества, такие, что он помогает выявлению и лечению определённых болезней. Истина заключается в том, что если иногда указания, полученные таким образом, оказывались верными и действительными, почти всегда, напротив, они лишь ухудшали состояние больных. Спириты говорят нам, что это вызвано вмешательством духов шутов или обманщиков; но как могли бы мы быть ограждены от вмешательства и действий этих зловредных духов? А стало быть, спиритизм на практике никогда не может быть оправдан под каким бы то ни было предлогом[352].

С другой стороны, бывший член «Общества психических исследований» (Лондон) г-н Дж. Годфри Руперт, после экспериментирования на протяжении долгих лет, заявил, что

> впечатление, оставленное этими исследованиями, это чувство отвращения, и опыт обязывает его предостеречь спиритов, в особенности тех, кто просит у существ из другого мира утешения, советов или даже каких-либо сведений. Эти опыты, утверждает он, заканчиваются тем, что некоторые люди отправляются в санатории или дома умалишённых. Однако, несмотря на огромную опасность для страны, ничего не предпринимается, чтобы остановить пропаганду спиритов. Возможно, они и вдохновляются возвышенными мотивами и научными идеалами, но, в конце концов, они вводят мужчин и женщин в состояние пассивности, открывающее тайные врата души для злых духов; так как эти духи живут за счёт этих мужчин и женщин со слабой душой, они подталкивают их к пороку, к сумасшествию, к нравственной смерти[353].

Вместо того, чтобы говорить о «духах», как это делает г-н Руперт, (который, кажется, впрочем, не верит, что речь идёт

---

[352] Там же, стр. 270-272. Этот автор неверно полагает, что спиритизм тождественен магии (там же, стр. 256-257), мы уже указывали, насколько в действительности он от неё отличен.

о «развоплощённых»), мы говорили бы просто о «влияниях», не уточняя их происхождение, потому что оно может быть очень разнообразным, и, в любом случае, в этих влияниях нет ничего «духовного»; но это нисколько не изменяет ужасные последствия, на которые он указывает, и которые как нельзя реальны.

Мы уже приводили в другом месте свидетельство г-жи Блаватской и других лидеров теософистов, особо разоблачающих опасности медиумичности[354]; однако воспроизведем ещё здесь этот отрывок из г-жи Блаватской, который мы тогда изложили вкратце:

> Все ваши лучшие и наиболее сильные медиумы страдали болезнями телесными и душевными. Вспомните печальный конец Чарлза Фостера, который умер буйнопомешанным в сумасшедшем доме; Слэйда, страдающего эпилепсией; Эглинтона, — лучшего на сегодня медиума в Англии, — который подвержен той же болезни. Взгляните на жизнь Д. Д. Хоума, человека, разум которого погряз в желчности и горечи, который ни одного доброго слова не сказал о ком-либо, кого он подозревал в обладании психическими силами, и порочил всех прочих медиумов вплоть до своего плачевного конца. Этот Кальвин от спиритуализма в течение многих лет страдал от ужасной болезни позвоночника, полученной им в результате общения с «духами», и умер совершенной развалиной. Вспомните ещё о печальной судьбе бедного Вашингтона Ирвинга Бишопа. Я знала его в Нью-Йорке, когда ему было ещё четырнадцать, и он несомненно был медиумом. Верно, что этот бедный парень объявил поход против своих «духов» и окрестил их «бессознательной деятельностью мышц» — к великому торжеству всех корпораций высокоучёных дураков от науки и пополнению своего собственного кармана. Но — о мёртвых либо хорошо, либо ничего — его конец был печальным. Он стоически скрывал свои эпилептиче-

[353] *Daily Chronicle*, 15 ноября 1913.

[354] «Теософизм: история одной псевдорелигии», стр. 127-129.

ские припадки — первый и самый сильный симптом настоящего медиумизма — и кто знает, был он мёртв или в трансе, когда производилось посмертное вскрытие. Его родственники настаивали, что он был жив, если верить телеграммам агентства *Reuters*. Наконец, посмотрите на медиумов-ветеранов, основателей и двигателей современного спиритуализма — сестёр Фокс. После более чем сорока лет общения с «ангелами», последние сделали их неизлечимыми пьяницами, которые в публичных лекциях отрекаются от труда и философии всей своей жизни, объявляя это шарлатанством. Что же это за духи должны быть, чтобы подтолкнуть их к этому, спрашиваю я вас? [...] А какой бы вы сделали вывод, если бы узнали, что лучшие ученики одной из школ пения сорвали голос от перенапряжения горла? Что их метод плох, не так ли? Я думаю, что вывод этот столь же справедлив и в отношении спиритуализма, раз мы видим, что лучших его медиумов постигает такая судьба[355].

Но ещё более того: видные спириты сами признают эти опасности, не переставая стремиться их смягчить и объясняя их естественно на свой манер. А именно вот что утверждает г-н Леон Дени:

Низшие духи, неспособные к возвышенным устремлениям, находят удовольствие в нашей атмосфере. Они вмешиваются в нашу жизнь, и озабоченные исключительно тем, что занимало их мысли на протяжении их телесного существования, они участвуют в удовольствиях или в деятельности людей, с которыми они чувствовали общность, по сходству характера или привычек. Иногда даже они господствуют и подчиняют слабых людей, которые не в силах сопротивляться их влиянию. В некоторых случаях их влияние достигает такой степени, что они могут толкать свои жертвы даже на преступления или ввергать в сумасше-

[355] «Ключ к теософии», стр. 272-274 французского перевода.

ствие. Эти случаи одержимости являются более распространёнными, чем думают[356].

В другой работе того же самого автора читаем следующее:

> Медиум это существо нервное, чувствительное, впечатлительное; [...] продолжительное флюидическое воздействие низших духов может быть для него неблагоприятным, разрушить его здоровье, вызывая феномены одержимости [...] Эти случаи многочисленны; некоторые доходят до безумия [...] Медиум Филиппе Рандоне, сообщает «Медианита» (Рим) оказался мишенью злых проделок духа, обозначаемого именем *uomo fui*, пытавшегося несколько раз ночью похоронить его под грудой мебели, которую он, забавляясь, переносил на его кровать. Посреди сеанса он яростно схватил Рандоне и швырнул его на землю, грозя его убить. До сих пор не смогли избавить медиума от этого опасного гостя[357]. Зато журнал *Luz y Union* (Барселона, декабрь 1902г.) сообщает, что несчастная мать семейства, подталкиваемая к преступлению против своего мужа и детей, подверженная вспышкам ярости, против которых обычные средства оставались бессильными, за два месяца была исцелена вследствие эвокации и обращения духа-одержителя посредством убеждения и молитвы[358].

Это истолкование исцеления скорее забавно; нам известно, что спириты любят произносить перед так называемыми «низшими духами» «нравоучительные» речи, но это по-настоящему «проповедь в пустыне», и мы нисколько не думаем, что это может обладать малейшей действенностью; на деле, одержимости иногда прекращаются сами по себе, но случается, что толчки к совершению преступлений, как те, о которых только что шла речь, обладают непрерывным действием. Также иногда за подлинную одержимость при-

---

[356] *Après la mort*, стр. 239.

[357] Перепечатано в *Spiritualisme Moderne*, апрель 1903.

[358] *Dans l'invisible*, стр. 382-384.

нимают то, что оказывается лишь самовнушением; в этом случае его возможно побороть при помощи противоположного внушения, и эту роль могут выполнять адресованные «духу» увещевания, который в таком случае лишь совпадает с «подсознанием» своей жертвы; вероятно, именно это должно было произойти в последнем описываемом случае, если только здесь не имело место просто совпадение, а не причинно-следственная связь между лечением и исцелением. Как бы то ни было, невероятно, что люди, принимающие реальность и серьёзность этих опасностей, осмеливаются ещё советовать спиритические практики, и надо быть по-настоящему легкомысленным, чтобы утверждать, что «нравственность» составляет оружие, достаточное, чтобы оградить себя от любого несчастного случая этого рода, что почти равносильно тому, чтобы приписывать ей способность защитить от молнии или обеспечить иммунитет от эпидемий; истина заключается в том, что спириты не имеют в своем распоряжении совершенно никакого средства защиты, а иначе и не может быть, так как они ничего не знают о природе сил, с которыми они имеют дело.

Могло бы быть, если не очень интересно, то, по меньшей мере, полезно собрать случаи безумия, одержимости и несчастных случаев всех видов, причиной которых являлись спиритические практики; без сомнения, было бы не слишком трудно получить большое количество всерьёз проверенных свидетельств, и как мы только что видели, сами спиритические издания могли бы предоставить их набор; такое собрание произвело бы на многих людей оздоровляющее действие. Но это не то, что мы здесь намеревались: если мы упомянули некоторые факты, то исключительно как примеры, и заметим, что мы в большинстве случаев отдавали предпочтение среди авторов-спиритов или, по крайней мере, родственных спиритизму, тем, которых нельзя обвинить в пристрастии или преувеличении в неодобрительном смысле. К этим цитатам мы могли бы, без сомнения, добавить много других такого же рода; но это было бы достаточ-

но монотонным, так как всё это походит друг на друга, и данные нами цитаты кажутся нам достаточными. Резюмируя, скажем, что опасности спиритизма бывают нескольких типов, и их можно было бы разделить на физические, психические и интеллектуальные; к физическим опасностям относятся несчастные случаи, как тот, о котором сообщает д-р Жибье и также более частым и обычным образом болезни, вызванные и развившиеся у медиумов прежде всего и иногда у некоторых присутствующих на их сеансах. Эти болезни, затрагивающие главным образом нервную систему, чаще всего сопровождаются психическими расстройствами; женщины, кажется, к ним предрасположены в большей степени, но было бы заблуждением полагать, что мужчины им не подвержены; впрочем, чтобы установить точную пропорцию, следует учитывать факт, что женщины намного больше представлены в большинстве спиритических кругов. Психические опасности не могут быть целиком отделены от физических, но они кажутся намного более постоянными и ещё более серьёзными; напомним здесь ещё раз об одержимостях различного характера, идеях-фикс, побуждениях к совершению преступлений, разделении и изменении сознания и памяти, маниях, сумасшествии со всеми его степенями; если бы захотели составить полный список, в нём были бы представлены почти все известные разновидности сумасшедших, не считая некоторых других, которыми пренебрегают, и это случаи одержимости в собственном смысле этого слова, то есть соответствующие тому, что есть самого мерзкого в спиритических явлениях. В итоге, всё это просто стремится к распаду человеческой индивидуальности и иногда достигает этого; здесь различные формы душевных расстройств оказываются лишь предварительными этапами или фазами, и какими плачевными они бы уже ни были, никогда нельзя быть уверенным, что дело не пойдет ещё дальше; впрочем, это большей частью, если не полностью, ускользает от внимания врачей и психологов. Наконец, интеллектуальные опасности являются следствием

того, что теории спиритизма составляют во всех моментах, на которые они ссылаются, совершенное заблуждение, и они не затрагивают, как другие, одних экспериментаторов; мы уже указывали на распространение этих заблуждений через прямую или косвенную пропаганду среди людей, которые вовсе не занимаются практическим спиритизмом и могут даже считать себя очень далёкими от спиритизма; стало быть, эти интеллектуальные опасности являются наиболее распространенными. Впрочем, именно на этой стороне вопроса мы больше всего останавливались на всем протяжении нашего исследования; что мы хотели прежде всего показать, так это ложность спиритического учения, и по нашему мнению, именно потому что оно ложное, с ним следует бороться. На деле, здесь также могут иметься и истины, которые было бы опасно распространять, но если бы такая вещь и произошла, даже эта опасность не могла бы нам помешать признать, что они суть истины; впрочем, этого почти не следует бояться, так как вещи этого рода принадлежат к числу тех, которые почти не поддаются популяризации. Здесь речь идёт, конечно, об истинах, обладающих практическими следствиями, и не чисто теоретического порядка, где в итоге никогда не рискуешь другими неудобствами, чем являющимися следствием непонимания, жертвой которого неизбежно становятся, так как выражают идеи, превышающие уровень общей ментальности, неудобствами, о которых было бы неправильно сверх меры беспокоиться. Но, возвращаясь к спиритизму, скажем, что его специфические опасности, с добавлением сюда его природы заблуждения, делают только более неотложной необходимость борьбы с ним; само по себе это второстепенное соображение, но тем не менее это довод своевременности, которой в нынешних обстоятельствах не следует считать не заслуживающим внимания.

Заключение

Некоторые, возможно, будут искушаемы упрекнуть нас в том, что мы слишком серьёзно обсуждали теории, являющиеся, в сущности, несерьёзными; по правде говоря, мы сами несколько лет назад мы немного придерживались этого мнения, и мы, конечно, в ту пору колебались, браться ли за работу этого рода. Однако обстановка изменилась, она значительно ухудшилась; это факт, который невозможно скрывать и который побуждает нас к размышлению: если спиритизм день ото дня все более распространяется, если он угрожает привести к подлинному отравлению общественной ментальности, следует решиться принять его во внимание и бороться с ним другими средствами, чем если бы он был заблуждением немногих отдельных и не пользующихся влиянием личностей. Конечно, это глупость, но ужасно, что эта глупость получила необычайно широкое распространение, а это свидетельствует, что она соответствует достаточно общим тенденциям, и вот почему мы сказали, что не следует пренебрегать темой своевременности: поскольку невозможно атаковать все заблуждения без исключения, так как им нет числа, лучше оставить в стороне те, которые относительно безобидны и не имеют никакого шанса на успех; но спиритизм, к несчастью, не принадлежит к числу таковых. Это как нельзя легче, конечно, посмеяться над «вращателями столов» и «кукловодами духов», над благоразумными людьми, за свой счёт устраивающими все эти чудачества (и мы указывали на некоторые при случае), разоблачать мошенничества лжемедиумов, описывать нелепых персонажей, встречающихся в спиритических кругах; но всего этого недостаточно, нужно другое оружие, чем смех, и к тому же здесь речь идёт и о вещи, которая слишком вредоносна, что-

бы быть откровенно комичной, хотя она и является таковой во многих отношениях.

Скажут ещё, что изложенные нами аргументы слишком трудны для понимания, что они обладают недостатками, будучи не доступны всем; в определённой степени это может быть правдой, и однако мы старались столь ясно излагать материал, сколь это возможно; но мы не принадлежим к числу тех, кто считает, что полезно скрывать некоторые трудности или упрощать вещи в ущерб истине. Мы полагаем к тому же, что не следует ничего преувеличивать, что было бы неверно позволять себе отвергать некоторые доказательства из-за того, что они кажутся сухими, и что каждый может понять их в достаточной мере, чтобы убедиться в ложности спиритизма; в сущности, всё это проще, чем может показаться на первый взгляд тем, у кого нет к этому привычки. Впрочем, по любому вопросу невозможно требовать, чтобы все было одинаково понятно для всех без исключения, потому что между людьми неизбежно существует разница в интеллектуальном развитии; те, кто понимает лишь частично, стало быть вынуждаемы в добавок полагаться на компетентность тех, кто понимает больше. Это ни в коем случае не обращение к «авторитету», потому что речь идёт лишь о том, чтобы восполнить естественную нехватку, и мы желаем, чтобы каждый старался пойти сам столь далеко, сколь это возможно для него; это лишь констатация неравенства, против которой нечего возразить, и которая не проявляется исключительно в том, что касается сферы метафизики.

В любом случае, заканчивая, мы хотим ещё раз сказать, что лишь вставая на метафизическую точку зрения, можно совершенно установить ложность спиритизма; нет никакого другого средства доказать, что эти теории нелепы, то есть они представляют лишь невозможность. Все прочее это лишь приближения, это лишь более или менее правдоподобные доводы, но они никогда не оказываются ни строгими, ни полностью достаточными, и они всегда могут дать

повод для дискуссии; и напротив, на метафизическом уровне понимание неизбежно тут же влечёт согласие и уверенность. Когда мы говорим о приближениях. мы не имеем в виду мнимые сентиментальные аргументы, которые суть ничто; и мы не можем понять, что некоторые противники спиритизма упорно развивают такие банальности; они, поступая таким образом, рискуют прежде всего подтвердить, что у них столь же почти полностью отсутствуют подлинная интеллектуальность, как и у тех, с кем они хотят бороться. Мы хотим поговорить о научных и философских аргументах; если среди них есть обладающие какой-либо ценностью, то она очень относительна, и ничто из всего это не может заменить окончательного опровержения; следует обращаться к вещам более высокого уровня. А значит, мы можем утверждать, не опасаясь какого-либо опровержения, что мы сделали не только нечто иное, но намного больше, чем всё то, что было сделано до сих пор в этом же смысле; и нам тем более легче сказать об этом, что заслуга в итоге нисколько не принадлежит лично нам, но доктрине, которой мы вдохновляемся, доктрине, с точки зрения которой индивидуальности не принимаются в расчёт; и напротив, что следует приписать лишь нам, так это несовершенства нашего изложения, поскольку они, конечно, имеют место, несмотря на всю тщательность нашей работы.

С другой стороны, опровержение спиритизма, помимо пользы, которые оно представляет само по себе, позволило нам, как мы заявили вначале, высказать определённые важные истины; метафизические истины, прежде всего, даже когда они изложены по поводу заблуждения, или чтобы ответить на возражения, тем не менее обладают в высшей степени положительным значением. Конечно, мы бы в высшей степени предпочли с нашей стороны ограничится просто изложением истины, не беспокоясь о заблуждении и даже не смущаясь всеми дополнительными сложностями, которые порождает одно только непонимание, но в этом отношении ещё следует принимать во внимание благоприятную

возможность. Впрочем, в отношении результатов это может иметь некоторые преимущества; на деле, даже факт, что истина излагается по случаю того или иного второстепенного дела, может привлечь к ней внимание людей вовсе не лишённых способности к её пониманию, но, которых, не занимаясь специальными исследованиями, возможно, ошибочно полагают, что она недоступна их пониманию, и у которых не возникло бы намерения искать её в трактатах чересчур дидактического характера. Мы никогда не будем останавливаться долго на этом моменте, поскольку истинная метафизика не является уделом «специалистов» и собственно интеллектуальное понимание не имеет ничего общего с чисто «книжным» знанием, ибо оно совершенно отличается от эрудиции и даже от обычной науки. То, что мы называли в других местах «интеллектуальной элитой»[359], нисколько не кажется нам должной состоять из учёных и философов, и мы полагаем даже, что очень немногие среди них обладали бы качествами, требуемыми, чтобы войти в её состав; для этого необходимо быть намного более чуждым предрассудков, чем они обычно являются, и часто больше возможностей у невежды, который может обучаться и развиваться, чем с тем, кого определённые умственные привычки сделали неисправными калекой.

Кроме истин метафизического порядка, с самого начала служащих нашему опровержению, мы также указывали на некоторые другие, а именно по поводу объяснения феноменов; в наших глазах они выступают лишь второстепенными, однако представляют определенный интерес. Мы надеемся, что не остановятся на кажущейся странности некоторых из этих размышлений, на которых должны спотыкаться лишь те, кто воодушевляем самым жалким духом системы, и это ни к ним мы обращаемся, так как это было бы напрасным трудом; впрочем, мы опасались бы скорее, чтобы этим вещам не придавали чрезмерную важность, будь ли то даже

[359] См. заключение к нашей книге: «Общее введение в изучение индусских учений».

по причине их необычного характера, будь ли то прежде всего потому что они относятся к области феноменов; в любом случае, нам не следует упрекать себя в пренебрежении в этом отношении мерами предосторожности и предупреждениями, и мы убеждены, что не сказали ничего больше, чем строго требовалось для рассеивания путаницы и непонимания и избегания ложных интерпретаций. Даже помимо накрадывающихся на определённые моменты оговорок мы были намерены рассматривать полностью все темы, к которым мы были вынуждены приступить; есть вопросы, возможность нового обращения к которым нам может представиться позже; есть также такие, пути исследования которых наши указания, возможно, откроют другим, не подозревавшим о них. Единственная вещь, которую мы не можем поощрять, это экспериментирование, чьи результаты никогда не обладают такой ценностью, чтобы компенсировать определённые неудобства, во многих случаях даже определённые опасности; однако, если есть люди, желающие во что бы то ни стало заниматься экспериментированием, это всё же предпочтительно, конечно, чтобы они это делали на серьёзной основе, нежели чем исходя из нелепых или по крайней мере ошибочных данных; но, ещё раз, мы убеждены, что в изложенном нами нет ничего, из чего можно извлечь пользу, чтобы броситься в более или менее неприятные авантюры, и мы полагаем, что, напротив, было бы скорее возможно отвратить от этого неосторожных людей, заставляя их предусмотреть всё то, что им не хватает, чтобы преуспеть в таких предприятиях.

Мы добавим только последнее замечание: история спиритизма, на наш взгляд, составляет лишь эпизод значительного умственного искажения, присущего современному Западу; а значит, чтобы понять его целиком, следовало бы поместить его в этот набор, часть которого он составляет; но очевидно, что для этого нужно углубиться намного дальше, чтобы понять истоки и причины этого искажения, а затем проследить его развитие с многочисленными перипетиями. Это

огромная работа, которая никогда не была проделана ни в одной из своих частей; история в той форме, как он преподается официально, ограничивается внешними событиями, выступающими лишь следствиями нечто более глубоко, которые она тогда же излагает тенденциозным образом, где явно обнаруживается влияние всех современных предрассудков. Есть даже больше чем это: имеет место настоящий захват исторических исследований в пользу определённых корыстных интересов, одновременно политических и религиозных; мы хотели бы, чтобы кто-либо особенно компетентный имел мужество, опираясь на доказательства, разоблачить уловки, посредством которых историки протестанты сумели обеспечить себя монополией на факт, и им удалось навязать, как нечто вроде внушения, свою манеру видения и свои выводы даже самим католическим кругам; это было бы очень поучительной работой, и оказало бы значительные услуги. Эта фальсификация истории кажется совершенной согласно намеченному плану; но, если дело обстоит таким образом, поскольку она по сути своей имеет своей целью выдать за «прогресс» перед общественным мнением искажение, о котором мы говорили, все, вероятно, указывает на то, что сама эта фальсификация должна быть продуктом деятельности направляющей воли. Мы не хотим, в данный момент, по крайней мере, быть более категоричными в этом отношении; в любом случае, речь могла бы идти лишь о коллективной воле, так как здесь есть нечто, явно выходящее за пределы поля деятельности индивидов, рассматриваемых каждый по отдельности; и даже это выражение «коллективная воля» рассматриваемых каждый по отдельности; и даже это выражение «коллективная воля» представляет собой лишь более или менее неполное представление. Как бы то ни было, если мы не верим в случайность, то вполне вынуждаемы признать существование чего-то, что было равнозначным установленному плану каким-либо образом, но которое, впрочем, очевидно, не имело бы нужды когда-либо быть изложенном в каком-либо докумен-

те; разве страх перед определёнными открытиями этого порядка не является одной из причин, по которым из чрезмерного пристрастия к письменным документам сделали исключительную основу «исторического метода»? Из-за этого все сущностное важное неизбежно ускользает от исследователей, а тем, кто желает идти дальше, тотчас же возражает, что это более не «научно», а это избавляет от любой другой дискуссии; это только злоупотребление учёностью, чтобы сузить «интеллектуальный горизонт» человека и помешать ясно взирать на определённые вещи; разве это не помогает понять, почему методы, превращающие научность в самоцель, жестко навязываются университетскими авторитетами? Но вернёмся к рассматриваемому нами вопросу: если план в любой форме принят, следовало бы посмотреть, каким образом каждый эксперимент может способствовать его поведению в жизнь, и как те или иные личности могли ради этого служить сознательными или неосознанными орудиями; здесь следует вспомнить, что мы говорили по поводу происхождения спиритизма, что мы не можем представить самопроизвольное возникновение движений какой-либо важности. В действительности, вещи ещё более сложны, чем мы только что указали: вместо единой воли следовало бы рассматривать несколько воль, также, как и их следствий; здесь следовало бы даже установить особую динамику, чьи законы были бы очень необычны. Мы говорим это лишь для того, чтобы показать, насколько истина далека от того, чтобы быть всем известной или даже просто подозреваемой, в этой сфере, как и во многих других; в итоге, почти всю историю следовало бы переделать на совершенно другой основе, но, к несчастью, слишком много интересов задействовано в игре, чтобы те, кто пожелал попадаться, не одолели бы страшное сопротивление. Это не может быть нашей задачей, так как эта сфера не является собственно нашей; мы лишь можем, в том, что нас касается, дать в этом отношении указания и обзоры, и к тому же, такая работа могла бы быть лишь коллективной. В любом случае, здесь

весь порядок исследований, который, по нашему мнению, гораздо более интересен и полезен, чем психическое экспериментирование; это, очевидно, требует способностей, которых ни у кого нет, однако мы желаем думать, что есть, по крайней мере, некоторые, кто ими обладает, и кто мог бы наилучшим образом направить свою деятельность в эту сторону. Когда ощутимый результат в этом смысле был бы отныне сделаны невозможными; возможно, это одно из средств, которые помогут возвратить спустя более или менее отдалённое время западную ментальность на нормальный путь, от которого она так сильно уклонилась несколько веков назад.